
К. И. ПРОХЛАТОВ

В ОГНЕ
ПЕРЕДОВЫХ
ЛИНИЙ

Константин Иванович
ПРОВАЛОВ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
К. И. ПРОВАЛОВ

*В ОГНЕ
ПЕРЕДОВЫХ
ЛИНИЙ*

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1984

Литературная записка
Е. П. Исакова

Провалов К. И.

П78 В огне передовых линий.— М.: Воениздат, 1981.— 351 с., 10 л. ил.— (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 60 к.

Автор в годы Великой Отечественной войны командовал дивизией и корпусами, ранее, в 1938 году, сражался у озера Хасан. В книге он рассказывает об участии 383-й стрелковой дивизии и 16-го стрелкового корпуса в освобождении от гитлеровских захватчиков Северного Кавказа, Крыма, Севастополя, о мужестве и героизме советских воинов, о встречах с видными советскими военачальниками и политработниками.

Книга рассчитана на массового читателя.

П 11202-031 56.81.1304010000.
068(02)-81

ББК 63.3(2)722

9(с)27

© Воениздат, 1981

ИЗ ШАХТ — В БОЕВОЙ СТРОЙ!

Э тот день — 22 августа 1941 года — с утра был ненастным, и мы боялись, что опять не улетим. Накануне целые сутки проторчали на аэродроме, но погоды так и не дождались. Неужели сегодня тоже не получится?.. Видать, недаром говорят в народе: догонять да ждаться — хуже нет. Испытал это на себе. Представим ситуацию: уже второй месяц идет жестокая война; нашими войсками оставлен Минск; выступил по радио Сталин, от имени партии, Родины вооруживший народ историческим лозунгом «Все для фронта, все для победы!»; на Москву упали первые фашистские бомбы; на весь мир гремит Смоленское сражение, после которого враг впервые был вынужден перейти к обороне. А ты, профессиональный военный, сиди и жди, когда тебе прикажут ехать на фронт!..

Но вот вечером 20 августа, когда в Хамовнических казармах, где жили слушатели Военной академии имени М. В. Фрунзе, объявили отход ко сну, ко мне подошел дежурный по курсу и передал приказ срочно прибыть в Управление по командному и начальствующему составу РККА. В приемной я встретил Героев Советского Союза подполковников А. И. Петраковского и И. Д. Зиновьева. Оба они тоже учились в нашей академии, только я, собственно, закончил ее, а они перешли на выпускной курс.

Ожидать приема пришлось недолго. Всех троих нас пригласили в кабинет начальника Управления генерал-майора А. Д. Румянцева. Вошли, доложили о прибытии. Румянцев поздоровался с каждым и без каких-либо предисловий сказал:

Приказом наркома вы все назначены командирами стрелковых дивизий: полковник Провалов — триста

восемьдесят третьей, подполковник Зиновьев — триста девяносто третьей, подполковник Петраковский — триста девяносто пятой. Соединений этих еще нет, их необходимо сформировать. Принято решение в Донбассе создать, говорю ~~только~~ вам, армию. Но пока — дивизии. Пункты формирования: товарищ Провалов — Сталино, товарищ Зиновьев — Славянск, товарищ Петраковский — Ворошиловград. Проследите, чтобы военкоматы представили обученный приписной состав: красноармейцы, отделенные командиры, помкомвзводы и старшины — все, подчеркиваю, должны быть из числа тех, кто в Красной Армии отслужил два, самое большее три года назад. Командный состав получите кадровый. С планом формирования соединений предварительно ознакомьтесь здесь, в деталях — в штабе Харьковского военного округа. Вопросы?

Вопросов у нас не было.

И вот мы, три командира дивизии со своими начальниками штабов, томимся на этом аэродроме, вымаливая у судьбы погоду. Все же 22 августа она смилостивилась над нами: мы вылетели в Харьков.

Уже вечером того же дня нас принял командующий войсками Харьковского военного округа генерал-майор А. Н. Черников. Он тотчас начал ставить каждому задачу на формирование дивизии.

— К пятнадцатому октября соединения должны быть сколочены и готовы к ведению боевых действий, — заключил командующий и обратился к начальнику штаба округа: — Организуйте, чтобы товарищи как следует поужинали и хорошо выспались. Завтра с утра два часа на изучение планов формирования дивизий и — по местам. Провалова отправьте в Сталино на самолете...

Нас разместили в кэчевской гостинице. Несмотря на то что завтра надо было рано вставать, мы долго еще разговаривали перед сном. Начальник штаба 383-й подполковник Петр Иванович Скачков впечатление производил неплохое. Участник гражданской войны. По характеру, видимо, выдержан, не суетится, спокоен. Показалось, правда, что несколько вяловат. Но это могло быть от усталости...

Утром, побрившись и плотно позавтракав (когда еще выйдет поесть!), поехали на трамвае в штаб округа. Вагон был набит битком — на заводы торопилась утренняя смена рабочих. Большинство — женщины. Многие из них

ИЗ ШАХТ — В БОЕВОЙ СТРОЙ!

Э тот день — 22 августа 1941 года — с утра был ненастным, и мы боялись, что опять не улетим. Накануне целые сутки проторчали на аэродроме, но погоды так и не дождались. Неужели сегодня тоже не получится?.. Видать, недаром говорят в народе: догонять да ждаться — хуже нет. Испытал это на себе. Представим ситуацию: уже второй месяц идет жестокая война; нашими войсками оставлен Минск; выступил по радио Сталин, от имени партии, Родины вооруживший народ историческим лозунгом «Все для фронта, все для победы!»; на Москву упали первые фашистские бомбы; на весь мир гремит Смоленское сражение, после которого враг впервые был вынужден перейти к обороне. А ты, профессиональный военный, сиди и жди, когда тебе прикажут ехать на фронт!..

Но вот вечером 20 августа, когда в Хамовнических казармах, где жили слушатели Военной академии имени М. В. Фрунзе, объявили отход ко сну, ко мне подошел дежурный по курсу и передал приказ срочно прибыть в Управление по командному и начальствующему составу РККА. В приемной я встретил Героев Советского Союза подполковников А. И. Петраковского и И. Д. Зиновьева. Оба они тоже учились в нашей академии, только я, собственно, закончил ее, а они перешли на выпускной курс.

Ожидать приема пришлось недолго. Всех троих нас пригласили в кабинет начальника Управления генерал-майора А. Д. Румянцева. Вошли, доложили о прибытии. Румянцев поздоровался с каждым и без каких-либо предисловий сказал:

Приказом наркома вы все назначены командирами стрелковых дивизий: полковник Провалов — триста

восемьдесят третьей, подполковник Зиновьев — триста девяносто третьей, подполковник Петраковский — триста девяносто пятой. Соединений этих еще нет, их необходимо сформировать. Принято решение в Донбассе создать, говорю ~~только~~ вам, армию. Но пока — дивизии. Пункты формирования: товарищ Провалов — Сталино, товарищ Зиновьев — Славянск, товарищ Петраковский — Ворошиловград. Проследите, чтобы военкоматы представили обученный приписной состав: красноармейцы, отделенные командиры, помкомвзводы и старшины — все, подчеркиваю, должны быть из числа тех, кто в Красной Армии отслужил два, самое большее три года назад. Командный состав получите кадровый. С планом формирования соединений предварительно ознакомьтесь здесь, в деталях — в штабе Харьковского военного округа. Вопросы?

Вопросов у нас не было.

И вот мы, три командира дивизии со своими начальниками штабов, томимся на этом аэродроме, вымаливая у судьбы погоду. Все же 22 августа она смилостивилась над нами: мы вылетели в Харьков.

Уже вечером того же дня нас принял командующий войсками Харьковского военного округа генерал-майор А. Н. Черников. Он тотчас начал ставить каждому задачу на формирование дивизии.

— К пятнадцатому октября соединения должны быть сколочены и готовы к ведению боевых действий, — заключил командующий и обратился к начальнику штаба округа: — Организуйте, чтобы товарищи как следует поужинали и хорошо выспались. Завтра с утра два часа на изучение планов формирования дивизий и — по местам. Провалова отправьте в Сталино на самолете...

Нас разместили в кэчевской гостинице. Несмотря на то что завтра надо было рано вставать, мы долго еще разговаривали перед сном. Начальник штаба 383-й подполковник Петр Иванович Скачков впечатление производил неплохое. Участник гражданской войны. По характеру, видимо, выдержан, не суетится, спокоен. Показалось, правда, что несколько вяловат. Но это могло быть от усталости...

Утром, побрившись и плотно позавтракав (когда еще выйдет поесть!), поехали на трамвае в штаб округа. Вагон был набит битком — на заводы торопилась утренняя смена рабочих. Большинство — женщины. Многие из них

с детьми. Видимо, по дороге на работу они завозили детишек в сады и ясли. Разговаривали тихо, но все разом, и от этого в трамвае стоял какой-то тревожный гул, сквозь который прорывалось:

— Ну а твой-то не дал еще весточки?

— Ох и не говори! Ушел — будто в воду канул...

Да, война... Здесь еще безмолвная, но уже явно ощущаемая в этом потоке заводского харьковского люда.

И вдруг — тяжелый, отдавшийся во всем теле взрыв. За ним другой, третий. Посыпались стекла, пахнуло смрадом сторевшего тротила. Словно удар ножом, полоснул по сердцу пронзительный женский крик. Вагон остановился, и люди, еще ничего не понимающие, ринулись из него под бомбы. Бежали, падали... Мы стояли оцепенев. Не думаю, что кто-то обращал на нас тогда внимание, но чувство вины за то, что ты, военный, командир, ничем не можешь помочь этим беззащитным, безнаказанно уничтожаемым людям, — обжигало душу.

Это был первый воздушный налет гитлеровцев на Харьков.

Раньше я уже бывал под бомбежкой. 22 июля ночью немцы бомбили Москву. Тоже впервые с начала войны. Слушатели академии, поднятые по тревоге, заняли свои места, определенные каждому из них боевым расчетом. Мы втроем — Лебедев, Андреев и я — поднялись на крышу учебного корпуса. Но нас кто-то опередил: на крыше маячила женская фигура.

— Что вы здесь делаете? — резко спросил я.

— Я — слушатель академии Раскова.

Героиня-летчица была известна всей стране. Но кто же мог ожидать, что она тоже прибежит сюда, на крышу, тушить зажигалки! Наверное, поэтому мы несколько растерялись и долго не могли ей как следует представиться. А в ночном небе гудели немецкие бомбардировщики.

Потом на фронте я несколько раз встречался с Мариной Расковой. И почти всякий раз мы не без улыбки вспоминали, как тогда, в Москве, носились по крыше, не зная, чем сбросить плюющиеся огнем зажигательные бомбы, пока наконец капитан Андреев не нашел на чердаке шест...

Я попал под бомбежку и в первое утро войны под Яворовом. Тоже крики бегущих женщин и детей, тоже кровь. Никогда в памяти не изгладится окровавленное, растерзанное женское тело в дорожной пыли и задыха-

ющійся в плаче двухлетний ребенок, который судорожно обнимал мертвую мать...

Яворов — ясно: прифронтовая зона, по и Москва не выглядела беззащитной — она встретила первый воздушный налет штыками прожекторов и зенитного огня. Здесь же, в Харькове, посреди умытого поливочными машинами августовского утра взрывы бомб вызвали в душе невыносимую боль. И злость, в которой вдруг сплывились все самые святые чувства. Мы как-то особенно остро в тот момент поняли, что перед нами враг, которого образумить нельзя, — его можно только уничтожать. И уничтожать надо без пощады.

С этим твердым убеждением вечером 23 августа я с начальником штаба дивизии вылетел в город Сталино.

Двигатель самолета ревел натужно и оглушительно. Пол и стенки тесной пассажирской кабины лихорадочно дрожали. Стало холодно. Чтобы отделаться от неприятных ощущений, попытался представить, как мы начнем работу в Сталино. Но мысли уходили куда-то в прошлое, и я вдруг поймал себя на том, что в голове у меня не война, не заботы комдива, который пока еще не имеет бóйска, а воспоминания о давней, в декабре тридцать восьмого года состоявшейся встрече с армейским комиссаром 1 ранга Е. А. Щаденко и комкором Г. М. Штерном.

Я тогда лежал в Главном военном госпитале. Хасанская рана на ноге заживала неважно, мучили свищи, и мне порядком осточертела вся эта госпитальная обстановка. Хотелось сбежать в свой полк, но врачи обещали, что скоро все будет в порядке, и даже заказали для меня трость — вместо костыля, обходиться без которого я пока что не мог. И вот однажды, когда я прогуливался по территории госпиталя, меня позвали к телефону. Говорил командующий Дальневосточным фронтом комкор Штерн.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

Сказал, что понемногу поправляюсь.

— А если я подошлю машину, сможете приехать ко мне?

Ответил: как, мол, прикажете...

Через час адъютант командующего привез меня на квартиру к Штерну. Я начал было докладывать, что прибыл, но комкор слушать доклад не стал, тепло поздоровался и провел меня в свой кабинет. Там сидит какой-

то морской командир. Штерн познакомил нас — это был флагман флота 2 ранга Н. Г. Кузнецов.

Разговаривали в основном они вдвоем, а я — то ли робел, то ли еще что — больше молчал, иногда лишь, когда о чем-нибудь спрашивали, отвечал на вопросы. Речь, помнится, шла о программе боевой подготовки, о новых танках, которые вот-вот должны появиться в войсках... И тут...

— Так как вы себя чувствуете? — повернулся ко мне Штерн.

— Врачи обещали через месяц отпустить в строй, — ответил я. — Рекомендовали после госпиталя съездить на «мацесту». Если, конечно, разрешите, товарищ командующий.

Комкор ничего не ответил, задумался. Но Николай Герасимович Кузнецов живо откликнулся. Он стал рассказывать о чудесах, которые делают сочинские сероводородные ванны, с таким жаром, словно меня обязательно надо убедить поехать в санаторий. Будто он уговаривает, а я, капризная, ломаюсь.

Оказывается, все это говорилось им для Штерна.

— Да что я, не понимаю? — рассмеялся тот. — Конечно, необходимо ехать и дисциплинированно вылечиться... А как вы посмотрите, если вас назначат командиром дивизии? — спросил он меня вдруг.

Такого вопроса я не ожидал.

Как я посмотрю?.. Тогда, к тридцати двум годам, у меня за плечами был небольшой боевой опыт (был командиром станкового пулемета, участвовал в военном конфликте на КВЖД), учеба в пехотном училище, командование взводом, ротой, курсы среднего командного состава, служба начальником штаба полка. И бои у озера Хасан. Там, при штурме сопки Заозерная, я командовал 120-м стрелковым полком 40-й стрелковой дивизии. Мне присвоили звание Героя Советского Союза, был капитаном — стал полковником.

...Итак, мне предлагали командование дивизией. Я понимал, что хотя какой-то боевой опыт у меня есть, но он никак не мог компенсировать недостаточность моего военного образования. По сути дела, оперативное искусство было для меня за семью печатями. Попав в госпиталь и в избытке получив время для размышлений, я пришел к выводу, что теперь главная моя задача — учиться. Родилась мечта об академии имени М. В. Фрунзе. Мечта ре-

альная, близкая. Ведь тогда одно лишь слово «хасанец» означало очень многое, и, откровенно говоря, можно было рассчитывать, что оно послужит своеобразным пропуском на вступительные экзамены.

— Хотелось бы поучиться в академии, товарищ командующий...

Штерн смотрел на меня в упор и молчал. Молчал долго, испытующе, потом, не оборачиваясь к Кузнецову, сказал ему:

— Видите, Николай Герасимович, он уже и зазнался!..

Меня выручило появление жены Штерна. Пока я представлялся ей, пока она, мило улыбаясь, говорила, что от мужа много слышала обо мне, пока приглашала обедать и мы переходили в столовую, я успел четко сформулировать причину своего отказа от предложения командующего Дальневосточным фронтом. Когда за столом комкор опять намекнул, что при любых обстоятельствах мне не дано права зазнаваться, я собрался с духом и сказал:

— Командовать дивизией — для меня огромная честь и огромная ответственность. Но тут на одном характере не выедешь, нужны знания. А их-то мне и не хватает. Соглашусь принять дивизию, а потом вас же и подведу... Хочу учиться, товарищ командующий...

Неожиданно мою сторону принял Кузнецов. А еще неожиданнее — жена Григория Михайловича Штерна.

— Это, конечно, не мое дело, — по-прежнему улыбаясь, сказала она, — но если уж при мне вы заговорили о дальнейшей военной карьере Константина Ивановича, то я высказываюсь за то, чтобы он учился. И очень хорошо, что он сам пришел к такому выводу...

Мы условились назавтра, что без четверти двенадцать я буду в приемной армейского комиссара 1 ранга Е. А. Щаденко — тогдашнего заместителя Наркома обороны СССР и начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА.

Без десяти минут двенадцать в приемной появился Штерн. Он молча поздоровался со мной и прошел в кабинет Щаденко. Ровно в двенадцать туда же был вызван и я.

Такой «бани» я не испытывал ни до, ни после этого. Видимо, Ефиму Афанасьевичу нечасто приходилось сталкиваться с тем, чтобы кто-то отказывался от повышения

в должности. Да еще тогда, когда вопрос уже решен. Поэтому Щаденко теперь мало заботился о выражениях, о тоне — еще меньше. А я стоял перед ним, опираясь на трость, которую утром получил вместо костыля, и думал лишь о том, чтобы удержаться на ногах. От острой боли по телу ручьями струился холодный пот. Минут через двадцать я не выдержал:

— Разрешите мне сесть, товарищ армейский комиссар первого ранга, а то я могу упасть.

Крик тут же прекратился. Щаденко усадил меня, достал из стола коробку «Казбека», предложил папиросу. Поблагодарив, я отказался.

— Обиделся? — спросил он.

— На начальство, говорят, не обижаются.

— Верно говорят!.. Ну так что с ним будем делать? — обратился Щаденко к Штерну. — В академию? — А сам уже снял телефонную трубку, набрал какой-то номер. — Здравствуйте, товарищ Хозин! У меня тут сидит полковник Провалов. Хасанец. Очень хочет учиться. Прими, пожалуйста, у него экзамены. Без скидок, конечно...

Тогда в стране уже чувствовалось зловещее дыхание войны с гитлеровской Германией, и прием в академии устроили в мае — решили поторопиться с подготовкой военных кадров. До мая я занимался в академии общеобразовательными предметами, штудировал труды классиков марксизма-ленинизма, решал тактические задачи...

И сейчас, когда, повинувшись военной судьбе, мы летели в Сталино, я вдруг представил себе, что 383-ю прибыл бы формировать тот самый новоиспеченный полковник из тридцать восьмого года. Вот после академии — в самый раз.

Пока летели, стемнело. При подлете к городу пришлось ориентироваться по факелам огней, пылающих в ночи на каких-то крупных промышленных предприятиях. Не знаю как, но летчик (к сожалению, забыл его фамилию, помню только лицо, широкоскулое, курносое, в веснушках) все же отыскал сверху местный аэродром.

— Что будем делать, товарищ полковник? — крикнул он мне. — Земли не видно.

— Садитесь! — приказал я.

Наверное, он был опытным пилотом, этот молодой парень. На поле — никакой подсветки, радиосвязи с зем-

лей тоже нет, а мы все-таки сели. Правда, пас крепко трянуло, но самолет остался цел.

В густой темноте отыскивали аэродромный домик. Он был закрыт, стали стучаться. Открыл заспанный старик сторож. Увидев людей в военной форме, он почему-то перепугался, и добиться от него чего-нибудь путного было уже невозможно. Хорошо, что в домике нашлись телефон и справочная книга абонентной телефонной сети города Сталино. Я дозвонился до обкома партии. Дежурный по обкому выслал за нами машину, и через час мы уже ехали в город на тряской полуторке.

В областном комитете партии нам объяснили, что «какие-то военные расположились в Доме госучреждений», показали, как туда дойти. Вышло, что совсем рядом.

Опять, как и на аэродроме, пришлось стучаться. Но здесь никто не открывал, и мы со Скачковым полезли в окно. В потемках, переходя из кабинета в кабинет, наткнулись на двух спящих людей. Разбудили. При свете зажженных спичек разглядели: подполковник и майор. Первый оказался начальником связи дивизии, второй — начальником продовольственно-фуражной службы. При помощи этих командиров осмотрели все здание. Самую большую комнату выделили Скачкову под его кабинет. Рядом, поменьше, мне. Договорившись с начальником штаба, что с утра пораньше он вызовет к себе областного военного комиссара, чтобы вместе обсудить, как побыстрее провести призыв приписного личного состава, я пристроился «у себя» на диванчике поспать.

Рано утром первый секретарь Сталинского обкома партии Л. Г. Мельников уже ждал меня в своем кабинете. Проверив мои документы, он протянул мне телеграмму о моем назначении командиром формируемой дивизии и начальником гарнизона города Сталино.

— И за шахтерское наше соединение, и за город теперь будем отвечать вдвоем, — просто сказал Леонид Георгиевич, — так что рассказывайте о своих военных заботах, потом я расскажу о наших, местных.

Естественно, прежде всего я проинформировал Мельникова о том разговоре, который состоялся у меня с начальником УКС генералом Румянцевым и командующим войсками Харьковского военного округа генералом Черниковым. Особое внимание первого секретаря обкома я обратил на то, что директива штаба округа № ОМ/003128 от 25 августа 1941 года требует во вновь создаваемой ди-

визии «боевые расчеты строевых частей укомплектовать исключительно за счет призываемых из запаса обученных военнообязанных шахтеров младших возрастов по соответствующим военно-учетным специальностям»¹.

— Тут нечего и думать,— сказал Леонид Георгиевич.— Приказ есть — значит, выполним. Люди в дивизию придут хорошие.

Мы уточнили места формирования частей.

Когда речь зашла о военных нуждах самого города, я вспомнил о посадке нашего самолета на здешнем аэродроме, вернее, не о посадке, а о том, как негодно охраняется взлетное поле и аэродромные постройки. Достаточно одного отделения, чтобы захватить этот важный военный объект и обеспечить высадку сильного тактического десанта. А факелы доменных печей! Лучших ориентиров для гитлеровской бомбардировочной авиации и не придумаешь.

Тут же было решено постороже спросить с руководителей, ответственных за организацию службы отрядов самообороны, спросить за беспечность и невыполнение требований, которые предъявляет военное положение, объявленное в городе. Доменные производства предстояло замаскировать разведением в темное время суток больших огней на степных пустошах к западу от города.

Много времени у нас заняло обсуждение директивы Государственного Комитета Оборона об уничтожении в прифронтовой полосе материальных ценностей, которые нельзя вывезти в тыл страны или использовать для нужд воинских формирований. Это касалось прежде всего огромных запасов каменного угля, уже поднятого на-гора.

— Зачем спешить? Мы же не свертываем добычи! Стране уголек во как нужен!

Мельников горячился, и я его понимал. Сам когда-то работал коногоном на одной из шахт Черемховского угольного бассейна и потому знал, как горняки относятся к этому «угольку». Да и кому в обычных условиях придет в голову уничтожать плоды своего труда!

— И все-таки придется уголь сжигать! — настаивал я.

— Ладно, я согласую этот вопрос с кем надо, и тогда уж решим окончательно,— вроде бы согласился со мной

---

¹ Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦАМО), ф. 151, оп. 4351, д. 3, л. 523—525.

Леонид Георгиевич. Но я еще в Москве знал, что за Киевом идет ожесточеннейшая битва, а это значило: всякое согласование с киевским руководством в такой обстановке было весьма затруднительным, если вообще возможным. Да и директива ГКО была обращена ко всем местным партийным и советским органам прифронтной зоны непосредственно. Однако Мельников как первый секретарь обкома партии имел очень небольшой стаж (он сменил на этом посту ушедшего на фронт С. Б. Задюченко) и, видимо, психологически еще не сумел настроиться на ритм работы военного времени.

Разговор был острым. Другой бы на месте Мельникова обиделся, а от разных взаимных обид деловым отношениям один вред. Но первый секретарь обкома, коротко подумав, протянул, вставая, руку:

— Согласен. Будем делать то, что требуют приказы, и то, что необходимо делать по обстановке. Рассчитывайте на мою полную поддержку и помощь. А я — на вашу.

И действительно, все время, пока 383-я формировалась и занималась боевой подготовкой, а на это ушло 35 дней, нам с работниками обкома и горкома партии работало очень дружно. Они помогали нам, мы — им. И буквально во всем, даже в мелочах. Ну, например, такой факт. Автомобили в полках штатным расписанием не предусматривались. И все-таки в каждой части в первые же дни появилось до десятка машин. Их выделили «своей дивизии» предприятия города. А это ускорило снабжение частей, подразделений боеприпасами, обмундированием, продовольствием и другим необходимым имуществом. Среди приписного состава красноармейцев и младших командиров оказалась довольно значительной партийно-комсомольская прослойка — каждый десятый был коммунистом или членом ВЛКСМ. И все они пришли в подразделения хорошо проинструктированными насчет своих партийных и комсомольских обязанностей в армии. С кем ни поговоришь, он тебе обязательно скажет, что его главная задача — помочь командирам как можно быстрее сколотить коллектив подразделения, а потом, в предстоящих боях, быть примером для остальных бойцов...

Но ~~все~~ это впереди. А пока я только возвращался после двухчасовой беседы с Л. Г. Мельниковым в штаб дивизии. Облвоенкома там уже не было. Скачков доложил мне, что сегодня призывникам начнут вручать повестки. Значит, завтра с утра начнем принимать приписной со-

став. Такой ход дела обрадовал. Хотя приказом в качестве срока готовности дивизии к боевым действиям устанавливалось 15 октября, я понимал, что исходя из обстановки на фронте столько времени мы не получим. Поэтому хотелось укомплектовать подразделения и штабы процентов на 90 не к 5 сентября, как это опять-таки предусматривалось приказом командующего войсками округа, а хотя бы к 31 августа.

На другой день действительно приписной состав пошел потоком. И почти тут же стали прибывать кадровые командиры, политсостав, работники штаба дивизии. На вторые сутки приехали и сразу приступили к исполнению своих служебных обязанностей начальник оперативного отделения штаба капитан В. П. Прудник, командир 691-го стрелкового полка майор С. Е. Ковалев, командир 694-го стрелкового полка капитан Ш. И. Кипиани, командир 966-го артполка майор М. А. Михайленко и другие товарищи. На третьи сутки прибыл комиссар дивизии старший батальонный комиссар М. С. Корпьяк. Не дожидаясь приезда остальных офицеров руководящего звена, я собрал совещание, на котором поставил задачу к 31 августа закончить в основном формирование отделений, взводов, рот и батальонов, 2 сентября начать занятия по боевой и политической подготовке. Все меня поддержали, кроме начальника тыла.

— Я в такие сроки не уложусь, — сказал он.

Но мы уложились. Приняв, обмундировав и вооружив 90 процентов красноармейцев и младших командиров, 92 процента офицерского состава, 2 сентября 1941 года все части и подразделения дивизии приступили к занятиям.

Нас хорошо одели, обули, снабдили продовольствием. Все получили хлопчатобумажное полевое обмундирование, на всех были сапоги, шинели, пилотки, на складах хранилось 10 сутодач продуктов питания и 5 сутодач фуража. Но самое главное — дивизию хорошо вооружили. Каждый красноармеец получил новую винтовку, гранаты, бутылки КС с зажигательной смесью. В стрелковые полки было выдано по 54 повесных станковых пулемета (во всей дивизии их насчитывалось 162) и 50-миллиметровые минометы. Артиллерийский полк получил все пушки и гаубицы, зенитный дивизион — двадцать 37-миллиметровых зенитных пушек. Артиллерийские системы также были еще в заводской смазке и

упаковке. Противогазы, шапцевый инструмент, медико-санитарное имущество — все это было поставлено частям в полном объеме. В подразделениях и на складах находилось три боекомплекта патронов, гранат, мин и снарядов. Правда, мы наполовину недополучили 82-миллиметровые минометы и противотанковые орудия.

Нам удалось в точности выполнить требования приказа командующего войсками Харьковского военного округа об укомплектовании всех строевых подразделений молодыми, обученными военному делу шахтерами. Здоровые, сильные, всего два-три года назад отслужившие срочную службу в Красной Армии, они пришли в полки 383-й дивизии уже обученными бойцами. Достаточно сказать, что 80 процентов прибывших выполнили первое упражнение стрельбы из винтовки на «отлично» и «хорошо».

Задача командиров и политработников заключалась прежде всего в том, чтобы из этих красноармейцев создать стойкие, боеспособные подразделения, сколотить их для ведения всех видов боя и научить той тактике, которая могла бы успешно противостоять тактическим приемам, используемым гитлеровцами и их союзниками.

Спрашивается: были ли мы способны обучить личный состав именно тем тактическим навыкам, которые стали бы эффективными на фронте вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками? Мы не видели оснований сомневаться в этом. Во-первых, потому, что к осени 1941 года уже появился обобщенный опыт боевых действий за два месяца войны. Этот опыт был нам известен, и надо сказать, что он весьма пригодился как при подготовке к боям, так и в ходе самих боев на донецких рубежах. А во-вторых, некоторые кадровые командиры и политработники уже успели повоевать и набраться личных впечатлений о тактике противника. К примеру, старший батальонный комиссар Корпьяк, будучи комиссаром 24-й Железной Самаро-Ульяновской стрелковой дивизии, вместе с этим прославленным соединением выходил из окружения. Дивизия прошла по тылам противника 450 километров. Прошла с боями, уничтожив немало вражеских танков и разгромив два мехполка. Имели опыт боев с фашистскими частями командиры полков подполковник Мартынов и капитан Киниани, некоторые командиры батальонов, рот и взводов. Не так было много таких людей, как хотелось бы, но все же...

Сам я уже тоже знал, почему, как говорится, фунт лиха. Ведь 22 июня 1941 года я встретил почти на самой границе — в Шкло. Это в нескольких километрах от Яворова.

Во второй половине июня по приказу Наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко на Яворовском полигоне должно было проводиться показательное тактическое учение. Специально для нас, выпускников академии имени М. В. Фрунзе, хотели продемонстрировать наступление стрелкового полка за огневым валом. В учении участвовало много артиллерии, стянутой на полигон из разных дивизий.

Несколько дней преподаватели академии во главе с начальником курса полковником К. С. Мельником возили нас на рекогносцировочные занятия, показывали, где сосредоточена пехота, как расположены артиллерийские огневые позиции, откуда будет идти управление огневым валом.

В субботу утром, 21 июня, нам объявили, что учение состоится на следующей неделе. А вечером этого же дня человек пять преподавателей и человек десять слушателей, в том числе и я, на грузовой машине поехали из санатория Шкло, где мы квартировали, в Яворов. Там, на открытой эстраде, должен был состояться концерт столичных артистов, и командир корпуса генерал-майор М. В. Алексеев пригласил нас на этот концерт.

Столичная труппа выступала с подъемом, и офицеры гарнизона, их жены, взрослые дети бисировали почти каждый номер программы. Только два человека, казалось, не обращали на эстраду никакого внимания. — Алексеев и Мельник. Они все время тревожно перешептывались о чем-то друг с другом, и им явно было не до развлечения...

Концерт закончился где-то около полуночи. Пока доехали до санатория, пока разделись, умылись, покурили, восток стал сереть. А мы с полковником Иваном Афанасьевичем Шевченко, с которым я жил в одной комнате на втором этаже, еще и поговорили об артистах.

Заснуть не удалось. Где-то рядом громыхнул сильный взрыв. И сразу же — еще, еще. Гула самолетов я не слышал. Но Иван настаивал, что взорвались авиабомбы, и даже выдвинул такую версию: какой-то растяпа штурман напутал в расчетах и, вместо того чтобы отбомбиться по целям на полигоне, ударил почти по санаторию.

— Хорошо, что закон подлости не сработал. А то

прямо к нам в окно и вцепил бы... — чертыхнулся мой приятель.

В этот момент в коридоре нашего этажа и внизу раздались крики, топот. Я выскочил из комнаты. Все слушатели, одеваясь на ходу, бежали вниз. Мы с Шевченко последовали их примеру. От санаторского корпуса все бросились к лесу, потому что на санаторий заходили какие-то самолеты. И заходили они бомбить...

После завтрака, который нам приготовили тут же, в лесу, меня в числе девяти других слушателей позвали к санаторию. Там нас ожидали командир корпуса генерал Алексеев и «наш Кондрат» — полковник Мельник.

— Уходите, — говорил Мельник, — я даю вам людей на свой риск. — Он обернулся и увидел подошедших слушателей. — Вот полковник Провалов будет заменять начальника оперативного отдела, — показал на меня наш курсовой командир.

— Он будет начальником штаба корпуса, — ответил Алексеев и, повернувшись ко мне, распорядился: — Садитесь в мою машину.

Я и еще один подполковник-артиллерист уехали с командиром корпуса. Остальных вызванных слушателей развезли по штабам дивизий на других автомобилях.

На КП корпуса начальник разведки сдал мне дела начальника штаба и сразу же ввел в обстановку. Как раз в это время из дивизий передавали данные о противнике, и разведчик вслух повторял их, а я наносил на карту. В частности, сообщили, что немцы заняли несколько домов в самом Яворове. Посмотрели. Это рядом с КП.

— Берите мотоцикл, — приказал командир корпуса, — поезжайте в этот полк и разберитесь, что там случилось.

Не успел я сесть в коляску, как по штабу ударили фашистские автоматчики. Поднялась небольшая паника. Хорошо, что ее тут же удалось пресечь. Комендантская рота с двумя ручными пулеметами Дегтярева быстро уничтожила просочившуюся группу гитлеровцев. Я поехал на передовую.

Подтянутый и выдержанный подполковник, командир полка, занимавшего оборону на западной окраине Яворова, сидел с телефонами около маленькой хатки и руководил боем.

— Противник до километра вклинился в мою оборону, — доложил он. — Сдержать не смогли. У меня остался в резерве третий батальон. Сейчас соберу его для контр-

атаки. Знамя вперед — и буду контратаковать. Вот он поддержит, — кивнул комполка на сидящего рядом с ним майора-артиллериста.

Майор был командиром артдивизиона, который в числе других находился на Яворовском полигоне и должен был участвовать в учении. С началом боевых действий командир стрелкового полка, о котором идет речь, перехватил этот дивизион на марше, подчинив себе, и включил его в систему своей обороны.

Мы уточнили направление контратаки — во фланг и в стык, договорились об артиллерийской поддержке этого короткого штыкового удара.

— А Знамя полка, — посоветовал я, — разворачивать и брать с собой не следует. Зачем рисковать?

Меня поддержал подошедший к нам старший политрук, как мне вспоминается, агитатор полка.

— Так-то мы еще подеремся, — сказал он, — а потеряем Знамя — потеряем и полк. Люди и так дружно пойдут...

И командир полка, и майор-артиллерист, и старший политрук, и красноармеец-телефонист, находившийся тут же, — все были спокойны, ни малейшего признака испуга или отчаяния, и я даже позавидовал этому подполковнику, насколько он четко управляет своими подразделениями... Как жаль, что сейчас я не могу назвать этих мужественных бойцов пофамильно!

Третий батальон контратаковал и потеснил противника, но восстановить положение все же не сумел. Однако это помогло всей дивизии. Она упорно держала гитлеровцев до самой темноты. За ночь мы отошли на рубеж Шкло и снова удержали немцев. На фронте корпуса за два дня боев они смогли продвинуться всего на 4—6 километров. У нас было много артиллерии (собранная для участия в учении), и фашисты сразу почувствовали силу ее огня. Как только их танки выходили на открытое место, наши артиллеристы останавливали эту бронированную лавину.

Так продолжалось не день и не два — несколько суток. Пока не оставили Львов. После Львова я сдал дела начальнику штаба корпуса и вместе со своими товарищами по академии отбыл в Москву.

Какие же личные впечатления были вынесены из первых боев с немецко-фашистскими захватчиками? Во-пер-

вых, для меня стало очевидным, что обученный красноармеец, младший командир дерется стойко, мужественно и отважно, если им уверенно командуют. Во-вторых, гитлеровская пехота одна, без танков, в лоб не лезет. Танки атакуют стремительно, на большой скорости, но стоит артснарядом подбить три-четыре машины, как остальные откатываются за складки местности. Все повторяется вновь: артснаряд врага, его атака. И в-третьих, успех обороны (пока что обороны) в решающей степени зависит от четкости в управлении подразделениями и частями, от умелого маневрирования резервами. Врагу можно не только сопротивляться, но и бить его.

Некоторые наши командиры побывали в боях, в которых борьбу с танками противника приходилось вести без артиллерии, только с помощью связок гранат и бутылок с зажигательной смесью КС. И вот в таких случаях отмечалась танкобоязнь, вызывающая подчас сильнейшую панику, особенно среди молодого личного состава, призванного на действительную службу непосредственно накануне войны. Сильное психологическое воздействие на наших пехотинцев оказывало также применение гитлеровцами мобильных мотоциклетных подразделений.

Исходя из этого, мы и строили боевую подготовку. Занимались по 14—16 часов в сутки. И большая часть времени уходила на тактику. Изучение местности, умение применяться к ней, ориентироваться, окапываться, маскироваться — этим вопросам мы уделяли самое пристальное внимание на всех без исключения занятиях.

Особое место в боевой подготовке заняло обучение личного состава борьбе с танками. У нас не было техники, которой можно было бы «обкатать» подразделения. Тогда выпросили у обкома партии несколько шахтных вагонеток, приспособили к ним тросы и лебедками стали таскать эти вагонетки через щели и окопы, в которые сажали бойцов. Конечно, полного подобия с танком добиться было нельзя, и все-таки этот метод давал зримые положительные результаты. Красноармеец уже знал, как встречать танк на подходе к окопу, как пропускать брошированную машину над собой и как действовать вдогонку.

Предпочтение большинство отдавало бутылкам КС. Люди поверили в это оружие и научились умело применять его. Связке гранат доверяли меньше, видимо, потому, что она все-таки тяжела даже для сильной руки. Сов-

сем не признавали бойцы такой способ борьбы с танками, как стрельба из всех видов стрелкового оружия по смотровым щелям. Мы, разумеется, учили подразделения и этому (на вагонетках рисовали смотровые щели и били по этим микроразмерным целям), но по тому, с каким нежеланием красноармейцы занимались такой стрельбой, было видно, что тут у них — полнейшее недоверие.

Организовали мы и обучение личного состава стрелковых подразделений борьбе с мотоциклетными группами. Для этого использовались также вагонетки, только маленькие. И таскали их уже с помощью электропривода.

Таким же образом учили артиллеристов. В их подготовке основное внимание обращалось на стрельбу по танкам прямой наводкой. Здесь мы тоже получили вполне обнадеживающие результаты.

Очень много времени отводилось тактической подготовке командиров. Обучение шло в порядке подчиненности. Кроме полковых учений, сверх плана удалось провести и дивизионное. Все части совершили 50-километровый марш, развернулись в предбоевые, а затем и в боевые порядки, отработали наступление и закрепление достигнутого рубежа. Командиры работали в основном грамотно, и это вселяло надежду на то, что боевое крещение мы выдержим с честью.

Параллельно с боевой подготовкой проводилась и партийно-политическая работа, душой которой стали комиссар дивизии старший батальонный комиссар М. С. Корняк и начальник политотдела батальонный комиссар С. Ф. Олейник. Умело опираясь на партийные организации частей и подразделений, политработники проводили множество мероприятий, направленных на воспитание бойцов и командиров в духе беззаветной любви к социалистическому Отечеству, неистребимой ненависти к врагу, стойкости, мужества и отваги. Вся идейно-воспитательная работа тесно сплеталась с задачами подготовки личного состава к боям. Политработники и парторганизации приложили много усилий, чтобы предотвратить танко- и десантобоязнь. Активно использовались традиции рабочего класса, в частности шахтеров Донбасса. Взаимопомощь и взаимовыручка, привычка работать под землей с глазу на глаз с опасностью, выдержка, хорошая физическая закалка — все эти горняцкие качества еще больше развивались и надежно работали на сколачивание подразделений.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Был конец сентября сорок первого года. Враг уже стоял у стен Ленинграда. После двухмесячного Смоленского сражения наши войска отошли к Ярцеву, Ельне, Брянску. А 383-я стрелковая дивизия продолжала заниматься боевой и политической подготовкой. По четырнадцать — шестнадцать часов в сутки. Уставали люди, конечно, сильно, недосыпали. Но как бы там ни было, а воевать они учились с той же добросовестностью, с какой еще недавно рубили в забоях уголь.

Сейчас, около четырех десятков лет спустя, некоторые авторы, рассказывая о подготовке 383-й стрелковой дивизии к боевым действиям и о самих боевых действиях, подчеркивают, что высокосоциальное отношение бойцов к занятиям и последующие ратные успехи соединения объясняются очень просто: донбасским происхождением дивизии. Однако в это понятие почему-то вкладывается больше географического, «местнопатриотического», что ли, смысла и меньше — социального. А надобно бы делать наоборот. Главное состояло в том, что большинство пришедших в дивизию людей были рабочие люди социалистического общества. Для них взаимопомощь, взаимовыручка — нормы обыденного поведения. Такие качества человеческого характера в бою — неизмеримая ценность. Вот почему, заглядывая тогда в будущее, не в далекое, а в то, которое уже надвинулось на нас и приблизило первый бой, мы надеялись, что шахтерская рабочая спайка поможет нам выстоять в любой схватке с любым противником.

Мы отчетливо представляли значение Донецкого бассейна. Разве могла гитлеровская Германия, реализация захватнических планов которой требовала огромного коли-

чества металла и топлива, не мечтать о захвате этого мощного угольно-металлургического района? Донбасс для Гитлера по логике войны был одной из главных стратегических целей. Поэтому все могло случиться.

А что все? Что немцы вот-вот ударят на Сталино?.. Я не имел права сказать этого ни себе, ни подчиненным, ни женщинам-солдаткам, которые каждый вечер толпились у штаба. Они еще не ругали нас самыми обидными словами, как будут ругать потом, когда мы начнем отступать. Они заглядывали нам в глаза и с тоскливой тревогой спрашивали: «Не бросите нас? Не уйдете?..» Ну что им сказать! Конечно, не отступим!

А как тогда объяснить, зачем разрушаются шахты и заводы? Зачем сжигается поднятый на-гора уголь? Зачем взрываются подъездные железнодорожные пути? Сказать, что таков приказ? Но этим ответом гражданским людям ничего не объяснишь.

Каждый день от дивизии наряжались многочисленные подрывные команды и отправлялись в шахты. И горожане, разумеется, видели, чем занимаются дивизионные саперы. Но когда от военного человека, да если еще он называет себя комдивом, слышишь, что наши части окрепли и ничего не надо бояться, — разве не загорится снова в душе надежда, что отступления больше не будет? И женщины расходились от штаба несколько успокоенные.

А 29 сентября под Новомосковском, на Днепропетровщине, по правофланговым дивизиям нашей 12-й армии нанесла массированный удар 1-я танковая группа Клейста. Она прорвала фронт и, развернувшись в сторону своего правого фланга, ринулась вдоль левого берега Днепра в южном направлении. Группа гитлеровских армий «Юг», вырвавшись на оперативный простор левобережья Днепра, захватила Полтаву, продвинулась к Мелитополю, отрезала Крым. 30 сентября из штаба Харьковского военного округа я получил распоряжение выдвинуть части 383-й стрелковой дивизии в район Красноармейское, Селидовка. В 22 часа того же дня мы выступили из Сталино. Уже на марше меня разыскал приказ командующего 12-й армией генерала И. В. Галавина, в подчинение которого мы поступили: занять оборону на рубеже Гришино, Солонцовка, Трудовой. С получением этого приказа я с командирами частей и начальниками служб дивизии

выехал на местность для рекогносцировки указанного рубежа, окончательного принятия решения на оборону, отдачи боевого приказа, организации взаимодействия и управления.

Через двое суток после выхода с места формирования все части и подразделения прибыли на отведенные им участки, и командиры приступили к организации обороны. Судя по содержанию приказа командарма-12, видимо, предполагалось, что Клейст после прорыва обороны у Новомосковска повернет на Донбасс, к Сталино, то есть встречу с противником можно и нужно было ожидать в самое ближайшее время.

Однако соединения 1-й немецкой танковой группы прямо рвались к Азовскому побережью. А 383-я совершенствовала оборону на занятом ею рубеже. Этим она занималась до 7 октября, когда на южном крыле советско-германского фронта создалась кризисная обстановка. Здесь в последних числах сентября войска 9-й и 18-й армий начали наступление против немецко-румынских дивизий 11-й армии противника. И наступление это было небезуспешным. Но прорыв Клейста создал угрозу окружения наших наступавших войск, и командующий Южным фронтом решил остановить обе армии. Почти сразу же 11-я гитлеровская армия, до этого оборонявшаяся, ударила сама. Она прорвала фронт, и в прорыв, расширяя его, вошли моторизованные части захватчиков. 7 октября в районе Осипенко (Бердянск) они соединились с 1-й танковой группой.

Часть наших соединений оказалась в окружении. Военный совет фронта поставил перед ними задачу прорвать кольцо гитлеровских войск. Именно в этот момент 383-ю стрелковую дивизию переподчинили командующему 9-й армией генералу Ф. М. Харитонову, и мы заняли новый рубеж обороны: Солонцовка, Васильевка, то есть развернулись фронтом на юго-запад. А 13 октября, когда соединениям обеих армий удалось выйти из окружения, произошло третье переподчинение шахтерской дивизии — теперь уже командующему 18-й армией. При прорыве кольца окружения героически погиб командарм-18 генерал А. К. Смирнов, и теперь в командование войсками армии вступил начальник штаба генерал В. Я. Колпакчи. Это был волевой, хорошо подготовленный в оперативно-тактическом отношении командир, имевший боевой опыт (он воевал в Испании). Командарм приказал нам занять

оборону на рубеже Красное, Яптарное, Успеновка, Елизаветовка, Константиновка, Ново-Михайловка, Александринка с задачей остановить наступление противника, действующего в направлении Сталино, Красный Луч. Справа должна была обороняться 296-я стрелковая дивизия 12-й армии, слева — 38-я кавалерийская дивизия нашей 18-й армии.

А что же противник? К сожалению, сведения о нем тогда были очень скудные. Работая над этой книгой, я просмотрел не только свои, но и отчетные карты командующего армией за тот период. Однако и на них каких-то систематизированных данных о противостоящей группировке немецко-фашистских войск найти не удалось. Организация разведки страдала у нас серьезными недостатками.

Во второй половине дня 13 сентября 383-я стрелковая дивизия прибыла на новый рубеж. Ширина полосы, которую мы должны были оборонять, превышала 50 километров. Если бы строго придерживаться требований тогдашних уставов, полки в обороне следовало разместить в линию. Да и при таком построении боевой порядок все равно походил бы на решето. В самом деле, где возьмешь столько личного состава, чтобы на каждые 10—15 метров поставить хотя бы одного бойца!

И все-таки я решил обороняться двумя эшелонами: в первом — 694-й и 691-й стрелковые полки, каждый с одной батареей 966-го артполка и одной саперной ротой; во втором — 696-й стрелковый полк. 966-й артиллерийский полк (без двух батарей) составил дивизионную артгруппу с огневыми позициями восточнее населенного пункта Дальнее. Противотанковый дивизион остался в резерве командира дивизии и занял оборону в районе отметки 198,0. Исходил вот из чего. Сплошной оборону сделать будет невозможно. Но среднепересеченная местность в полосе дивизии и перед передним краем благоприятствовала нам. Кое-где перпендикулярно фронту тянулись балки и овраги с довольно крутыми, подчас даже отвесными склонами. Нельзя сказать, что эти участки представлялись непреодолимыми для танков. И все же бронированная техника здесь обязательно должна будет снизить скорость. К тому же она подставит борта под огонь артиллерии, которую можно установить на склонах холмов, поближе к вершинам.

Таким образом, оценка местности и своих войск подсказала, что оборону нужно строить опорными пунктами и очагами, между которыми должна поддерживаться огневая связь. Из оценки же местности сложилось и представление о наиболее вероятных направлениях главных ударов противника. Скорее всего основные усилия он сосредоточит вдоль шоссеиной дороги Бол. Янисоль — Сталино (это на правом фланге обороны дивизии) и вдоль грунтовой дороги Павловка — Марьинка (а это почти середина боевого порядка, но ближе к левому флангу). В случае наметившегося у гитлеровцев успеха на этих предполагаемых направлениях мы могли оперативно и активно использовать 696-й стрелковый полк для контратаки вклинившегося противника во фланг.

13 октября к вечеру, в соответствии с боевым приказом, части 383-й стрелковой заняли оборону: на правом фланге — 694-й стрелковый полк капитана Ш. И. Кициани, на левом — 691-й стрелковый полк майора С. Е. Ковалева, за стыком их флангов, во втором эшелоне, — 696-й стрелковый полк подполковника М. И. Мартынова, 966-й артполк — на огневых позициях в районе Дальнее. Свой НП я приказал оборудовать в 800—1000 метрах от переднего края за левым флангом 694-го полка.

В ночь на 14 октября вернулась наша разведка. Она привела «языка» — белобрысого ефрейтора из 4-й горнострелковой дивизии. Из допроса пленного стало ясно, что на нас будет наступать это соединение, а также итальянский экспедиционный корпус. В нашем распоряжении оказалось очень мало времени — восемь, от силы десять часов. А еще не закончены земляные работы.

— Есть ли в дивизии танки? — спросил я пленного. Ответил, что нет. Это могло быть правдой: по штатам гитлеровской горнострелковой дивизии танковых подразделений в ней действительно не предусматривалось. Но мог ведь ефрейтор соврать или просто не знать. Без танков фашистская пехота воевать не любила, и ей частенько их придавали из танковых частей. Разведчики в этот вопрос ясности тоже не внесли.

В эту ночь хорошо поработал политсостав дивизии. После короткой информации о результатах допроса немецкого ефрейтора и делового инструктажа комиссар дивизии разослал политработников во главе с на-

чальником политотдела соединения батальоны миссаром С. Ф. Олейником по полкам и батальонам. Там через коммунистов и комсомольский актив они оперативно довели данные о противнике до каждого бойца, воодушевили людей, разъяснили им боевую задачу. Организация системы огня, рытье ячеек, окопов и щелей пошли значительно быстрее. К рассвету инженерное оборудование районов обороны, в том числе и тщательная маскировка, в основном было завершено.

Около полудня на дальних подступах к переднему краю по всему фронту замаячили конные разъезды противника. Вскоре разведка ушла. И тут выяснилось, что почти везде плохо несло службу боевое охранение. Выдвинутое вперед всего лишь на 700—800 метров, оно ничего не предприняло против вражеских разведчиков и даже не успело предупредить командиров о появлении кавалеристов. Но в одном месте, на участке в центре обороны 694-го стрелкового полка, как раз на том самом шоссе Бол. Янисоль — Сталино, вдоль которого мы ожидали нанесения одного из главных ударов противника, охранение действовало хорошо. Неожиданно напав на конный разъезд из одиннадцати кавалеристов, бойцы захватили четырех пленных. Еще четыре неприятельских разведчика были убиты, троим удалось ускакать.

Как только Кициани позвонил и доложил о захвате «языков», я немедленно выехал к нему. Удивила довольно странная форма пленных кавалеристов — кивера, а на них пышное оперение. Маскарад?.. Ага, вон в чем дело: итальянцы! С грехом пополам (где найдешь переводчика с итальянского?) удалось допросить их. Они были высланы от полка так называемых «королевских мушкетеров», входивших в кавалерийскую дивизию «Челере».

Часа через полтора после отхода разведки на переднем крае шахтерской обороны стали рваться снаряды. Но артподготовка велась по площадям, нецельно, да и была она непродолжительной, так что большого вреда нам не сделала.

Мы были атакованы сразу по всему фронту: на правом фланге — итальянцами, по центру и на левом — немецкой пехотой. Но первая атака врага захлебнулась, и он, понеся значительные потери, отступился. Еще живее гитлеровцы попятились после второй своей попытки сбить нашу оборону. А день между тем уже склонился к закату, и атаки 14 октября больше не повторились.

Мы убедились, что люди стоят в бою дружно, цепко держат оборону, инициативно и четко выполняют приказы командиров. Перед фронтом 694-го и 691-го стрелковых полков гитлеровская пехота и кавалеристы Муссолини понесли значительные потери. Командиры поверили в надежность личного состава, а бойцы — в свои силы. Но завтра враг наверняка перейдет в наступление с решительной целью, и бой обещает быть куда жарче. Командование немецко-итальянских соединений может сузить фронт и уплотнить боевые порядки. Могут заменить подразделения, действовавшие в первом эшелоне, подразделениями второго. Обязательно усилят артиллерийскую поддержку атаки и, видимо, получат авиационную. Наконец, должны появиться все-таки и танки. Следовательно, личный состав необходимо настроить на более жестокую борьбу. В то же время — не запугивать. Пусть сегодняшний успех придаст бойцам еще больше решимости стойко удерживать оборонительный рубеж.

Теперь о боевом охранении. Выяснилось, что вместо одного усиленного взвода от каждого стрелкового батальона, как того требовал устав, Ковалев выделил обычный стрелковый взвод от всего полка. У Кишиани сделали немного иначе — послали в охранение по одному отделению от батальона. Этот непорядок надо было устранить, причем выслать взводы дальше, если удастся, на полтора-два километра.

В ночное время удобно будет провести также и разведку поисковыми группами. Захват «языков» поможет более точно оценить группировку противника. Придется потрудиться и саперам: система минновзрывных заграждений требовала усовершенствования, и к утру надо успеть выполнить большой объем работы.

Все эти указания были в моем боевом распоряжении, которое штаб довольно быстро довел до всех частей и отдельных подразделений дивизии. На моем НП — начальник артиллерии подполковник Г. А. Ткачев и командир 696-го стрелкового полка подполковник М. И. Мартынов. Первый получил распоряжение уточнить организацию артиллерийской борьбы с танками и артиллерией гитлеровцев, второй — готовность к контратакам. Сразу же было определено, кто и как будет обеспечивать Мартынова артогнем. Я выехал к Кишиани. С ним нужно было говорить особо.

Если завтра итальянская кавалерия будет действовать

снова в конном строю, этих самых «мушкетеров» можно и нужно разбить наголову. Следует только по балкам и оврагам немного пропустить их внутрь нашей обороны, а потом закрыть этот мешок и ударить из всех видов оружия. Вдумчивый, рассудительный Кипиани мгновенно уловил суть замысла, и мы тут же разыграли завтрашний бой на карте. Пришлось несколько переиначить расстановку минометов и пулеметов.

Утро 15 октября выдалось хмурое, в балках стоял плотный туман. Он был на руку противнику. Я беспокоился, что немцы и итальянцы воспользуются им для сближения с нами. Но мои опасения так и остались опасениями. Атака началась только в 12 часов, когда туман рассеялся. Ей предшествовали 20-минутная артподготовка и мощный бомбовый удар авиации.

Со своего НП я наблюдал, как развивались события. Оправдались все наши предположения. Только немецкие пехотные части опять атаквали без танков. Батальоны Ковалева, подпустив цепи фашистов на 400—500 метров, дружно встретили их огнем из минометов, пулеметов, винтовок. Хладнокровно, без суеты работали расчеты 76-миллиметровых полковых пушек. Однако противнику удалось приблизиться к нашему переднему краю и завязать ближний жестокий бой, который местами переходил в рукопашный, как это было на восточной окраине Ново-Михайловки. Здесь немцы даже потеснили 2-й стрелковый батальон 691-го полка, но комбат быстро, не дожидаясь помощи командира полка, собрал роты в кулак и решительной контратакой опрокинул гитлеровских автоматчиков. На улицах Ново-Михайловки осталось более 70 трупов в серо-зеленых мундирах. Я почувствовал, что Ковалев, сколько ни атакуй его сегодня, будет стоять крепко, не отступит ни на шаг.

На участке Кипиани все случилось точно так, как мы и рассчитывали. Итальянцы в конном строю лавой ринулись на 2-й батальон капитана Андро Джугели. Наиболее сильный натиск противника пришелся на участке по обе стороны шоссеиной дороги. Наши станковые пулеметы, расположенные по переднему краю, постучали немного, сгрудили козницу и замолчали. Вражеские конники, как мы и ждали, устремились по ложине в прорыв и углубились в нашу оборону. И вот тогда Кипиани ударил из хорошо замаскированных пушек, минометов, станковых пулеметов и винтовок...

Жестокая картина. Над полем боя недвижно висит густая пороховая гарь. Бесперывно ухают взрывы снарядов, мин, авиационных бомб. Четкой скороговоркой стучат пулеметы. Хлестко перекликаются винтовки. Среди этого ада, освещенного тусклым октябрьским солнцем, посятся и истошно ржут лошади, потерявшие всадников.

У итальянцев было почти четырехкратное превосходство в живой силе, и, хотя после первой атаки противник оставил в лощине более 400 трупов, штурм наших позиций дивизия «Челере» не прекратила. Одна атака за другой.

Отчаявшись прорвать нашу оборону в конном строю, итальянцы спешились и яростно бросились в атаку по-пехотному. К вечеру появились свежие силы — итальянская мотоциклота на бронетранспортерах. Особенно сильным был натиск противника на район обороны 3-го стрелкового батальона. Здесь небольшой поселок Веселый Гай несколько раз переходил из рук в руки.

Под Веселым Гаем открыла боевой счет пушка № 4772, расчетом которой командовал шахтер Рутченковской шахты 17-17 бис Георгий Малидовский. Старший сержант подпускал густые цепи итальянцев на 300 метров и расстреливал их осколочными гранатами. Когда появились бронетранспортеры, пулеметным огнем поддерживавшие свою пехоту, Малидовский перенес огонь на них и несколькими выстрелами поджег две бронированные машины.

Как и накануне, атаки противника прекратились с закатом солнца. Командиры полков по телефону доложили об итогах боя. Первым позвонил Шалва Иванович Кишиани. Голос его звенел от не остывшего еще напряжения, в докладе слышались и радость, и гордость за своих подчиненных, так четко реализовавших наш замысел.

— Товарищ полковник! — весело кричал Кишиани, обычно сдержанный. — Уничтожено более пятисот солдат и офицеров противника! Захвачено много лошадей! Много пленных! Трофеи подсчитываются! Точное количество разрешите доложить через полчаса!

Когда немного утомилась наша радость, рожденная победой в ожесточенной схватке с врагом (полк Ковалева тоже уничтожил более 300 гитлеровцев), появилась потребность еще раз, уже в спокойной обстановке, поразмышлять о прожитом дне. Больше всего меня занимало, почему не было танков. Не думал тогда, не думаю и сей-

час, что их не нашлось у немецкого командования. Вероятнее всего, противник просто недооценил нас. Судя по тому, как очертя голову атаковали нас и немцы, и итальянцы, можно предположить, что нашу оборону они хотели проткнуть лихим ударом кавалерии. По-моему, командиру итальянского корпуса уже виделось, как он выпускает на оперативный простор свои конные лавы и с ходу овладевает городом Сталино.

Авантюризм, на котором были заквашены все планы блицкрига фашистской Германии и ее сателлитов, уже сам по себе отрицал объективность в оценках наших сил — и материальных, и духовных. Легкие успехи в кампаниях против армий стран Западной и Центральной Европы еще больше раздули нацистское высокомерное самомнение, которое, кстати, даже теперь не выветрилось из некоторых голов.

Когда двое суток не можешь сдвинуть ни на шаг обороняющихся, наверное, надо задуматься. А задумаешься, отречься от высокомерия и запросить помощи... Белобрысый ефрейтор, захваченный нами в плен еще в ночь на 14 октября, сказал правду: танков с 4-й горнострелковой дивизией в самом деле не было. Но не было пока. А теперь они непременно вызваны, и наутро жди их атаку. Противник уже имеет весьма точное представление о системе обороны дивизии, поэтому можно ожидать, что он изменит направление главного удара. Предположительнее всего, гитлеровцы выберут для этого стык 694-го и 691-го стрелковых полков.

Решение созрело: выдвинуть на этот стык из второго эшелона обороны в первый 696-й стрелковый полк. Как ни хотелось сохранить эшелонированный боевой порядок, но укреплять рубеж на угрожаемом направлении за счет растягивания обороны у Кипиани и Ковалева было уже нельзя. Наоборот, обстановка диктовала уплотнение боевых порядков.

Свое решение я изложил в боевом приказе на оборону. В связи с тем, что теперь все три стрелковых полка становились в линию, дивизионная артиллерийская группа расформировывалась, дивизионы артполка придавались Кипиани, Мартынову и Ковалеву — по одному на стрелковый полк. В своем резерве я оставил 2-й батальон 696-го полка.

На перегруппировку сил дивизии было не так уж и много времени. Да если еще учесть, что Мартынов выдвигался

гался на передний край в темноте, можно представить всю сложность его задачи. И вот в этой обстановке очень хорошо показали себя политработники, партийные активисты. Например, по получении боевого приказа комиссар 696-го стрелкового полка старший политрук М. И. Романов четко организовал партийно-политическую работу. Накоротке провели заседание партбюро, на котором присутствовали комиссары батальонов. После заседания члены бюро тут же разошлись по ротам с целью помочь политрукам провести партийно-комсомольские собрания, правильно расставить актив, разъяснить личному составу боевую задачу и, наконец, провести митинги.

Мы действительно использовали эту форму повышения боевого духа бойцов. На рассвете 16 октября митинги прошли во всех подразделениях дивизии. Нельзя было собрать всю роту, собирали взвод. Выступления короткие, всего, может быть, три-четыре фразы. Но в каждой из них — ненависть к врагу и любовь к Отечеству. «Стоять насмерть!» — в этой резолюции сливались и чувства, и воля наших бойцов и командиров.

В 9 часов 16 октября на передний край нашей обороны обрушился шквал артиллерийского огня. Над полками повисла карусель немецких самолетов-бомбардировщиков.

Со своего НП по телефону связываюсь с командирами полков. Докладывают, что потери есть, но незначительные. Вот и опять оправдывается наша надежда на щели. Они и убежище, они и окопы для истребителей танков. И если танки сейчас появятся...

— Товарищ полковник, смотрите! — сказал мне капитан Д. А. Филин, начальник разведки дивизии. А я уже увидел и сам: поднявшуюся в атаку немецкую пехоту теперь вели за собой танки, вынолзающие из-за горизонта.

С утра, еще до начала боя, ко мне на наблюдательный пункт приехал комиссар штаба 18-й армии дивизионный комиссар И. И. Жуков. Я видел его впервые, и этот пожилой человек показался мне почему-то очень угрюмым. Стоя рядом со мной в окопе, он только наблюдал и молчал. Его молчание даже раздражало. Но когда противник, несмотря на огонь наших пулеметов и орудий, почти достиг окопов мартыновского полка, я забыл о существовании дивизионного комиссара. Как-то выдержат шахтеры

этот патиск! От волнения пересохло во рту, захотелось пить. И вот же перед глазами — кружка с водой. Повернул голову, а это Жуков. Протягивает и улыбается.

— Не беспокойтесь, — говорю ему, — выдержим.

— А я и не беспокоюсь, Провалов. Хорошо дерутся горняки!.. Смотри, горит! Еще один!

На участке обороны, занятом 1-м стрелковым батальоном лейтенанта Л. А. Щербака, дымили два танка. Через окуляры стереотрубы хорошо было видно, как падали расстрелянные в упор члены экипажей, пытавшиеся покинуть горящие машины... В этот день и в последующих боях не раз приходилось наблюдать, как бойцы и командиры дивизии останавливали ползущие на них бронированные машины, но вот эти две запомнились мне на всю жизнь. И то, что они горели не перед передним краем, а уже внутри оборонительного батальонного района, означало: танки подожжены, вернее всего, не из артиллерийских гранат или бутылками с горючей смесью. Значит, не пропали наши труды! Значит, танкобоязнь преодолена! словно в подтверждение этих моих мыслей характерные четыре дыма появились и на участке полка Ковалева. Там тоже жгли стальные машины.

Я немедленно послал своего адъютанта лейтенанта Т. М. Мица к Мартынову узнать, кто и как подбил первые два танка. Миц очень быстро вернулся на НП и доложил: политрук роты младший политрук Букин Павел Федорович — связкой гранат, помкомвзвода сержант Карташев Дмитрий Агафонович — бутылкой КС... Память — довольно ненадежная штука. Сколько стерлось в ней имен и фамилий других бойцов-шахтеров, дравшихся с ненавистным врагом так же мужественно и стойко, как сражались в первом бою Павел Букин и Дмитрий Карташев. Работая над книгой, приходилось то и дело обращаться к архивам, чтобы вспомнить имя того или иного героя. Но имена вот этих двоих — политрука и помкомвзвода — врезались в память так, что вряд ли уже забудутся.

А противник между тем откатился.

— Ну вот, — сказал Жуков, жизнерадостно, по-молодому улыбнувшись, — можно и передохнуть. Услуга за услугу, Константин Иванович: я тебя напоил, ты меня накорми...

За трое суток я не менял своего наблюдательного пункта. Он находился все там же, где его оборудовали в ночь на 14 октября. И теперь он казался давно обжитым,

этот наш окоп. Дно застлано сеном из стоявшего неподалеку стога. Из снарядных ящиков сооружено некое подобие стола, на котором лежала карта и стоял телефонный аппарат. А адъютант уже расставляет на том бесхитростном сооружении вспоротые консервные банки, большими ломтями режет хлеб...

Зазуммерил телефон. Я взял трубку, докладывал командир 696-го стрелкового полка. Сначала по всей форме как положено, а заключил свой доклад несколько хвастливо:

— В общем, набили мы им морду, товарищ полковник! И еще...

— Потери большие? — перебил я Мартынова.

— Есть немного, товарищ полковник...

Немного... С НП просматривалось, как с позиций мартыновского полка в тыл эвакуируются раненые. Кто еще мог передвигаться, шел сам, кто не мог — того выносили на плечах санитары. Чуть позади стрелковых окопов взмывались выбросы земли — там копали могилы для погибших шахтеров. Такая же картина, судя по докладам командиров полков, была на участках Кипиани и Ковалева. Подсчеты показали, что после двух дней боев мы потеряли убитыми и ранеными каждого десятого. Больше всего потерь понесено от артиллерийско-минометного огня и бомбежки.

Трехкратное превосходство врага в артиллерии и минометах, отсутствие у нас прикрытия с воздуха сказывались сильно. Да, если бы хоть чуть-чуть нас прикрыла авиация, людей мы теряли бы гораздо меньше. А их надо беречь для завтрашнего и послезавтрашнего боя. Они, я уже понял это, будут стоять насмерть. Враг может вклиниться в нашу жиденькую оборону, от роты может уцелеть одно отделение, но и оно будет бить врага... С такими бойцами плохо воевать нельзя. И нельзя допустить прорыва противника к городу.

— Думай, комдив, думай, — словно подслушав мои мысли, сказал Жуков. — Все зависит от тебя. А шахтерскому войску твоему просто цены нет. Крепко немца бьют. Так и доложу командующему. Только убери, пожалуйста, гражданских с поля боя...

Действительно, на передовой то и дело мелькали женские косынки. Приказал командирам полков всех горнячек, оказавшихся в окопах, немедленно направить на мой наблюдательный пункт. Кое-как удалось убрать из бое-

ных победок что то около тридцати женщин. Они собрались в III и устроили форменный бунт. Мол, что это за придки такие, если нельзя уж и раненых перевязывать. Особенно запомнилась одна — бойкая, языкастая, громкоголосая жена лейтенанта Луценко, командира взвода из 691-го стрелкового полка.

— Да что он нам за указ! — горячилась она. — Пусть своими солдатами командует, а мы и без командира обойдемся! Что, не знаем, что ли, как раненого мужика оперенать!..

Кое-как урезонили их. Но было больно смотреть, как, обливаясь слезами, женщины побрели в тыл, неистощимые в своих чувствах любви и ненависти.

Спустя некоторое время противник снова начал атаку. Отдельный противотанковый дивизион, занимавший огневые позиции на скатах высот 170,0 и 188,0 (северо-восточнее Елизаветовки и Антоновки), поджег четыре танка, но гитлеровцы уже вплотную приблизились к нашим окопам. Особенно яростно они насели на юго-восточную окраину Елизаветовки, где оборонялись правофланговые роты 691-го стрелкового полка. Там создалось критическое положение, и я бросил туда свой резерв — батальон старшего лейтенанта Карасева.

Командир полка придал батальону две полковые 76-миллиметровые пушки во главе со старшим лейтенантом Левицким и политруком Казанцом, уже пожилым, как помнится, человеком. Карасев восстановил положение, но фашисты, подбрасывая все новые и новые силы, опять потеснили роты 2-го батальона 696-го полка. Комбату, чтобы отбросить противника, пришлось неоднократно поднимать своих бойцов в штыковые контратаки. В одной из них, когда он лично вел 4-ю роту, автоматная очередь сразила старшего лейтенанта. Тяжело раненого, его унесли с поля боя. Командование ротой принял заместитель начальника политотдела старший политрук Павел Петрович Сирооккий, находившийся в боевых порядках. Бесстрашно ведя за собой шахтеров, он выстрелами из револьвера уложил четырех автоматчиков, но тут же был убит сам. Я плохо знал Павла Петровича, он прибыл в дивизию перед началом боев, но вот память о нем хранию до сих пор. По-комиссарски отважный был человек... После гибели Сирооккого роту возглавил какой-то старший сержант. Я не смог вспомнить его фамилию. Нет ее и в архивах. Видно, комиссар 696-го стрелкового полка старший

политрук М. И. Романов, сообщив на НП о герое по телефону, не назвал его в политдонесении. Прошло столько времени, но, может, человек жив и сейчас. Может, прочтает эти строчки да отзовется...

Сойдясь с гитлеровцами в рукопашной схватке, второй батальон опрокинул их и обратил в бегство. Одновременно противник отошел и на других участках. Но ненадолго. Часа через два вновь над нашей обороной, в основном на участке Елизаветовка, Константиновка, нависли немецкие бомбардировщики, враг произвел сильный огневой палет из артиллерии и минометов, и гитлеровская пехота при поддержке танков снова ринулась в атаку. Две пушки старшего лейтенанта Левицкого в упор расстреливают вражеские танки. Вот уже два пылают дымными факелами. Но немцы вклиниваются в нашу оборону. И так уже напряженная до предела, она растягивается еще больше. Натиск в центре. Мартынов отдал Елизаветовку, но тут же оправился и ударил по селу. Противник выбит!

На других участках обороны дивизии тоже нелегко. Особенно на правом фланге, у Кипиани. Ценой больших потерь немецко-итальянские части заняли Ильинку, Успеновку. Именно в этот момент я пожалел о своей ошибке: дивизионную артгруппу расформировывать было нельзя. Несколько стабильнее положение полка Ковалева. И я рискнул: снял с левого фланга одну батарею артполка и перебросил ее на участок Кипиани. Артиллеристы успели быстро. Под командованием своего комбата лейтенанта Ф. Н. Гусева они заняли огневую позицию и открыли огонь по Успеновке. Батальоны 694-го полка поднялись в атаку. В 16.30 гитлеровцы были выбиты из села. К заходу солнца фронт дивизии проходил по тем же окопам, которые оборудовались здесь трое суток назад. Только стал он еще реже. Мы потеряли более пятисот своих боевых товарищей. Но противник дорого заплатил за их гибель: перед фронтом обороны дивизии осталось около 1200 убитых немцев и итальянцев. Полки дивизии сожгли около двух десятков танков, уничтожили несколько артиллерийских и минометных батарей, много другой техники.

С утра 17 октября общая картина боя повторилась: он сразу же принял ожесточенный характер. Из рук в руки переходят Дачное, Успеновка на участке Кипиани,

Анновка, Екатериновка — у Мартынова, Еленовка — у Ковалева. А я ничем не могу помочь полкам: единственный свой резерв, моторавиэдроту, держу на самый-самый крайний случай.

Все время приходится маневрировать противотанковым дивизионом: бросаю его с фланга на фланг, оттуда — в центр обороны. А атаки гитлеровцев следуют одна за другой, и противотанкисты еле успевают оборачиваться.

Как назло, нет связи с правым соседом — 296-й стрелковой дивизией Юго-Западного фронта. С генералом П. Я. Кириченко, командиром 38-й кавдивизии, которая дерется слева, связь и взаимодействие прекрасные. Я говорил с комдивом по телефону. Там тоже шел ожесточенный бой. И красноармейцы-кошники стойко, проявляя героизм, держат свой рубеж, не отходят ни на шаг. Так что стоим локоть к локтю. А вот с 296-й — хуже некуда. Послал туда связных. Возвращаются, докладывают: справа от 694-го стрелкового полка на 15 километров пусто — ни противника, ни наших...

15 километров!.. Того и жди, что противник бросит в эту брешь подвижные части и пойдет гулять по нашим тылам. Через командира связи в строго секретном порядке сообщаю о разрыве капитану Киппани, и он подтягивает свою резервную роту к самому флангу. Задача роты: в случае необходимости контратаковать в северном направлении. К счастью, командующий 17-й армией вермахта так и не воспользовался разрывом между двумя нашими соединениями. Почему? Сказать трудно. Вероятнее всего, потому, что так уж привык воевать: уперся в нашу оборону и дубасит стальными кулаками.

В тот день, 17 октября, в дивизию пришел приказ, подписанный командующим войсками Южного фронта генерал-полковником Я. Т. Черевиченко. В приказе говорилось:

«Молодая, недавно сформированная из горняков Донбасса 383-я стрелковая дивизия в бою 16.X.41 г. при отражении наступления противника проявила образцы стойкости и мужества.

Отмечая умелое руководство боем и смелые действия 383-й стрелковой дивизии, приказываю:

Объявить благодарность от Военного совета фронта всему личному составу, участвовавшему в этом бою, а

особо отличившихся бойцов, командиров и политработников и командира 383-й стрелковой дивизии представить к правительственной награде».

Нет, видимо, необходимости объяснять, почему мы постарались немедленно довести содержание приказа до каждого командира и красноармейца. Высокая оценка боевых действий шахтерского соединения воодушевила нас на еще более решительную стойкость в защите священных рубежей родной земли. В неимоверно сложной обстановке, когда атаки противника следовали одна за другой, в ротах ухитрились провести митинги и открытые партийные собрания. На партсобраниях многие отличившиеся в бою бойцы и командиры, а также политработники из числа комсомольцев подавали заявления с просьбой принять их в партию. Я знаю, в частности, что пожилой шахтер-красноармеец Я. Я. Голоколосов, который накануне проявил в бою отвагу и мужество, был принят кандидатом в члены ВКП(б) именно 17 октября так же, как младший политрук П. Ф. Букин, уничтоживший 15 октября танк, — в члены ВКП(б).

Решение в самую трудную минуту связать свою жизнь с ленинской партией приходило к бойцам не случайно. В непрерывном и жестоком трехсуточном бою образцы отваги, мужества и героизма показывали в первую очередь коммунисты. Именно они способствовали тому, что героизм личного состава 383-й стрелковой дивизии уже с первых дней боев стал массовым.

Не называю здесь всех отличившихся коммунистов только потому, что это сделать невозможно. Но вот лишь некоторые примеры. Секретарь комсомольского бюро 696-го стрелкового полка член партии политрук Загинайлов, увлекая за собой группу красноармейцев, первым ворвался в дом на окраине Елизаветовки и уничтожил находившееся там пулеметное гнездо. Политрук 1-й пулеметной роты 694-го стрелкового полка П. С. Стрюк, командуя взводом, под сильным артогнем противника сумел сохранить материальную часть и затем уничтожил до роты немецких пехотинцев. Член ВКП(б) красноармеец С. Г. Савушкин из 691-го стрелкового полка вместе со своим пулеметом оказался отрезанным от подразделения, но не растерялся и, отражая натиск врага, убил 10 фашистов. Он сумел пробиться к своей роте, сохранив при этом пулемет. Командир отделения коммунист-сержант Сазоненко был ранен в бою. К нему на помощь пришел

красноармеец Ковтушенко, но сержант ~~отказался~~ уйти в тыл и продолжал уничтожать немецко-фашистских захватчиков. Второй вражеской пулей член ВКП(б) Сезо-ненко был убит...

...Подразделения и части дивизии, воодушевленные приказом командующего войсками Южного фронта, отбивали седьмую за день атаку. Положение было напряженным всюду. Но на участке 696-го стрелкового полка, под Елизаветовкой, оно оказалось критическим. Сюда немцы бросали все новые и новые силы пехоты, поддержанной танками. Именно здесь они решили прорвать нашу оборону. И гитлеровцам это, казалось, удалось. В двух местах они прорубили в боевых порядках полка узкие бреши и окружили 2-й и 3-й батальоны. Подполковник Мартынов, боясь потерять и 1-й батальон, отвел его назад. Создалась угроза прорыва врага на десятикилометровом фронте.

Мне было жалко терять людей. Но приказ «Стоять насмерть!» я отдал не только им. Себе тоже. Если нет резервов, если нет возможности для маневра, значит, единственный выход — драться до последнего патрона, до последнего человека. Отдав распоряжение командиру разведроты готовить подразделение для контратаки в направлении Елизаветовки, я соединился по телефону с Мартыновым и приказал одной ротой из батальона лейтенанта Щербака помочь оказавшимся в окружении восстановить положение.

А окруженные, продолжая вести упорный, ожесточенный бой в круговой обороне, сковали противника так, что он не смог двигаться дальше, в глубину боевых порядков нашей дивизии... Я вызвал к себе на НП командира разведчиков, чтобы поставить ему задачу на контратаку. Но сделать этого не успел — позвонил командующий 18-й армией генерал-майор В. Я. Колпакчи.

— Как дела, Провалов? — спросил он.

— Держусь, товарищ командующий, но из последних сил. Жарко.

Генерал помолчал, потом устало бросил в трубку:

— Стой до вечера. А я сейчас тебе помогу, пришлю спецдивизион. Называй точку, куда прислать. Только смотри: если с ним что-нибудь случится, отвечать будешь головой. Понял?

Дивизион специального назначения — так в сорок первом назывались подразделения реактивных установок, по-

лучившие вскоре наименование подразделений и частей гвардейских минометов, а попросту, по-солдатски — «катюш». Оружие это было совершенно секретным. Дивизион подчинялся командующему войсками фронта и мог передаваться в оперативное подчинение командующему армией. При использовании «катюш» для их охраны с фронта назначалось не менее стрелкового батальона. А где его найдешь, этот батальон, когда и в боевых порядках не хватает людей! Поэтому некоторые командиры дивизий не хотели брать и не брали спецдивизиона. Да и, откровенно говоря, кому хочется идти под суд, если хотя бы маленькая деталь пусковой установки достанется врагу!

Но у меня не было выхода. Мы договорились с командующим армией, что навстречу дивизиону я вышлю командира, и тот приведет его к моему НП...

Лежа на копне сена, я наблюдал за боем 696-го стрелкового полка в Елизаветовке. 3-й батальон капитана Н. М. Гоголева постепенно выходил из села через коридор в кольце гитлеровцев, пробитый одной ротой 1-го батальона. Теперь бы еще выволить остальные подразделения, и тогда мы посмотрим, чья возьмет!.. Впереди моего наблюдательного пункта, метрах в двухстах, заняли оборону разведроты и бойцы тыловых подразделений дивизии — прикрытые ожидавшегося дивизиона реактивных установок.

К лесу у юго-западной окраины Елизаветовки подошла колонна машин с пехотой и три танка противника. Только она рассредоточилась по лесному массиву, туда же потянулась вторая колонна. Опять подкрепление. А спецдивизиона все нет и нет.

Но вот позади меня послышалось гудение автомобильных моторов. Я оглянулся. В полкилометре от НП по увалам шли ЗИСы с зачехленными установками!.. Из кабины передней машины выскочил Миц, мой адъютант, за ним невысокий артиллерист. Подбежал, представился: это был командир спецдивизиона майор Зайцев.

— Охранение, я вижу, есть, — сказал он. — Какая цель, товарищ полковник?

— Лес юго-западнее Елизаветовки. До двух батальонов пехоты с танками.

— Годится! — неожиданно весело воскликнул Зайцев и, не дожидаясь еще каких-либо указаний, бросился к своим установкам.

На подготовку зала ушло минут десять. Расчеты работали споро. Я решил подойти к ним, чтобы поближе посмотреть и само оружие, и как оно будет работать. Но, не успев приблизиться, увидел, что номера установок бегут от машин. Какой-то младший командир, заметив меня, решительно крикнул, почти что приказал:

— Товарищ полковник! В укрытие!

Я бросился за ним. Только мы успели залечь, дивизион дал залп.

Впечатляло все: и сам сход огненных стрел с направляющих, и клубы пыли за машинами, и оглушительный свистящий гром. Но все ожидания превзошел эффект работы дивизиона. Лес за Елизаветовкой сначала вздыбился десятками разрывов, потом, когда осели поднятые в воздух огромные массы земли, окрасился краснотой пожара. Это был даже не пожар, а какой-то огненный смерч, который уничтожал все. Долго казалось, что земля под ногами ходит ходуном, гудит, и от этого еще больше усиливалось ликование, которое охватило наших бойцов.

Противник был ошеломлен, парализован. Опомнившись, он бежал из Елизаветовки, и Мартынов восстановил свое положение. Отошли гитлеровцы и на других участках. Больше атак в этот день, 17 октября, они не предпринимали.

Мы с комиссаром дивизии сразу же поехали на участок 696-го стрелкового полка. 2-й батальон погиб почти полностью. Но шахтеры дорого отдали свои жизни. Вокруг каждого окопа, около каждого дома валялись десятки убитых немцев. Особенно много, больше полусотни, было уничтожено их около хаты, в которой со своим станковым пулеметом держал оборону красноармеец Иван Чолпан, бывший рабочий шахты № 2—7 «Лидиевка». Он дрался до последнего патрона и погиб смертью героя.

С наступлением темноты я получил приказ отвести части дивизии на новый промежуточный оборонительный рубеж Кураховка, Максимилиановка, Марьяинка, Александровка, Андреевка. Слева от нас отходила 38-я кавалерийская дивизия. О 296-й стрелковой, которая должна была действовать справа, сведений по-прежнему не было. И наш северо-западный фланг оставался открытым.

Командиры, политработники и бойцы покидали свои позиции с горькими чувствами. Они оставляли здесь до

1500 своих боевых товарищей, отдавших жизнь за Родину. Эта горечь несколько приглушалась тем, что за четыре дня боев 383-я стрелковая дивизия уничтожила около 3000 солдат и офицеров противника, более трех десятков танков, несколько артиллерийских и минометных батарей, несколько десятков бронетранспортеров и автомобилей.

Ширина оборонительной полосы на новом рубеже была ничуть не меньше, чем на первом, и я, откровенно говоря, не очень понимал смысл этого отхода. Но тогда нам не было известно, что еще 16 октября генерал-полковник Я. Т. Черевиченко в соответствии с директивой Ставки отдал приказ, который предписывал войскам фронта к 30 октября отойти на подготовленный рубеж обороны Артемовск, Горловка, Иловайск, удерживая при этом левым крылом Амвросиевку, Матвеев Курган, Таганрог.

Враг не перегруппировывал своих сил. Опять против правого нашего фланга действовала итальянская кавалерия и итальянская же пехота при поддержке танковых подразделений, в центре и на левом фланге, против 696-го и 691-го стрелковых полков, — части и подразделения 1-й горнострелковой дивизии немцев с танками.

Три дня боев истощили запас бутылок с горючей смесью, в которые личный состав подразделений поверил еще тогда, когда мы в Сталино отучали людей от танкобоязни. И вот в Марьинке на роту, которой командовал помощник начальника политотдела по комсомольской работе младший политрук Дмитрий Мельников, заменивший выбывшего из строя командира, двинулись три танка. Рота потерялась: чем их возьмешь? Бутылок-то — ни одной!

— Вязать ремнями связки гранат! — приказал младший политрук и первым приступил к делу. Он едва успел присесть в окопе, как над ним поползло бронированное днище танка. Как только он перескочил через укрытие Мельникова, тот приподнялся и швырнул связку ручных гранат на трансмиссию. Стальная громадина остановилась и вспыхнула. Два других танка попытались ретироваться, но в это время прямо на шоссе развернулась батарея 45-миллиметровых противотанковых пушек, которую я послал в Марьинку из своего последнего резерва. Обе вражеские машины были подбиты с первых же выстрелов.

Весьма трудное положение сложилось под Александровкой, которую оборонял батальон лейтенанта Щербака. С утра здесь уже отразили две жесточайшие атаки, нане-

ся гитлеровцам большие потери. Однако после обеда, получив подкрепление, фашисты силой до двух батальонов с танками предприняли третью атаку на роту лейтенанта Н. Н. Воронкова, оборонявшую юго-западную окраину села. Поредевшее почти наполовину, подразделение вынуждено было сдать свои позиции.

Узнав об этом, комиссар полка старший политрук М. И. Романов собрал около 50 бойцов из хозяйственных подразделений, привел их к отошедшей роте, побеседовал с людьми. И бойцы воспрянули духом.

— Ну что ж, тогда в атаку — вперед! — просто скажи Михаил Ильич и, вытащив из кобуры наган, крикнул: — За нашу любимую Родину, бей фашистскую нечисть!..

В течение двух часов 3-я рота вела неравный бой с закрепившимся в Александровке противником и все-таки выбила его из села. Немцы оставили на месте этой жаркой схватки более 100 трупов.

Во второй половине дня по всему фронту обороны дивизии наступила небольшая передышка. Видимо, командование 1-й горнострелковой дивизии и итальянского экспедиционного корпуса решило снова собрать силы в кулак и таранным ударом пробить наконец брешь в обороне шахтеров. Будь у нас хотя бы один полнокровный стрелковый батальон в резерве да десяток танков, можно было бы ударить в основание этого немецкого тарана. Тогда гитлеровцам пришлось бы плохо. Но резерва никакого уже не было, помощи, подкреплений ниоткуда не ожидалось.

Главный удар противник нанес в стык флангов двух батальонов 696-го стрелкового полка. На остальных участках обороны дивизии натиск был тоже сильным, но здесь, у Мартынова, творилось нечто необычное. Немецкие пехотинцы шли за танками в полный рост, с засученными до локтей рукавами и, по-пьяному горланя, стреляли из автоматов длинными очередями. Огнем из станковых и ручных пулеметов, минометов и винтовок бойцы батальона капитана Гоголева и минометной батареи старшего лейтенанта Голубчикова выкашивали ряды врага.

С наблюдательного пункта я вдруг заметил два наших минометных расчета, которые то и дело перемещались с одного места на другое вдоль фронта 3-го батальона 696-го стрелкового полка. Сделают три-четыре выстрела — и снова меняют огневую позицию. Выпущенные ими

мины рвались в самой гуще наступающего противника, надежно отсекая немецкую пехоту от танков... Как потом выяснилось, это политрук минометной батареи А. М. Большинский, приняв на себя командование расчетами младших командиров Чернышова и Сумского, превратил их в кочующие огневые точки, в нужный момент появлявшиеся там, где положение было наиболее опасным.

Однако очень уж неравными были силы. Большое численное превосходство гитлеровцев позволяло им сохранить значительную мощь для непрерывного давления на нашу оборону. И вот противник кое-где уже вклинивается в нее. Один вражеский танк утюжит окоп, заживо хороня в нем нашего бойца. Но из соседней щели в него летит бутылка с горючей смесью, и небольшой поначалу факел вспыхнувшего пламени уже через несколько секунд окутывает всю машину. Это меткий и смелый бросок коммуниста Е. Фетисова. Другой танк, раздавив расчет станкового пулемета, уже ползет на позиции минометчиков. Но и его останавливают. Сработали противотанкисты, замаскировавшие пушку под скирдой соломы.

Вижу, как, теснимые гитлеровцами, отходят сразу две роты — левофланговая 696-го и правофланговая 691-го стрелковых полков. Вызываю по телефону Мартынова и Ковалева. Мартынов отвечает сразу. Ковалев молчит. Миц, мой адъютант, без слов понимает меня, вскакивает на коня и напрямик мчится к боевым порядкам 691-го полка. Повезет, не убьют — через пять — десять минут Ковалев примет меры для укрепления фланга. А Мартынов уже принимает...

Позвонил Кипиани, доложил, что противник занял Максимилиановку, но брошенная в бой резервная рота и бойцы тыловых подразделений отбили село.

— Так что, еще помощь нужна? — спрашиваю.

— Держусь на честном слове, товарищ полковник...

— Вот и держись, Шалва Иванович. Взвода — и того дать не могу.

— Я вас понял...

Помощь... Командиры полков ждут ее от меня, я — от командарма. Ну а что мне даст командарм? У него-то тоже, наверное, ничего нет. А может, есть? Тот же Зайцев!

Приказываю радисту связаться со штабом армии. Ему удастся это неожиданно быстро. И вот уже разговариваю с генералом Колнакчи.

— Слушаю, Провалов, — говорит он.

— Если есть возможность, прошу прислать Зайцева.
— Он не потребуется. Немедленно сверни свое хозяйство и отходи. Даю координаты...

Дивизия должна отойти на рубеж Горняк, Красногоровка, Рутченково, Мандрыкино, Авдотьино. Отойти средь бела дня, под непрерывным воздействием немецко-итальянских войск.

— Вряд ли удастся, товарищ Семнадцатый. Не слезет он с моей шеи.

— Ладно. Посылаю Зайцева. Но как только он отрабатает — сразу же отходи. Это приказ...

Между тем положение на стыке флангов 696-го и 691-го стрелковых полков восстанавливалось. Обе отошедшие роты одновременно контратаковали вклинившегося в нашу оборону противника и отбросили его. Потом стало известно, что организовал там контратаку первый помощник начальника штаба 696-го полка лейтенант М. В. Подавильников, посланный на левый фланг Мартыновым. Лейтенант был кадровым командиром. До прибытия в 383-ю дивизию он уже успел повоевать с немецко-фашистскими захватчиками, и этот опыт позволил ему действовать твердо, хладнокровно, умело.

Во время работы над этой книгой я получил письмо от Михаила Васильевича Подавильникова — старшего инженера отдела технического обучения машиностроительного завода имени Ленинского комсомола Украины в городе Донецке. Приведу одну выдержку из этого свидетельства. Михаил Васильевич пишет: «Я был послан в третий батальон капитана Гоголева. Фашисты психической атакой потеснили одну из рот, в которой были убиты и командир, и политрук, и начали заходить в тыл полка. Я взял командование ротой на себя. Мы контратаковали и большую часть фашистских автоматчиков уничтожили, а часть из них отступила в направлении Ново-Михайловки. Мы заняли свои позиции...».

В тот момент, когда мы восстановили линию обороны по всему фронту, противнику, видать, потребовалась некоторая передышка, и он прекратил атаку. Мы тотчас же использовали это. По моему приказу полки, оставив заслоны, при возможности незаметно, применяясь к местности, начали организованный отход на северо-восток. Я надеялся выиграть какое-то время, чтобы оторваться от гитлеровцев.

Но незаметно отойти нам не удалось. Первым ~~оши-~~
~~вился~~ командир пемецкой горнострелковой части, ~~насту-~~
~~павшей~~ до этого на Марьинку. Он бросил нам вслед две
роты на бронетранспортерах. Заслон 696-го стрелкового
полка встретил противника дружным пулеметно-ружей-
ным огнем и заставил его спешиться.

Снова предоставляю слово самому М. В. Подавильни-
кову, который остался командовать арьергардным подраз-
делением. В своем письме он пишет: «Нас стали пресле-
довать немцы, которые двигались за нами на бронетранс-
портерах. Оторваться было невозможно, так как среди
нас находилось много раненых. Я приказал занять оборо-
ну и без моего сигнала огня не открывать, потому что
мы оказались уже почти без патронов. Но все равно мы
дали бы фашистам последний бой...»

Сомневаться не приходится: дали бы. «Но вдруг, —
это снова из письма М. В. Подавильникова, — со стороны
Старо-Михайловки раздался какой-то странный по звуку
звон, и над нашими головами пронесся огненный смерч...
Это и спасло нам жизнь».

После огневого налета по скоплению живой силы и
техники в Марьинке, произведенного реактивным диви-
зионом, над передним краем снова повисла тишина. Опять,
как и накануне, на всем фронте обороны дивизии ни ве-
чером, ни ночью противник не предпринимал никаких
боевых действий, даже не вел разведку. Майор Зайцев
прибыл со своими «катюшами» очень вовремя. 383-я диви-
зия организовано, по приказу командарма-18 отошла на
указанный рубеж. И этот рубеж проходил по рабочим
шахтерским окраинам города Сталино (Донецк). Отсюда
мы уходили в бой, сюда вернулись. Вернулись, чтобы
завтра, с рассветом, вступить в новую схватку с нена-
вистным врагом.

К рассвету 19 октября передний край обороны 383-й стрелковой дивизии растянулся по окраинам Сталино — от Горняка до Авдотьино. На карте вырисовалась глубокая подкова, обнимавшая город с трех сторон: с северо-запада, запада и юго-запада. На левом фланге к шахтерам примыкали боевые порядки 30-го полка НКВД, прикрывавшего самую южную окраину, а за ними к юго-востоку уходил передний край обороны спешившейся 38-й кавалерийской дивизии генерала Кириченко. Правый фланг нашей дивизии по-прежнему оставался оголенным, и здесь таилась та из наибольших опасностей, которые существуют для войск, — опасность глубокого обхода наших боевых порядков наступающим противником. К одной роте, которую держал у себя в резерве командир 694-го стрелкового полка капитан Кипиани, надо бы добавить еще по крайней мере три, да артиллерийский дивизион, тогда можно было рассчитывать на успех контратаки в случае обхода нашего правого фланга. Но у нас не было и взвода...

Оборону занимали ночью под нудным осенним дождем, который начался еще с вечера. За пять дней упорных боев, за пять бессонных ночей, которые уходили на то, чтобы оторваться от противника и закрепиться на новом рубеже, люди были измотаны до предела. И вот теперь, уставшие и злые, они рыли ячейки и щели метрах в ста пятидесяти от шахтерских хат, в которых многие жили еще два месяца назад. Одноэтажные окраинные поселки с их бесконечными заборами огласились криками и плачем проснувшихся женщин и детей, истощенным, с подвываниями, лаем собак.

Оставшиеся редко в каких семьях мужчины, в основном старики, брали заступы и шли в боевые порядки ба-

тальянов — помогать рыть окопы. За ними потянулись подростки, а потом и женщины.

Удивительные, бесценные люди! Через три-четыре часа здесь будет жестокий бой, им надо уходить, а они вот копают и копают эту трудную, но оттого еще более родную землю...

Мне уже была известна директива командующего Южным фронтом об отходе войск фронта на линию Красный Лиман, Артемовск, Горловка, Иловайск, Амвросиевка, Матвеев Курган, Таганрог. Из содержания этого документа вытекало, что Сталино мы сдадим. Приказ есть приказ. Разумом я понимал все. Но душа восставала против сдачи этого города, уже ставшего родным.

— ...На что же настраивать бойцов, товарищ полковник? — спросил меня начальник политотдела батальонный комиссар С. Ф. Олейник. Он испытующе смотрел мне прямо в глаза, и горькие складки в уголках его рта пытались разойтись в невеселой улыбке. А улыбки не получалось. Хотя Семен Федорович и не знал содержания последней директивы командующего войсками фронта, но и он, видать, думал так же, как и я: коль дивизии суждено быть заслоном и коль в этом — ее воинский долг, то зачем отходить на какие-то другие рубежи? Шахтеры будут драться за родной город, а это удесятрит их силы и, значит, умножит потери противника.

— Сталино будем защищать до последнего, Семен Федорович, — твердо сказал я.

Вот теперь Олейник улыбнулся.

— Эх, и дадим же мы ему жару, Константин Иванович! — И тут же он вскинулся по-уставному: — Разрешите идти, товарищ полковник?..

Начподив, круто повернувшись, вышел. А через минуту он уже ставил задачу политотдельцам, которые, я знал, дожидались Семена Федоровича в палисаднике хаты, ставшей в эту ночь моим НП. Я не видел, кого из инструкторов привел с собой Олейник, не слышал, что говорил он им, но был совершенно уверен, что для мобилизации физических и духовных сил людей на победу в завтрашнем бою будет сделано все. Через инструкторов политотдела Семен Федорович сейчас поднимет весь партийный и комсомольский актив, поднимет всех коммунистов, и до каждого красноармейца и младшего командира будет донесено то решение, которого все ждали: «Сталино не сдавать!»

Почему я так верил в Олейника?

Он не был «удобным» человеком. Не раз начподив настойчиво доказывал целесообразность того или иного распоряжения и не отставал от меня до тех пор, пока не был удовлетворен моим решением. Сказать больше, Семен Федорович не всегда щадил и мое командирское самолюбие, но не было случая, чтобы это повредило делу. Я слишком хорошо знал, что начподив черпает сведения не из третьих рук и не только из политдонесений комиссаров полков. Большую часть суток он находился в боевых порядках и этого же требовал от всех работников политотдела. Под Марьинкой мне даже пришлось вызвать Семена Федоровича на свой НП и строго предупредить его за то, что он недопустимо часто рискует своей жизнью. Тот попытался возражать, но возражения эти приняты не были, и Олейник до конца боя оставался на наблюдательном пункте командира дивизии.

Мои размышления о деловых качествах начальника политотдела дивизии прервал капитан Филин. Он доложил, что боевым охранением 694-го стрелкового полка задержана группа вооруженных гражданских лиц, называющих себя военнослужащими, выходящими из окружения.

— Старший у них есть?

— Есть, товарищ комдив. Назвался полковником Шевченко...

Ивана Афанасьевича, моего однокашника по академии, вместе с которым в первое утро войны мы попали под бомбежку в Шкло, я узнал с трудом. Заросший, оборванный, до нитки промокший, с ввалившимися глазами, он ничем не напоминал того щеголеватого полковника, которого еще в середине июля, когда Шевченко получил назначение командиром дивизии, я провожал с Киевского вокзала столицы на фронт.

Мы по-братски обнялись. Я велел принести мои запасные гимнастерку и брюки. Пока Иван Афанасьевич переодевался, пока ел, нам с М. С. Корпяком привелось услышать еще об одной трагедии. Дивизия, которой командовал Шевченко, вся полегла под Уманью.

— Сколько же вас осталось?

— Выходило из окружения семьдесят шесть. Двадцать три человека командного состава, семнадцать младших командиров, тридцать шесть красноармейцев. Пятьдесят два человека погибло. Из них похоронено — шест-

надцать. Девять раненых оставлено у местного населения. Четверо пропали без вести. Координаты могил, домашние адреса похороненных и раненых — за обложкой моего партбилета. Вышло десять бойцов: шесть младших командиров и четыре красноармейца. Я одиннадцатый...

Говорил он отрывисто и четко. И в этой четкости мне слышалась его решимость с достоинством ответить за боевые действия теперь уже не существующей дивизии перед любой инстанцией.

Вышедших из окружения переодели в сухое обмундирование, накормили, и я приказал Филину всех младших командиров и красноармейцев отвести в разведроту — будут воевать в разведке. А Ивана Афанасьевича, надевшего мою запасную форму, уложил спать. Он сразу же заснул.

Связавшись с командующим армией, доложил обстановку, а затем — о Шевченко. Генерал Колпакчи слушал не перебивая, а когда я закончил, спросил:

— Ну и что ты предлагаешь?

— Прошу назначить моим начальником штаба.

— Разве у тебя нет?

— Есть, товарищ Семнадцатый. И неплохой вроде бы человек. Но он — из преподавателей. Ему тяжело. А здесь нужен бывалый, обстрелянный командир...

— Согласен. Жди приказа, — быстро решил Колпакчи. — А утром со своим окруженцем стойте как вкопанные. Ни шагу назад. Понял?..

До утра оставался какой-то час.

Как только рассвело, противник начал артподготовку. Она была непродолжительной, но мощной. И еще не кончилась, как из-за увалов показались танки — на всей полосе обороны дивизии около сотни.

100 танков... Рассредоточенные по всему фронту, они плотнее всего шли против нашего правого и левого флангов. Командир гитлеровского танкового соединения, брошенного на 383-ю стрелковую дивизию, был верен тактике клещей: он бил в основание подковы шахтерской обороны.

На правом участке, у Кишиани, мы поставили противотанковый дивизион. А вот у Ковалева противотанковых средств было куда меньше — 3-й дивизион артполка, батарея 76-миллиметровых полковых пушек да связки руч-

ных гранат. Как нам тут не хватало зенитного ~~дивизиона~~на, который накануне мы передали штабу армии! 37-миллиметровые зенитные пушки хорошо проявили себя в борьбе с наземными бронированными целями. Во всяком случае, немецкий Т-III был весьма и весьма уязвим для них.

Местность перед передним краем обороны позволяла противнику быстро сблизиться с нами, и танки, взметая из-под гусениц фонтаны грязи, шли на повышенной скорости. Уже и невооруженным глазом было видно, что густые цепи немецкой пехоты и спешенных итальянских кавалеристов продвигаются за стальной лавиной почти бегом. Поддерживаемые мощным артиллерийско-минометным огнем, они наступали организованно и решительно. Видимо, прибытие такого количества танков крепко обнадежило противника, и он теперь рассчитывал одним ударом опрокинуть нас, а затем с ходу занять город Сталино (Донецк).

Дивизионы 966-го артполка и батареи полковых пушек, пока наступающие не приблизились до 500—600 метров, вели огонь по обнаружившим себя артиллерийским батареям врага. Силы были неравны, противник значительно превосходил нас в артиллерийско-минометных средствах, но это его превосходство сводилось к минимуму за счет более высокого темпа стрельбы наших батарей. Да и подготовлены наши расчеты были получше.

Тут необходимо сказать, что за все время боев мы еще не испытывали недостатка ни в снарядах, ни в минах, ни в ручных гранатах, ни в винтовочных патронах, так как армейские тылы снабжали нас ими в достаточном количестве. Если и пришлось нажимать на вооруженцев, то это делалось не потому, что нам отказывали в боеприпасах, а потому, что снабженцы не всегда бывали расторопны. По крайней мере, тогда вопрос об экономии снарядов и патронов не стоял так остро, как потом на Миусе. Другое дело — бутылки с зажигательной смесью. Бутылок давали мало.

Когда до боевых порядков противника осталось около полукилометра, артиллерия дивизии перенесла огонь на танки. Ударили пушки противотанкового дивизиона. И тотчас на участке 694-го полка, задымив, вспыхнули четыре машины, затем еще две. Два танка зачадили и против переднего края обороны 691-го стрелкового полка. Однако даже столь высокая эффективность наших пер-

вых артиллерийских залпов на этот раз, против правила, не смешала боевые порядки атакующих, не остановила их. Противник продолжал решительное сближение. И вот уже в ход пошли бутылки КС и связки гранат...

Это был самый напряженный из всех боев, проведенных нами в те дни. Но вот странное дело: когда сейчас разговариваешь о нем с ветеранами дивизии, они мало что могут вспомнить. Объясняется это, по-видимому, тем, что к тому времени, то есть после пяти дней непрерывных и изнурительных боевых действий, вся впечатлительность необстрелянных людей, все их чувства, в том числе и чувство самосохранения, уже успели достаточно притупиться. Зато необыкновенно обострилась ненависть к врагу. И эта ненависть, вся до капли, вылилась в решимость биться насмерть.

Кстати, старый солдат наш не любит вспоминать, как он ненавидел. Как лежал в грязи, как ухитрялся хлебать борщ из котелка, пробитого пулей, как потерял новехонький кисет с махоркой — об этом и о другом таком же можно услышать на любой встрече ветеранов. Но с какой ненавистью он всаживал русский штык в раскормленное фашистское брюхо, с каким ожесточением бил прикладом в оскаленную, перекошенную последним страхом пасть гитлеровского головореза — такого не услышишь. Нет этого в натуре нашего человека. Его ненависть к врагу — это ведь его любовь к Родине, точнее, особая форма любви. И проявляется эта ненависть особенно тогда, когда Отечество находится в опасности.

Моральный дух шахтеров в том бою был, как никогда, высок. Пришедший с передовой комиссар штаба дивизии старший политрук Иван Иванович Замкин рассказал мне о пулеметчике-красноармейце Андрее Мотузаеве. Когда противник начал наступление, Мотузаев попросил своего бсевого товарища:

— Слушай-ка... В случае чего передай нашему парт-оргу: мол, так и так, Мотузаев погиб коммунистом.

— Да ладно тебе, Андрюха!

— Не ладно! Велено — значит, передай...

Пулеметчик дрался до последнего патрона. Когда умолк пулемет, герой взял винтовку. В этот момент фашистская пуля сразила, как тогда говорили, беспартийного большевика...

Шахтеры дрались на пороге родного дома, и это придавало им столько сил, что противник должен был дрог-

нуть, должен был откатиться. И он стал отходить. Первым сообщил об этом капитан Кипиани.

— Подполковник Ткачев, — добавил присланный командиром 694-го стрелкового полка связной, — приказал доложить, что перебрасывает противотанковый дивизион на участок мартыновского полка.

Вот молодец! Начальник артиллерии словно угадал мои мысли. Сейчас он поставит пушки на южной окраине Рутченково, и танки, которые таранят оборону 691-го стрелкового полка, подставят свои борта под огонь наших противотанкистов! Так оно и случилось. Минут через пятнадцать я увидел с НП, как на участке Ковалева вздыбилось семь новых дымов. И почти тут же командир 691-го тоже доложил по телефону, что противник отходит.

Подошла и помощь командарма, которую я попросил у него. Он снова прислал дивизион «катюш». Только командовал этим подразделением не майор Зайцев, а какой-то невысокий капитан. Он докладывал такой скороговоркой, что я и не разобрал, какая у него фамилия. А переспрашивать было некогда. Запомнилось только, что командир был собран, подтянут, и я даже залюбовался им.

Меня по-прежнему беспокоил оголенный правый фланг, и, хотя на левом, у Ковалева, потери были несколько больше, в качестве цели для залпа «катюш» я указал скопление танков и пехоты противника в полукилометре юго-восточнее Галицыновки. Именно там сосредоточились немецко-фашистские части, откатившиеся под ударом 694-го стрелкового полка.

Командир «катюш» распорядился хорошо: точно рассчитанный залп накрыл до батальона пехоты и десятка полтора танков. Однако мы понимали, что эта работа эрсовцев, пусть даже и столь эффективная, не заставит противника отказаться от дальнейшего штурма Сталино. Конечно, вторая атака врага была значительно задержана — почти на пять часов. Но во второй половине дня, перегруппировав свои силы, немецко-итальянские пехотные, кавалерийские и танковые части с еще большим упорством повели атаку на позиции 383-й стрелковой дивизии.

На этот раз главный удар танкового тарана пришелся по левофланговому батальону 691-го стрелкового полка, по его стыку с 30-м полком НКВД. Майор С. Е. Ковалев, командир 691-го, поскакал со своего НП в Авдотьино — туда, где складывалась наиболее критическая ситуация.

Одновременно противник (тоже пехота с танками) усилил нажим и на 694-й стрелковый полк. Капитан Кириани, опасаясь обхода справа, все больше и больше заворачивал свой фланг фронтом на северо-запад. А это означало, что сжимается и вся подкова обороны дивизии. Стоит теперь прорвать ее в каком-то одном месте (а вероятнее всего, гитлеровцы попытаются сделать это на южном фланге), и вся дивизия окажется в мешке.

Конечно, мы были готовы и к тому, чтобы драться в окружении. Когда принимается решение стоять насмерть, оно ведь предполагает и вариант круговой обороны. Но отсечение дивизии от города привело бы к немедленному захвату Сталино и, самое основное, — к выходу немецко-итальянских дивизий в тылы остальных соединений 18-й армии.

По всему выходило, что противник вот-вот должен был нанести еще один удар по обороне. Только в каком месте?..

Позвонил полковник Шевченко, доложил, что решением командарма нам подчиняются все воинские части и вооруженные отряды рабочих, расположенные в городе, а также две роты 30-го полка НКВД. Одну из этих рот (100 человек) под командованием майора Яблочкина начальник штаба дивизии уже направил к моему НП в Рутченково, вторую роту НКВД и рабочие формирования направит, как только разыщет их. Молодец, Иван Афанасьевич! Это было очень кстати. Я все больше склонялся к мысли, что танковый таран противника гораздо мощнее, чем тот, который сейчас бьет по Авдотьино, ударит на Рутченково, вдоль дороги Марьянка — Сталино. Тем более что на стыке 691-го и 696-го полков гитлеровцы атакуют пока что как-то вяловато. Будто только обозначают атаку.

Значит, Рутченково? Ну что ж, в резерве есть еще противотанковый дивизион, который во время пятичасовой передышки возвратился с участка 696-го стрелкового полка и теперь находился рядом с НП. А минут через двадцать будут и сто хорошо обученных бойцов майора Яблочкина. Это уже сила, которую при надобности можно будет бросить навстречу стальному кулаку противника...

Я приказал начальнику штаба всех собранных бойцов из отрядов самообороны распределить по полкам, а еще одну роту НКВД, тоже по возможности, быстрее отправить в Рутченково. Тут же стал связываться с Ковалевым. Но, как назло, где-то на линии был разрыв. Обер-

нулся в поисках начальника связи дивизии. Майора И. С. Рукодельцева на НП не оказалось. Он уже принимал меры для восстановления телефонного кабеля. Но дорога была каждая минута, и капитан В. П. Прудник, начальник оперативного отделения, поскакал к Ковалеву, чтобы еще раз повторить приказ: назад ни шагу. С этой же задачей в 694-й стрелковый полк направился начальник разведки дивизии капитан Д. А. Филин, а в 696-й — комиссар штаба старший политрук И. И. Замкин.

Ивану Ивановичу было не обязательно сидеть на НП. Обычно со мной здесь работала только небольшая группа: начальник артиллерии, начальник связи, дивизионный разведчик да адъютант. Остальные штабные командиры и работники политотдела находились на командном пункте. Но Замкин, как и помощник начподлива по комсомолу младший политрук Мельников, то и дело попадался мне на глаза. На передовой жарко — они там, как только чуть передышка — уже на наблюдательном пункте. Комиссар дивизии и начальник политотдела воспринимали это как должное и, когда у них появлялась необходимость отдать Замкину или Мельникову какое-либо распоряжение, шли на мой НП: здесь-то уж обязательно дождутся и того и другого. Откровенно говоря, иногда возникало желание запретить политработникам собираться на наблюдательном пункте. Но, с другой стороны, мне нравилась такая работа. Бывая в боевых порядках, политотдельцы знали о настроениях бойцов, об их состоянии. А довольно часто появляясь на НП, они хорошо ориентировались в общей обстановке и всегда имели четкое представление о том, куда, к кому и с чем им идти в той или иной фазе боевых действий.

Некоторое отступление от канвы повествования понадобилось мне не только для того, чтобы сказать о политработниках то доброе слово, которого они заслужили. Надо, видимо, объяснить читателю, почему я послал в 696-й стрелковый полк именно комиссара штаба. Он не собирался к Мартышову. Незадолго до звонка полковника Шевченко я слышал, как Иван Иванович говорил Мельникову:

— Значит, так. Я сейчас в полк Ковалева. А ты — к Кишани. У тебя, Дима, ноги помоложе...

Однако, когда мне понадобилось отправить Прудника в 691-й, а Филина — в 694-й полк, Замкин быстро сорие-

тировался в сложившихся обстоятельствах и подошел ко мне.

— Товарищ комдив, я как раз собирался к Мартынову — приказ ваш ему будет передан. Еще какие-либо распоряжения будут?

— Распоряжений пока никаких, а вот чтобы они там на фланги попристальней поглядывали — об этом напомните.

— Есть, товарищ комдив. Ну, а младшего политрука разрешите пока оставить с вами. На всякий случай.

«На всякий случай»!.. Ни я, ни Замкин еще не знали, что такой случай представится нам очень скоро, и младший политрук Дмитрий Иванович Мельников с честью справится с возложенной на него задачей.

Противник ударил со стороны Марьянки часа за два до темноты. До полка немецкой пехоты с тридцатью танками быстро сблизилась с первым стрелковым батальоном 691-го полка и навалились на него всей массой артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня. Загорелся жестокий бой. Наш противотанковый дивизион, вновь возглавленный подполковником Г. А. Ткачевым, вышел на прямую наводку и стал в упор расстреливать крепостные танки. Загорелся один, второй... пятый! Пошла в ход и «карманная артиллерия» — связки ручных гранат.

Батальон держался стойко. Часто бой переходил в рукопашные схватки. Люди гибли, но не отступали. Однако силы были слишком неравны, и гитлеровская пехота стала мало-помалу просачиваться сквозь наш боевой порядок. Укрываясь за танками и обтекая узлы сопротивления, немецкие автоматчики все глубже и глубже проникали в Рутченково. В то же время противник не уменьшал давления и на других участках обороны дивизии.

И вот наш фронт прорван. А роты майора Яблочкина все нет, нечем заполнить эту зловещую брешь... Можно было собрать всех тех, кто находился поблизости от НП и вместе с ними пойти в последнюю контратаку. Но можно и отвести полки дивизии в город и продолжать драться там. Что выбрать?

В этот момент к наблюдательному пункту прибыла рота НКВД. На постановку задачи майору Яблочкину ушло не более минуты.

— Младший политрук Мельников! — Я обернулся, чтобы назначить его в помощь командиру роты, но политракторник без слов понял меня. И вот они оба — командир

и политрук — уже бегут к своему подразделению, укрытому за каким-то длинным бараком.

При развертывании роты Мельников сумел собрать еще около 50 бойцов, младших и средних командиров из отходившего первого батальона 691-го стрелкового полка с несколькими станковыми пулеметами и ротными минометами. Вместе с ротой войск НКВД эти остатки шахтерского подразделения решительно контратаковали противника и, закрепившись на одной из улиц в центре Рутченково, остановили фашистов в каких-то трех сотнях метров от моего наблюдательного пункта.

В первые же минуты контратаки майор Яблочкин был тяжело ранен, его тут же эвакуировали в медсанбат дивизии, а командование отрядом принял на себя младший политрук Мельников. Со своими бойцами он удерживал поселок до темноты и только за полночь организованно отвел людей, когда все наши полки, выполняя приказ командующего армией, отошли на новый рубеж обороны: Ясиноватая, Спартак, западная и юго-западная окраины Сталино.

К сожалению, отходя, мы не смогли подобрать всех раненых, некоторые из них остались на поле боя, и это долго угнетало меня. Однако после войны я узнал, что все раненые шахтеры были подобраны жителями Авдотьино, Мандрыкино, Рутченково и Авдеевки, теми самыми женщинами, которые так костерили нас за отход под ударами превосходящих сил врага. Женщины, старики и подростки трудовых окраин Сталино похоронили и всех погибших, сохранив в памяти каждую могилу...

19 октября политрук Иван Савченко вел свой последний бой почти рядом со своей родной шахтой 17-17 бис. Он был ранен, но, истекая кровью, продолжал уничтожать гитлеровцев метким огнем из винтовки. Так, с винтовкой в руках, он и погиб. А через неделю жена Ивана Савченко, Казимира Викентьевна, родила сына, которого по наказу мужа назвала героическим именем — Валерий. В честь Валерия Павловича Чкалова.

Ни мать, ни подросший сын долго не знали о судьбе своего мужа и отца. Но вот ветеранам 383-й стрелковой дивизии, живущим в Донецке, и прежде всего майору в отставке Петру Даниловичу Зубову, при помощи красных следопытов удалось найти человека, который знал, где был погребен Иван Евгеньевич Савченко. Этим человеком оказалась Татьяна Назаровна Чудакова...

Ну, а что же сын героя-политрука? Валерий вырос крепким парнем, стал летчиком, как его знаменитый тезка.

Около часа ночи с 19 на 20 октября 1941 года мне позвонил начальник штаба армии генерал-майор И. Л. Леонович и предупредил, что 38-я кавалерийская дивизия генерала Кириченко и 395-я стрелковая дивизия подполковника Петраковского, которые также героически сражались южнее и юго-западнее Сталино, начали организованный отход в направлениях: первая — Троицко-Харцызска, вторая — Кутейниково. А после этого он передал распоряжение: 383-й стрелковой дивизии в течение ночи, оставив город, отойти для сосредоточения в районе Орджоникидзе (ныне г. Енакиево).

Начальник штаба армии всегда четко передавал приказания командующего, и у меня уже выработалась привычка сразу же наносить на карту все, что он говорит. Но...

Как же так? Выходит, мы должны сдать Сталино без боя? Ну хорошо, мы сдадим его, но ведь в городе останутся люди! А им жить, ждать нас, им бороться с оккупантами. И это ожидание избавления от фашистского ига, эта борьба против немецко-фашистских захватчиков будут тем неугасимее, чем больше веры в свою, шахтерскую дивизию почерпнут люди из последних часов нашего пребывания здесь. Нет, надо показать, как умеют драться с ненавистным врагом родные и близкие, друзья и товарищи остающихся в фашистской неволе советских граждан. Надо дать бой!

Эту же мысль я прочитал в глазах всех, кто был со мной на НП в тот момент. Олейник, Ткачев, Филин, Прудник, красноармейцы-связисты — все они напряженно ждали, что же я отвечу начальнику штаба.

— Прошу дать письменное распоряжение. Без него — буду стоять.

— Выполняйте, что вам приказывают. А документ получите.

— Прошу дать письменное распоряжение...

Минут через двадцать позвонил командующий: начальник штаба доложил ему о моем решении.

— С чем ты там не соглашаешься, Провалов? — спокойно спросил генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи.

— Необходимо дать бой ~~за~~ город...

— А силы?

— Пока есть. Да и не могу я отступать без боя!

Трубка долго молчала. Потом командарм согласился:

— Решение правильное. Утверждаю. Ты дашь возможность организованно отойти Кириченко и Петраковскому. Но имей в виду, что помощи не ожидается. И последнее, под твою личную ответственность: все еще не уничтоженные промышленные объекты с подъездными путями — уничтожить. Желаю успеха...

Только успел переговорить с командующим, на НП вошел связной от командира 395-й стрелковой дивизии. Петраковский прислал его, чтобы условиться со мной о том же, о чем он уже договорился с генерал-майором Кириченко, командиром 38-й кавдивизии: как можно дольше задержать противника на рубеже Орджоникидзе, ЗуГРЭС, Кутейниково.

Я сразу же связался с Кириченко. С ним у меня поддерживалась устойчивая телефонная связь. Договорились так: пока 383-я стрелковая дивизия ведет бой за Сталино, кавалеристы, отходя, прикроют с юга наши тылы. Затем, в ночь на 21 октября, отойдем и мы...

С самого начала боевые действия на улицах города приняли упорнейший характер. Дрались за каждый дом, за каждый этаж. Среди красноармейцев то здесь, то там мелькали вооруженные люди в гражданском. В душе шевельнулась гордость за советского человека: никто не приказывал этим пожилым мужчинам и мальчишкам брать в руки оружие, но они все-таки взяли за него, единственно по приказу совести, и теперь бьют врага в одном строю со своими сыновьями и старшими братьями!

Сравнительно благополучно дела обстояли в 691-м стрелковом полку майора Ковалева. Против него теперь действовала только пехота с бронетранспортерами. Танки, даже одиночные, не появлялись. Жестко сдерживая врага, полк медленно отходил через южную часть Сталино на восток. На участках Мартынова и Кипиани обстановка была куда сложнее. Между 696-м и 694-м стрелковыми полками не стало локтевой связи — Мартынов сдерживал натиск гитлеровцев у вокзала и в северо-западной части города, а Кипиани был вынужден целиком переключиться на оборону Ясиноватой, по которой наносили удар

итальянские кавалеристы в пешем строю. Создавалось впечатление, что итальянский корпус получил задачу обойти правый фланг нашей дивизии и теперь ищет ту брешь, в которую он мог бы войти.

В 694-й полк мною был направлен капитан Прудник. Смелый, расторопный, хорошо ориентирующийся в сложных обстоятельствах штабной командир (наш начальник оперативного отделения в одно время со мной учился в академии имени М. В. Фрунзе), он должен был на месте оценить обстановку и помочь Кипиани организовать оборону Ясиноватой так, чтобы удержать этот населенный пункт до наступления темноты.

Начальник артиллерии дивизии подполковник Ткачев поехал на НП-командира 966-го артполка майора Михайленко: нужно было так перегруппировать силы артиллерии, чтобы не дать противнику прорваться в город через брешь между участками двух наших правофланговых стрелковых полков. Достаточно уже повидав Григория Алексеевича в самых различных переплетах, я целиком полагался и на его хорошую общевойсковую подготовку, и на его богатый опыт (участник гражданской войны, Ткачев воевал и в финской кампании).

Сам я направился к Мартынову, но не успел еще дойти от наблюдательного пункта к машине, как появился начальник инженерной службы дивизии майор М. М. Никитин. Он доложил, что все объекты, подлежащие разрушению, взорваны и что теперь он намерен начать установку минных полей на танкоопасных направлениях между Сталино и Ясиноватой.

Можно было только порадоваться и инициативе, и тактическому мышлению дивизионного инженера. Но для выражения добрых чувств тогда просто не хватало времени. Не было его и для того, чтобы хотя бы в малой мере осуществить предложенную Никитиным установку противотанковых минных заграждений.

Судя по всему, и в частности по докладам командиров полков и начальника разведки дивизии капитана Филина, танковое соединение немцев оказалось не в состоянии поддерживать наступающие части 49-го армейского германского и итальянского экспедиционного корпусов. За день боя на окраинах Сталино огнем артиллерии, связками гранат и бутылками КС полки 383-й стрелковой дивизии, по нашим подсчетам, сожгли и вывели из строя 57 танков противника. Это обстоятельство дало мне осно-

вание предположить, что в ближайшее время, по крайней мере до исхода дня, можно не опасаться массированного применения противником танковых подразделений. Против одиночных же танков, действующих в основном на участке обороны 696-го полка, минные заграждения вряд ли дадут должный эффект.

Вот почему майор Никитин получил задачу без промедления отправиться на командный пункт дивизии, расположенный в Макеевке, взять там двух командиров (одного из оперативного отделения и артиллериста) и убыть для реконсцирования переднего края обороны дивизии на рубеже Орджоникидзе, Нижняя Крынка, Зуевка, ЗуГРЭС.

— Забирайте с собой и всех дивизионных саперов, — сказал я Никитину. — Подготовьте к взрыву плотину Зуевского водохранилища. Все уточнения по задаче — у начальника штаба дивизии полковника Шевченко.

Иван Афанасьевич снял с моих плеч немалую часть забот. Несмотря на то что начальник штаба дивизии жестоко страдал от язвы желудка, он показывал штабным командирам пример необыкновенной работоспособности. Отделы и службы штадива стали работать четко и слаженно. К тому же Шевченко умудрялся очень часто выскакивать с КП на передовую, что помогало ему с полуслова понимать меня.

...К Мартынову ехалось медленно. На улицах попадались баррикады. Возле баррикад — вооруженные кто чем рабочие. Неожиданно где-то справа густо защелкали автоматные очереди. Выбежавшая из проулка молодая девушка крикнула на бегу:

— Нимци! К вокзалу двыгають!

Откуда здесь взяться противнику? Но автоматные очереди не оставляли сомнений — действительно, немцы. Значит, все-таки они обошли правый фланг 696-го полка и теперь вот жмут на вокзал с тыла... Надо было возвращаться на НП и бросать сюда лейтенанта Г. Алиева с его разведотой.

Но только мы успели развернуть эмку, в конце улицы показалась большая группа бойцов — человек тридцать. Это был лейтенант Корягин со своей ротой. Некоторые бойцы, в том числе и сам ротный, успели уже обзавестись трофейными автоматами. Приказываю лейтенанту контратаковать просочившегося противника во фланг и уничтожить его.

Через несколько минут там, где шла оживленная перестрелка, послышалось дружное «ура». Бойцы Корягина пошли в атаку! Можно двигаться и мне. И у меня, и у адъютанта на коленях автоматы — пужно быть готовым к любой неожиданности.

С наблюдательного пункта командира 696-го стрелкового полка открывался хороший обзор. Чуть впереди и справа, у станционного пакгауза, я увидел 122-миллиметровую гаубицу, которая вела огонь прямой наводкой. У орудия управлялись трое: подносчик, заряжающий и наводчик. В бинокль было видно, что за наводчика какой-то средний командир.

— Кто это? — спросил я Мартынова.

— А-а... Лейтенант Гусев, комбат из артполка. Лихой парень!

...День между тем клонился к вечеру, и надо было ехать на НП, чтобы оттуда связаться с командующим армией. У Ковалева и Мартынова пока все в порядке, у Кипиани, наверное, тоже, иначе бы меня давно разыскали. Короче говоря, дивизия держалась стойко. Я поспешил на свой наблюдательный пункт.

Там меня ожидал комиссар дивизии. Он только что вернулся из 694-го стрелкового полка. Там все попытки итальянцев занять Ясиноватую разбиваются о нашу оборону.

— Справа от Кипиани по-прежнему никого нет, — сказал М. С. Корпяк. — Люди очень устали. Небольшая передышка — уже спят. С началом атаки командирам приходится с трудом расталкивать бойцов. Наказал Шалве, чтобы не проспал он этот чертов фланг.

Да, усталость... Она преследует каждого и, чуть ослабься, валит с ног. Ничего удивительного в этом нет, которую ночь уже не спим! Не придется спать и нынешнюю. словно в подтверждение этого, телефонист протянул мне трубку:

— Товарищ Семнадцатый...

Генерал-лейтенант Колпакчи коротко поблагодарил дивизию за стойкость и приказал отойти на ранее согласованный рубеж. Значит, Орджоникидзе, Нижняя Крынка, ЗуГРЭС. В соответствии с этим приказом штаб довел мое боевое распоряжение до командиров всех частей.

С наступлением темноты полки снялись со своих позиций. 691-му и 694-му стрелковым вместе с приданными им дивизионами артполка удалось сделать это неза-

местно. Они сразу же оторвались от противника и ходко, несмотря на невероятную усталость личного состава, пошли на северо-восток: Ковалев — в направлении Макеевки, Харцызска, Кишиани — на Орджоникидзе. 696-й стрелковый полк оторваться от противника не сумел. В темное время гитлеровцы не атаковали его по всему фронту. Но усиленные разведотряды без передышки налетали на полк всю ночь, и всю ночь Мартынов был вынужден держать батальоны в боевых порядках.

На рассвете я снова приехал к Мартынову. Его НП располагался уже в Ясиноватой, и батальоны занимали оборону по юго-западной и западной окраинам этого населенного пункта. Они заняли те же окопы и щели, в которых еще накануне оборонялся 691-й стрелковый полк. Противник вот-вот должен был начать наступление. Посоветовавшись, мы решили для заслона оставить в Ясиноватой усиленный первый батальон старшего лейтенанта Л. А. Щербака, а остальные подразделения в ускоренном темпе вести на Енакиево.

Командир батальона и командир второго дивизиона 966-го артиллерийского полка старший лейтенант В. Я. Шарагин выслушали этот приказ внешне спокойно. Они, разумеется, понимали, какую роль должны были сыграть их подчиненные, но никак не выказали своего неизбежного в такой ситуации волнения...

Я уехал из полка, когда он уже километра на два отошел от Ясиноватой. Боя за спиной мы еще не слышали. Но не успела наша эмка пробежать и десяти километров, как навстречу показался мотоцикл. Остановились. Из коляски вылез человек в плаще без знаков различия и, протянув мне документы, представился. Это был работник оперативного отдела армии капитан Лавринович. В течение 7—8 часов, а точнее, в течение всей ночи командарм не имел с дивизией никакой связи. И вот он послал Лавриновича, чтобы тот разыскал меня и передал приказ: одним полком дивизии занять оборону на подступах к Горловке и удерживать этот город до особого распоряжения. Час от часу не легче!

Пришлось разворачиваться и снова ехать к Мартынову.

696-й стрелковый полк повернул на север и двинулся к Горловке в тот самый момент, когда в стороне Ясиноватой загремели орудийные выстрелы. «Если Щербак продержится часа два, — подумал я, — мы успеем...»

Они выдержали. Шахтеры в Ясиноватой дрались насмерть, часто контратаковали. Третья стрелковая рота под командованием лейтенанта Н. Н. Воронкова в один из напряженных моментов поднялась в штыки и смяла левый фланг врага. Умело поддержали стрелков пулеметные расчеты И. Шунькина и Г. Крентовского. Метко разили фашистов орудия Шарагина. За два часа боя под Ясиноватой было уничтожено более 200 солдат и офицеров противника.

В Горловке царил неразбериха — город еще эвакуировался.

— Товарищ полковник, — обратился ехавший со мной Ткачев, — а не поискать ли нам телефонную станцию?

Майор Рукодельцев, сидевший рядом с ним, поддержал начальника артиллерии. И вот мы поднимаемся по лестнице трехэтажного здания. Нам, надо сказать, повезло. Станция продолжала работать, все телефонистки были на месте, и уже минуты через три я разговаривал с начальником штаба армии генерал-майором Леоновичем. Сначала доложил ему, потом девушки связали меня с Кишани, который поставил свой полк в оборону на подступах к Орджоникидзе, и, наконец, даже с майором Ковалевым.

Предупредив капитана Кишани о том, что силы противника, задержанные пока у Ясиноватой, могут скоро появиться и перед Орджоникидзе, я через него передал полковнику Шевченко мое распоряжение об организации обороны на участках двух полков — 691-го и 694-го.

На рекогносцировку местности перед Горловкой ушло около часа, не больше. Когда я вернулся на телефонную станцию, где решил расположить свой НП, майор Рукодельцев уже обеспечил устойчивую связь со всеми полками и командным пунктом дивизии, а также и с коммунатором штаба армии.

К 12 часам 21 октября подполковник Мартынов привел свой полк на окраину Горловки и тут же занял оборону на указанном мною участке. А после полудня подошел сильно поредевший батальон Щербака и дивизион Шарагина.

Противник снова, как и в первом бою итальянская кавалерия, появился около 16 часов. Боевое охранение 696-го стрелкового полка, выдвинутое на два километра

вперед, ружейно-пулеметным огнем заставило кавалеристов спешиться и развернуться в цепи.

Справа, из балочки, выскочило 6 танков. Рассыпавшись, они с фланга ринулись на взвод боевого охранения. Но шахтеры не дрогнули. Вот вспыхнула одна машина, почти тут же загорелась другая, третья повернула к двум подбитым и тоже задымила, встряхнутая взрывом. Остальные танки поспешили ретироваться.

Как выяснилось, вражеских танкистов первым встретил красноармеец Анатолий Кузьмин. Раненный, он пошел в себе силы, чтобы подняться из своей ячейки и бросить бутылку КС в проносившийся мимо танк. Но тут сзади него взревел, буксуя в грязи, еще один. Кузьмин угостил огоньком и этого. Когда на его окоп напал третий, он подорвал связку гранат и погиб героем...

Бой продолжался до самой темноты. Понесся большие потери, противник наконец отступил и затих. Можно было предположить, что до утра наступать он больше не станет.

Но около часа ночи 22 октября на НП командира дивизии в Горловке снова прибыл капитан Лавринович. Он привез приказ командующего армией занять оборону на рубеже Енакиево, Нижняя Крынка, ЗуГРЭС.

В течение ночи, совершив 696-м стрелковым полком рокировку из Горловки на юго-восток, мы опять собрали дивизию в один кулак. К утру 22 октября она занимала оборону по рубежу: 694-й стрелковый полк — Верхняя Крынка, южная окраина Нижней Крышки; 696-й стрелковый полк, сменивший спешенные подразделения 38-й кавалерийской дивизии, — Нижняя Крышка, Зуевка; и 691-й стрелковый полк — Зуевка, ЗуГРЭС. Огневые позиции 966-го артполка располагались северо-восточнее Зуевки. Противотанковый дивизион находился в резерве. Командный пункт дивизиона обосновался в Орлово-Ивановке, а III — на высоте с отметкой 150,0.

К утру 22 октября пудный осенний дождь перестал, подул ветер и немного разогнал тучи. Между ними появились окна чистого неба. Противнику это было на руку. Он вызвал авиацию, и бомбардировщики вместе с артиллерией минут сорок обрабатывали наш передний край. Как только налет прекратился, немецкая пехота, подержанная танками, пошла в атаку. Основные усилия

противник сосредоточил на направлениях Криничная, Верхняя Крынка, Харцызск, Зуевка.

Бой с самого начала принял ожесточенный характер. Река Крынка не представляла серьезной водной преграды: первая волна немцев с ходу форсировала речку вброд и отчаянно вцепилась в нашу оборону. Еще большие силы переправились через Крынку южнее нас, в полосе обороны 38-й кавалерийской дивизии.

И тогда было решено взорвать плотину Ханженковского водохранилища. Дивизионный инженер майор Никитин, посланный еще из Сталино на рекогносцировку рубежа Енакиево, ЗуГРЭС, со своими саперами заложил в тело земляной плотины около двух тонн взрывчатки и был готов подорвать этот заряд по первому же сигналу.

По моему приказу он произвел взрыв в тот момент, когда вражеское командование, собираясь усилить нажим на левый фланг 691-го полка, пустило вброд большое количество живой силы и боевой техники. Хлынувшие в пролом воды сметали на своем пути все: гитлеровцев, лошадей, повозки, бронетранспортеры, машины. Фашисты пытались спастись бегством, но разъяренная стихия настигала их и, сбивая с ног, поглощала навсегда. Воспользовавшись моментом, все три наших полка ударили в штыки и отбросили немцев, успевших перебраться на левый берег.

В этот день гитлеровцы больше и не пытались атаковать. Не наступали они и 23 октября. Видимо, значительные потери (около двух батальонов пехоты, артиллерийский дивизион, семь танков, более двадцати бронетранспортеров и автомобилей) вогнали противника в такой шок, от которого не так-то просто было оправиться. А мы использовали эти почти двое суток передышки на совершенствование своей обороны.

24 октября немцы снова повели наступление на боевые порядки 383-й стрелковой дивизии. Но атаки были вяловатыми, и мы отбили их почти без потерь со своей стороны. А вот на следующий день части 49-го горнострелкового корпуса, пополненные, видимо, личным составом из резервных батальонов, навалились на нас с прежней силой и прежним ожесточением. Но, как я теперь понимаю, несколько изменилось направление их главного удара: он пришелся по правому флангу 38-й кавалерийской дивизии. К полудню южнее ЗуГРЭС силами до полутора батальонов противник вклинился в оборону кон-

ников генерала Кириченко. Создалась угроза обхода боевых порядков нашей дивизии на левом фланге. Поэтому командарм приказал отходить, сдерживая врага на промежуточных рубежах. Он снова прислал дивизион «катуш», и 383-я стрелковая дивизия, как и 38-я кавалерийская, воспользовавшись результатами гвардейского залпа, среди бела дня сумела оторваться от противника. Однако ненадолго.

Ветераны помнят те промежуточные рубежи. Раскисшие дороги, то есть никаких дорог. Снова непрерывный холодный дождь. От сырости и грязи разваливаются сапоги. Не всегда вовремя доставлялась горячая пища. Кончилась махорка... И все-таки мы дрались. Беззаветно и мужественно. И не просто отбивались — старались вести боевые действия так, чтобы при минимальных своих потерях нанести врагу как можно больший урон.

Помню, в Крестовке командир разведроты доложил мне, что по ночам противник оставляет на дорогах без присмотра много боевой техники. Оказывается, заправочные средства гитлеровцев сильно отставали от боевых подразделений, и машины, бронетранспортеры, танки оставались без горючего. Я приказал в каждом полку, в саперном батальоне и разведроте создать из наиболее отважных бойцов небольшие истребительные отряды, в задачу которых входило уничтожение этой техники.

На пути нашего отхода от реки Крынка к Миусу истребители поработали хорошо. Помнится, командир 691-го стрелкового полка майор Ковалев доложил мне однажды, что, действуя в таком отряде, 1-й взвод 6-й стрелковой роты под командованием старшего лейтенанта Михаила Гончадзе за одну ночь уничтожил танк, три машины с боеприпасами и два бронетранспортера.

В эти трудные дни в стрелковых полках дивизии оставалось по 600—700 активных штыков. Для пополнения наших поредевших подразделений командарм не давал ни одного человека. И все же пополнение прибывало. Это были шахтеры Сталино, Горловки, Макеевки, отходившие со своими семьями на восток. Мужчины, в основном уже в возрасте или совсем еще юноши, попрощавшись с женами и матерями, становились в строй. Они шли в бой, как еще недавно ходили на вахту в лаву, — по-рабочему деловито и собранно. Только в глазах теперь у них горел

другой огонь — не радостный, не от желания ударно потрудиться, а огонь необоримой ненависти к врагу.

Приходили даже целыми семьями. Память сохранила такую фамилию — Красноголовцевы. Отец, два его сына и дочь, подпоясавшись ремнями, одновременно стали бойцами шахтерской дивизии. Некоторых мальцов приходилось прогонять — не вышли годами. Но и среди них оказалось много таких настырных ребят, что никакие запреты не помогли. Правдами и неправдами они добивались своего.

Как-то ночью ко мне привели невысокого паренька. Не помню, кто сопровождал его. Помню только, что он ершисто вырывался из рук и что-то бубнил себе под нос.

— Как зовут тебя?

— Иван.— И добавил для солидности: — Иван Кузьмич.

— И что же ты, Иван Кузьмич, озоруеть здесь?..

Он рассказал мне, что в дивизии уже воюют два старших его брата — Максим и Мирон Григорьевы. А где двое, там, мол, должен быть и третий, самый младший.

— А чтобы вы, товарищ командир, не сомневались, так брательники согласны...

Ну что я мог ему сказать, этому мужественному пареньку?.. Конечно же он добился своего: мы зачислили его в дивизию.

...Выполняя приказ командующего, 383-я стрелковая дивизия к исходу дня 28 октября подошла к городу Чистяково и заняла там оборону. Теперь на правом фланге стоял 696-й стрелковый полк (2 километра западнее Чистяково). Полк Ковалева, 691-й, оседлав дорогу Сердитое — Чистяково, прикрыл город с запада от шахты № 20 до кургана западнее высоты с отметкой 263,4. 694-й стрелковый полк оборонял Снежное. Свои огневые позиции 966-й артиллерийский полк оборудовал в районе Снежное, шахта «Красная Звезда». Мой наблюдательный пункт расположился на высоте с отметкой 315,0. Слева теперь оборонялась 395-я стрелковая дивизия.

С ее комдивом подполковником Петраковским у меня была устойчивая связь, и мы договорились, что на рубеже Чистяково, Степановка, Куйбышево будем драться до последнего. Здесь была весьма удобная для обороны местность — высоты, прочные каменные строения, и, прежде

чем отойти на следующий рубеж, на этом можно основательно обескровить противника, нанести ему наибольший урон.

С утра после мощного артиллерийско-минометного налета гитлеровцы ринулись в атаку. Наиболее сильный удар они нанесли по самому малочисленному из наших полков, 696-му стрелковому. Несмотря на стойкое сопротивление шахтеров, в несколько раз превосходящему в силах противнику удалось разрезать боевой порядок полка Мартынова, и 2-й стрелковый батальон, оборонявший высоту с отметкой 187,9, оказался в окружении. Чтобы выправить положение, из хутора Шевченко на помощь окруженным пошла рота, контратаку которой организовал комиссар полка Романов. Атака у этой роты получилась стремительной, и, уничтожив до полусотни фашистских автоматчиков, отважные воины пробили в кольце брешь. Второй стрелковый батальон вновь соединился с первым.

Однако около полудня гитлеровцы повторили атаку. Линия обороны 696-го стрелкового полка вновь опасно прогнулась. И вот правый фланг дивизии смят, противник начал развивать успех. Тогда я приказал Кициани снять с неатакованных участков два батальона и контратаковать наступающую пехоту во фланг. Командир 694-го полка возглавил эти стрелковые батальоны и, отдав распоряжение командиру полковой артбатареи младшему лейтенанту Г. Гриценко поддерживать пехоту огнем, контратаковал. Решительным ударом воины опрокинули фашистов и восстановили положение.

Но в 14 часов откатившийся противник начал третью атаку. И снова его таран ударил по 2-му батальону 696-го стрелкового полка. Нанося врагу большие потери, это подразделение отошло к хутору Шевченко. Комиссар Романов вместе с адъютантом старшим лейтенантом Артюшенко, командир взвода лейтенант Бирюков, связист Фомичев и еще двое бойцов, прикрывавшие отход, были отрезаны от своих.

Попытка Артюшенко броском прорваться к батальону не удалась: он был убит. Командир полка подполковник Мартынов бросил на выручку комиссара и его товарищей роту лейтенанта М. Урбанского. В течение трех часов она вела бой с немецкими автоматчиками, которые вынуждены были сами перейти к обороне, и уничтожила около 60 фашистов...

Когда стемнело, пятеро наших смельчаков во главе комиссаром полка, похоронив старшего лейтенанта Артюшенко, вышли из окружения. В эту же ночь мы похоронили и секретаря дивизионной парткомиссии старшего политрука Н. В. Киселева. Он вместе с бойцами Урбанского ходил в атаку и погиб смертью храбрых.

Не менее напряженными в этот день были бои и на участке 691-го стрелкового полка. Именно здесь принял боевое крещение один из истребительных батальонов местной обороны города Сталино под командованием старшего лейтенанта В. М. Твалабейшвили. Кадровый офицер, он встретил нападение фашистов Германии на нашу Родину в городе Ровно, испытал всю горечь отступления, а здесь по поручению командования и Сталинского горкома партии сформировал из партийных и комсомольских активистов истребительный батальон. В подразделении собрались люди самых различных возрастов. Переодеть их в военную форму так и не успели. Но обучить обучили. Конечно, насколько было возможно.

На мой наблюдательный пункт Твалабейшвили прибыл часов в 9 утра 29 октября, когда бой за Чистяково был в самом разгаре. Как положено, представился и доложил о состоянии своего подразделения. Я сразу же по карте поставил ему задачу: из-за левого фланга 1-го батальона 691-го стрелкового полка решительно контратаковать вклинившегося в нашу оборону противника.

Поддержанные артиллерийско-пулеметным огнем роты истребительного батальона, которыми командовали лейтенанты Кошелев и Яцин, дружно поднялись в атаку. Их удар был неотразим, и фашистские автоматчики обратились в паническое бегство. В рукопашной схватке тогда отличились лейтенант Чубинидзе, бойцы Комаров, Бердников, Корнеев, Ситко, Волков, Мезенцев и многие другие.

Батальон тоже понес потери. Но люди еще больше окрепли духом, еще сильнее стала в них солдатская спайка, еще мощнее разгорелось в их душах пламя неукротимой ненависти к захватчикам.

...Часть сил противника обошла левый фланг 691-го стрелкового полка. Создалось угрожающее всей нашей обороне положение. Это был именно тот момент, когда командир получает моральное право бросить в бой свой последний резерв. Таким резервом у меня была дивизионная школа младшего комсостава, которой командовал капитан

Сосни. Мы только что, уже после боя за Сталино, сформировали это подразделение, но оно обладало исключительно высокой боеспособностью. Ведь курсантами школы стали лучшие бойцы дивизии. По этому же принципу был подобран и средний командный состав.

Курсанты стремительной контратакой уничтожили просочившуюся в наш тыл пехотную роту противника и затем в течение 36 часов вместе с 691-м стрелковым полком стойко удерживали оборону, пока не поступил приказ об отходе. Политотдел дивизии оперативно выпустил листовку, посвященную отваге и мужеству личного состава дивизионной школы, и по всей дивизии разнеслась слава об отличившихся в этой атаке лейтенантах Анастасиевском и Петренко, курсантах Власове, Новикове, Сенине, Ковалева, Куренном, Романове, Матеенко, Вишневском, Глотове, Свинарчуке, Ястребове, Острянине и других мужественных бойцах.

В самые тяжелые минуты красноармейцы и командиры принимали решение связать свою судьбу с партией, с комсомолом. Помощник начальника политотдела по комсомолу младший политрук Д. И. Мельников, который, как всегда, находился в самых горячих точках боя, принял от 37 молодых шахтеров заявления с просьбой считать их комсомольцами. В 691-м стрелковом полку партийное бюро нашло возможность во время небольшой передышки собраться для того, чтобы рассмотреть заявления младшего политрука Зинькова, просившего принять его в члены ВКП(б), и красноармейца Реброва, который хотел стать кандидатом в члены партии. Долго обсуждать этот вопрос не потребовалось — обоих проверил бой.

...В ночь на 30 октября дивизия отошла на рубеж шахта «Красная Звезда», Коопстрой, Снежное. И здесь тоже весь день шли кровопролитные бои.

Шахтеры держались до вечера, а когда стемнело, оставив прикрытие, начали отход за реку Миус. Мы еще не знали этого, но Миус стал для дивизии новым этапом в ее боевой биографии.

На левый берег Миуса 383-я стрелковая дивизия отошла последней из соединений 18-й армии. Для обороны нам досталась полоса шириной около 30 километров, которую мы заняли двумя стрелковыми полками — 694-м и 691-м. 696-й стрелковый полк в боях за Чистяково понес большие потери в личном составе и вооружении, и мы были вынуждены отвести его с переднего края, чтобы сохранить хотя бы какой-то костяк части.

Передний край нашей обороны проходил по левому, низменному берегу Миуса от Яновки через Княгиневку до Ново-Павловки. Нашим правым соседом теперь стали подразделения и части укрепленного района, которыми командовал генерал-майор А. И. Рыжов, а соседом слева — братская, тоже шахтерская, 395-я стрелковая дивизия под командованием подполковника А. И. Петраковского.

Новый оборонительный рубеж был мне уже немного знаком. Дело в том, что 29 октября, когда в бою за Чистяково выдалась довольно продолжительная, в несколько часов светлого времени, передышка, мне удалось вместе с начальниками служб провести рекогносцировку очередного промежуточного рубежа обороны. У него было два больших недостатка. Во-первых, правый берег Миуса значительно возвышался над левым, то есть противник получал возможность хорошо просматривать всю нашу оборону, сам при этом оставаясь укрытым от наблюдения с низкого левого берега. В частности, все перегруппировки гитлеровских войск перед 383-й стрелковой могли проводиться весьма скрытно. Артиллерия врага получила прекрасные огневые позиции и наблюдательные пункты. Второй недостаток — река Миус не была достаточно серьезной водной преградой.

Но зато у облюбованного нами оборонительного рубежа имелось и немало достоинств. Главное из них — за спиной, в тылу, находился промышленный город. Красный Луч должен был дать нам хорошее шахтерское пополнение и помочь рабочей силой при оборудовании обороны. Мы получали возможность использовать его разветвленные и отлаженные коммуникации, в частности телефонную связь. Из Красного Луча мы могли получить все необходимые для оборудования обороны материальные средства. Город стоял на возвышенности. Она была небольшой, но с нее можно все же было вести наблюдение за противником, находящимся на правом берегу Миуса. И наконец, фронтовой быт. Наступала зима, для обогрева требовалось много топлива, а его у нас, остановившись мы перед Красным Лучом, было бы неограниченное количество. Город и лежавшие вокруг него многочисленные шахтерские поселки стали бы местом, куда при надобности мы могли бы отводить на отдых свои подразделения и части.

А бытовое-то наше положение действительно с каждым днем становилось все хуже и хуже. Целый месяц никто из нас не мылся в бане. Обувь у бойцов изнашивалась так, что промедление с ее ремонтом грозило тем, что дивизия могла стать в прямом смысле босоногой.

Вот такие мысли родились во время рекогносцировки левого берега Миуса, и, я принял решение Красный Луч не сдавать, о чем и доложил командарму. Он это решение утвердил. Вечером 29 октября, связавшись по телефону с командиром 395-й стрелковой дивизии подполковником Петраковским, познакомил с утвержденным решением и его. Комдив 395-й сразу же поддержал: да, будем стоять и не отступим. Договорившись о взаимодействии с Петраковским, передал телефонную трубку комиссару дивизии Корпяку. Михаил Семенович в свою очередь обговорил все вопросы предстоящей партполитработы с В. И. Санюком, комиссаром 395-й стрелковой дивизии.

...В ночь на 31 октября, часов около двух, я приехал на командный пункт дивизии, который расположился в здании горкома партии. На КП встретились с первым секретарем горкома КП(б)У И. М. Белевским. В том, как стремительно шагнул он к нам с Корпяком, как коротко пожал руку, чувствовалось, что Белевский находится в сильном волнении.

— Когда будете сдавать город? — резко спросил он.

Не собираемся.

Наверное, я ответил довольно резко. Мы были утомлены, да еще этот густой поток беженцев на красноруческих улицах... Потом, когда работа сблизила нас, Иван Михайлович признался: первая наша встреча с его и в самом деле вышла из себя, но он сдержался, а сдержавшись, сразу же успокоился.

В 8 часов утра 31 октября противник начал артиллерийскую подготовку. Особенно сильный огонь он вел по району севернее Княгиневки, где оборонялся 3-й батальон 691-го стрелкового полка, которым командовал старший лейтенант А. С. Окунов, и по правому флангу 694-го стрелкового полка. После получасовой артподготовки и наступление пошла вражеская пехота. Под прикрытием холмов и увалов правого берега Миуса она подошла к реке в предбоевых порядках и только тут, в непосредственной близости от реки, развернулась в боевые.

Густые цепи немецкой пехоты быстро скатились с крутого правого берега и, несмотря на плотный огонь наших артиллерийских батарей, одним рывком сблизилась с нами. Видно было, что противник, наступая с решительной целью, стремится одним ударом опрокинуть оборону 383-й стрелковой и с ходу захватить Красный Луч.

Хотя силы были очень неравны, батальоны шахтерских полков оборонялись, как никогда, мужественно и стойко. А в это же время в тылу боевых порядков 4-й горнострелковой немецкой дивизии с огромным упорством вела бой 6-я рота 694-го стрелкового полка, которой командовал старший лейтенант И. И. Медведев. Она отстала от батальона, уклонилась в сторону и теперь прорывалась на левый берег Миуса.

Отход роты Медведева осталась прикрывать группа бойцов из одиннадцати человек. Командовать ею было приказано сержанту Я. С. Приходько. Эта группа, заняв для обороны кирпичный дом Анны Ефимовны Самойленко в селе Грабово, встретила гитлеровцев огнем. У наших храбрецов была отличная позиция, и они буквально не давали пехоте противника поднять головы. И так продолжалось часа два.

Но вот немцам удалось установить на прямую наводку артиллерийское орудие. Оно стало бить по окнам. В гарнизоне Приходько появились раненые. Сержант отправил четырех вышедших из строя бойцов на другой берег Миуса, в расположение своего полка. Между тем под прикры-

тием орудийного огня гитлеровцы подобрались к самому дому. В окно влетела немецкая ручная граната с длинной деревянной ручкой. Красноармеец Михаил Иванович Гордюхин бросился к ней, чтобы выкинуть наружу, но не успел. Осколки сразили бойца.

— А ну, за Михаила, хлопцы! ~~С~~командовал Яков Приходько и, рванув из лимонки чеку, первым бросил в густую серо-зеленую цепь гитлеровцев свою гранату. Вслед за командиром применили «карманную артиллерию» еще пятеро бойцов. Около кирпичного дома, построенного на века, нашли свой бесславный конец около полутора десятков гитлеровцев.

Бой горстки наших воинов под командованием сержанта Приходько продолжался до самого вечера. Еще дважды командир отправлял своих раненых подчиненных на правый берег. Когда начало смеркаться, в доме остались только Приходько и красноармеец Долженко. Они в течение получаса отразили две атаки гитлеровцев. Но тут ранили бойца. Фашистская пуля прожгла его грудь. Он дышал тяжело, с каким-то присвистом, и было ясно, что спасти Долженко могло лишь вмешательство врачей. Да, надо отходить. Благо над степью уже висела черная осенняя темень...

Якова Приходько я до этого не знал. Но тут захотелось познакомиться с ним, просто поговорить. И вот он пришел на мой НП, высокий, атлетического сложения. Голова перевязана свежим бинтом, на щеках — легкая бледность. Я невольно мысленно ругнул себя: человек ранен, ему бы отдохнуть сейчас, а я вызываю его на наблюдательный пункт! Спросил:

— Как самочувствие, Яков Степанович?

Сначала в ответ он широко, белозубо улыбнулся. И такая это была яркая улыбка, и столько в ней было душевной силы, что я залюбовался сержантом.

— Все в порядке, товарищ полковник!

Мы долго разговаривали в эту ночь. Яков мне рассказал и о своем отце, который, оказывается, на империалистической войне стал полным георгиевским кавалером, и о своей учебе в Киевском художественном институте, и о собственном фронтовом опыте.

Я отправил сержанта в медсанбат дивизии. Яков сопротивлялся, насколько это было возможно в его звании, заверял меня, что он совершенно здоров, но уж очень хо-

телось, чтобы этот мужественный человек хорошенько выспался и отдохнул, и я настоял на своем. Просто приказал: двое суток медсанбата. Как двое суток увольщения. Когда Приходько ушел, кто-то из офицеров по моему распоряжению написал представление для награждения героя орденом Ленина. Сам же я позвонил на командный пункт Корпяку и, рассказав ему о бое за Грабово, попросил пошире оповестить о мужестве одиннадцати наших бойцов все подразделения дивизии, так же, как и о мужестве командира пулеметного расчета старшего сержанта Александра Савицкого, который в течение полутора суток, находясь в полукольце врагов, вел неравный бой с превосходящими силами противника.

Тогда толком я и сам не понимал, зачем мне понадобилось среди ночи вызывать на НП сержанта Приходько. Мне было чем заняться и о чем подумать. Но после войны память часто возвращалась и к этому первому дню восьмимесячной обороны на Миусе, и к этой ночной беседе с героем. И теперь я убежден: не вызвать и не поговорить с отважным младшим командиром я просто не мог. В ту ночь мне нужен был именно такой собеседник, как он.

Дело в том, что, несмотря на наше упорное сопротивление, противнику при мощной поддержке артиллерийско-минометным огнем и ценой огромных потерь удалось в нескольких местах захватить плацдармы. Особый успех имела 1-я горнострелковая дивизия немцев. Южнее Ново-Павловки она значительно потеснила 395-ю стрелковую дивизию: два полка ее отошли на восток километров на пять. Но третий, 726-й стрелковый, который оборонялся на правом фланге дивизии, устоял. Правда, левый его фланг под давлением противника загнулся круто к северо-востоку, но все-таки Ново-Павловку не сдали. Там мужественно стояли бойцы 3-го стрелкового батальона, которым командовал старший лейтенант Н. А. Туранов.

Справа от нас гитлеровцы создали плацдарм в Яновке, вытеснив из нее одно из подразделений укрепленного района генерала Рыжова. И наконец, в полосе нашей обороны 13-му горнострелковому полку 4-й горнострелковой дивизии (она по-прежнему действовала против нас) удалось захватить Княгиневку. 3-й батальон 691-го стрелкового полка дрался отважно и умело. Малочисленный, сильно обескровленный в предыдущих жестоких схватках с врагом, он, обороняя Княгиневку, уничтожил до 200 фа-

шестских захватчиков, но под ударами превосходящих сил ~~германских~~ стрелков вынужден был оставить поселок.

Хотя на всем рубеже обороны дивизии не было ~~никакого~~ неатакованного участка, полк Ковалева требовал усилить. По тыловым подразделениям собрали около 70 бойцов и бросили их на помощь 691-му полку. Командир 691-го повторил контратаку. Отбита. Еще раз — то же самое... Я приказал закрепляться на занимаемом рубеже.

Читатель, видимо, поймет состояние командира дивизии после этого боя. Петраковский, с которым мы договорились стоять насмерть, еле сдерживает мощнейший натиск фашистов. Над правым флангом 694-го стрелкового полка, в Яновке, висит угроза обхода. Потерян важный узел сопротивления — Княгиневка. Так что же, снова давать команду на отступление?

...Сразу после ухода с НП сержанта Приходько я отдал распоряжение на усиление обороны. Все орудия полковой артиллерии — в боевые порядки пехоты. Саперному батальону, по одной роте на каждый полк, поставить минные поля перед передним краем обороны 691-го и 694-го стрелковых полков. Еще раз пройтись по подразделениям обеспечения и тыла — собрать всех, кого только можно взять, даже в батальоне связи.

К утру мы пополнили 696-й стрелковый полк двумя сотнями бойцов из специальных и тыловых служб. В этот же полк из 691-го стрелкового полка после некоторого препирательства С. Е. Ковалева было передано 8 станковых пулеметов. Батальоны М. И. Мартынова вновь стали боеспособными подразделениями, и мы оказались с резервом, которым уже можно как-то маневрировать.

Едва мы успели сделать все, что намечали, противник вошел в наступление. Все — как и накануне. Получасовая артподготовка, а потом атака пехотными подразделениями. Главные удары — с захваченных плацдармов. Весь день шел ожесточенный бой. Иногда казалось, что немцы вот-вот зацепятся еще за один плацдарм южнее Яновки. Но Кициани чутко улавливал этот момент и контратакой роты, которая была у командира полка в резерве, отбрасывал гитлеровцев. У Ковалева люди тоже держались стойко. Правда, был момент, когда 9-я рота 691-го стрелкового дрогнула и беспорядочно стала отступать.

Я не единомышленник тех командиров, храбрых, в общем-то, людей, которые в критический момент признают лишь единственный способ действий — собственной гру-

дью, пусть и ценой жизни, закрыть прорыв. Но в той обстановке мне действительно ничего другого не оставалось. 9-я рота бежала прямо на мой НП, и остановить ее было моей обязанностью. Вскочив на коня, я быстро сблизился с отступающими, спешился.

Командир роты бежал почему-то одним из первых. Глаза обезумевшего человека, ничего не видит, ничего не понимает.

— Ложись! — крикнул я.

Ротный грохнулся плашмя и застыл. Секунды две-три он лежал неподвижно — видно, приходил в себя. Потом встал и, опустив голову, подошел ко мне. Конечно, он был готов к самому худшему.

— Остановите роту и — вперед! — приказал я.

Только что в панике отступавшее подразделение снова повернуло на врага и коротким ударом выбило противника с отданных ему позиций. Не отошел и 726-й стрелковый полк 395-й стрелковой дивизии. Ново-Павловка по-прежнему была в руках батальона старшего лейтенанта Н. А. Туранова. Отбив за день семь фашистских атак, 383-я стрелковая дивизия уничтожила около 400 солдат и офицеров противника.

Вечером 1 ноября, как всегда, я докладывал командарму об итогах боевых действий дивизии в течение дня. Доклад этот был короток: несмотря на сильное давление противника, шахтерские полки прочно удерживают занятый по Миусу рубеж. Еще ни разу за все время боев в Донбассе я не испытывал такого глубокого и радостного удовлетворения. Даже после первой схватки с врагом. Ведь там, под Успеновкой, Константиновкой, Ново-Михайловкой, немецко-итальянские соединения имели дело с полнокровной 383-й стрелковой. Здесь же, на подступах к Красному Лучу, в каждом из наших полков насчитывалось от силы 600—700 активных штыков. И все-таки мы устояли.

Последующие четыре дня ожесточенные бои продолжались.

Правый и левый соседи дивизии, выполняя приказ командарма, одновременно ударили по врагу и потеснили его. Командир 49-го горнострелкового корпуса противника, опасаясь дальнейшего развития этого успеха, сомкнул боевые порядки 1-й и 4-й горнострелковых дивизий к правому флангу и в образовавшийся разрыв двинул 198-ю пехотную дивизию, которая ещё с 10 октября все время дви-

гадась во втором эшелоне корпуса. Свежее гитлеровское соединение, введенное в бой в полосе нашей дивизии, ринулось на оборону шахтеров.

Главные удары 198-я пехотная дивизия наносила все с тех же двух плацдармов — у Яновки и Княгиневки. Особенно упорно она наращивала усилия на втором, наступая в северном и северо-восточном направлениях по балке Хрустальная. Стык флангов 694-го и 691-го стрелковых полков, продавленный узким острым клином врага, натянулся до предела. И тогда 696-й полк стал позади этого стыка.

Командующий армией, видя угрожающее положение, выдвинул из своего резерва 961-й стрелковый полк на участок Яновка, Грибовка и, передав его мне в оперативное подчинение, расширил нашу полосу обороны. Однако это расширение в тот момент для нас было при сопоставлении всех минусов и плюсов больше добром, чем злом. 961-й полк был кадровый, с полным штатом личного состава и вооружения, имел боевой опыт. Он решительно навис над левым флангом плацдарма противника у Яновки и отвлек туда его силы, которые могли быть использованы для развития успеха 198-й пехотной дивизии в направлении Штеровка и Красный Кут.

Снова крепко помог нам эрэсовский дивизион. Своим точным залпом он накрыл на правом берегу Миуса до батальона пехоты с минометами и артиллерией. Это подкрепление двигалось на плацдарм в Княгиневку. Еще до двух рот противника было уничтожено батареями 966-го артполка и минометчиками стрелковых полков на северной окраине Княгиневки 5 ноября, когда немцы попытались атаковать в стык между 2-м и 3-м батальонами 694-го стрелкового полка. Особенно отличилась 4-я гаубичная батарея под командованием лейтенанта Б. С. Тагана. Поставив орудия на прямую наводку, этот молодой командир, пришедший в нашу дивизию с училищной скамьи, в упор расстреливал густые цепи противника. За день батарея уничтожила более 100 гитлеровцев, сожгла два вражеских бронетранспортера.

С утра 6 ноября командир 198-й пехотной дивизии генерал Бёма попытался опять начать наступление, но, когда мы отбили первую атаку, установилось относительное затишье. Больше в этот день гитлеровцы не атаковали. И не потому, что им надо было собраться с силами или произвести какую-то перегруппировку. Противник вы-

дошел. Видимо, получив приказ перейти к обороне, он прямо среди бела дня приступил к земляным оборонительным работам. Вскоре об этом же мне сообщили и командиры соседних с нами соединений.

Кто пережил арьергардные бои 1941 года, тому нетрудно понять тогдашние наши чувства. Для нас это было большой победой. Да еще в такой знаменательный день — в самый канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции! Мы знали, что на других оперативных направлениях, особенно под Москвой, на огромном фронте борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков все еще идут кровопролитные бои. Мы знали, что инициатива по-прежнему остается в руках ненавистного врага. Но после того как нами была остановлена 198-я немецкая пехотная дивизия, после того как стали зарываться в землю соединения 49-го горнострелкового корпуса гитлеровского вермахта, мы вдруг очень отчетливо почувствовали, что скоро враг будет остановлен повсеместно.

С этими чувствами представители подразделений пришли на праздничные митинги, которые вечером 6 ноября мы провели во всех полках и отдельных батальонах дивизии. С этими чувствами они после митинга поднимали флаги на терриконах, чтобы утром кумач этих флагов видели все: и жители Красного Луча — как символ их сбывшейся надежды, и наш противник — как символ нашей решимости не сделать больше назад ни шагу... А утром работники политотдела дивизии записали доклад И. В. Сталина на торжественном заседании в честь 24-й годовщины Великого Октября, переданный по радио. Эта речь была немедленно размножена, и коммунисты штабной парторганизации пошли с нею в боевые порядки рот и батарей. И хотя с 9 часов утра противник начал вести по нашим участкам обороны интенсивную артиллерийско-минометную стрельбу, которая продолжалась весь день, партийные агитаторы довели содержание речи Председателя Государственного Комитета Обороны до каждого красноармейца. Громче разрывов неприятельских снарядов звучали тогда для нас вот эти слова, сказанные от имени партии, от имени Родины: «Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том,

чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов»¹.

Истребить захватчиков... Сколь ни сильно было у нас чувство ненависти к ним, насколько ни жгуче было наше желание отомстить врагу за сожженные советские города и села, за погубленные сотни тысяч жизней стариков, женщин, детей, как ни велико было наше стремление перехватить у противника боевую инициативу, мы все же отчетливо сознавали: до того часа, когда на советской священной земле будет уничтожен последний фашист, еще прольется немало крови. Так что мы не питали иллюзий, что вот, мол, остановили немцев, а теперь соберемся быстро с силами и погоним супостата из пределов Отечества.

Командование дивизии рассчитывало на зимовку под стенами Красного Луча, и задача поэтому заключалась в том, чтобы как следует укрепиться на миусском рубеже. Прежде чем приступить к совершенствованию обороны, мы посчитали нужным подвести и кое-какие итоги. Ведь за плечами были 26-дневные непрерывные бои.

9 ноября мы с комиссаром и начальником штаба дивизии провели совещание командиров и комиссаров полков, начальников родов войск и служб дивизии. Первое слово я предоставил М. С. Корпяку.

Михаил Семенович обратил внимание собравшихся прежде всего на то, что в своей массе шахтеры дрались очень хорошо. С самого первого дня бойцы и командиры проявили мужество, стойкость и героизм. И всегда впереди были коммунисты и комсомольцы. Молодые части 383-й стрелковой дивизии ни разу не отошли без приказа. Они уничтожили около 5000 солдат и офицеров противника, до 100 его танков и много другой боевой техники и оружия. Этим мы могли гордиться.

Я же говорил в основном о наших промахах. 26-дневные бои обнажили немало недостатков в боевой деятельности частей и подразделений дивизии. Первая группа этих недостатков — из области управления. Боевые действия показали, что командиры плохо владеют радиосвязью и потому не используют ее, предпочитая связь проводную, ко-

---

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953, с. 30.

~~Кроме~~ они считают надежней, и через нарочных. Вторая группа недостатков — от недообученности рядового и младшего командного состава. Бойцы и младшие командиры в своем большинстве не умели в ходе боя толком использовать местность, слабо маскировались, нерешительно, с оглядкой дрались в населенных пунктах и в ночных условиях, редко прибегали в бою к военной хитрости. Третья группа недостатков относилась к организации разведки. Некоторые командиры подразделений вели ее плохо, и враг, бывало, наносил нам удары там, где мы никак их не ожидали. Наконец, четвертая группа недостатков отражала неопытность командиров полков в руководстве своими тылами. Где их разместить, как организовать с ними связь, как наладить бесперебойное снабжение подразделений боеприпасами, горячей пищей, куревом, как обеспечить бой первой медицинской помощью — обо всем этом командиры полков, оказывается, имели весьма общее представление...

Хотя я старался говорить как можно спокойнее и мягче, головы собравшихся опускались все ниже и ниже. Надо было как-то приободрить людей, и я, прервав доклад, приказал начальнику штаба дивизии полковнику И. А. Шевченко сегодня же затребовать из полков представления на награждение отличившихся в боях бойцов, командиров и политработников орденами и медалями.

— Это мы хоть сейчас, товарищ полковник, — весело сказал старший политрук М. И. Романов, комиссар 696-го стрелкового полка. — Это мы, не сходя с места, напишем!

Тягостное настроение разрядилось, и я закончил разбор нашего отхода от предместий Сталино указаниями о порядке и времени устранения всех недостатков, отмеченных при подведении итогов. В свою очередь комиссар изложил требования к организации партполитработы.

Теперь о главном. На совещание командование дивизии пришло с хорошо обдуманной идеей траншейного принципа построения обороны, и эту идею я вложил в свои распоряжения. Предстояло создать непрерывные линии траншей, соединить их ходами сообщения, оборудовать отсечные позиции. Да еще подбрустверные ниши, блиндажи, огневые позиции минометов и артиллерии... То есть работы — уйма. И разумеется, силами дивизии поднять ее было тяжело. Но у нас уже состоялся на этот счет разговор с Белевским. Он заверил, что ежедневно на

траншейных работах сможет участвовать полторы тысячи взрослых горожан.

Должен оговориться, что 383-я стрелковая дивизия несколько не претендует на приоритет во внедрении траншейного принципа обороны. На всем советско-германском фронте командиры искали наиболее рациональные приемы борьбы с сильным врагом, и идея сплошных траншей родилась именно в результате такого повсеместного поиска. Потом она была закреплена в специальной инструкции Генерального штаба Красной Армии.

С 9 ноября 1941 года все части 383-й стрелковой дивизии приступили к организации активной обороны на мусском рубеже. Все работы, которые шли днем и ночью, проводились — это следует подчеркнуть — под огнем противника. Артиллерия противостоящей нам 198-й немецкой пехотной дивизии не прекращала стрельбы даже в темное время суток. Особенно досаждали минометные батареи. Не имея сил атаковать нас на всем фронте, немцы нередко наносили по обороне короткие, но мощные удары пехотными подразделениями. Вот почему наряду с форсированием инженерных работ мы много занимались и вопросами боевой готовности. Этому уделяли внимание как командиры штадива, так и партийно-политический аппарат.

Мы провели собрания партийного и комсомольского актива. Самоотверженный труд на фортификационных работах и высочайшая бдительность — так сформулировали тогда главную, двуединую задачу, стоявшую перед нашей дивизией. А обратить внимание на бдительность было тем более важно, что нам не представлялось возможности выставлять перед своим передним краем боевое охранение. Но мы не нацеливали личный состав полков и отдельных батальонов дивизии на отсиживание в обороне. Мы нацеливали людей на активное сопротивление с врагом. Гитлеровцы должны постоянно нести потери в живой силе, технике и вооружении.

Много сил и времени потратили на то, чтобы приучить командиров всех степеней непрерывно вести наблюдение за врагом. В первые дни обороны, особенно когда уже закопались в землю, было много беспечности. Начал противник артоналет — все уходит в укрытия и сидят там до тех пор, пока немцы не сделают в стрельбе перерыва. А ведь в такие моменты командиры и их наблюдатели обязаны вести визуальную разведку огневых позиций минометов и артиллерии врага, их наблюдательных пунктов.

Впрочем, и у противника беспечности хватало. Как-то командир разведгруппы, ходившей в немецкий тыл, лейтенант Зайцев, доложил, что неприятельские подразделения, оставив в окопах дежурные пулеметные расчеты, на ночь уходят спать в населенные пункты. Посоветовавшись, мы решили в каждом стрелковом полку создать небольшие, человек по пятнадцать, группы отважных и опытных автоматчиков, которые должны были под покровом темноты проникать в занятые противником поселки и уничтожать там живую силу врага прямо в хатах.

Эти группы были обеспечены белыми маскхалатами (уже лег снег) и лыжами, раздобытыми нами у жителей Красного Луча. У каждого автоматчика, входившего в состав такой группы, обязательно были бутылки КС, гранаты и нож. Незаметно проникнув в населенный пункт, наши «охотники» снимали часовых, а затем поджигали дома, в которых грелись гитлеровцы. Немцев, выскакивавших в панике из хат, уничтожали огнем из автоматов.

Особенно удачно действовала группа 691-го стрелкового полка, которой командовал младший лейтенант Артем Павлович Артамонов. Однажды его храбрецы — было это в самом начале января 1942 года — уничтожили в Ново-Елизаветовке до роты противника. Они же приволокли и двух пленных. Один из гитлеровцев, высокий, молодой, красивый унтер, дал довольно подробные сведения о 198-й пехотной дивизии.

К этому времени нам установили весьма скудный лимит на боеприпасы. Скажем, на одну гаубицу в сутки отпускалось всего три артвыстрела. Я своей властью уменьшил этот лимит еще на один снаряд: надо было накопить боеприпасы, чтобы все-таки выбить противника с плацдармов Княгиневки и Яновки. Вот и получалось: на орудие всего два снаряда, а артиллерию, минометы и пулеметы врага подавлять надо. С одной стороны, такая экономия была не от хорошей жизни, но с другой — мизерная суточная норма расхода боеприпасов приучила стрелять только наверняка.

Как-то я приехал на наблюдательный пункт 3-й батареи 966-го артполка. Командовал батареей лейтенант Иван Стукач. Мне нравился этот молодой комбат. И нравился прежде всего тем, что он умел беречь своих батарейцев. Вот и теперь: у других еще и блиндажи на огневой позиции не отстроены до конца, а этот уже исхитрился даже орудия укрыть навесом из бревен. А перекрытия

блиндажей — вообще 5—6 накатов. В этой батарее всегда было очень мало потерь.

Ставлю комбату задачу уничтожить пулеметное гнездо перед фронтом обороны 694-го стрелкового полка. Этот пулемет не давал покоя ни днем ни ночью. Жду. Стукач не торопился. Он вызвал с огневой позиции младшего лейтенанта А. Черобнева и наводчика первого орудия сержанта Я. Матвейчука. Минуты три они о чем-то совещались, потом те двое убежали снова на батарею.

— Сколько отпускаете снарядов, товарищ полковник? — спросил меня комбат.

Вот хитрец! Хочет, видать, получить боеприпасы сверх лимита. Я засмеялся:

— А сколько потратите. Все ваши. У меня снарядов нет.

Иван даже хекнул от досады — не вышел номер! — и начал командовать... Вторым выстрелом орудие Матвейчука подняло дзот на воздух.

В нашем артполку вообще подобрались очень хорошие командиры и в батареях, и в дивизионах. За время арьергардных боев 966-й артиллерийский не потерял ни одного орудия. В этом большая заслуга бывшего начальника артиллерии дивизии подполковника Г. А. Ткачева, командира полка майора М. А. Михайленко, комиссара полка батальонного комиссара В. П. Некрасова и начальника штаба полка капитана В. Б. Борсоева.

К сожалению, 8 ноября майор Михайленко был тяжело ранен в голову. Произошло это рядом с моим наблюдательным пунктом в районе шахты № 160; когда Михаил Алексеевич, получив от меня указания, вышел из блиндажа, чтобы идти на свой НП. Неподалеку разорвался снаряд, и Михайленко упал. Мы внесли его в блиндаж, перевязали и эвакуировали в медсанбат. В дивизию он уже не вернулся. Командование же полком временно принял начальник штаба капитан Борсоев.

Владимир Бузинаевич Борсоев, бурят по национальности, прибыл к нам в первый же день формирования дивизии. В самый канун войны он окончил Военную артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского и был назначен командиром дивизиона в один из артиллерийских полков Киевского Особого военного округа. Так что нашествие гитлеровских орд ему пришлось встречать 22 июня 1941 года. В конце июля он был ранен, попал в госпиталь, лечился. 24 августа в штабе Харьковского военного

округа получил назначение в 383-ю стрелковую дивизию начальником штаба артиллерийского полка.

Когда он представлялся, невысокий, подтянутый, мне почему-то подумалось, что этот аккуратный капитан по натуре своей, наверное, больше командир, чем начальник штаба. И тогдашнее первое впечатление не обмануло, оказывается, меня. Впоследствии, к концу войны, Владимир Бузинаевич стал полковником, командиром 11-й отдельной истребительно-противотанковой бригады, Героем Советского Союза, кавалером двух орденов Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды. Он погиб в бою 8 марта 1945 года, когда до капитуляции гитлеровской Германии оставалось два месяца...

...Капитана Борсоева трудно было застать в штабе полка. Он буквально дневал и ночевал в батареях и старался пойти именно в то подразделение, которое возглавлял наиболее молодой, малоопытный командир. И больше всего он заботился о 1-м дивизионе, которым командовал лейтенант Николай Максимов.

В момент ранения Михайленко капитан Борсоев находился на ИП командира 1-го артдивизиона. Вдруг — телефонный зуммер. Командир 2-й батареи лейтенант Юрий Кустов докладывал: по его разрешению командир отделения разведки сержант Леонтьев проник в поселок шахты № 12 и, уничтожив четырех немцев, благополучно вернулся. На юго-восточной окраине поселка сержант обнаружил скопление пехоты противника, до 300 человек.

— Юра! — закричал Максимов. — Давай на них...

— Отставить! — приказал Борсоев. — Пусть пристреляется по реперу, а мы с вами тем временем подойдем к нему на наблюдательный пункт.

Кустов пристрелялся одним орудием по холмику, расположенному в стороне от шахты № 12, а потом, когда пришли Борсоев с Максимовым, построил веер и сделал после некоторых пересчетов начальника штаба перенос огня. Ударили батареи.

Сколько они тогда уничтожили немцев в шахтном поселке, установить не удалось. Но что эти три сотни фрицев разбежались в сильной панике — этот факт был подтвержден командиром 961-го стрелкового полка. Противнику был нанесен значительный урон в живой силе, а два друга лейтенанта — комбат и командир дивизиона — получили от Борсоева прекрасный урок сообразительности,

четкости командирского мышления и оперативного использования полученных разведанных.

Буквально на глазах изменялось отношение бойцов и младших командиров к наблюдению за противником! Когда отступали, кого ни спроси о неприятеле, только и могли сказать, кто против них действует — немцы или итальянцы. А сейчас разговариваешь с наблюдателем, он тебе все как положено докладывает: по фронту — справа налево, в глубину — от себя к противнику. Не забудет сказать, что, дескать, вчера вон того бугорка не было, а сегодня утром откуда-то взялся, и, осмелев от поощрительной улыбки, добавит:

— Но мы высмотрим, товарищ полковник, что там за лисица-куница прячется...

Однако визуальная разведка, хотя и во всех звеньях, — это всего лишь визуальная, простым глазом, пусть даже и усиленным оптикой. Противник тоже умеет маскироваться и никогда не спешит обнаруживать ни свои боевые порядки, ни перестроение их, ни свои замыслы. Поэтому без поисковой разведки было не обойтись.

Ее вели разведывательные подразделения всех четырех стрелковых полков и отдельная моторазведрота дивизии. Почти каждую ночь уходили в тыл противника наши разведгруппы. Главной задачей одних было обнаружение подхода к 198-й пехотной дивизии каких-либо подкреплений и определение производимых немцами перегруппировок. Перед другими группами ставилась не менее важная задача — захват «языка».

Человек, читавший много книг, смотревший много фильмов о Великой Отечественной войне, конечно же осведомлен о действиях поисковой войсковой разведки на фронте. И все-таки мне хочется кое-что подчеркнуть из давно известных вещей. Это нелегкое дело требует от человека особых качеств. Особых — в смысле сильно развитых. Таких, как сообразительность, смекалка, ловкость, выносливость, выдержка. В разведку людей отбирает сама война. Поэтому часто бывало так: скажем, бойца сначала определяют в хозяйственный взвод, а через какие-то три-четыре месяца фронтовой жизни он уже в полковой разведке.

Семен Комаров, правда, не был в тыловом подразделении. С самого начала он попал в стрелки — в 1-й батальон 691-го стрелкового полка. В дни боев за Сталино, ЗугРЭС, Чистяково этот боец отличился отвагой и хлад-

покровнем в бою. Кроме того, командиры заметили, что Комаров весьма искусно применяется к местности. И ему стали поручать некоторые задания по разведке.

На Мпусе разведывательный талант Семена Комарова расцвел в полную силу. Когда командир полка приказал перевести его в разведку, комбат-1 старший лейтенант В. М. Твалабейшвили, сам человек исключительно смелый, хорошо, умно воевавший, поднял настоящую бучу. Он считал, и не без оснований, Комарова своим учеником и не хотел отдавать его из батальона. Командир полка, конечно, нажал всей своей властью. Я не вмешивался.

В полковой разведке Семену присвоили звание сержанта, он стал возглавлять поисковые группы. Однажды с такой группой, в которую входили красноармейцы Щербановский, Корнеев, Бердников, Волков, Ситко и Лариков, он отправился для захвата «языка». Линию фронта пересекли благополучно, без шума. Сразу же нашли блиндаж, который можно было взять. Решили оглушить немцев, находившихся в блиндаже, гранатой. Комаров рванул дверь и швырнул в проем свою «карманную артиллерию»...

Когда ворвались в блиндаж — там ни одного живого немца. Быстро собрав у убитых документы, кинулись уходить. Целый день пролежали в норах, вырытых в снегу. Ночью взяли второй блиндаж, тоже с помощью гранаты. Захватили одного раненого, понесли его, но «язык» по дороге отдал богу душу.

Никто не осудил бы разведчиков, если бы они на этот раз вернулись без контрольного пленного. Но Комаров не хотел и думать о возвращении. Разведчики дали круг километров в десять и вышли-таки к третьему блиндажу. Здесь они действовали только ножами, без единого выстрела. В плен взяли младшего унтера.

Комарова в дивизии знали все. Слава у него была громкая. Он возглавил разведвзвод 691-го стрелкового полка, и ему присвоили звание младшего лейтенанта. Когда Семена принимали в ряды партии, лучшей рекомендацией бывшего забойщика шахты имени Горького в Сталино был орден Красного Знамени и боевой счет: 60 уничтоженных и 6 взятых в плен фашистов.

Младшего лейтенанта С. Комарова тяжело ранило в начале апреля 1942 года. Его эвакуировали в госпиталь, но остался ли он жив, воевал ли еще потом, сведений никаких нет. И сколько ветераны 383-й стрелковой дивизии

ни разыскивали этого отважного разведчика, так ничего и не выискали. Видно, нет уже в живых нашего однополчанина Семена Комарова.

В биографии нашего разведчика читателю надо обратить внимание на такую ее строчку: человек за два с небольшим месяца боевых действий вырос от рядового бойца до командира подразделения. Это не какой-то исключительный случай. Это явление массовое. Война уплотняет все — и время, и опыт. На войне достойные люди замечаются немедленно, их тут же выдвигают.

Так было и в нашей 383-й стрелковой. Процесс выдвижения умелых и храбрых бойцов на должности средних командиров и политруков начался еще до Мпуса, в боях за Чистяково. Тогда, например, красноармеец 966-го артиллерийского полка М. Ф. Гольцев был назначен секретарем партбюро 696-го стрелкового полка, рядовой Г. С. Проценко из 691-го стрелкового полка, младшие командиры М. Н. Бычковский и Ф. С. Дубинец из 684-го отдельного саперного батальона — командирами взводов.

В 1941 году наши потери в среднем командном составе стрелковых подразделений были довольно большими. Достаточно сказать, что к началу обороны Красного Луча сменилось по сравнению с началом боевых действий большинство комбатов и командиров рот. Некоторые были убиты, многие ранены и эвакуированы в тыл страны. А пополнения мы не получали. Вот и приходилось искать командиров взводов среди красноармейцев и младших командиров.

Хочется и сейчас, спустя четыре десятка лет после осени и зимы 1941 года, порадоваться вот чему: я не знаю случая, чтобы кто-то из командиров и политработников, выдвинувшихся из красноармейской массы 383-й стрелковой дивизии, не оправдал оказанного ему доверия.

Но вернемся к боевым действиям в начале мпусской обороны. 14 ноября на фронте обороны дивизии произошла некоторая перегруппировка наших сил. На правом фланге по распоряжению командующего армией оборону занял 197-й стрелковый полк 99-й стрелковой дивизии, вошедший в оперативное подчинение командиру 383-й стрелковой дивизии¹. Он сменил 961-й стрелковый полк, выве-

¹ ЦАМО, ф. 1704, оп. 1, д. 12, л. 2.

денный в резерв. На левом фланге к полосе нашей обороны командарм прирезал еще один участок, который мы заняли 3-м батальоном 691-го стрелкового полка и 3-м батальоном 696-го. Теперь вся Ново-Павловка была отдана 383-й стрелковой дивизии. Ее полоса еще больше растянулась — до 40 километров.

Видать, противник почувствовал это. На другой день, 15 ноября, в 17 часов он силою до пехотного батальона при поддержке сильным артиллерийским и минометным огнем ударил с северо-восточной окраины Княгиневки по балке в направлении поселка шахты № 5 бис. Немецкую пехоту встретил сосредоточенный огонь 1-го дивизиона 966-го артполка.

Но гитлеровцы сумели броском преодолеть участок сосредоточенного огня и завязали ближний бой с нашими стрелковыми подразделениями. Основная их масса навалилась на 5-ю и 6-ю роты 694-го стрелкового полка, которыми командовали старшие лейтенанты М. Ф. Бел и И. И. Медведев. Дело дошло до рукопашной.

На командира 2-го батальона старшего лейтенанта Иллариона Ивановича Тупельняка бросился высокорослый немецкий офицер. Комбат схватился с ним. На помощь подоспел командир взвода из полковой роты связи лейтенант И. Г. Акименко. Выстрелом из пистолета он уничтожил гитлеровца...

В это время капитан Ш. И. Кипиани бросил в контратаку свою резервную роту. Возглавляемая политруком И. П. Махио, она ударила во фланг наступающего противника. Одновременно подоспела помощь и от артиллеристов. Политрук 3-й батареи Д. К. Бондаренко и парторг батареи старшина И. А. Майборода собрали в своем дивизионе всех ездовых и этой силой тоже ударили по противнику. Гитлеровцы поспешно отступили, оставив на поле боя более сотни трупов своих солдат и офицеров, большое количество автоматов и четыре пулемета.

К сожалению, в этот день тяжело ранено командира 691-го стрелкового полка майора Сергея Егоровича Ковалева. На его место из штаба армии прислали майора Ивана Ефимовича Чистова.

16 ноября к вечеру такой же удар немцы нанесли по участку 197-го стрелкового полка. С большими потерями в живой силе после ожесточенного боя противник был тоже отброшен. Третий день, 17 ноября. Картина повторяется. Только теперь уже на участке 694-го стрелкового

полка. Здесь удар двух пехотных рот фашистов пришелся по 1-му и 3-му стрелковым батальонам. Снова у немцев потери. И снова они отходят.

Не думаю, что командир 198-й пехотной дивизии генерал Бёмэ хотел расширить свои плацдармы у Княгиневки и Яновки. Скорее всего все три атаки — это разведка боем, имевшая задачу вскрыть систему огня в обороне 383-й стрелковой дивизии. Не случайно же немцы атаквали уже в сумерках. Еще видно, и действовать можно как днем, но вот огневые позиции артиллерии, минометов и пулеметные точки хорошо демаскируются вспышками выстрелов.

Я не смог руководить отражением атак противника 16 и 17 ноября из-за сотрясения мозга, полученного накануне. Вечером 15-го, еще до того как гитлеровцы, наступая на шахту № 5 бис, перерезали дорогу Красный Луч — шахта № 12, я проскочил в 197-й стрелковый полк. Люди новые, в бою их не знаю — надо быть в этот момент с ними. Но командир полка майор Павел Иванович Сикорский рассказал мне, как 99-я стрелковая дивизия, а в ее составе и 197-й стрелковый полк, отважно дралась на границе, мужественно, нанося захватчикам большие потери, отходила к Днепру, прорывала кольцо окружения. Я, конечно, успокоился.

Когда той же дорогой, которой ехали всего два часа назад, мы возвращались в Красный Луч, наша машина — тяжелый ЗИС-101 — на приличной скорости влетела в глубокую воронку. То ли здесь упал артиллерийский снаряд, то ли немцы, отходя, взорвали фугас, но как бы там ни было, а в яму мы влетели. Я ударился головой об дугу кузова.

Хотя голова болела сильно, лежать, не думая ни о чем, было невозможно. Бёмэ узнал о нашей обороне немало. Во всяком случае, на его карте теперь нанесены почти все огневые позиции дивизионной и полковой артиллерии. Значит, огневые надо менять. Не все, конечно, но наиболее уязвимые придется перемещать. Потребуется изменить и систему минометного и пулеметного огня. И все эти два плацдарма! Как бы их сковырнуть!

Еще 12 ноября мы с начальником штаба дивизии полковником Шевченко и комиссаром дивизии полковым комиссаром Корпяком разговаривали о том, что надо готовить разведку боем. Долго обсуждали, как проводить ее: при поддержке артиллерией или без нее. Прикидывали и

так и сяк. Не получается, чтобы артиллеристы поддержали нехоту. Мало снарядов. А скопомить их еще не успели.

Но если артиллерия в силовой разведке участвовать не будет, значит, главную роль в успехе должна сыграть внезапность. Как ее достичь? Видимо, во-первых, бой нужно вести ночью. А во-вторых, небольшим, но сильным и мобильным отрядом. Скажем, одной стрелковой ротой, усиленной взводом автоматчиков из отдельной моторазведроты дивизии и взводом станковых пулеметов. Так я и решил.

Когда встал вопрос о командире отряда и комиссаре, долго его не обсуждали, хотя людей сюда надо было подобрать и отважных, и хладнокровных, и быстро думающих. Сразу же на память пришел лейтенант Подавильников, первый помощник начальника штаба 696-го стрелкового полка. Он запомнился мне под Марьинкой, и после того я все время держал его на примете.

— А комиссаром — политрука Железного, — сказал Коряк. — Вдвоем с Подавильниковым они должны работать неплохо.

Обоих я вызвал к себе, объяснил им задачу и отрекогносцировал с ними участок, с которого предстояло вести силовую разведку. Они, получив в свое распоряжение стрелковую роту и разведвзвод, приступили к подготовке этого боя. На все и им, и себе я отпустил пять полных суток, назначив силовую разведку на 23 часа 18 ноября.

Для разведки боем была выделена в 696-м стрелковом полку рота лейтенанта Корягина. Выбор был удачным. И сам Корягин, и политрук подразделения Ломакин, и командиры взводов лейтенанты Зайцев, Ефремов, младший лейтенант Винник были храбрыми, уже проявившими себя в боях людьми, точно так же, как большинство красноармейцев и младших командиров роты. Ну, а политрук Железный подобрал в отряд лучших разведчиков своей роты.

И вот три вечера подряд Бёмэ сам ведет силовую разведку. Что же делать? Сегодня, 18 ноября, в 23 часа Подавильников должен выступить, а мы только-только отбили гитлеровскую атаку. Но может, это даже и к лучшему? Противник наверняка не ожидает, что после его натиска мы вдруг тоже начнем атаковать, и бдительность его притупится. Да, отменять разведку не имеет смысла. И я стал подниматься с постели, чтобы самому проверить, как под-

готовился отряд к бою, и дать последние указания. советы...

Ночь выдалась темной, холодной, с ветерком. Но атака получилась дружной и стремительной. Рота 696-го стрелкового полка ворвалась в окопы немцев и завязала там рукопашный бой. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись. К тому же они имели численное превосходство.

Однако противник все же не выдержал натиска и, поспешно оставив южные скаты высоты 178,9, отошел в Княгиневку. В окопах лежало около 60 трупов солдат и унтер-офицеров 308-го пехотного полка 198-й пехотной дивизии.

Через несколько минут на южные скаты захваченной нами высоты обрушился шквал огня. Била фашистская артиллерия. Били фашистские пулеметы, пронзая освещенную ракетами зеленую ночь десятками трасс... На всех наблюдательных пунктах — и на штатных; и на специально в целях разведки боем сформированных — офицеры наносили на карты огневые позиции артиллерии и пулеметные точки врага.

В 2 часа ночи я дал три красные ракеты — сигнал на отход отряда. Отряд вернулся. Его привел политрук Железный. Шестеро бойцов из роты лейтенанта Корягина пришли ранеными. Двое убиты.

— Подавильников? — спросил я.

— Сейчас должны вынести, товарищ полковник, — доложил политрук. — У него тяжелая рана. С ним остался санинструктор Доценко, перевязывать. Мне лейтенант Подавильников приказал вести людей.

Из-за предутреннего тумана военфельдшер Доценко сбился с пути, так что Подавильникова вынесли, когда уже рассвело. У меня опять голова раскалывалась от жестокой боли, пришлось укладываться в постель. Так и не смог я поговорить с Михаилом Васильевичем Подавильниковым перед тем, как его увезли в армейский госпиталь. Встретились же мы с ним снова только через четыре месяца.

Михаил Васильевич перенес три операции и выпи-сался из госпиталя 22 марта 1942 года. Решение меди-цины было безоговорочным: «К службе в Красной Ар-мии не годен, подлежит снятию с военного учета». Так как родные места Подавильникова были заняты нем-цем, старшему лейтенанту (а это звание Михаил Ва-сильевич получил уже после ранения, через три дня)

предписывалось ехать на Урал. Но он повернул маршрут на 180 градусов и прибыл в штаб 18-й армии.

Получив в политотделе свой партийный билет, который сдал еще перед боем парторгу 696-го стрелкового полка, Подавильников пошел в отдел кадров. Начальник отдела кадров армии не понял, чего от него хочет старший лейтенант. Его направили в тыл, а он просится на фронт! Стал объяснять, что Подавильникову теперь нужно настраиваться на гражданскую жизнь, война для него закончилась...

Когда подполковник убедился, что сидевший перед ним командир уедет в свою дивизию и без всякого на то разрешения, он сдался. «Только учтите, — предупредил кадровик старшего лейтенанта, — если они там не подберут подходящей должности, немедленно докладывайте. Мы вас заберем в шторм».

— Как же дома — и не подберут? — Михаил Васильевич улыбнулся. Дома-то мне работа найдется...

Мы назначили старшего лейтенанта Подавильникова помощником начальника оперативного отделения штадива. Работал он хорошо, это заметили не только у нас, но и в штабе 18-й армии. В июне 1942 года шторм отозвал Михаила Васильевича. Помощник начальника оперативного отдела, старший помощник начальника отдела боевой подготовки, заместитель начальника армейских курсов младших лейтенантов — вот должности, которые исполнял этот исключительно добросовестный и храбрый человек в штабе 18-й армии в течение ее славного боевого пути от Миуса до предгорий Кавказа, от Новороссийска до Чехословакии.

Вместе с Михаилом Васильевичем Подавильниковым трудными дорогами войны прошла и его жена — Татьяна Сергеевна. Правда, в 1941 году она была еще Зубашовой. Студентка Ленинградского механического института, Таня, когда началась Великая Отечественная война, находилась в Сталино. Там она и пристала к дивизии. Именно пристала, потому что была невоеннообязанной и никто ее, разумеется, в армию не взял бы.

Татьяна Зубашова быстро освоила боевую специальность санинструктора и вскоре стала полноправным бойцом нашей дивизии. Быстрая, не знающая страха, она, помнится, лезла в самое пекло и выносила оттуда раненых. На Миусе отважная патриотка была тяжело ранена. Там же ее наградили орденом Красной Звезды.

Здесь уместно будет сказать, что Татьяна Сергеевна Подавильникова — лишь одна из многих сотен шахтеров и шахтерок, самовольно, как говорится, влившихся в 383-ю стрелковую дивизию. Пока мы не обмундировали личный состав истребительного батальона, который привел под Чистяково старший лейтенант Твалабейшвили, было как-то незаметно, что на передовой находится очень много людей — мужчин и женщин — в гражданском платье. Но вот истребители обмундированы, распределены по полкам, а гражданских лиц в боевых порядках вроде бы и не убавилось. Тут как раз подошло время проверять, как выполнены указания об инженерном оборудовании обороны, и я разобрался, в чем дело.

Когда мы оставляли Сталино и другие населенные пункты Донбасса, за нами устремлялся поток беженцев. Советские люди не хотели оставаться под немцем и шли на восток. Но ведь у многих из них кто-нибудь да служил в шахтерской дивизии. У кого муж, у кого сын, у кого жених. Вот и приставали, притыкались к родному плечу. А командиров подразделений, политработников уговорить нетрудно — большинство из них сами были выходцами из шахтерской среды.

Семейный расчет 82-миллиметрового миномета. Шахтер-красноармеец, его старый отец и его же молодая жена. Фамилия их забылась, а лица и до сих пор помнятся. Спрашиваю старика:

— Трудно небось, отец?

— Нэ важче, чим в забой. Тай не звыкаты.

— Ну, а невестку-то зачем в окопы тащить?

— А що ий! Дивка молода, дитэй нэма. Нэвже ж мины нэ зможе пидносыты?..

Приказал командирам полков и отдельных частей в течение трех дней навести порядок. Молодых зачислить в штат, стариков убрать в тыл, за прифронтовую зону, из женщин оставить только незамужних... И все равно, несмотря на строгость этого приказа, мы зачислили в штаты подразделений около тысячи человек. Пятидесятилетние вдруг молодели на десяток лет, замужние вдруг оказывались холостячками. А разные справки требовать с людей — для этого в той обстановке времени просто не было.

Пополнялись мы и добровольцами из Красного Луча. Приходят ко мне, скажем, двое: «Товарищ Провадов, мы — шахтеры, рабочие. Нас все знают, могут под-

твердить. Возьмите в бойцы». Брали, конечно. Как им откажешь?

Не помню, чтобы из этого, так сказать, стихийного пополнения кто-нибудь и когда-нибудь вел себя в бою недостойно. Зато примеров мужества и отваги среди добровольцев было сколько угодно. Вот директор совхоза имени XVII партсъезда Н. Ф. Алышев. Свое хозяйство он эвакуировал на восток страны и, решив, что заместить его там найдут кем, явился в наш штаб. Мы определили Николая Федоровича в политотдел дивизии инструктором по организационно-партийной работе. Новый политработник быстро вошел в курс фронтовой жизни, его хорошо узнали в подразделениях. Алышев часто бывал на переднем крае, неоднократно при надобности сам брал в руки винтовку и шел в контратаку рядом с теми, с кем он совсем недавно беседовал на военно-политические темы. Когда был тяжело ранен комиссар 691-го стрелкового полка старший политрук Николай Николаевич Никитин, вместо него назначили старшего политрука Николая Федоровича Алышева.

Интересно, что вместе со взрослыми в ряды шахтерской дивизии просочились и подростки. У того же Валерьяна Маркозовича Твалабейшвили в батальоне их оказалось сразу четверо: шестнадцатилетние Иван Ткаченко, Иван Вялов, Владимир Воронин и четырнадцатилетний Виктор Домашов. С благословения комбата они стали разведчиками и не раз, одевшись в тряпье похуже, под бродяжек, выполняли ответственные задания командования по разведке сил и средств противостоящих нам частей 198-й пехотной дивизии.

В 1958. году, будучи заместителем командующего войсками Краснознаменного Прикарпатского военного округа, я встретился с Виктором Домашовым. Он был капитаном, служил в кадрах Вооруженных Сил. С дивизией Виктор прошел весь ее тернистый, но славный путь до Севастополя, откуда его отправили на учебу в военное училище. За отвагу в бою он дважды был награжден.

Встретились мы с Домашовым накоротке, а вспомнить все-таки удалось многих. В первую очередь, конечно, его друзей — юных разведчиков. Оказалось, оба Ивана — Вялов и Ткаченко — остались живы, а вот Володя Воронин пропал. В июле 1942 года в бою за поселок

шахты № 21 его, тяжело раненного, отправили в госпиталь. С тех пор о нем ни слуху ни духу...

Но неоднократные ранения дали знать о себе нашим мальчишкам через многие годы. В 1965 году умер в возрасте сорока лет Иван Дмитриевич Ткаченко, который долго и сильно болел. А через четыре года не стало и Ивана Вялова. От таких вот утрат испытываешь особенно сильную боль.

Пополнение дивизии добровольцами поставило перед нами довольно остро вопрос об оружии. Не хватало прежде всего винтовок. Тогда было решено использовать учебные винтовки, оставленные в Красном Луче местной организацией Осоавиахима. Их нашлось более 600 штук. Военному человеку известно, что из учебного оружия стрелять невозможно не только потому, что у него на ударниках спилены бойки, но и потому, что над патронником просверливается отверстие, через которое неизбежно будут выходить пороховые газы. Надо было как-то заделать эти отверстия на винтовках. Как? Попробовали заливать их свинцом — свинцовые пробки вылетали от первого же выстрела. Попробовали стальные заглушки на резьбе — получилось! Так и отремонтировали все учебное оружие.

Не знаю, жив ли теперь рабочий-мастеровой Иван Данилович (фамилия его, к сожалению, забылась), который был вроде бы как за мастера у слесарей, ремонтировавших винтовки. Он, как я понял, очень хорошо знал технологию металлов, и это его знание весьма пригодилось нам. Наладили мы производство 50-миллиметровых минометов. Но оружие это было, скажем прямо, не могучее, и я как-то посетовал на это Ивану Даниловичу.

— Так давайте что-нибудь погромче сделаем, Константин Иванович, — предлагает мастер.

— А металл?

— Можно поискать.

И ведь нашел! И сталь хороша, и диаметр как раз 82 миллиметра. Сразу же было налажено производство 82-миллиметровых минометов. Верно, опорные плиты получались чуть потяжелее, чем, как говорил Иван Данилович, у «казенных», но зато были прочнее и не давали трещин. С краснолучскими минометами наши бойцы, если мне не изменяет память, дошли до Севастополя. А может, и до самой победы,

Красный Луч помогал нашей дивизии не только пополнением, не только топливом, оружием и шанцевым инструментом. Краснолучане, в основном женщины, вложили огромный труд в инженерное оборудование шахтерской обороны. По сути дела, вторая линия и противотанковые рвы были вырыты женскими руками. Первое время работали днем. Но противник засек землекопov и начал их обстреливать. Стали выходить на земляные работы в ночь. Производительность, правда, понизилась, но не было страха. Даже песни пели. Ночи морозные, ясные, звуки разносит далеко. Вылезешь из своего НП-норы, а из-за террикона — женская песня. Откуда только силы брались у наших святых рязанских, да донбасских, да смоленских, да из других мест русских мадонн! Ведь в день им выдавали всего по полфунта хлеба!

Мы старались как-нибудь подкормить работающих на окопах краснолучан. За счет припека, за счет приварка. Особенно ребятишек. А потом надо было решать и вопрос о продовольственном снабжении жителей шахтерских поселков, расположенных к западу от города. Из Ново-Павловки, ШтерГРЭСa, шахт № 160, 5 бис, 7—8 и других мы должны были эвакуировать за прифронтовую зону (порядка 10 километров от передовой) все оставшиеся здесь семьи. Жители поселков, видя, что дивизия держится крепко и отходить не собирается, всячески упорствовали и тянули с переселением. Без всяких на то распоряжений они с наступлением темноты выходили на фортификационные работы... Но хлеба-то на них, даже тех самых 200 граммов, которые выдавались жителям Красного Луча, не полагалось!

Обратились за помощью в Ворошиловградский обком партии. Категорический отказ: в прифронтовой полосе никто не должен оставаться, а если единицы и остались — хлебные карточки на них не положены. Еще одно письмо в обком: приезжайте сами и посмотрите.

Приехал первый секретарь Ворошиловградского обкома А. И. Гаевой. Полазили мы с ним по передовой, ходили по домам в шахтерских поселках... Антон Иванович много беседовал с женщинами. «Чего же вы не уходите?» — «А зачем уходить? Красноармейцы-то стоят...» И так — в каждой хате, куда мы заходили.

В поселке ШтерГРЭС познакомились с фельдшером М. В. Литвиновой, пожилой интеллигентной женщиной. Дом Марии Васильевны стоял метрах в двухстах от

передовой, и она устроила у себя что-то вроде сборного пункта раненых. Эвакуация их проходила ночью. А днем получившие ранения бойцы и командиры находились под присмотром и материнской опекой этой прекрасной советской патриотки.

Мария Васильевна, как и остальные жители Штер-ГРЭСа, хлеба не получала. В то же время она отдавала раненым все до крохи из своих скудных припасов. И другие женщины поселка старались тоже как-то подкрепить вышедших из боевого строя бойцов. Смотришь, одна несет им пяток яиц от чудом сохранившейся курицы, другая — парочку тоже невесть как уцелевших ~~блоков~~.

После посещения «лазарета Литвиновой» Гаевой сказал мне: «Выделим муки. Тонн пятьдесят. Больше, вы понимаете, не сможем...» Тонн сорок мы действительно получили. Этот хлеб хорошо поддержал солдаток и их ребятшек, так и не покинувших прифронттовую зону.

Хлеб у нас в народе всегда ценился больше, чем просто продукт питания. Он был, ко всему прочему, мерилем совести, мерилем гражданственности. Сами полуголодные, женщины шахтерского края подкармливают наших бойцов. В Красном Луче к новогоднему празднику затевают собрать для красноармейцев и командиров 383-й стрелковой дивизии продуктовые посылки. И собирают ведь! Многие сотни ящичков, мешочков, кулечков, в которые положено все, что, как тогда говаривалось, бог послал. А личный состав дивизии единодушно принимает решение: ежедневно отчислять от солдатской хлебной пайки 200 граммов в пользу блокадного Ленинграда. Причем решение это было принято не на митингах и собраниях — оно прошло по окопам от бойца к бойцу и явилось ко мне из уст комиссаров полков. Правда, за эту нашу инициативу я получил от командарма, и правильно получил, хорошую нахлобучку, но такая красноармейская резолюция была, и я, как командир дивизии, горжусь ею до сих пор. Когда мы говорим о нерушимом единстве нашей армии и народа, мне на ум почему-то всегда приходит вот та тесная, в огне закаленная, смычка нашей дивизии с жителями шахтерского города Красный Луч, со всей страной.

Дух сплоченности, дух социалистического коллективизма проявлялся во всем, даже в мелочах. На всю жизнь в память врезалась такая вот сценка. Я ехал с

передовой на командный пункт дивизии. Наступила уже весна 1942 года. Время самое голодное: скудные запасы продуктов у людей уже истощены, а огороды даже еще и не вскопаны, ничего не посажено. На окраине города вижу толпу женщин. Останавливаюсь. Мы, мужчины, иногда шутим: три женщины — уже базар. А тогда их было не меньше сотни, а шума, бестолковщины — нет. В чем дело? Оказывается, в городе уцелели четыре стельные коровы, и молоко от них теперь распределяется по спискам для детей.

Я ничего не сказал, пошел к машине. А вдогонку мне — звонко, как самая весенняя песня:

— Да вы не беспокойтесь, Константин Иванович, мы — по справедливости! Мы и раненым оставляем...

Удивительный, бесценный у нас народ!

А раненые у нас действительно были. В том смысле, что мы оставляли у себя в медсанбате не только тех, кто получил легкое ранение, но и тех, кого вообще-то следовало направлять в тыловые госпитали. Почти все раненые просили врачей: «Не отсылайте в тыл! Я здесь быстрее поправлюсь...»

Дивизионным врачом у нас был военврач 1 ранга В. Т. Устинов. Он прошел с полевыми лазаретами всю гражданскую войну, потом практиковал в селе, дослужился до заведующего райздраотделом. Организатор медицинского обеспечения боя — лучше не надо. Так вот, вместе с командиром медико-санитарного батальона военврачом 2 ранга Я. К. Ишко (он сейчас доктор медицинских наук) Устинов организовал две подвижные группы первой помощи раненым. Одну из них возглавляла хирург И. Я. Наймарк, вторую — хирург А. П. Ануфриева. В каждую такую группу входили хирургическая сестра (Евдокия Шунтовая и Вера Либединская), два санинструктора, три санитары и шофер крытой автомашины, на которой передвигался этот летучий отряд «скорой помощи».

Санитарные «летучки» направлялись на самые жаркие участки боевых действий, где обычно бывает больше всего раненых, и там, на месте, обрабатывали довольно-таки серьезные раны. Оперативно и квалифицированно работали также и санинструкторы подразделений. Достаточно, например, сказать, что только одна 19-летняя Надя Федорченко за время обороны на Миусе вынесла с

поди боя более 150 раненых бойцов и командиров вместе с их оружием.

О чем я веду речь? Известно, что сохранность здоровья раненого, шансы на восстановление этого здоровья зависят прежде всего от оперативности и квалификации первой помощи. Быстрее ее окажешь — быстрее человек встанет на ноги. А у нас в дивизии для такой помощи были созданы хорошие возможности. Поэтому абсолютное большинство ранений не имели отягчающих осложнений, и мы решили часть раненых, подлежащих эвакуации в тыл, оставлять для лечения у себя. Устинов подобрал до десятка изолированных друг от друга помещений (в целях безопасности больных в случае артонала противника) и развернул в них до 60 коек. Недостатка в обслуживающем персонале этот полулегальный госпиталь на восточной окраине Красного Луча, естественно, не испытывал. И именно этот госпиталь имели в виду женщины, когда кричали мне вдогонку, что молоко они распределяют по справедливости.

Чтобы потом уж не возвращаться к этому, здесь следует, видимо, рассказать современному читателю о нашем фронтовом житье-бытье. Проходило оно в основном, как я уже говорил, в землянках. Шахтеры, привычные и к крепежно-плотницким, и к земляным работам, соорудили добротные жилища. И просторно, и тепло, и уютно. В землянках же устроили себе бани — по одной на каждый батальон. Обязательно с парилкой. Парились через каждые 10—12 дней.

Была в дивизии своя прачечная, в которую кроме штатного состава приходили работать десятки добровольных помощниц-краснолучанок. Так что солдатское белье всегда было тщательно выстиранным и заштопанным. Обувь чинили прямо в ротах. Не допускали, чтобы кто-то ходил в прохудившихся сапогах (не знаю почему, но ботинок с обмотками в дивизии не было, их мы вообще не получали).

Я много бывал в солдатских блиндажах, проводили неоднократно мы совещания партийного и боевого актива, и никогда не слышал жалоб на голод и холод. Только и вздыхали: «Боеприпасов бы побольше». Или: «Эх, автоматы бы нам!» Но, вздыхая, понимали смысл сверхэкономного лимита. А за ППШ устанавливались очере-

ди. Скажем, дружат два бойца. У одного винтовка, у другого автомат. И автоматчик заранее знал, что если его ранят, то оружие свое надо передать другу. А если и того пуля зацепит, значит, есть в списке кандидатов в автоматчики еще кто-то третий и даже четвертый. Договариваясь, солдаты думали, что именно ранят, а не убьют. Что убьют — не верили. Поэтому и объявлялась очередь за автоматом вслух, чтоб лишние не претендовали. То есть без всяких предрассудков. Такая вот солдатская психология...

В общем, насчет оружия и боеприпасов понимание было полное. Стране пока трудно, но того и другого скоро будет в достатке. Точно так же и в отношении спичек. Их мы вообще не получали, сера нужна была для оборонной промышленности. Курильщики приспособились: каждый завел себе кресало с кремнем. А в качестве трута — клок ваты, вымазанный в растертом порохе. Так что обходились. Но вот если изредка случался перебой с махоркой (на день выдавалось пол-осьмушки, по-нынешнему — 25 граммов), тут командирам прохода не было. И уж когда это доходило до меня или комиссара дивизии, с виновников взыскивалось по всей строгости.

Ну и, наконец, досуг. Ведь на фронте тоже выпадало свободное время, и его надо было как-то организовать.

Помню, пришли к нам с Корпяком четыре девчущки. Маленькие, худющие. «Мы, — говорят, — артистки. Чем можем быть полезными?..» Накормили мы их и давай выпроваживать в тыл. Ни в какую. «Мы, — говорят, — учились в музыкальной школе города Сталино, почти что закончили ее — хотим давать для красноармейцев концерты!» И запели. Да так хорошо, что мы сдались.

А через день или два появился у нас и руководитель хора. Пришел пожилой рабочий и отрекомендовался: «Бывший церковный дьяк, навсегда порвавший с религией...» В детстве мои верующие родители водили в церковь и меня. И я помнил, что в храме всегда был хороший хор. Вот тут-то и пришла мысль. «Вы хором смогли бы руководить?» — спрашиваю бывшего дьяка. Тот захлопал глазами, не знает, что сказать. Поясняю ему: не церковным, а красноармейским. Обрадованно заулыбался, закивал головой: «А как же!»

Так у нас в дивизии появился свой красноармей-

ский ансамбль, руководителем которого был назначен Г. Ф. Ивашко — в прошлом служитель культа, а в недалеком будущем старшина Красной Армии. Нашли мы еще двух баянистов, трех певцов (потом этот коллектив разросся до 20 человек) — и дело пошло. Небольшими бригадами наши самодеятельные артисты начали выбираться на передовую и там, прямо в блиндажах; пели для бойцов, играли на баянах, читали стихи. Но перед каждым таким концертом — обязательно беседа политработника о положении на фронтах. Этот вопрос интересовал людей больше всего.

Вскоре на наш командный пункт приехал командующий 18-й армией генерал-майор Ф. В. Камков, сменивший генерала В. Я. Колпакчи. Хотя видели его мы впервые, но уже были наслышаны об этом кавалерийском командире. Участник гражданской войны, Федор Васильевич встретил войну командиром 5-го кавкорпуса. Под его командованием это подвижное соединение успешно било врага на Юго-Западном фронте, и генерал Камков был награжден орденом Ленина.

Решив все вопросы, он согласился поужинать с нами. Настроение у него вроде бы хорошее, но как он отнесется к тому, что мы создали ансамбль? Во время ужина предлагаю: может, концерт послушаете, товарищ командующий? Чувствую, набычился, но взрыва не последовало. А Корпяк уж сигнал дал — ансамбль тут как тут...

После концерта прямо от нас Камков позвонил командиру 395-й стрелковой дивизии:

— Петраковский, ты бы у Провалова, что ли, опыта подзаял, как надо культурный досуг бойцов организовывать...

Наш ансамбль получил право на существование. Во время боев артисты становились санитарями.

Однако, чувствую это сам, я в повествовании слишком далеко ушел от боевых действий, и как бы ни хотелось вспоминать о чем-то мирном, но надо все-таки возвращаться и к боям.

29 ноября 1941 года Советское информбюро передало сообщение: «...Ночью с 28 на 29 ноября части Южного фронта советских войск под командованием генерала Харитонова, прорвав укрепления немецких войск и грозя

им окружением, ворвались с северо-востока в Ростов и заняли его. В боях за освобождение Ростова от немецко-фашистских захватчиков полностью разгромлена группа генерала Клейста в составе 14-й и 16-й танковых дивизий, 60-й мотодивизии и дивизии СС «Викинг»¹.

Какое же у нас в тот день было ликование! Победа! Долгожданная! Вестница новых побед!

Красноармейцы и командиры, когда им сообщили об освобождении нашими войсками Ростова, обнимались, целовались, на глазах у многих из них выступили от счастья скупые мужские слезы. И от гордости. Ведь в успех на левом фланге нашего фронта был вложен труд и 383-й стрелковой дивизии, которая стойко держала оборону на своем участке.

А противник? Насколько мне помнится, он и в этот день, и на другой вел себя весьма тихо. 30 ноября в балке Солонцеватая разведчиками 696-го стрелкового полка было захвачено в плен пять солдат 308-го пехотного полка 198-й пехотной дивизии вермахта. Пленные на допросе показали, что их командование чем-то сильно обеспокоено.

Не прислушаться к этим показаниям пленных было бы ошибкой. Но я такую ошибку допустил. Не хочу оправдываться, хочу объяснить. После взятия Ростова все были настолько взбудоражены, что было невозможно не поддаться этому всеобщему настроению. Нам очень хотелось ответить на победу в устье Дона своей, пусть даже и маленькой в масштабах всей войны победой.

Я уже говорил, что плацдармы противника на левом берегу Миуса были как бельмо на глазу, и мы давно готовили захват Княгиневки. План, согласованный с командармом и утвержденный им, предусматривал ночной сходящийся удар двух батальонов по флангам плацдарма, под его основание, вдоль реки, с одновременной атакой усиленной стрелковой роты и взвода разведроты дивизии на северо-восточную окраину Княгиневки. Перед атакой предполагалось сделать по плацдарму артналет 2-м дивизионом 966-го артполка. Разведчиков мы посылали в основном для того, чтобы они, воспользовавшись паникой

---

¹ В Ростовской наступательной операции кроме 9-й армии Южного фронта, которой командовал генерал Ф. М. Харитонов, участвовали 37-я армия генерала А. И. Лопатина, 56-я отдельная армия генерала Ф. Н. Ремезова и часть сил 18-й армии генерала Ф. В. Камкова.

Княгиневского гарнизона противника, захватили побольше пленных.

Судя по поведению противника 29 и 30 ноября, можно было догадаться, что он, насторожившись после ростовских событий, обязательно усилит оба плацдарма свежими подразделениями. Но...

Бой я решил провести после полуночи 5 декабря. Взаимодействие подразделений было организовано следующим образом. По сигналу «одна белая ракета» две роты 2-го батальона 694-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта И. Тупельняка должны были начать движение к южному флангу княгиневского плацдарма противника и, развернувшись, приготовиться к атаке. Одна стрелковая рота этого же батальона (командир лейтенант Т. Иванов) вместе со связистами, которых поведут лейтенанты И. Акименко и П. Серафимов, и взводом разведроты дивизии (командиром разведчиков снова назначили политрука С. Железного) под общим командованием помощника начальника штаба 694-го стрелкового полка старшего лейтенанта Г. Жабина также должна была выдвинуться к северо-восточной окраине Княгиневки в готовности атаковать ее. 3-й батальон 696-го стрелкового полка под командованием капитана Н. Гоголева по этому же сигналу разворачивал свой правый фланг в сторону реки и занимал исходное положение для атаки на северный фланг немецкого плацдарма. После определенного расчетного времени предполагалось дать второй сигнал «три ракеты красного огня» — начало артналета 2-го дивизиона 966-го артполка по Княгиневке. Наконец, сразу после работы артиллерии — «шесть ракет красного огня» — одновременная атака с трех направлений.

Ночь выдалась и с морозцем, и вьюжная. На небе ни звездочки, только за спинами — тусклое пятно лунного света, пытающегося пробить низкую облачность. Погода как раз для нас, легче будет незамеченными выйти на рубеж атаки.

Роту лейтенанта Иванова и дивизионных разведчиков я нашел там, где они и должны были находиться, — на окраине Хрустального, прямо около дороги. Им принесли в термосах горячую пищу, и люди собирались ужинать.

Ко мне подошел политрук Железный, доложил о готовности к выполнению боевой задачи и спросил разре-

шения выдать участникам боя по сто граммов водки. Я разрешил.

Ужин закончился, все построились, я еще раз инструктировал командиров подразделений: решительность, дерзость — в этом залог успеха. В последнюю минуту на левом фланге заметил фигурки трех девушек. Подошел: кто такие?

Это были санинструкторы Нина Гнилицкая, Паша Белогрудова (Колесникова) и Октябрина Борисенко.

— Как настроение?

— Отличное, товарищ полковник, — за всех троих ответила Октябрина.

Девушки были боевые. Первые две уже участвовали в разведке боем 18 ноября, а Борисенко ходила в тыл противника с истребительным отрядом... Жалко, конечно, пускать их в эту ночную свалку, но без санинструкторов там не обойдешься. Сказал Жабину и Железному, чтобы смотрели за девчонками и не давали им заниматься мужской работой, пусть занимаются своей, милосердной.

Усиленная рота ушла в ночь. Не торопясь выкурив две папиросы, посмотрел на часы. Пора начинать движение и двум ротам Кипиани. Адъютант дал одну белую ракету.

Что-то будто подтолкнуло меня. По телефону, установленному на окраине Хрустального нашими связистами, позвонил командиру 694-го стрелкового полка. Его на НП не оказалось. Приказал разыскать и передать, чтобы связался со мной.

Капитан Ш. И. Кипиани объявился минут через пятнадцать и доложил, что инструктировал Тупельника. Батальон без одной роты вовремя вышел на исходный рубеж. Я успокоился и в 0.50 дал сигнал для артонала по княгиневскому плацдарму, а в 1.00 — сигнал атаки.

С моего временного НП было видно, что ожесточенный бой одновременно загорелся на двух участках: там, где противника атаковала рота лейтенанта Иванова с разведчиками политрука Железного, и там, где пошли в атаку стрелки 3-го батальона 696-го стрелкового полка. Сплохи от разрывов гранат, зткая скороговорка наших пулеметов, трассы очередей из немецких автоматов... На южном участке плацдарма почему-то было тихо.

Бездействие батальона 694-го стрелкового полка

ударило по нервам. Они напряглись, на душе стало мутно, и впервые на ум пришла злоеющая мысль, что в эту ночь удачи не будет. Я гнал ее прочь, ожидая, что вот-вот по плацдарму ударит и старший лейтенант Тупельняк, но время шло, а над левым флангом по-прежнему висела тишина.

Командир 694-го капитан Кипиани доложить о причинах задержки с атакой ничего не мог. Я уже собрался приказать ему лично выяснить ситуацию, но на южном фланге княгиневского плацдарма тоже завязалась схватка.

— Держите фронт обороны полка! — приказал я и положил трубку.

Как потом стало известно, бой развивался следующим образом. И батальон 696-го стрелкового полка, и рота лейтенанта Иванова с разведчиками решительным броском сблизилась с противником и, одолев в ближнем огневом единоборстве гитлеровских пехотинцев, зацепились за окраинные строения Княгиневки. После короткой передышки они отсюда снова атаковали гитлеровцев, но были встречены мощным организованным огнем из автоматического оружия и минометов. Над поселком от выпускаемых фашистами осветительных ракет, почти не угасая, стояло целое зарево.

Когда вторая наша атака захлебнулась и пришлось отходить к тем же домикам, которые были захвачены с началом боя, вдруг ожили две роты под командованием старшего лейтенанта Тупельняка. Но время было потеряно, и противник тоже встретил их стеной губительного пулеметно-минометного огня.

Я отдал приказ закрепиться на достигнутом рубеже. Было ясно, что план наш не удался и что продолжать действовать в соответствии с ним — значит только умножать потери в личном составе. Противник во много раз превосходил нас в силах. В то же время не могло быть и речи о том, чтобы несколько захваченных домов на окраине Княгиневки снова отдать врагу...

Позвонил Кипиани, доложил о том, что произошло. Виной была нечеткость боевого приказа на атаку, неполное уяснение задачи командиром батальона Тупельняком.

В этот вечер батальонные кашевары запоздали с ужином, и командир 694-го стрелкового полка отправил обе роты своего 2-го батальона на выполнение задания ненакормленными. Но старшины рот, нагруженные термосами,

должали подразделения на марше к рубежу развертывания. Комбат, понимая, что бой придется вести, может быть, всю ночь, решил остановить людей и накормить их. При раздаче пищи неизбежно возникает суетолака. Пусть небольшая, но возникает... Из-за нее-то (да и метель гуляла между терриконами) Тупельняк просмотрел сигнал и спохватился только тогда, когда мы уже начали артналет.

Как ни спешил комбат, как ни старались его люди наверстать упущенное время, но бой начался без них и поэтому с самого начала был обречен на неуспех.

— Прошу разрешения, товарищ полковник, — решительно сказал Кипиани, — отдать старшего лейтенанта Тупельняка под суд военного трибунала!

Комбата я знал. Молод, не всегда еще лучшим образом ориентируется в боевых действиях, но храбр, очень работоспособен, о бойцах заботится, как о своих ребятах, людей бережет, а они берегут его. Побывав в этом батальоне, заметил, насколько уважительно здесь относятся к своему командиру...

— Дайте-ка, Шалва Иванович, Тупельняку трубку.

— Его здесь сейчас нет, товарищ полковник. Отправил его перевязаться как следует.

— Ранен?

— Зацепило. Касательное в голову.

— Кто будет командовать батальоном?

— Пока Тупельняк. В медсанбат уходить отказался категорически. Говорит, что перед судом еще успеет гитлеровцев немного побить...

Настроение командира батальона мне представлялось отчетливо. Пусти его сейчас в атаку, будет специально лезть под пули, чтобы кровью смыть с себя вину. А проще, чтобы не переносить того позора, который, по нашим представлениям, падает на голову командира, которого ожидает суд военного трибунала...

Через командира 694-го стрелкового полка я объявил старшему лейтенанту Тупельняку взыскание за слабую организацию выполнения боевой задачи.

— О трибунале разговоры прекратить, — сказал я Кипиани. — Пусть не горячится и, если действительно не требуется госпитализация, лучше думает. С рассветом противник может ударить не только с плацдарма, но и на других участках обороны. Так что повнимательнее там...

Утром, тщательно пристреляв минометы и артиллерию по окраинным строениям Княгиневки, которые находились

в наших руках, противник обрушил на подразделения, участвовавшие в бою, мощный удар артиллерийско-минометных средств. И почти тотчас бросил пехоту. Откровенно говоря, я не ожидал, что гитлеровцы сумеют подтянуть сюда столько резервов... После ожесточенного ближнего боя, когда многократное превосходство подразделений 198-й пехотной дивизии в живой силе и средствах стало очевидным, после трех отбитых атак врага я подал сигнал на отход.

...4 марта 1942 года, когда стал сходить снег, на окраине Княгиневки, которая к тому времени была уже занята подразделениями 383-й стрелковой дивизии, были обнаружены обгоревшие трупы наших бойцов, в том числе политрука Спартака Авксентьевича Железного и Нины Тимофеевны Гнилицкой. О последних часах жизни этих отважных людей читателю много может сказать следующий документ. Это акт, составленный военврачами В. Т. Устиновым, Я. К. Ишко, Л. И. Серватовичем и И. Г. Черноморченко. В нем говорится:

«Комиссия осмотрела труп политрука Железного. На шее и в области верхней трети бедра обнаружены следы осколочных ранений, которые могли затруднить самостоятельное передвижение.

Одежда обгоревшая, голова и лицо покрыты многочисленными язвами, явившимися также результатом ожогов. Руки вывернуты из суставов и поломаны...

На основании вышеизложенного врачебная комиссия констатирует, что, будучи раненым, политрук Железный не мог уйти самостоятельно и попал в плен. Все указанные выше издевательства были учинены над раненым комиссаром».

Точно так же гитлеровцы измывались и над раненой Ниной Гнилицкой.

Еще тогда, 5 декабря 1941 года, после отхода наших подразделений из Княгиневки, по рассказам очевидцев боя, мы представили полную его картину, в которой самым ярким фактом был подвиг двух советских патриотов.

Спартак Железный с самого начала ночной схватки с гитлеровцами постоянно находился в ее пекле. Когда противник остановил продвижение наших подразделений, Спартак и старший лейтенант Жабин организовали оборону. Они обошли все занятые дома, уточнили секторы огня, подбодрили личный состав, настроили его на новый жестокий бой.

Когда гитлеровцы начали обрабатывать северо-восточную окраину Княгининки артиллерийско-минометным огнем, Спартака Авксентьевича Железного осколком ранило в ногу. Оказавшаяся рядом с ним Нина Гнилицкая и Паша Белогрудова перевязали ему рану и хотели эвакуировать в тыл. Но политрук приказал им возвращаться в боевые порядки разведчиков. Тон, каким это было сказано, не допускал никаких возражений.

Во время отражения атаки противника Железный был ранен снова, на этот раз в шею. Нина Гнилицкая, больше ни на минуту не оставлявшая политрука, принялась перевязывать его. И тут незаметно подкравшийся гитлеровец почти в упор ударил по девушке из автомата. Только, видно, в последний момент рука фашиста все-таки дрогнула: над его головой уже взнесся приклад винтовки, и еще через мгновение немец рухнул от удара лейтенанта Иванова. И все же две фашистские пули заделли Нину Гнилицкую. Ее левая рука повисла как плеть. Но правая действовала, и девушка, перевязав себя, встала с автоматом к пролому в каменном заборе, где уже занял свой последний рубеж обороны и Спартак Железный. Меткими очередями они уничтожали гитлеровцев, густо наседавших с трех сторон. А когда поступил сигнал об отходе, герои прикрыли этот отход...

Спартаку Авксентьевичу Железному было 29 лет. При рождении ему дали имя Петр. Но, получая паспорт, юноша как-то ухитрился сменить это имя. Он давно уже хотел назваться Спартаком в честь легендарного вождя рабов-повстанцев. В партию Железный вступил за несколько лет до войны. Вот почему он приходил в райком и не просил, а требовал отправить его в Испанию, где республика, истекая кровью, защищала себя от фашистов, позже — послать на финский фронт. Но каждый раз тезке прославленного римского гладиатора и бунтаря отвечали одно и то же: надо будет — мобилизуем. И мобилизовали. В первый же день войны райком бросил Спартака Авксентьевича на ответственную хозяйственную работу. Но вскоре молодому хозяйственнику пришлось взять в руки оружие. Район, считавшийся тыловым, стал прифронтовым. Железный с горсткой красноармейцев попал в окружение. Однако и здесь он не пал духом. Присоединившись к остаткам какой-то нашей части, он вместе с ней прорывается к своим.

У нас в дивизии Спартак Железный был назначен по-

литруком к разведчикам. Прошедший через огонь первых недель войны, Спартак быстро вошел в разведроту не только как умелый политический руководитель этого подразделения, но и как опытный воин, как добрый товарищ, который не подведет в самую лихую минуту. Не случайно на счету политрука разведпоисков было больше, чем у командиров взводов разведроты дивизии. Железный считал первой своей обязанностью боевую работу. «Если я сам хожу в разведку, — говорил он, — значит, я и провожу самую настоящую партийную агитацию». Видимо, не во всем тут прав был Спартак, но разведчики любили выполнять боевые задания под его командованием...

Ну а Нина Гнилицкая была местная, княгиневская. С детства ходила в заводилах. В играх сверстников претендовала быть Чапаем — ролью Анки-пулеметчицы не довольствовалась. Когда подросла, стала комсомолкой, всерьез увлеклась стрелковым делом, сдала нормы на значок «Ворошиловский стрелок».

Ее родители и она сама не успели оставить поселок — в него ворвались немцы. Вечером к Нине прибежала подруга, Паша Белогрудова. Гнилицкие собирались ужинать, и Ирина Андреевна усадила Пашу за стол... И вдруг — осторожные шаги под окном, потом на крыльце. Дверь отворилась, и в хату вошел наш боец. Это был разведчик Тугай.

Именно с ним Нина Гнилицкая и Паша Белогрудова с благословения родителей перешли линию фронта. Именно он привел их обеих к своему политруку. И именно он был рядом со Спартаком Железным и Ниной той огненной ночью на 5 декабря. Тугай тоже погиб в этой схватке с врагом.

Политрук Спартак Авксентьевич Железный и красноармеец Нина Тимофеевна Гнилицкая стали первыми Героями Советского Союза в нашей 383-й стрелковой дивизии. Они похоронены в центре поселка шахты № 7—8 вместе с 16 своими боевыми товарищами. Сейчас на братской могиле стоит памятник.

Наши потери в бою за Княгиневку составили 49 человек убитыми и ранеными. И хотя противник недосчитался более полутора сотен своих солдат и офицеров, мы должны были признать, что потерпели неудачу — гитлеровцы удержали плацдарм. И эта неудача усугублялась еще вот чем. У бойцов и командиров почти всех подразделений, особенно стрелковых, заметно стал падать боевой дух. Бы-

вая на передовой, я обратил внимание на то, что после боя за Княгиневку как-то вдруг исчезли шутки, в блиндажах приумолкли гармошки. Наверно, каждый из нас тогда обдумывал этот бой, но не каждый видел причины неудачи. И, не зная их, люди приходили к выводу, который лежал, так сказать, на поверхности: видно, немец силен настолько, что его никогда и ничем не возьмешь.

Политработникам была поставлена задача идти в окопы и по-большевистски правдиво объяснить, что к чему. Мы говорили бойцам все: и об ошибках в оценке сил противника, и о слабой организации взаимодействия, и об остром недостатке боеприпасов, главным образом — артиллерийских снарядов. А еще им было сказано: для того чтобы побеждать врага, каждый должен настроиться на эту победу не только психологически, но и в тактическом отношении. Надо бить противника дерзко, расчетливо, смело, но и хитро. А мы пока воюем лишь одним мужеством.

Настроение личного состава понемногу поправлялось. И оно совсем стало на место, когда 12 декабря, через неделю после Княгиневки, 3-й стрелковый батальон 197-го стрелкового полка удалой и решительной ночной атакой практически без потерь овладел поселком шахты № 12. Две роты ударили по восточной окраине населенного пункта, а одна быстро обошла террикон, прикрывавший поселок с юго-запада, и навалилась на противника с тыла.

У немцев, оборонявшихся здесь, была сильная паника. Многие удирали в одном нижнем белье. Но ушли немногие. Было уничтожено около 150 гитлеровцев, взяты пленные.

Овладев сильным опорным пунктом противника, мы улучшили свои позиции. Но самое главное — взятие поселка шахты № 12 дало огромный морально-политический эффект. В этот же день мы узнали о победе советского оружия под Москвой. Совинформбюро сообщило, что немецкий план окружения и взятия Москвы полностью провалился и гитлеровские войска на подступах к нашей столице потерпели сокрушительное поражение.

Ростов, Тихвин... Теперь Москва!

С бумагой было плоховато, боец берет ее для весточек домой, но в те дни я получил от своих подчиненных больше сотни писем-треугольников. Ротному почтальону, который вечером уносил почту из окопов и блиндажей, обя-

зательно наказывали: «А вот это передай командиру дивизии. Смотри не затеряй!»

Я долго хранил эти бесхитростные свидетельства солдатской любви к Родине, преданности простого советского человека-труженика, человека-бойца нашей партии, народу. Жаль, что не могу процитировать ни одного письма. Все они сгорели вместе с чемоданом, когда немецкий бомбардировщик сжег штабной грузовик, на котором находились и мои скромные фронтовые пожитки. Красноармейцы и командиры призывали меня обратиться к командующему армией, к командующему войсками Южного фронта с просьбой тоже начать решительное наступление на противника, чтобы освободить сначала Донбасс, а потом и всю Украину. Они напоминали мне, что под фашистом у них остались семьи, что гитлеровские головорезы должны немедленно понести самую суровую кару за все свои злодеяния.

Как я понимал чувства своих подчиненных! Но в то же время было ясно и другое: для исполнения их желания у нас имелось чересчур мало сил. По-прежнему мы экономили каждый снаряд, каждый патрон. По-прежнему мы не располагали достаточными резервами. По-прежнему мы воевали без прикрытия с воздуха и без танков. Страна собирала силы, и требовалось терпеливо ждать, когда она снабдит свою армию всем необходимым для движения вперед, к победе.

Это было необходимо объяснить людям и, нацелив их на достижение реалистических в той обстановке целей, мобилизовать личный состав на еще более жесткую и более активную оборону. Созрел момент для того, чтобы провести совещание боевого актива дивизии.

Мы провели его в просторном клубе шахты № 8. Собирались с наступлением темноты, группами по несколько человек. На совещании были представлены все без исключения роты дивизии, в том числе и хозяйственные, тремя делегатами, которых возглавлял или командир, или политрук. От каждого отдельного батальона прибыло по 5 человек. В общей сложности собралось более полутора сотен командиров, политработников и бойцов, лучшие люди дивизии.

Я сделал часовой доклад, в котором поставил задачи по четырем основным проблемам: активизация обороны, ее совершенствование, непрерывная и активная разведка, черемалывание живой силы противника; организация бое-

вой учебы во всех звеньях, главное внимание — тактической подготовке; обучение личного состава боевым действиям в населенных пунктах: опыт показывает, что опорные пункты противника мы брать можем, но сами несем значительные потери, а их нужно избежать; и наконец, экономия боеприпасов.

Хотя выступающих мы специально не готовили, но обсуждение доклада получилось бурным и толковым. Оно убедило нас, что в подразделениях высок морально-боевой дух, что не только командный, но и рядовой состав из предыдущих боев извлек богатый боевой опыт и полезные уроки.

Надо сказать, что командование и политотдел дивизии постарались придать совещанию боевого актива не только деловой, но и торжественный характер. После завершения прений я выступил с заключительным словом, а потом пригласил всех на ужин. В соседнем зале клуба уже были накрыты столы. Наши продовольственники проявили все свои таланты и приготовили тушеную картошку с мясом и ядреными солеными огурцами. Перед каждым поставили кружку с фронтowymi ста граммами.

За столом и поговорили, и спели, и посмотрели выступление дивизионного ансамбля. Расходились с хорошим настроением и большим желанием как можно лучше решить стоящие перед нами задачи.

А ближайшая проблема была весьма ответственной. К нам впервые за три с половиной месяца боев должны были прибыть маршевые роты, и надо было как следует встретить пополнение. Это не так просто, как кажется непосвященному человеку. Ну, скажем, боец впервые попадает на фронт. Еще не обстрелянный, не нюхавший пороха, он испытывает естественное чувство страха, а после того как попадет в стрелковое отделение или в какой-либо расчет, может почувствовать себя и совершенно одиноким. Ни родных рядом, ни закадычных друзей-товарищей...

Хорошо, если в маршевых ротах большая прослойка уже повоевавших людей. Эти наверняка сразу войдут в боевые коллективы, каждый найдет свое место и товарищей, к которым прирастет локтем и душой. Ну, а коль пополнение — сплошь из невоевавшей молодежи! Именно такое и пришло. К тому же оно было из Закавказского

в основном военного округа, и это обстоятельство создавало дополнительные проблемы. Главная — слабое знание или почти незнание русского языка. Да и довольно суровая донбасская зима тоже доставляла определенные хлопоты: надо было хорошо продумать, как побыстрее акклиматизировать призывников из солнечных республик Закавказья. Тут работа нашлась всем: командирам и политработникам, партийным и комсомольским организациям, боевому активу и нашим хозяйственникам.

Вечером 17 декабря мы отправили 500 бойцов пополнения в полки, по подразделениям. Там их встретили, подготовившись. Каждому новичку показали его место в боевом порядке, а в блиндаже — для отдыха. К каждому в качестве «дядьки», что ли, приставили умудренного и жизнью и боями красноармейца. Да подобрали так, чтобы «дядька» этот был подушевнее, постарше годами. Разумеется, по возможности постарались, чтобы у кого неважные дела с русским языком, тому в боевые наставники — земляка из Грузии, Азербайджана или Армении. Каждому молодому бойцу рассказали, в какой дивизии им предстоит воевать, как надо дорожить ее именем. Оно было негромким, но те, кто пришел в соединение с самого начала, упорно добавляли к «383-я стрелковая» еще и «шахтерская».

Когда приходит и уходит из окопов почтальон; как сделать надежный трут для карманной «катушки», ежели ты курильщик; как смазывать оружие, чтобы оно не подвело в бою; как определить, куда упадет сброшенная фашистом бомба — о каких только мелочах не рассказали новобранцам бывалые красноармейцы и сержанты! Ну и, конечно, в этот вечер в блиндажах снова устроили «мужские посиделки». Кто-то цел вполголоса, кто-то штопал свою шинель, а кто-то, самый заядлый балагур и выдумщик, опять рассказывал о том, какие они все же хлипкие вояки, эти «хрицы». И обязательно такая байка заканчивалась какой-нибудь нехитрой, но точной солдатской мудростью.

— Да, братцы... Не стоило и родиться, если хрица боишься! И давай закурим, боевой друг Иван-Вано, твоей грузинской махорки! Не возражаешь?..

Назавтра эти два побратима займут свои места в траншее, и молодой боец будет знать, что его старший товарищ в случае чего всегда придет на помощь.

После получения пополнения мы довели численность своих стрелковых рот до 100 человек. Правда, вооруженных среди них было гораздо меньше: пять ручных пулеметов, около десятка автоматов ППШ и около 70 винтовок. В среднем оружие имели 80—85 человек. Остальные, безоружные, находились в тылах полков и, сведенные в полуроты, занимались боевой подготовкой, руководили окопными работами краснолучан. Они же были и резервом, из которого пополнялись стрелковые подразделения.

Другими словами, 383-я стрелковая вновь стала полнокровным соединением, и, хотя мы по-прежнему испытывали острую нужду в боеприпасах, главным образом — для минометов и артиллерии, можно было подумать о решительных боевых действиях в целях ликвидации обоих плацдармов противника на левом берегу Миуса.

К 24 декабря мы перегруппировали свои силы. На правом фланге остался 197-й стрелковый полк, в центре стал 696-й, на левом, от Княгиневки до Ново-Павловки, занимал оборону 691-й. 694-й стрелковый полк вышел в резерв командующего армией. Перегруппировавшись, 383-я дивизия 25 декабря, когда гитлеровцы отмечали рождественский праздник, нанесла удар по Яновке. 197-й стрелковый полк, прочно удерживая оборону своим правофланговым батальоном, двумя другими ударил в обход этого поселка на Грибовку. В этот же час М. И. Мартынов атаковал Яновку с юго-востока. Атаку, хоть и скуповато, поддерживали два дивизиона 966-го артполка.

Преодолев минные заграждения противника, батальоны майора П. И. Сикорского дружно перешли Миус и решительным броском преодолели довольно крутой подъем правого берега реки. Гитлеровцы сильно укрепили Грибовку. Ее околица, выходящая к реке, была окаймлена пятирядным проволочным забором, по которому хорошо пристрелялись несколько пулеметных точек и две минометные батареи врага.

Бой принял ожесточеннейший характер. Фашисты оборонялись всеми силами. Но 197-му удалось к 18 часам зацепиться за окраинные строения этого населенного пункта. С наступлением темноты схватка не прекратилась, и к утру 26 декабря воины полка захватили около 40 домов, а к исходу дня в их руках была уже вся Грибовка.

В 696-м стрелковом полку обстановка развивалась следующим образом. Наступая с рубежа шахты № 12, он с ходу овладел поселком «Днепротоп» и устремился на Яновку. Несмотря на то что с северо-запада уже навис 197-й стрелковый полк, гитлеровцы не собирались уходить с плацдарма. Оборонялись они отчаянно. 3-му батальону, которым командовал капитан Н. М. Гоголев, пришлось особенно тяжело. Он наступал по открытому месту, скрытых путей подхода к окраине поселка не было, снег глубокий — ну-ка, дотянись до врага! Несколько раз комбат поднимал бойцов в атаку, и несколько раз батальон откатывался.

Комбат вызвал к себе младшего лейтенанта Василия Украинского и приказал собрать из батальона всех бойцов-автоматчиков, одетых в белые маскхалаты. Таких оказалось восемь человек. Украинский девятый. Этой группе была поставлена задача пробраться к правому флангу обороняющегося противника и оттуда, когда батальон снова поднимается в атаку, ударить по пулеметным точкам.

Эту задачу группа В. Украинского выполнила точно. Она своими автоматами и одним ручным пулеметом ударила дружно. Почти сразу же были подавлены две огневые точки врага. В это время комбат-3, собрав коммунистов рот и проинструктировав их, первым поднялся в атаку... Когда до вражеских окопов осталось всего метров сто, Николай Михайлович Гоголев упал, сраженный осколками мины.

С 3-м батальоном в бою действовал парторг полка М. Ф. Гольцев. После ранения командира батальона политрук возглавил коммунистов подразделения и с винтовкой наперевес устремился на врага. Рядом с ним бежали красноармеец Черныш со своим подопечным из молодых бойцов — красноармейцем Мамедовым. Втроем они и ворвались на позиции гитлеровцев — два коммуниста и комсомолец. Завязался ближний бой — штыком, прикладом, гранатами...

В бою за Яновку мы потеряли замечательных людей. Пал смертью храбрых командир 1-го батальона 696-го стрелкового полка старший лейтенант Л. А. Щербак. Убит политрук пулеметной роты С. М. Владимирский. По докладу командира медсанбата, на волоске висит жизнь командира батальона капитана Н. М. Гоголева...

Николай Михайлович был первым комбатом 696-го стрелкового полка, с которым я познакомился еще в ав-

густе 1941 года. Гоголев прибыл к нам, имея на руках предписание из штаба Харьковского военного округа о назначении на должность начальника штаба 694-го стрелкового полка.

— Работали когда-нибудь на штабных должностях? — спросил я его.

— Не работал и не хочу, товарищ полковник. Если есть возможность, увольте от этого...

Был он уже в возрасте (мне тогда не исполнилось еще и тридцати пяти, а Николай Михайлович казался старше на 10—12 лет), и я не знал, как удовлетворить эту неожиданную просьбу.

— Тогда куда же вас?

— А на батальон, товарищ полковник, — ответил Гоголев, неимоверно окая. — Справляюсь...

Разговорились. Оказывается, оканье — это с Вологодщины. Там Гоголев родился в 1895 году, там и вырос, пока не мобилизовали в царскую армию. Германская война, революция, гражданская...

— Так что немца я немного знаю, товарищ полковник. Да и теперь уж пришлось с ним потягаться маленько.

«Маленько» — это командование Каменец-Подольским истребительным батальоном с первых часов войны и до конца июля. Потом ранение, госпиталь, и вот — к нам в дивизию.

Так и стал капитан Н. М. Гоголев командиром 3-го батальона 696-го стрелкового полка.

Врачи долго боролись за жизнь этого славного человека. Но многочисленные проникающие ранения грудной клетки и живота не оставляли никаких надежд. Николай Михайлович умер. Его похоронили в Красном Луче. А вот сообщить о гибели капитана мы никому не сумели. Жена комбата, Нина Константиновна, не успела эвакуироваться из Каменец-Подольска и находилась на оккупированной врагом территории. Может, кто-нибудь из близких Николая Михайловича прочитает эти строки, и уверен, хоть и через столько лет, к ним придет законное чувство гордости за этого истинного советского патриота, отдавшего жизнь за счастье народа.

Невозможно перечислить здесь всех, кто отличился при ликвидации плацдарма у Яновки. Поэтому ограничусь лишь именами двух отважных девушек. Санинструктор 4-й роты 696-го стрелкового полка Вера Подкуйко. Она

вынесла с поля боя 19 бойцов, получивших ранения. Вера была представлена к награждению медалью «За отвагу».

Еще одна Вера — Лебедка. Она была из тех молодых женщин, которые пристали к дивизии при отходе из Сталино. Пристали потому, что, во-первых, не желали оставаться в оккупации, а во-вторых, их мужья воевали в рядах нашей 383-й стрелковой. Так и у нее: если «сам» в связистах, то и она связь освоит. И ведь освоила! Если на коммутаторе дежурит Вера, она и командира полка, и любого из комбатов достанет хоть из-под земли и обязательно соединит тебя с ним по телефону.

При наступлении на Яновку оборвалась связь с 2-м батальоном 696-го стрелкового полка. Несмотря на интенсивный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь со стороны противника, отважная женщина поползла устранять разрыв полевого кабеля. Она нашла этот разрыв, но тут же была ранена. Превозмогая боль, Вера соединила концы разорванного провода и потеряла сознание...

В рядах родной 383-й стрелковой дивизии В. С. Лебедка дошла до фашистского логова. К медали «За боевые заслуги», полученной после взятия нами Яновки и Княгиневки, прибавились и другие боевые награды, в том числе и орден Красной Звезды.

А княгиневский плацдарм мы очистили 29 декабря. Командир 198-й немецкой пехотной дивизии генерал Бёмэ в связи с нашими атаками на Грибовку и Яновку был вынужден не только перегруппировать свои силы, но и бросить туда все свои резервы. Мы воспользовались этим и в ночь с 28 на 29 декабря снова нанесли сходящиеся удары двумя батальонами 691-го стрелкового полка под основание плацдарма, вдоль Миуса. На этот раз взаимодействие было четким, и майор И. Е. Чистов, командир 691-го, заставил гитлеровцев поспешно отойти на правый берег реки в направлении Андреевки и Веселого. Настолько поспешно, что противник не сумел даже вынести с плацдарма трупы своих солдат и офицеров, что в 1941 году случалось с ним весьма редко. Этих трупов было более полутора сотен.

И в Грибовке, и в Яновке, и в Княгиневке бросилось в глаза огромное количество бутылок из-под шпанса. Но сколько ни оглушай сознание шпансом, приходят минуты отрезвления, и тогда даже закоренелому убийце лезли в голову вот такие мысли: «Людей становится все меньше...

Кто из этой России выберется целым, тот действительно может считать себя счастливым». Это строки из недонятого письма ефрейтора. Он все же надеялся выбраться. Не удалось. Так и остался на Миусе.

В этих трех освобожденных поселках мы еще отчетливее осознали, что такое фашизм. Объяснили местные жители, которые не успели уйти на восток. Оккупанты отобрали у них одежду, обувь, побили всю птицу, порезали мелкий скот, не оставили ни зернышка хлеба. Старики и дети были обречены на голодную смерть, женщин насиловали, угоняли в рабство.

Слушая рассказы жителей Княгиневки, Яновки и Грибовки о зверствах фашистских оккупантов, слушая надрывный плач детей, оставшихся без матери и отца, многие наши бойцы, командиры и политработники всякий раз переносились мыслями к своим семьям, которые тоже могли стать жертвами фашистов в оккупированных Сталино, Макеевке, Горловке, Енакиево и других городах и поселках Донбасса. В политотдел посыпались запросы: «А как там, в Сталино? А как там, в Курашовке?»

К этому времени у нас имелись уже некоторые сведения о положении на территории Донецкого бассейна, оккупированной врагом. Можно было утаить то, что знало командование дивизии, но это стало бы равносильно обману. И мы рассказали в дивизионной газете «Большевистский натиск» все, как есть. О том, что население захваченных гитлеровцами городов испытывает страшный голод, что под страхом смерти рабочих заставляют восстанавливать взорванные заводы и шахты, что лучшие здания гитлеровцы заняли под казармы, конюшни, публичные дома, о расстрелах и виселицах...

Наверное, это было жестоко, но пусть найдется сегодня такой человек, который скажет, что он иначе поступил бы на нашем месте тогда, в декабре сорок первого. Вселить в людей неистребимую ненависть к врагу — это и было в ту черную пору самым гуманным делом. Святая ненависть к фашистам удесятряла любовь советского человека к родной земле, к своим близким, а значит, и приближала час изгнания захватчиков из пределов Отечества.

ЧЕРЕЗ ИСПЫТАНИЯ СОРОК ВТОРОГО

День 10 января 1942 года стал в дивизии праздником. К нам прибыл член Военного совета 18-й армии бригадный комиссар П. В. Кузьмин для вручения наград бойцам, командирам и политработникам, особо отличившимся на рубежах обороны от первого боя до Миуса.

Вечером мы собрали всех награжденных в клубе шахты № 7—8. Сюда же пришли руководители партийных и советских органов Красного Луча, представители краснолучских трудящихся. Член Военного совета, особо отметив мужество всего личного состава 383-й стрелковой дивизии, тепло поздравил тех, кто первыми в соединении удостоены высоких наград Родины. Говорил он просто, задумчиво, но люди все равно волновались от какой-то, видать, внутренней торжественности момента. Чуть побледневшие или, наоборот, покрасневшиеся лица, от напряжения — пот на лбу, сжатые скулы...

Ордена Красного Знамени были вручены командиру 694-го стрелкового полка капитану Шалве Ивановичу Кипиани, комиссару 696-го стрелкового полка старшему политруку Михаилу Ильичу Романову, командиру батареи младшему лейтенанту Ивану Мартьяновичу Левицкому, командиру роты лейтенанту Николаю Николаевичу Воронкову, старшине разведчиков Владимиру Карповичу Хацко, помкомвзвода сержанту Дмитрию Агафоновичу Карташеву. Ордена Красной Звезды получили начальник разведки дивизии капитан Дмитрий Алексеевич Филин, политрук Дмитрий Иванович Мельников.

Всего по первому представлению был награжден 71 человек: 12 бойцов, командиров и политработников — орденом Красного Знамени, 21 — орденом Красной Звезды, 26 — медалью «За отвагу», 12 — медалью «За боевые заслуги». В частности, медаль «За отвагу» получил повар

стрелковой роты 966-го артиллерийского полка красноармеец Карагалай Минибаевич Валеев. Это он еще под Чистяково, когда вез своим товарищам обед, уничтожил в рукопашной схватке трех гитлеровцев, захватил их оружие. Карагалай не очень хорошо говорил по-русски, и его рассказ о происшедшем, помнится, состоял всего из двух фраз: «Моя песня пели, а она идет. Штык, приклад — три собака йок...» Я невольно вспомнил это и улыбнулся, когда Валеев не то чтобы красивым, но твердым строевым шагом шел к бригадному комиссару за своей наградой.

Праздник наш был омрачен тем, что некоторые ордена и медали вручены не были. Ордена Красного Знамени не получили майор Сергей Егорович Ковалев, младший политрук Павел Федорович Букин, лейтенант Михаил Феликсович Урбанский, выбывшие из дивизии по ранению. Умер от ран бесстрашный командир 1-го батальона 696-го стрелкового полка старший лейтенант Леонид Александрович Щербак, погиб младший политрук Василий Назарович Лотошко. Их ордена Красного Знамени вернутся в Президиум Верховного Совета СССР... Да, долго на фронте ходят реляции. Пули и осколки снарядов — они быстрее.

Не знаю, не помню, мелькнула ли эта мысль тогда, при вручении наград, но вот сейчас она не выходит из головы. Годы летят, словно верстовые вехи вдоль железнодорожного полотна. Все меньше остается на нашей славной земле людей, которые в окопах Великой Отечественной отстаивали честь и независимость Родины. Но все же они еще живут, ветераны войны, и мне хотелось бы здесь определить свое отношение к тому, как надо бы воспринимать их жизнь вообще, а жизнь на фронте — в частности.

Молодые склонны к категоричности в суждениях. Видят на груди человека орден — слава человеку! Ну а если на солдатской груди лишь медаль за победу над фашистской Германией — взгляд уже скользит мимо. Вроде бы медаль эта получена так же, как получают, скажем, значок, выпущенный к юбилею какого-либо учреждения.

Вот живет в селе Благовещенке, что в Волновахском районе Донецкой области, Евлампий Филиппович Коваленко. К нам в 383-ю стрелковую он пришел в первый же день ее формирования 25 августа 1941 года, стал ручным пулеметчиком в 696-м полку. Отражал атаку итальянских кавалеристов на первом рубеже обороны. Сколько «муш-

ктеров» пашли смерть от его «дегтяря», солдат не считал, но там, где стоял Евлампий Конопля, враг не прошел. Не прошел он и под Зуевской ГРЭС, и под Чистяково, и на Миусе.

В декабре 1941 года пулеметчик Конопля оказался в окружении врагов. А вместе с ним около 15 человек раненых, в их числе командир роты лейтенант Хомутов. Красноармеец умело защищал своих боевых товарищей, и немцы не могли взять дом, в котором укрылись раненые бойцы. На подступах к этому дому валялось более двух десятков трупов гитлеровцев.

Когда остался один диск, командир роты подполз к Евлампью, взял у него РПД и приказал добираться к командиру батальона... Конопля до командира батальона не дошел — его настигла автоматная очередь гитлеровца. Обмороженного, но живого, санитары подобрали бойца ночью. А потом — госпитали. Сначала свой, армейский, потом шесть месяцев в Саратове и еще шесть — в Забайкалье.

Кроме юбилейных медалей у Евлампия Филипповича других наград нет. Но от этого цена его тяжелого фронтового труда нисколько не становится ниже, и его труд надобно воспринимать с особым уважением, которое и будет самой достойной наградой фронтовику. Не только, конечно, Е. Ф. Конопле, но и другим ветеранам войны, которые по какому-то недоразумению не получили ни орденов, ни медалей.

Читатель вправе упрекнуть автора: что же, мол, ты, командир, не награждал своих отважных бойцов, коль хорошо так все понимаешь? Нужно, разумеется, объясниться.

Вспомним, какое было время. Мы отходили, отступали, оставляли врагу не просто города и поселки, не просто кирпичные дома и хаты с соломенными крышами. Мы оставляли в рабство наших советских людей — женщин, детей, стариков. Кровь вскипала в жилах, душа заходилась в ненависти — до наград ли тут, о них ли были думы!.. Видимо, не один я тогда грешил этим недомыслием, и немногочисленность награждений в начальный период нашей борьбы с гитлеровскими ордами в сравнении, конечно, с более поздним временем войны объясняется во многом именно таким нашим отношением к тому, что и как мы делали. Родину защищают, думалось, не за награды...

Награждение первой большой группы так то по-особенному всколыхнуло людей. Главное — они очень отчетливо осознали, что пролитая кровь на поле боя — не напрасно пролита, что жертвы, неизбежные на войне, — не напрасные жертвы. Хотя мы и отошли под натиском превосходящих сил противника, но дело сделано хорошо, гитлеровцам пришлось тоже солоно, и Родина оценила этот наш тяжелый труд. И где-то в сознании большинства бойцов и командиров, я уверен, появилась надежда на то, что и его тоже отличат в бою.

Дня через два-три мне пришлось заглянуть в медсанбат дивизии. Тяжелораненых готовили к эвакуации в армейский госпиталь. Был среди них один красноармеец, ни имени, ни фамилии которого я сейчас, к сожалению, вспомнить не могу, хотя тогда он назвался. Краснолучский парнишка пришел к нам добровольцем, и вот не повезло — в первый же день осколком мины был ранен в живот. Белый как мел, он терпеливо переносил страдания, и когда я склонился над ним, чтобы хоть как-то добрым словом прибодрить его, красноармеец вдруг сам попытался улыбнуться своими обкусанными в кровь губами. Не особенно разбираясь в военных званиях, он назвал меня просто «товарищ командир».

— Товарищ командир, — прошептал юноша, — прикажите, чтобы меня, когда поправлюсь... вернули в свою роту. Я вам обещаю... что буду воевать... так же, как... наш отделенный... и тоже заслужу... медаль. Прикажите... товарищ командир...

Я обещал солдату, что по выздоровлении он вернется к нам. И снова, только теперь уж одними глазами, юноша благодарно улыбнулся и потерял сознание. А еще через несколько минут он умер.

Погиб еще один боец дивизии. Но дивизия дралась, а значит, жила. И значит, продолжалась наша фронтовая жизнь.

Сразу после Нового года у нас отобрали 197-й стрелковый полк. Он хорошо показал себя в боях на Миусе, и, откровенно говоря, расставаться с ним не хотелось. Я просил командарма оставить 197-й в дивизии, но получил резонный отказ. Ведь ни один из своих шахтерских мы тоже не собирались отдавать, а по штату в дивизии должно быть всего три стрелковых полка.

Пришлось несколько перестраивать боевой порядок. 696-й стрелковый полк занял оборону на правом фланге — от высоты с отметкой 199,3 до безымянной высоты, что в полутора километрах северо-западнее Княгиневки. На участке полка находилась Яновка. Левее, через Княгиневку, ШтерГРЭС и Ново-Павловку, проходил фронт обороны 691-го стрелкового полка. 694-й ушел в армейский резерв и занял оборону на северо-восточной окраине Красного Луча. В моем резерве были 28-й отдельный противотанковый дивизион и учебный батальон.

Снова совершенствование обороны в инженерном отношении, снова организация непрерывной разведки и снова подготовка к активным боевым действиям в обороне в целях уничтожения живой силы, вооружения и боевой техники противника. Личный состав дивизии вновь был нацелен на максимальную боевую активность.

По примеру 395-й дивизии, воины которой первыми в 18-й армии развернули снайперское движение, мы решили тоже организовать массовое истребление живой силы противника огнем мастеров меткой стрельбы.

В частях горячо откликнулись на наш призыв развернуть снайперское движение. Не долго думая, отобрали отличных стрелков, разделили их на пары и сразу же разрешили начать охоту на гитлеровцев. В первые же дни стали поступать донесения об уничтоженных снайперским огнем фашистах и... о потерях среди наших охотников. Тогда наиболее подходящих для снайперской работы красноармейцев и младших командиров мы свели в дивизионную снайперскую команду, руководить которой стал майор И. В. Сосин.

Надо сказать, что некоторое время командарм поругивал 383-ю стрелковую дивизию за отставание в снайперском движении. Но вскоре ему пришлось изменить свое отношение к нашим снайперам. За месяц с небольшим в дивизии было подготовлено 84 снайпера. Их огонь, принося 198-й пехотной дивизии немцев ощутимые потери, воздействовал на гитлеровцев деморализующе.

В дивизии объявились такие мастера снайперской стрельбы, которые никогда не возвращались со своих позиций без прибавления в счете уничтоженных фашистов. Таким мастером стал, скажем, старшина Федор Филиппович Кудея. Слава его разнеслась не только по подразделениям нашей дивизии, но и по армии, по Южному фронту. С легкой руки нашей дивизионной газеты пошла в

жизнь такая вот присказка: «Давай, Куделя, твоя неделя». Ею, этой присказкой, провожали старшину, когда он перед рассветом уходил на свободную охоту.

Под стать Куделе работали и его боевые друзья снайперы Григорий Лысютин, Василий Барановский, Николай Лежнев и другие. У каждого, прошедшего обучение в дивизионной снайперской команде, появились свои ученики. Например, Федор Филиппович Куделя отобрал из молодого пополнения трех бывших чабанов — Арапета Айсарьяна, Юсуфа Евтыха и Александра Новиашвили — и подготовил из них первоклассных мастеров меткого огня.

Чтобы уж закончить о снайперском движении, мне хочется показать, как говорится, динамику их ратного труда. Для этого приведу некоторые данные из Журнала боевых действий дивизии. 3 июля 1942 года снайперами 691-го стрелкового полка Кучеренко и Соловьевым уничтожено 3 фашиста; 4 июля снайперами этого же полка — 4; 5 июля — 9 фашистов, из которых троих отправил на тот свет Николай Лежнев; 6 июля снайперы уничтожили 8 гитлеровцев, Лежнев и Воропаев — по два... И так — почти каждый день. Примерно такими же данными в тот период характеризовалась работа мастеров меткого огня и в других полках дивизии — 694-м и 696-м стрелковых. Надо сказать, что опыт организации снайперского движения в обороне на Миусе сыграл неопценимую роль, когда 383-я стрелковая оборонялась на подступах к Туапсе, в горно-лесистой местности западных отрогов Кавказа.

А теперь снова надо вернуться к боевым действиям всех наших подразделений и на всем фронте обороны дивизии.

383-я стрелковая входила в состав Южного фронта и в январе 1942 года решала свою частную задачу, которая вытекала из общей обстановки. А обстановка была такая. 18 января войска смежных крыльев Юго-Западного и Южного фронтов, а именно: 57, 37 и 12-я армии, начали наступление на противника с целью прорвать его оборону между Балаклеей и Нырково, а затем, нанеся удар в общем направлении на Павлоград, выйти в тыл донбасско-таганрогской группировки немцев. Не буду подробно описывать эту операцию, о ней хорошо рассказано,

например, в книге воспоминаний Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна¹. Но о том, что в задачу 18-й и 56-й армий Южного фронта на период Барвенковско-Лозовской наступательной операции входило надежное прикрытие ростовского направления, сказать необходимо. И не просто прикрыть, но активной обороной сковать как можно больше сил противника, не давая ему возможности перебрасывать их в полосу наступления 57, 37 и 12-й армий.

Поэтому редко какой день на Миусе обходился без ожесточенных схваток с врагом. Мы не давали ему отсиживаться в тепле домов и блиндажей и постоянно держали в напряжении. То на одном участке, то на другом наши подразделения атаковали сильно укрепленные позиции врага и наносили ему ощутимые потери. К примеру, 18 января командир 691-го стрелкового полка капитан И. Е. Чистов хорошо провел бой своим 1-м батальоном против гитлеровцев, оборонявшихся в опорном пункте Коренной. В 3.00 комбат старший лейтенант Твалабейшвили с рубежа ШтерГРЭС повел своих бойцов в атаку на высоту, прикрывавшую этот населенный пункт с юго-востока. Стрелковый батальон поддерживался огнем минометного батальона полка. Справа действовала моторазведрота дивизии.

С фронта на высоту рвалась рота, которой командовал старший лейтенант Аполлон Робокидзе. Две другие — под командованием старших лейтенантов Петра Яцины и Михаила Степаненко — охватили высоту с флангов. Противник не выдержал дерзкого удара 1-го батальона 691-го стрелкового полка и начал отходить.

В эти дни на должность командира 696-го стрелкового полка вместо подполковника М. И. Мартынова прибыл заместитель командира 197-го стрелкового полка майор М. А. Шаповалов. Матвей Антонович был требователен до педантизма. И в то же время он любил людей, заботился о них, прислушивался к ним. Пробыл он в дивизии всего неполных два месяца (12 марта 1942 года его сменил капитан В. В. Лымарь), но память о себе оставил добрую.

Ну, а жизнь наша фронтовая шла своим чередом. Февраль 1942 года, как и январь, выдался в Донбассе мороз-

¹ См.: Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977, с. 8—46.

ным и метельным. Вьюги, не прекращавшиеся по двое-трое суток, при тридцатиградусном морозе загоняли итерационцев в блиндажи и дома поселков, расположенных за передним краем обороны противника. Мы, естественно, пользовались ненастьем для того, чтобы уничтожить живую силу 198-й пехотной дивизии вермахта в дерзких ночных нападениях на фашистские гарнизоны.

В целях выявления системы огня, инженерных сооружений в обороне противника и захвата «языка» мы проводили силовые разведки. Одна из них, к примеру, была осуществлена в ночь на 15 февраля 1942 года. В ней участвовали: 3-й батальон 694-го стрелкового полка (комбат старший лейтенант Михаил Путятин), 465-я отдельная разведрота под командованием лейтенанта Ивана Кринички и 20 автоматчиков под командованием лейтенанта Якова Приходько.

Читатель, наверное, помнит, что в бою за Грабовку Приходько был сержантом. Мы внимательно следили за его боевыми делами и пришли к единодушному выводу, что этот отважный и в то же время рассудительный человек способен справиться с командованием подразделением. Яков Степанович Приходько был назначен командиром роты автоматчиков, и вскоре, 8 февраля 1942 года, командующий Южным фронтом присвоил ему звание «лейтенант»¹.

Батальон вышел с юго-западной окраины ШтерГРЭС в 3.00 15 февраля. Его проводниками были два местных партизана — братья Егор и Иван Краснобаевы. Вместе со стрелками и автоматчиками находились также командир взвода управления штабной батареи 966-го артполка лейтенант А. Мараховский и командир взвода связи 694-го стрелкового полка лейтенант И. Акименко. Атаку отряда на Ново-Елизаветовку, назначенную на 5.00, должны были поддержать огнем 1-й дивизион артполка и две минометные роты. В обязанности Акименко вменялось обеспечить устойчивую радио- и телефонную связь как с артиллеристами, так и с командиром 694-го стрелкового полка, а Мараховский должен был корректировать артиллерийский и минометный огонь.

До Ново-Елизаветовки осталось километра полтора, когда боевое охранение обнаружило колонну противника силою до полутора батальонов, продвигавшуюся в сторо-

¹ ЦАМО, ф. 1704, оп. 2, д. 14, л. 131.

ну поселка ШтерГРЭС. Видимо, шла ~~смена подр.~~ е-
ниям, находившимся на переднем крае. Командир 3-го
стрелкового батальона старший лейтенант Путятин, доло-
жив об этом по телефону капитану Кипиани, решил не-
ожиданной атакой ударить по колонне гитлеровцев, а
затем закрепиться на выгодном рубеже у двух курганов
и уничтожать противника с места.

Лейтенанту Н. А. Максимову, командиру 1-го дивизио-
на артполка, Путятин передал через Мараховского коор-
динаты колонны гитлеровцев, и спустя несколько минут
наш артналет накрыл голову и середину находящегося
на марше батальона противника. Почти одновременно раз-
ведотряд поднялся в атаку. Автоматчики Приходько, по
пути выбив немцев из двух дзотов, расположенных у
курганов, насели на хвост колонны. Фашисты заметались,
рассеялись по полю, скрылись в кустарнике небольшой
балки.

Сосредоточив в этой балочке основные силы и развер-
нувшись в боевой порядок, гитлеровцы пошли в контрата-
ку. В трехстах метрах северо-западнее двух курганов
находилась большая скирда соломы. Путятин приказал за-
жечь ее. Скирда сразу же занялась пламенем, которое
осветило наступающую немецкую пехоту. Прицельный
огонь из пулеметов, автоматов и винтовок, артиллерий-
ские и минометные залпы, корректируемые Мараховским,
выкашивали ряды немецко-фашистских захватчиков.

Но из Ново-Елизаветовки противник подбрасывал все
новые и новые резервы, и схватка наших бойцов с полу-
тора батальонами гитлеровцев приняла ожесточеннейший
характер. Пошли в ход гранаты.

Уже почти рассвело. Находясь на НП, на западном
склоне террикона шахты № 160, я принял решение пре-
кратить силовую разведку и приказал Кипиани дать сиг-
нал для отхода. Путятин начал организованный вывод
своего подразделения на левый берег Миуса. Прикрывали
отход автоматчики лейтенанта Я. С. Приходько и развед-
чики во главе с командиром взвода 465-й разведроты
младшим лейтенантом И. Н. Васильевым.

Горстка храбрецов дралась стойко, не давая немцам
отрезать отряду путь за Миус. И когда Путятин был уже
на окраине поселка ШтерГРЭС, прикрытие тоже стало
отходить. Но оторваться от противника им так и не уда-
лось. К тому же в кустарнике, почти на самом берегу
реки, их ждала засада — до взвода гитлеровских автомат-

чиков, все-таки обошедших наш заслон. Очередью, выпущенной из засады, был убит лейтенант Яков Степанович Приходько, первый в дивизии кавалер ордена Ленина. Награжденный, но так и не успевший получить высшую награду нашей Родины.

Вместе с Приходько погиб и младший лейтенант Иван Васильев, жизнерадостный, немного по молодости даже бесшабашный, хороший парень и любимый солдатами командир.

В феврале, в ночь на 21-е, была проведена вторая силовая разведка 1-м батальоном 696-го стрелкового полка, усиленным минометными ротами и поддержанным 2-м дивизионом 966-го артиллерийского полка под командованием старшего лейтенанта В. Я. Шарагина. Командир 2-го батальона капитан А. Ф. Мусакаев умело руководил боем, и мы смогли засесть большое количество артиллерийских и минометных позиций противника, его пулеметных точек.

В ходе двух разведок боем, проведенных 1-м батальоном 694-го и 2-м батальоном 696-го стрелковых полков, было уничтожено около 400 солдат и офицеров противника. Кроме того, мы взяли в плен обер-ефрейтора 91-го пехотного полка 4-й горнострелковой дивизии, который сообщил, что в поселке Новый Донбасс находится их полковой штаб, а в Снежном — дивизионный¹.

Все данные, полученные нами после двух силовых разведок на опорные пункты обороны противника и из показаний пленного обер-ефрейтора, мы, как обычно, сообщили в штаб авиационного полка легких ночных бомбардировщиков. Начальнику разведки дивизии капитану Филину было вменено в обязанность постоянно информировать наших отважных летчиц о действиях противника, составе его группировки в полосе 383-й стрелковой дивизии и обо всех изменениях в обороне гитлеровцев.

Это был первый женский полк, сформированный Мариной Расковой. Она привела его на аэродром восточнее Ивановки и на второй или третий день появилась у нас. Мы с Корняком, как принято, сначала угостили Марину Алексеевну обедом, а потом договорились о взаимодействии. Дивизия должна была готовить данные о наиболее важных целях противника, а девушки из полка Расковой со своих У-2 — уничтожать их.

¹ ЦАМО, ф. 383сд, оп. 1704.

Через какое-то время мы с Михаилом Семеновичем Корпяком нанесли Расковой ответный визит. У нас в дивизии было немало женщин — санинструкторы, телефонистки, снайперы, врачи, медицинские сестры, прачки, хлебопеки. То ли мы уж просто привыкли к тому, что женщины повседневно делали тяжелейшую работу, то ли не было времени замечать, как им несладко на фронте, но женский труд на войне лично у меня не вызывал каких-то особых вопросов.

И вот приехали в женский авиационный полк. Расчистка аэродрома — девчонки, ремонт вышедшего из строя двигателя, да на хорошем морозе, — они же, подготовка «бомб» — то же самое. Я не случайно употребил кавычки. Оказывается, на самолетах не было ни бомбодержателей, ни самих бомб. С обоих боков задней кабины приторачивались корзины из ивовых прутьев. Перед вылетом самолета на задание оружейницы клали в эти корзины обыкновенные мины. Если от 120-миллиметрового миномета, то по две в каждую, если от 82-миллиметрового — по четыре. Вот так и летели. Над целью летчица выключала двигатель, а штурман, до боли в глазах вглядываясь в темень, отыскивала объект, который приказано уничтожить, доставала из корзины мину и бросала.

Не сговариваясь, мы с Корпяком одновременно пришли к одному и тому же решению: в качестве оружейников прислать Расковой человек пять наших солдат, подобранных из людей мастеровых, знакомых с зубилом и с напильником — вообще с техникой. Это первое. Второе — какой бы ни была напряженной обстановка в полосе дивизии, при надобности высылать на аэродром взвод бойцов для работ на летном поле. От этого своего решения мы ни разу не отступили. А летчицы старались вовсю помочь нам в борьбе с частями 198-й пехотной и 4-й горнострелковой дивизий врага. Очень часто они по нашему вызову вылетали на бомбардировку противника, особенно его штабов и дивизионных резервов. И конечно, гибли в этих полетах. Сколько девичьих жизней осталось за Миус-рекой — это знают только ветераны женского авиационного полка, который зимой и весной 1942 года надежно поддерживал нас.

Весна 42-го... Она в Донбассе была дружной. Казалось бы, ведь только-только задували свирепые метели, но

пошел по степи теплый южный ветер, разогнал тучи, и открывшееся яркое солнце враз почернило снега. Они поползли, поплыли, заливая окопы, блиндажи, землянки.

Трудное это время на фронте — весна. Ноги у людей постоянно в мокром. Сколько ни суши портянки и сапоги перед печуркой, а все равно без пользы. По команде выметнулся солдат из блиндажа в свою стрелковую ячейку, и вся твоя сушка насмарку, опять портянки хоть выжмай... Но вот ведь что интересно: ни от кого из бойцов, командиров и политработников я не слышал жалоб на эти весенние неудобства фронтового быта.

За полгода непрерывных боевых действий личный состав дивизии, конечно, устал. Командование и политотдел, командиры и комиссары частей хорошо понимали это и старались как можно чаще встречаться с людьми, подбадривать их. Семинары с партийно-комсомольским активом, совещания и слеты стахановцев фронта, партийные и комсомольские собрания в подразделениях, просто беседа по душам в красноармейской землянке — все эти формы политико-воспитательной работы мы использовали, как говорится, на полную мощность, так же, как и занятия по боевой подготовке, которые проходили непрерывно, во всех звеньях. В марте провели собрание партийного актива дивизии. Еще выше поднять бдительность, боевую готовность и морально-политический дух бойцов, их стойкость и отвагу — это было тогда одной из главнейших наших задач. И нам удалось неплохо выполнить ее. Помните, что в это время значительно увеличился приток людей в ряды партии.

Самую надежную рекомендацию для вступления в партию давал, как это у нас, у коммунистов, заведено, бой. Так было и 9 марта, когда до двух пехотных рот противника при поддержке артиллерии и минометов пытались на рассвете проникнуть через передний край в глубину обороны 694-го стрелкового полка. В этом бою отличились воины 3-й пулеметной роты, которой командовал старший лейтенант Кравец. В частности, более четырех часов дрались в окружении пулеметчик Трещев, который в упор расстреливал фашистов из своего «максима», и находившиеся рядом с пулеметом красноармейцы Серебряков, Кобцов и Дмитриев: они уничтожали их ручными гранатами. На выручку героям пришел заместитель политрука роты Григорьевский. Подобрал трофейный пулемет с боекомплектном, он залег на фланге наступавшего

пулеметчика и оттуда ударил по нему. Одновременно
фланга открыл огонь пулеметный расчет старшего
сержанта Гайванова и красноармееца Кавли. Почти вся
группа из сорока гитлеровцев, окруживших Трещева, бы-
ла уничтожена.

Дня четыре три Михаил Семенович Корняк вручал Трещеву карточку кандидата в члены ВКП(б). Я случайно присутствовал при этом, конечно, от всего сердца поздравил пулеметчика с таким волнующим событием в его боевой биографии и сказал, что теперь, мол, воевать ему надо еще лучше, как подобает коммунисту.

— Это я понимаю, — ответил Трещев, — особенно теперь, когда нашей дивизией командует генерал... В общем, разрешите, товарищ генерал, и вас тоже поздравить от имени нашей третьей пульроты. Такое имею от всех поручение...

Я был растроган. 8 марта 1942 года мне присвоили звание генерал-майора, и я рассматривал эту высокую честь прежде всего как признание заслуг всей дивизии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Но мне почему-то не пришло и в голову, что точно так же рассматривают это событие и мои подчиненные. А они, оказывается, тоже гордятся!

Почти четыре десятка лет ношу я на плечах погоны советского генерала и все это время помню, что погоны эти — за труды моих славных боевых товарищей. Прежде всего.

Неожиданно 15 марта 1942 года я получил от командарма приказ сдать свою полосу обороны 353-й стрелковой дивизии, а 383-ю вывести в тыл на отдых и доукомплектование. На другой день наши части и подразделения, за исключением 694-го стрелкового полка и 1-го дивизиона 966-го артполка, которые остались на месте, сосредоточились в районе Софиевка, Штеровка, Ивановка. Три дня мы мылись, стриглись, делали личному составу весенние прививки, а затем приступили к занятиям по боевой подготовке.

3 апреля по плану штаба армии в районе станции Штеровка мы провели вокзальное занятие по теме: «Усиленный стрелковый батальон в наступлении». Отработалась атака переднего края обороны противника и развитие успеха в ее глубине. Для этого были привлечены

194-го стрелкового полка 2-й батальон, командиром которого старший лейтенант Петр Славкин, 2-й дивизион 196-го артполка под командованием старшего лейтенанта Василия Шарагина, одна батарея 28-го артиллерийского полка 1-го артиллерийского дивизиона и одна рота 684-го артиллерийского полка. На занятии присутствовали члены Военного совета 18-й армии, командиры и комиссары дивизионного старший и средний командный состав 383-й стрелковой.

Показное занятие, как потом подчеркнул при разборе командующий армией, прошло обойшой пользой. Мы отчетливо увидели как сильные стороны подготовки личного состава, так и недостатки в ней. Огромным уроком оказался моральный эффект этого занятия. Роты — наступление, значит, скоро придется наступать. Значит, мы поднакопили сил и теперь уж враг не устоит перед нашими ударами. Так думал тогда в дивизии каждый, тем более что 383-й дивизии вскоре был придан 880-й артполк РК — это шесть батарей 122-миллиметровых гаубиц. Силаща!

Вот с таким хорошим боевым настроением 15 апреля 1942 года после месячного отдыха в тылу мы снова приняли от 353-й стрелковой дивизии свою полосу обороны на линии Стрюково, Ново-Павловка. В стрелковых полках было по 1100—1200 человек, укомплектованы все пулеметные, минометные и артиллерийские расчеты, к Первомайскому празднику прибыло еще более полутора тысяч человек пополнения. Правда, 80 процентов прибывших бойцов и командиров никогда еще не участвовали в боях. Но дивизия имела боевой, закаленный в борьбе с сильным противником костяк, и мы не без оснований надеялись, что пополнение быстро войдет в строй.

Значительно лучше, чем при формировании, дивизия была вооружена и противотанковыми средствами. Кроме артиллерийского противотанкового дивизиона, которым у нас командовал майор Александр Константинович Рубинский, в артиллерийских полках имелось по одной роте противотанковых ружей. Правда, сформированы эти подразделения были еще в конце января 1942 года, но только в ходе боевой подготовки в тыловом районе мы смогли выработать к расчетам 122-х хорошую практику стрельбы по бронированным целям. Наконец, в стрелковые подразделения поступили в достаточном количестве против-

потанковые гранаты, которых также не было в сорок первом.

Нужно сказать, что к маю 1942 года в 383-й стрелковой дивизии произошли ощутимые изменения в кадрах командиров и политработников. Во-первых, от нас убыл начальник политотдела Семен Федорович Олейник. Вместо него был назначен батальонный комиссар Михаил Иванович Куликов. Тяжелораненого начальника разведки дивизии майора Д. А. Филина заменил капитан Виктор Григорьевич Артюшенко. Командир 691-го стрелкового полка майор Иван Ефимович Чистов уехал учиться в Военную академию имени М. В. Фрунзе. К командованию полком мы допустили капитана Дмитрия Ивановича Мельникова, который был переаттестован с политической на командную работу. Майор Ш. И. Кициани остался на своем месте. Он по-прежнему командовал 694-м стрелковым полком. А вот командир 696-го, майор М. А. Шаповалов, ушел на повышение в другую дивизию, и вместо него отдел кадров армии прислал капитана Владимира Васильевича Лымаря.

Примерно в такой же степени обновилось звено командиров стрелковых батальонов. О ротных я уже и не говорю. Жалко, конечно, было расставаться с людьми, которые не раз проверены боем, но жизнь на месте не стояла, и тут уж ничего не поделаешь. К тому же новые командиры и политработники, как показали последующие боевые действия, достойно заменили выбывших.

Но я забежал несколько вперед. Как уже сказано, дивизия после отдыха заняла оборону за полмесяца до майских праздников. И вот однажды, когда мы заслушивали командира 696-го стрелкового полка о боевом и бытовом устройстве его подразделений, родилась мысль: а ведь приближающийся Первомай надо бы встретить добрыми боевыми делами. Не откладывая дела в долгий ящик, сразу же после заслушивания капитана Лымаря выработали план. О нашем рабочем происхождении мы решили напомнить гитлеровцам прямо с утра 1 мая.

Начальнику разведки дивизии поручалось добыть «языка». Разведкой всех видов предполагалось обнаружить как можно больше целей противника. За время отдыха в тылу поднакопилось около 1000 артвыстрелов и мин. Их-то и решено было обрушить по обнаруженным целям. Политотдел, со своей стороны, собирался на всех

терриконах в ночь на 1 мая установить большие немецкие флаги.

План этот мы выполнили, и к рассвету праздничного дня все было готово. А утро выдалось хорошим, солнечным. Гитлеровцы, разглядев на терриконах наш кумач, тотчас же открыли по флагам артиллерийско-минометный огонь. К тому же перед передним краем 1-го батальона 691-го стрелкового полка комиссар этого батальона политрук Иван Федорович Лукаш выставил карикатурный портрет бесноватого фюрера. Не помню, кто рисовал, но кажется, что лейтенант Автандил Чоговадзе.

Под прикрытием огня артиллерийских и минометных батарей, которые старались сбить наши праздничные знамена, фашисты силой до роты пехоты попытались снять портрет Гитлера. Их отогнали. Тогда они с этой целью бросили две роты. Но и им ничего не удалось. Отчаявшись снять карикатуру, немцы и по ней открыли артиллерийско-минометный огонь. Стреляли они, надо сказать, довольно плохо, и сожгли немало боеприпасов, прежде чем «Гитлера» разнесло в клочья.

Спустя час после начала противником этой нальбы ударили и мы. Я в это время находился на своем НП в районе шахты № 160. Вместе со мной был начарт дивизии подполковник Михайлов. Он по телефону корректировал огонь, когда произошло прямое попадание вражеского снаряда в наш наблюдательный пункт...

Нас откопали дивизионные разведчики. Николай Федорович отделался легкой контузией и несколькими царапинами. А мне досталось побольше. Очнувшись в медсанбате, поразился жуткой тишине. Хотел спросить у сестры, почему так тихо, но и спросить не могу — язык не ворочается.

Пришел Иван Афанасьевич Шевченко, начальник штаба. Давай ему писать: мол, что и как? Он мне тоже записку: контрбатарейная борьба закончилась успешно. И поставил три восклицательных знака. Вот это хороший «подарочек» гитлеровцам на наш пролетарский праздник!

В конце концов я поправился. На шестые сутки появился слух, а на восемнадцатые стал говорить. Это было как нельзя кстати, потому что надвинулись события, которые потребовали забыть о всяких хворобах.

В первой половине мая командир противостоящей нам 198-й пехотной дивизии немцев провел несколько разведок боем. Например, вечером 6 мая две роты противни-

лись в Ново-Павловку. Рушительно-пулеметным и минометным огнем 1-го батальона 696-го стрелкового полка эта атака была отбита. Через два дня, тоже к вечеру, мы сами навязали гитлеровцам бой наступлением батальона 694-го стрелкового полка в количестве 300 человек в направлении Рассыпной.

В ночь на 10 мая снова ударил противник, теперь уже по Яновке, где оборонялся 3-й батальон 691-го стрелкового полка. Фашисты обрушили на этот населенный пункт шквальный огонь из артиллерии и минометов, а затем атаковали наши позиции силою до полутора пехотных батальонов.

Основной удар пришелся по 9-й стрелковой роте, которой командовал капитан Н. С. Бородавка. Рота не дрогнула, встретила гитлеровцев дружным огнем из стрелкового оружия — и атака была отбита. Пока немцы собирались с силами для нового натиска, комбат-3 капитан Алексей Степанович Окунев, получив подкрепление от командира полка, несколько перегруппировал свои подразделения и укрепил позиции 9-й роты. В эту роту пошел комиссар батальона политрук Н. С. Уверский. Николай Сергеевич начинал у нас командиром роты, имел уже хороший боевой опыт, и его помощь, совет были не лишними для ротного, который только недавно прибыл в дивизию.

Противник атаковал Яновку весь день. Бой носил ожесточенный характер. Окраинные домишки то и дело переходили из рук в руки. Вести огонь пришлось даже бойцам санитарного взвода, которым командовал военфельдшер М. А. Мерков. Саманные строения не выдерживали и рушились от попаданий в них снарядов и мин, погребая под развалинами наших бойцов. Но люди выдержали все, и враг не прошел.

К вечеру, когда все атаки фашистов были отбиты, комиссар батальона приказал разобрать все развалины, чтобы с почестями похоронить погибших товарищей. И вот в одном месте из-под обломков извлекли красноармейца М. А. Меримовича. Он оказался живым. Как выяснилось, в течение четырех часов этот отважный воин один удерживал крайний домик. Подступившие гитлеровцы швыряли в окна гранаты, но Меримович подхватывал их и метал в фашистов. Так он отбивался до тех пор, пока его не завалило. Вокруг хаты насчитали около трех

десятков немецких солдат. Герой был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

12 мая 1942 года началась Харьковская наступательная операция войск Юго-Западного фронта. В течение пяти дней нашим войскам сопутствовал успех. Они с боями прошли от 20 до 50 километров. Но 17 мая с юга, под основание барвенковского выступа, неожиданно ударила армейская группа Клейста. Превосходя соединения 9-й армии по числу батальонов в 1,5, по орудиям в 2 и по танкам в 6,5 раза, 11 дивизий этой группы прорвали нашу оборону и устремились к Северскому Донцу¹.

Одновременно противник своими действиями сковывал и силы Южного фронта. В частности, в эти дни, как никогда, активными были части и подразделения 198-й пехотной дивизии. Например, 20-го мая в 5 часов утра они силой до двух батальонов при мощной артиллерийско-минометной поддержке нанесли удар по южной и западной окраинам Ново-Павловки, которую оборонял 1-й батальон 696-го стрелкового полка. Роты держались стойко и не уступали противнику ни пяди.

Однако при помощи предателя из местных жителей (он потом был захвачен, судим и расстрелян) одной роте гитлеровцев удалось незаметно обойти минное поле и просочиться в тыл батальона. Здесь, на улице Пугачева, они окружили небольшой голубой домик, в котором располагался НП комбата капитана Г. Д. Кельбаса. Вместе с Кельбасом на наблюдательном пункте находились помначштаба полка по разведке лейтенант Григорий Ковтун, командир полковой роты ПТР лейтенант Василий Украинский, писарь батальона старший сержант Огиенко, связные комбата красноармейцы Жариков и Ковальчук, телефонист-красноармеец Черкасов. В последний момент, до того как немцы перерезали связь, Черкасов успел передать на НП командира 696-го стрелкового полка: «Мы окружены...» Капитан ~~Дымарь~~, доложив мне об этом, послал на улицу Пугачева свой резерв — роту автоматчиков с тремя минометными расчетами.

Оторванный от командира личный состав, однако, не растерялся. Командование взял на себя комиссар ба-

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1963, т. 2, с. 413.

батальона политрук С. И. Косенко. Быстро сориентировавшись в обстановке, он закрыл брешь в минном поле, через которую просочился противник, отделением младшего командира Саркисяна. Туда же он бросил станковый пулемет красноармейца Сокало. Всей этой маленькой группой он поручил командовать политруку пулеметной роты Владимирскому. И когда еще одна рота гитлеровцев двинулась в обход боевого порядка 1-го батальона, ее встретил плотный огонь небольшой горстки наших бойцов.

Владимирский и Сокало заскочили с пулеметом на второй этаж каменного флигеля, что находился в совхозном дворе, густо заросшем вишняком. Отсюда наступающий противник был как на ладони. И пулеметчики начали свою работу.

Немецкие автоматчики попытались ворваться в домик, где был НП батальона, через дверь. Но комбат, застрелив одного из них и завладев трофейным автоматом, успел накинуть на петлю крючок. Дверь тут же забаррикадировали. Маленький гарнизон занял оборону у окон. Минут сорок он гранатами отбивался от разъяренных фашистов, пока не пришла помощь от командира полка.

Автоматчики лейтенанта А. Ф. Чаркина навалились на противника неожиданно и дружно. К тому же ударили они с маленькой дистанции, почти в упор. Огрызаясь огнем из своих «шмайсеров», немцы стали отходить. Но путь им уже был отрезан группой бойцов под командованием замполитрука Титкова — он, красноармейцы Боганов, Юшков, Нагорнов, Корсунов и прибившийся к нашим автоматчикам 14-летний паренек из Ново-Павловки Володя Пахоля. Гитлеровцы сами оказались в мешке. Почти все они были уничтожены. К слову сказать, я после этого боя немного даже поругал Чаркина: представилась такая хорошая возможность взять «языка», а он ее не использовал.

Бой за Ново-Павловку закончился к полудню. 1-й батальон 696-го стрелкового полка уничтожил более 200 гитлеровцев, потеряв при этом 39 своих бойцов. Среди погибших, помнится, был в тот день командир минометного расчета Егор Емельянович Сумской. Этот ~~сте~~ калистый и отважный воин проявил свои боевые качества еще в самом начале обороны на Миусе, когда нас не очень прижимал жесткий лимит на боеприпасы. Бывало, ночью Сумской подбирался вплотную к переднему

краю противника и выслушивал, высматривал, и то-то слышался блиндажи, кухни, пулеметные гнезда. А потом он начинал «кочевать» со своим минометом. Зай-мал огневую позицию, выпустил десяток мин по обнару-женной ночью цели и быстро на другое место. Противник открывает по огневой позиции минометчиков ураганный огонь, но без толку: ни миномета, ни расчета там уже нет.

Политрук минометной роты А. Большинский, узнав об этих «кочевках», сам однажды пошел с Сумским и убедился в высокой эффективности такой тактики. Ну, а коль убедился, то и стал горячим ее пропагандистом. Поэтому вскоре у Егора Сумского появились последова-тели — сначала в их же 691-м стрелковом полку (расче-ты младших командиров Чернышева и Чинова, напри-мер), а потом и в других полках дивизии.

Когда вызволяли из окруженного дома капитана Кельбаса, дистанция между минометом Сумского и нем-цами оказалась очень маленькой. Сколько ни поднимай ствол в зенит, мины все равно будут ложиться с пере-летом. И вот тут командир расчета догадался стрелять почти настильно. Он подскочил к миномету и приспособил его для такой стрельбы. В это время вражеская пуля оборвала его жизнь.

Таких бойцов забыть невозможно.

В конце мая к нам приехал командующий 18-й ар-мией генерал-лейтенант Ф. В. Камков. Когда мы оказа-лись с ним с глазу на глаз, он сказал:

— Под Харьковом очень плохо. Теперь надо ожидать, что немец из района Артемовска попытается ударить в направлении Ростова... Слушай приказ, товарищ Про-валов: прочно закрепиться на занимаемом рубеже и не допустить развития наступления немецко-фашистских войск на восток. Все. Выводы делай сам...

Войска Юго-Западного и Южного фронтов, участво-вавшие в Харьковской наступательной операции, были окружены в барвенковском выступе (к началу июня многим тысячам наших бойцов удалось выйти из окру-жения). В этой обстановке естественным было ожидать, что противник теперь ударит по правому флангу нашей армии и постарается выходом к устью Дона отрезать войска левого крыла Южного фронта, которые прикри-

таганрогское направление. Нужно было готовить к тяжелым, кровопролитным боям. И сколько нам отпущено времени — этого не знал никто. Мы могли лишь предполагать, что наступление врага и в полосе 383-й стрелковой дивизии может начаться в самое ближайшее время.

Перед начальником разведки дивизии капитаном В. Г. Артюшенко и командирами полков была поставлена задача захватить контрольного пленного. Стали готовить разведпоиск силами дивизионной разведроты, но случай помог раньше, чем этот поиск состоялся. 30 мая утром до батальона гитлеровцев под прикрытием артогня атаковали южную окраину Княгиневки, где оборонялся 3-й батальон 696-го стрелкового полка. Впервые за все время боевых действий против нашей дивизии немцы применили термитные артиллерийские снаряды, которыми зажгли более десятка домов.

Комбат старший лейтенант Н. П. Воронков и комиссар старший политрук В. А. Ефремов умело организовали оборону. Они дали противнику втянуться в Княгиневку, а потом контратакой вдоль Миуса отрезали до двух взводов немецко-фашистских пехотинцев. Все гитлеровцы, кроме одного ефрейтора, взятого в плен, были уничтожены. Повторные атаки противника также не принесли ему успеха. К 15 часам он, потеряв более 60 солдат и офицеров, прекратил попытки ворваться в поселок. Учебный батальон, который мы держали на юго-западной окраине Красного Луча на случай, если понадобится помощь 696-му стрелковому полку, так и не был введен в бой. Лымарь с Воронковым справились сами.

Пленный, захваченный 3-м батальоном, показал, что в задачу наступавших подразделений входило лишь овладение плацдармом в Княгиневке. Группировка противника пока не изменилась. Против нас по-прежнему действовала 198-я пехотная дивизия 49-го горнострелкового корпуса. Однако эти сведения нас не успокаивали. Коль немцы пытаются захватить плацдарм, значит, собираются переходить к решительным действиям. Так что ухо надо держать востро, чтобы вовремя определить смену частей или усиление противостоящей группировки свежими соединениями.

Люди хорошо понимали это. Проверка службы боевого охранения и дежурных огневых средств показывала, что настрой у всех верный. Из полков поступали донесе-

ния об образцах бдительности наших красноармейцев и средних командиров.

Как-то в начале июня произошел такой вот случай. Пулеметный расчет старшего сержанта А. Савицкого находился в боевом охранении. Во второй половине ночи, перед рассветом, когда дремота особенно тяжело давит на человека, наши бойцы заметили, что впереди мелькнула какая-то тень. Мелькнула и тут же исчезла. Командир расчета, однако, без раздумий дал команду приготовиться к бою.

Через минуту-другую пулеметчики уже отчетливо разглядели, что к их позиции ползет около взвода гитлеровцев.

— Разрешите огонь, товарищ старший сержант? — шепнул наводчик Савицкому. Но Александр приложил ко рту палец: тише, рано еще.

Пулемет ударил, когда немцы подползли метров на тридцать. Фашисты, надеясь одним рывком достичь пулеметного окопа, поднялись и бросились вперед. Но тут заговорила «карманная артиллерия»: расчет применил гранаты Ф-1. А из темноты вставали уже новые ряды гитлеровцев.

Ранен наводчик станкового пулемета. Тогда за «максим» лег сам старший сержант... Утром перед окопом отважных пулеметчиков насчитали 27 вражеских трупов. Благодаря высокой бдительности бойцов врагу не удалось просочиться через передний край нашей обороны.

В эти дни в дивизии значительно увеличилось количество наблюдательных пунктов, с которых фиксировались малейшие изменения в обороне противника. В ночное время к переднему краю немцев наряжались группы в 2—3 человека для подслушивания. Почти каждую ночь уходили в тыл гитлеровцев поисковые группы из полков и из 465-й отдельной моторазведроты дивизии.

Работа одной из таких групп увенчалась успехом. Командир взвода старший лейтенант Иван Богинский вернулся из разведпояска с пленным военным чиновником. Эта тыловая птица, оказавшаяся недалеко от переднего края по причине, видимо, какого-то инспектирования 198-й пехотной дивизии, тотчас была препровождена в штаб армии, а оттуда — в штаб Южного фронта. В тот же день мы получили за «языка» благо-

картине... Р. П. Малиновского.

На повзрослившей чинице стало ясно, что... еще не произошло, но и... как ожидают и само наступление и наступление Раствора. Таким образом, на... Генерал оставалась... когда войска 48-го стрелкового корпуса будут готовы перейти к наступательным действиям.

... что удалось... насту... какая-то колбаса... и... пустыми, даже самый удачливый полководец — Генад Комаров. А командиру... «Дайте сымака».

... захвата... системы... противника... провести 30 июня еще одну операцию... возложили на 694-го стрелкового полка и полковой роту автоматчиков, усиленную батальоном саперов и... двумя дивизионами 986-го артиллерийского полка. Умело... комбат капитан М. П. Путятин. В результате операции разведки было уничтожено более полусотни... захватчиков, а сымака опять лет... потеряли убитыми несколько человек, среди которых были командир 7-й стрелковой роты старший лейтенант Л. П. Мешков и командир роты автоматчиков старший лейтенант М. С. Джуикко. А командиру... называет каждое утро: ну, вляз, Простов, вляз...

После этого на совещаний, которое мы с М. С. Кореньком проводили с командирами и заместителями полков, на нас подошел комиссар 694-го стрелкового полка дальний комиссар М. П. Кольцов. Человек... (Михаил Васильевич был на... сказал просто, без какой-либо... «Будет сымака», товарищ генерал.

Мы все знали, что Кольцов слов на ветер не бросает. Он при этом что-то... Расспрашивать... не стоило, и я... лишь один вопрос: — Будет, товарищ генерал.

И он побежал... Малиновского. Малюцкий... Оказалось... на правый берег...

уса и, схоропившись в кустах у самой воды, пролежал там почти двое суток. Первого гитлеровца они вслухнули неосторожным шорохом — сбежал. Но второго, пришедшего на берег, наверное, умыться, взяли мастерски.

— Вид у немца **хоть** и туповатый, товарищ генерал, но что-нибудь он-то скажет. — Михаил Васильевич улыбнулся одними глазами, покрасневшими от двух бессонных ночей, и попросил разрешения пойти отдохнуть. И с искренним чувством восхищения обнял этого славного человека.

Через несколько часов позвонил генерал Ф. В. Камков и сказал, что за пленного командующий фронтом наградил батальонного комиссара М. В. Кольцова орденом Красного Знамени. «Язык», видно, оказался словоохотливым: стало известно, что пехотные и горнострелковые части 49-го корпуса усилены танковыми подразделениями и что наступление немцев начнется около 10 июля.

Что жестокая схватка с врагом — дело ближайших дней — подтверждалось значительной активизацией разведывательных действий противника. Почти каждое утро над нами стал кружиться «Хеншель-126», воздушный разведчик. Мы вызвали наших истребителей, и они на третьем, по-моему, «визите» сбили его. На разных участках обороны были задержаны четверо мужчин, сказавшихся местными жителями. Разобрались. Оказывается, продались гитлеровцам и заброшены к нам с разведывательными целями. Предателей судили и расстреляли. Наконец, то и дело по ночам на переднем крае возникала перестрелка — наши подразделения рассеивали поисковые разведгруппы врага, пытающиеся пройти в тыл того или иного полка.

Да, наступление немецко-фашистских войск должно вот-вот начаться... Ну что ж, мы готовы!

С утра 10 июля немцы обрушили на нас море артиллерийско-минометного огня. Только закончилась артиллерийская подготовка, полетело полсотни бомбардировщиков. И раз за четыре: то артиллерия, то авиация... А вот поднялась и гитлеровская пехота. Поддерживаемая танками, она быстро приближалась к нашему переднему краю.

Авиационная и артиллерийско-минометная обработка обороны 383-й стрелковой дивизии не принесла противнику желанного результата. Мы были хорошо закопа-

ны в землю, и урон у нас оказался минимальным. Наступающих встретил плотный огонь из всех видов стрелкового и артиллерийского оружия. Хотя ~~истинная часть~~ 198-й пехотной и 4-й горнострелковой дивизии отличались упорством в достижении цели, смять нашу оборону им не удалось. Они откатились с большими потерями.

Бой при интенсивных действиях вражеской авиации и артиллерии продолжался весь день. Атака следовала за атакой. Но дивизия устояла. Справа под мощнейшим натиском итальянских соединений стала отходить 216-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал А. М. Пламеневский. Теперь правый фланг 383-й стрелковой был открыт, и нам пришлось заворачивать его фронтом на север. 694-й стрелковый полк, оставив по Миусу от Стрюкова до Яновки в качестве прикрытия свой первый батальон под командованием капитана Выстропа, в ночь на 11 июля по моему приказу отошел на рубеж балки Круглик, соединившись с левофланговым полком 216-й дивизии, который закреплялся в Штеровке. 691-й стрелковый полк тоже ушел с Миуса на рубеж шахты № 10, западная окраина Хрустального. 696-й стрелковый полк остался оборонять прежний рубеж, одновременно своим правым флангом тоже прикрыв Хрустальное.

Миус, конечно, не был, как уже сказано, серьезной водной преградой. Ухудшение наших позиций произошло из-за того, что мы лишились на большей половине своей полосы обороны хорошо оборудованных в инженерном отношении участков. За одну ночь сильно не закопаешься. Однако командир 1-го батальона 694-го стрелкового полка выиграл для дивизии еще один день. 11 июля он вступил в бой с превосходящими силами гитлеровцев за удержание Стрюкова и Яновки. Только на высоту 260,9 лезло более двух батальонов немецко-фашистских пехотинцев, поддерживаемых шестью танками.

С беззаветной отвагой дрались бойцы и командиры этого подразделения. К примеру, бывший врубмашинист Николай Пузанков, уже смертельно раненный, последней гранатой уничтожил группу гитлеровцев. Со связкой гранат пошел на танк красноармеец Василий Антипенко... Но слишком неравными были силы, и к 15.00 две роты батальона Выстропа, оставив Стрюкова и высоту с отметкой 260,9, отошли на Фащевку. Третья рота под командованием комиссара батальона старшего политрука Черобейноса продолжала отстаивать Яновку. Она ушла

на этот населенный пункт только с наступлением темноты.

На следующий день, 12 июля, сильный бой разгорелся за высоту 230,0. Здесь, когда противнику удалось превосходящими силами сбить две роты 694-го стрелкового полка, я вынужден был ввести в бой свой резерв — учебный батальон под командованием старшего лейтенанта И. Я. Хацкевича. Иосиф Яковлевич был хорошо подготовленным командиром и хладнокровным, не ведавшим страха человеком. Его батальон мы укомплектовали в основном наиболее опытными, успевшими не раз отличиться в деле бойцами. Подразделение, состоящее из обстрелянных людей, представляло немалую силу, и я держал его в резерве.

До 16 часов курсанты при поддержке двух батарей 966-го артполка, которыми командовали старший лейтенант Иван Стукач и лейтенант Михаил Сологуб, удерживали высоту против полка немецкой пехоты. Измотав силы противника, отряд отошел в Красный Кут и здесь дал уличный бой. С наступлением темноты Хацкевич по приказу оставил этот населенный пункт.

...Только во второй половине дня 13 июля противник смог войти в соприкосновение с главными силами 383-й стрелковой дивизии на ее первом после Миуса рубеже обороны. Основной удар силою до полутора пехотных полков гитлеровцы нанесли после мощного артогнетя по нашему левофланговому 3-му батальону 691-го стрелкового полка, оборонявшему поселок шахты № 21. Перенесшиеся фашисты шли на позиции капитана А. С. Окунева во весь рост, во взводных колоннах, даже не прикрываясь танками. Но это продолжалось недолго. Комбат умело расставил свои огневые средства и встретил любителей психических атак шквалом свинца. Противнику удалось сблизиться с нашими боевыми порядками только благодаря мощнейшей поддержке с воздуха. Над передним краем обороны непрерывно висели немецкие бомбардировщики, не менее 30 сразу, которые из-за отсутствия наших истребителей почти безнаказанно бросали свой смертоносный груз на окопы, пулеметные гнезда, артиллерийские и минометные позиции частей и подразделений дивизии. Надо подчеркнуть, что основные потери мы несли именно от бомбежки — массовой и

непрерывной. У нас не было никаких зенитных средств, и приходилось надеяться лишь на залповый огонь по самолетам из стрелкового оружия и противотанковых ружей. В ходе боев за шахту № 21 этим огнем мы сбили 4 стервятника, но такой счет был явно не в пользу наших бойцов.

На правом фланге 3-го батальона 691-го полка от взрыва бомбы погиб весь расчет станкового пулемета. Но сам «максим» чудом уцелел. К нему бросился политрук пулеметной роты Иван Степанович Шунькин, и огневая точка снова ожила. Политработник истреблялседавших гитлеровцев, пока в его груди билось сердце. Подоспевшие стрелки роты лейтенанта Степана Егорова штыковым ударом отбросили фашистов. Но коммунист Иван Шунькин уже не увидел этого... Посмертно политрук был представлен к высшей награде Родины — ордену Ленина.

13 июля особую роль сыграли артиллеристы. 4-й батарее 966-го артполка под командованием лейтенанта М. Сологуба в один из моментов боя пришлось прямой наводкой стрелять по живой силе врага. Расчеты поредели от бомбардировки с воздуха, и в одном из них за наводчика работал политрук батареи Н. Т. Косир. Темп стрельбы был настолько высоким, что стволы орудий раскалились чуть ли не докрасна. Батарейцы рассеяли до батальона фашистской пехоты.

В ходе боя за шахту № 21 батальоны 691-го полка не раз ходили в контратаки. Вечером мне доложили, что дважды их возглавлял «наш комсомолец» (так мы называли командира полка Дмитрия Ивановича Мельникова). Мельников сначала не признавался в этом, но я сам это видел все со своего НП, и командир 691-го стрелкового вынужден был сказать правду. Получил, разумеется, нагоняй. С тех пор за ним не водилось столь необдуманных поступков...

В тот же день мы сожгли 11 гитлеровских танков. Два из них были на счету орудия, которым командовал И. Сосяра и где наводчиком состоял Иван Феофилович Каша, а еще два — на счету комсорга 966-го артполка политрука Тюнышева, ставшего в трудную минуту боя к орудийному прицелу.

Еще три дня и три ночи 216, 383 и 395-я стрелковые дивизии вели кровопролитный бой на этом рубеже. Погода стояла ясная, тихая — идеальные условия для авиа-

ции... По-прежнему непрерывные массивованные бомбежки. Дшелоны бомбардировщиков противника повисали над нами часов в пять утра и исчезали только с наступлением темноты. От рева авиационных и танковых двигателей, от взрывов бомб и артиллерийских снарядов и мин на поле боя дрожала земля. Стоял оглушительный гул. Чтобы подать какую-то команду, приходилось кричать что есть силы. Все больше и больше редели подразделения.

Но соединения 18-й армии стояли и отступать не собирались.

А отступать все же пришлось. В ночь на 18 июля, выполняя приказ командарма, 383-я стрелковая начала пламенный отход к Ростову. Она снова находилась в арьергарде армии.

Оперативно-стратегическая обстановка продолжала ухудшаться. 28 июня противник нанес мощный удар из района Курска по трем дивизиям 13-й и 40-й армий Брянского фронта, которые оборонялись на воронежском направлении. Через два дня по нашим 21-й и 28-й армиям ударила 6-я немецкая армия, рвавшаяся к Острогожску. К исходу 2 июля оборона на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов была, как известно, прорвана на глубину до 80 километров¹. Противник, бросив в бой свежие резервы, начал стремительное продвижение к Волге и на Кавказ. Танки Клейста устремились вдоль Дона к Ростову.

Создалась угроза выхода подвижных моторизованных соединений противника в тыл армиям Южного фронта. Поэтому было решено войска, оборонявшиеся на ворошиловградском и таганрогском направлениях, отвести тоже за Дон...

Отходили по почам. Успевали, прикрывшись заслонами, отрываться от противника и к утру занимать новый рубеж обороны. Центрально-Боковский, Есауловка, Аграфеновка... Марши и бой сильно изматывали людей, они валились с ног, засыпали на ходу. По пути попадались брошенные машины. Если бы нашлось горючее, можно было бы использовать их. Но бензина — ни капли, и приходилось сжигать автомобили. Правда, знаю случай, когда кто-то из политруков минометных рот, кажется

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, с. 419.

А Гальшинский, нашел трактор с полными минами со-
лярами. Минометчики прицепили к трактору четыре те-
лежки, загрузили их минами и так отходили до Батайска.

На каждом рубеже дивизия давала врагу жестокий бой. И, несмотря на огромное превосходство гитлеровцев в живой силе и боевой технике, она ни разу не отступила раньше времени, намеченного планом отхода.

В ночь на 21 июля 383-я стрелковая дивизия заняла оборону на ближних северо-западных подступах к Ростову. С утра завязался сильный бой с передовыми отрядами трех дивизий противника — 1-й и 4-й горнострелковых и 125-й пехотной. Нас по-прежнему преследовали соединения 49-го горнострелкового корпуса.

Приказом командующего 18-й армией я был назначен комендантом переправы через Дон в районе острова Зеленый. Это прямо в городе, у элеватора. Взяв с собой учебный батальон, выехал на место. Порядка на переправе было, прямо скажем, мало. Пришлось энергичными мерами наводить его. После этого дело наладилось. Однако противник непрерывно бомбил мост, несколько раз разрушал его пролеты. Санеры М. П. Дудолодова восстанавливали разрушенное, и переправа продолжалась.

Сюда, на мой НП у элеватора, 22-го приехали командарм и командующий фронтом генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский. Родион Яковлевич приказал снять 383-ю стрелковую дивизию с рубежа обороны на окраине Ростова и к вечеру переправить ее на левый берег Дона. Сдав свои комендантские обязанности, я отправился выполнять этот приказ.

Во время дневной переправы нашей дивизии противник совершил на мосты у острова Зеленый и у станции Заречная около 800 самолето-вылетов. Однако полки прошли через Дон в полном порядке, сохранив всю технику и вооружение. Двумя колоннами 383-я стрелковая дивизия отходила в направлении на Ставрополь. Прошли Батайск. С 11 июля мы непрерывно вели ожесточенные бои и теперь, выведенные в резерв командарма, должны были сосредоточиться в районе Родники, Красный Яр. Однако поздним вечером 22 июля меня вызвал командующий 18-й армией генерал-лейтенант Ф. В. Камков и по карте поставил боевую задачу: 383-й стрелковой дивизии вместе с 101-м гвардейским минометным дивизионом, 377-м артполком без одного дивизиона и 880-м артиллерийским полком резерва Главного командования сосредото-

почитаться в районе Мокрой Батайск, станция Койсуг, и быть в готовности контратаковать противника в направлениях Старо-Червоцкая и Батайск¹. Повернувшись для движения в назначенный район, я вместе с начальником артиллерии, начальником разведки, дивизионным инженером и командирами полков выехал вперед, чтобы до подхода частей соединения к Мокрому Батайску и Койсугу провести разведку.

Во второй половине дня 23 июля передовые части 17-й немецкой армии захватили плацдарм на левом берегу Дона, в районе ростовского железнодорожного моста — до четырех километров по фронту и до двух километров в глубину. 353-я и 395-я стрелковые дивизии из последних сил сдерживали натиск моторизованных и танковых частей врага, пытавшихся расширить и углубить плацдарм. Наша задача, как я ее уяснил, состояла в том, чтобы одним ударом выбить противника с северо-западной окраины Батайска, а затем, наступая в направлении станции Заречная, сбросить его в Дон.

...Однако станцию Заречная отбить нам не удалось, и полки 383-й стрелковой дивизии стали зарываться в землю. Люди странно устали. С 11 июля — почти непрерывные арьергардные бои, бессонные ночи, беспощадный степной зной. Кто выдержит такую нагрузку! Выдерживали. И даже находили силы для шуток.

Позволю себе воспользоваться воспоминаниями бывшего командира 1-го батальона 691-го стрелкового полка В. М. Твалабейшвили. Он тогда, под Батайском, услышал вот такой разговор. Его вели окапывавшиеся бойцы.

— Цэ-э! Если бы не комар, лучше чем ванны в Цхалтубо! — гортанно, с сильным грузинским акцентом сказал кто-то и засмеялся.

Стрелковые ячейки уже наполовину, а то и больше наполнились водой, которая здесь в любом месте очень близко подходила к поверхности земли. По сути — болото. Копни на штык — и вода.

— Комарам тоже посочувствовать. Не ослепайся мы здесь — с голоду бы ведь комарье пошло. — подхватил другой. — А по сути комар нам союзник: ночью спать не даст. Значит, и в бою не уснет. Будет на износ.

Оборона Батайска в памяти осталась еще одной бомбежкой. «Юнкерсы» шли на наши позиции и сбрасывали за эше-

¹ ЦАМО, ф. 1704, оп. 1, д. 10, л. 109.

лоном. Обомолилась одна группа — ее сменяет другая. Вместо с бомбами на наши головы иногда сыпался разный металлический хлам: куски рельсов, бочки, пушпа или даже с мазутом.

От массивованной бомбежки у людей появилось какое-то безразличие к опасности. Многие просто сидели на бруствере своей ячейки, своего окопа (пока не наступают на танки, хоть немного обсушиться на солнце!) и смотрели на самолеты: «Это — перелет, это — недолет... это...» Из-за такого настроения увеличилось число убитых и раненых, в том числе и среди командиров. Пришлось принимать срочные меры для того, чтобы во время бомбежки личный состав весь укрывался в щелях.

Ну, а в перерыве между налетами авиации противника — атаки гитлеровской пехоты с танками. Танков было много. Хорошо, что в пойме нижнего Дона им не очень-то развернуться. Расчеты противотанковых ружей, выдвинутые чуть вперед от переднего края, на перешейки между заболоченными участками, встречали танки в тот самый момент, когда нашим пулеметно-минометным огнем от них отсекалась пехота.

25 июля особенно хорошо показала себя рота ПТР 696-го стрелкового полка. За день боя она уничтожила 11 вражеских танков, из которых 3 эжег расчет противотанкового ружья в составе красноармейцев Барсукова и Якубова. Герои погибли, но враг не прошел через их позиции.

В течение двух суток на подступах к Батайску 383-я стрелковая перемалывала живую силу врага. Именно в те дни один гитлеровский солдат писал своей жене: «Мы не успеваем хоронить наших мертвых... Стоит страшный смрад...» Письмо это не дошло до фатерлянда — оккупант тоже нашел свою смерть в донской заболоченной пойме.

Не менее напряженные бои шли и на других участках Южного фронта. Но слишком неравными были силы, и, опасаясь, как бы наши войска южнее Ростова не попали в окружение, командующий фронтом в ночь на 28 июля отдал приказ отвести соединения левого крыла на рубеж реки Кагальник и Манычского канала.

Нам не удавалось оторваться от противника и приходилось на прикрытии отхода бросать большие силы. Так было и 28 и 29 июля. Особенно жестокий бой разгорелся за Васильево-Шамшево, где насмерть стали 696-й стрел-

ковый полк. 1-й батальон 691-го стрелкового полка и 575-й артиллерийский минометный дивизион. Чтобы отбросить гитлеровцев, подразделениям не раз приходилось подниматься в контратаку. И не раз из-за недостатка боеприпасов основным оружием бойца в таких контратаках становился штык да приклад.

В первых рядах были коммунисты. Командиры и политработники тоже шли в одной цепи с бойцами. Мне, например, запомнились два больших друга из 1-го батальона 691-го стрелкового полка — комиссар старший политрук Иван Федорович Лукаш и адъютант старший (по-нынешнему — начальник штаба) этого подразделения капитан Леонид Михайлович Воинов. Оба они, возглавив роты, оставшиеся без командиров, дважды вели красноармейцев в контратаку, и дважды противник решительно отступал от линии обороны 1-го батальона... Военная судьба в тот день оказалась счастливой только для комиссара Лукаша. А вот капитан Воинов был тяжело ранен осколком снаряда.

Я знал Леонида Михайловича еще с середины сентября 1941 года, когда он, выпускник военного училища, лейтенант, вместе со своим одноклассником лейтенантом Д. Д. Внуковским представлялся по случаю прибытия к месту службы — в 383-ю стрелковую дивизию. Оба они были назначены командирами огневых взводов в минометную роту 691-го стрелкового полка.

Надо сказать, что лейтенантам повезло с непосредственными начальниками. Командиром роты у них был старший лейтенант Михаил Никитович Живлюк, а политруком батареи Алексей Иванович Покатаев. Они оба уже послужили в кадрах РККА и успели познакомиться в бою с немецко-фашистскими захватчиками. Но самое главное — командир и политрук за несколько первых дней совместной работы уже так притерлись, что понимали друг друга по полуслова.

Вот в это-то подразделение и назначили Воинова. Потом я услышала о Леониде Михайловиче как о мастере стрельбы из так называемого «скользящего» миномета. Захотелось познакомиться с ним поближе. Как-то пришел на его огневую позицию. Мы разговорились. Выяснилось, что молодой командир очень хорошо разбирается в тактике стрелковых подразделений, и я взял его на заметку. А когда в 1-м батальоне 691-го полка

открылась вакансия начальника штаба... мы назначили на эту должность бывшего лейтенанта Я. М. Волнова.

В ильских боях наши бойцы проявили чудовищные способности стали быстро набирать силу, и я подумывал о том, чтобы переместить Леонидовича на командующую должность, но вот это тяжелое ранение под Васильевом-Шамшевом...

С великой кровью защищая от превосходящих сил противника каждый метр, каждую пядь нашей советской земли, мы все-таки отступали. Хотя опять, как и в Донском сражении 883-я стрелковая ни разу не оставила своего рубежа без приказа, но такие приказы приходили, и полки под непрерывным воздействием вражеской пехоты, танков и авиации откатывались к югу. На три, на пять километров, а все же откатывались.

По нашим следам густо стелились черные дымы. Отсюда, мы сжигали хлеб — и в копнах, и на корню. Опустив глаза, проходили через хутора и станции. Чернобровые красавицы-казачки, острые на язык и громкоголосые, на чем свет держатся костили нас самыми обидными словами. А потом с плачем бежали в хату и... несли бойцам пахучие, пышные кубанские хлебы, яблоки, галечки с молоком. И плакали, плакали навзрыд.

Не помню, в каком хуторе, я подъехал к куреню, возле которого, подпершись клюкой, сидел на лавке белый как лунь старик в синем бешмете. Рядом стояла его жена. Я слез с лошади.

— Бабузь, водички бы глоток...

— Хай германец тобі водычки дае!

— Цыть! — взвизгнул вдруг дед. — Ийды нэсы воду!

Пока старуха ходила в хату, я успел рассмотреть моего заступника. Больше всего меня поразили четыре Георгиевских креста на его груди. Никогда прежде не встречал полного георгиевского кавалера.

— Думаешь, пэрэд германцем начепыв бант-то? — спросил дед. И опять осерчал: — Для вас, бисовы души, начепыв! Щоб вам соромно було. Мэни Россия Егорьев дала — я Россию не предам!..

Он махнул на меня рукой, встал и заковылял прочь, к хате...

...Тяжелые это были дни. Степь, в степи ни кустика, а над батальонными колоннами — армады вражеских

бомбардировщиков. Отбомбятся — им на смену приходят «мессеры». Нахально, над самой землей и в непосредственной близости от нас беспощадно расстреливают их... Зенитных средств в дивизии не было, а ружейный залповый огонь по скоростным истребителям малоэффективен, а точнее сказать — бесполезен.

При отходе от Ростова очень часто нарушалось управление войсками. Штабы некоторых наших объединений теряли связь с подчиненными дивизиями и не имели полного представления о складывающейся обстановке. Такое случалось и у нас, в 18-й армии. Изредка появляющиеся из штаба командиры связи привозили лишь боевые распоряжения о занятии того или иного рубежа обороны. Где противник, сколько его, как дела у соседей? Спросишь нарочного, а он тоже почти ничего не знает.

Неорганизованности, за которую приходилось расплачиваться кровью, было предостаточно. Скажем, наша дивизия дерется еще под Батайском, а противник уже захватил Мечетинскую. Мы, разумеется, ничего об этом не знаем, стоим. Вдруг приказ: отходить среди бела дня. Только отошли, окопались, снимается со своих позиций без каких-либо серьезных причин 395-я стрелковая. Снова — опасность окружения, о которой ничего не знаешь.

В то же время эти бои показали, как вырос наш командный состав взводного, ротного и батальонного звена. Командиры часто и смелливо проявляли боевую инициативу, не оглядываясь на начальство, умело контратаковали врага.

И люди наши стояли опять насмерть. Взять тот же бой за Васильево-Шамшево. Когда противник понял, что ему не пробить оборону 696-го стрелкового полка и 1-го батальона 691-го стрелкового полка, он решил совершить обходный маневр. Удар гитлеровцев после обхода Васильево-Шамшево пришелся по Ново-Сергиевке, в которой укрепился 694-й стрелковый полк. Кое-где немцам удалось вклиниться в нашу оборону. Но тут командир полка бросил в бой из своего резерва два взвода, которыми командовали лейтенант Сербулев и младший лейтенант Гижко. Они дружно контратаковали наступающего противника во фланг и, сблизившись на дистанцию скакрататы, смяли гитлеровцев штыковым ударом. Отступившие фашисты попали под фланговый огонь, который вел из станкового пулемета красноармеец Дорошов. На поле боя остались более 40 трупов немецких солдат.

Хутор ~~Казацкий~~ 3 августа здесь оборонялся 3-й батальон ~~и 2-я~~ минометная рота 691-го стрелкового полка, прикрывавшие отход всей дивизии. Атаки пехоты и танков противника следовали одна за другой. В одну из критических минут, когда взрывом мины был выведен из строя весь расчет станкового пулемета, к нему бросилась Октябрина Борисенко. Она в упор открыла губительный огонь, и фашисты не выдержали. Оставив перед огневой позицией отважной девушки около 20 трупов, они поползли вспять.

Это имя уже встречалось читателю. И здесь мне хочется несколько подробнее рассказать об Октябрине. В дивизии она была с первых дней. Студентка пятого курса Одесского института водного транспорта, почти готовый инженер, Рита (так звали ее бойцы) пришла в 691-й полк добровольцем и была зачислена санинструктором в 3-й батальон. Комсомольцы батальона избрали ее комсоргом.

Помню, она была очень красива. Но еще больше врезалось в память то, что Борисенко отличалась живым, острым умом и необыкновенной энергией, которая у нее была через край. Она не довольствовалась ролью санинструктора и постоянно рвалась в бой, причем туда, где он яростнее, жарче.

Как уже говорилось, еще с ноября 1941 года она ходила с истребительным отрядом в тыл противника. В одном из таких рейдов ранило командира роты Николая Воронкова. Заметили, что нет ротного, когда уже отошли. Тогда Октябрина одна вернулась к месту, где она в последний раз видела Воронкова, разыскала его, стала перевязывать. Очнувшийся ротный гнал ее от себя: уходи, мол, пропадешь! Но девушка закончила перевязку и от воронки к воронке потащила Николая к своим.

Уже светало, и противник заметил их, открыл огонь из пулемета. Потом, решив, видимо, что пулей не взять, применил минометы. Одна мина разорвалась почти рядом. Октябрину ранило в плечо и грудь. Кое-как она перевязала сама себя и снова, хоть и истекала кровью, потащила Воронкова. Она потеряла сознание, как только санитары подобрали их обоих.

В госпиталь отправляться Октябрина отказалась категорически, лечилась в нашем медсанбате. Когда разрешили ходить, стала обивать порог штадива: хочу быть минометчицом — и все тут. Оказывается, Борисенко уже на

фронте успела изучить минометное дело — хоть сейчас ставь ее командовать минротой. Прозкзаменовали ее, конечно, как следует и назначили командиром минометного взвода.

Со своими обязанностями справлялась она хорошо, подчиненные любили Борисенко и как могли оберегали ее в бою. Но разве такую убережешь! Увидев, что замолк наш пулемет, она немедленно передала взвод своему заместителю, а сама легла за «максим». «Спасибо, Рита!» — кричали ей бойцы, когда атака гитлеровцев была отбита. И Октябрина счастливо улыбалась. А при следующем натиске фашистов она подняла стрелков в контратаку...

Среди ветеранов дивизии о смерти Октябрины Борисенко говорят разное. Ходят даже слухи, что ее, тяжело раненную, захватили в плен. Это неправда. Раненых мы не оставляли врагу, подбирали всех. Подобрали и Октябрину. Ранение у нее было действительно очень тяжелым, и Борисенко немедленно отправили в армейский госпиталь. После войны мы начали розыски Риты. И выяснилось вот что. Октябрину все-таки довели до тылового госпиталя, но спасти отважную девушку не удалось. Она похоронена в Сочи...

Вообще, вся 2-я минометная рота 691-го стрелкового полка показала в бою за хутор Казачий образец коллективного мужества. Командир роты старший лейтенант Попов выбрал огневые позиции так, что минометным огнем прикрывались как фронтальный участок обороны стрелкового батальона, так и открытые фланги. И когда противник силою до батальона попытался обойти наши боевые порядки справа, минометчики встретили их метким беглым огнем.

Но немцам все-таки удалось приблизиться к огненным позициям роты, которой командовал старший лейтенант Попов. Минометчики взялись за стрелковое оружие. А расчеты Юшкина и Жаворонкова продолжали вести минометный огонь по подходящему подкреплению противника.

Погиб политрук Алексей Галин, косивший вражеских солдат из автомата. Погиб командир роты, в последний миг своей славной жизни все же успевший бросить гранату и уничтожить четырех фрицев. Погибли наводчик Юшкин и Жаворонков. Но остальные продолжали бой.

На помощь героям подоспел комиссар минбата 691-го стрелкового полка старший политрук А. Шейн с красно-

армейцами Ефимовым и Бричкиным. Политработники организовали оборону позиций роты. «Умрем, но не отступим!» — крикнул он. — Коммунисты не отступают!..» Из бойцов еще в живых только он, старший политрук, был членом партии. Однако этот его клич все бойцы восприняли как настоящие коммунисты..

Когда подошло подкрепление во главе с командиром минометного батальона старшим лейтенантом М. Живлюком, в живых там оставались только Шенн и Ефимов. Двое. Комиссар с сильной контузией, боец — раненный, и все равно удержали свой рубеж!.. Если кто из жителей города Жданова прочитает эти строки, то пусть знает: Алексей Герасимович Шенн живет где-то рядом с ним, моим читателем, может быть, даже на одной улице.

3-й батальон 691-го стрелкового полка не мог оторваться от наступающего врага и всю ночь вел огневой бой.

Только к рассвету капитану Мельникову удалось отвести людей от Казачьего, прикрыв этот отвод небольшой группой бойцов. Еще вечером я послал в Казачий начальника оперативного отделения штадива майора В. П. Прудника, чтобы он помог молодому командиру 691-го стрелкового полка отвести батальон с Ен. Прудник выполнил мое поручение, но посчитал себя обязанным возглавить и последний заслон. В его подчинении оказался начальник химической службы полка старший лейтенант П. Д. Зубов, двенадцать бойцов, вооруженных винтовками, и один — с ручным пулеметом Дегтярева.

Утром гитлеровцы повели атаку на хутор. Они попытались с ходу форсировать реку, однако ружейно-пулеметный огонь наших шахтеров обратил их вспять. На Казачий обрушился огонь нескольких минометных батарей противника. Загорелись дома. Появились раненые. Получил ранение и майор Прудник. Теперь возглавил группу старший лейтенант Зубов, и, когда немцы поднялись в атаку, горстка бойцов встретила их снова свинцом. Прикрываясь дымом от горевших строений, красноармейцы перебежали с места на место, чтобы создать видимость, будто их здесь целая рота или по крайней мере взвод.

Бой смельчаков с многократно превосходящим в численности противником продолжался почти до самого вечера. Когда кончились патроны, когда замолчал ручной пулемет, взводу пехоты противника с пулеметом удалось переправиться на левый берег Ен. Но вражеские пуле-

метники еще не успели занять огневую позицию, как с фланга обрушился натиск русской штыковой атаки. Это на помощь пришел командир 1-го батальона 696-го стрелкового полка капитан А. Ф. Мусакаев с двадцатью своими подчиненными. Батальон Мусакаева был в арьергарде дивизии и по моему приказу тоже отходил на следующий рубеж обороны. Услышав стрельбу в Казачьем, комбат взял с собой людей и бросился на выручку подразделения из 691-го стрелкового полка. От неожиданности вся группа гитлеровцев попятилась и побежала к воде. А по ней уже бил захваченный у врага пулемет.

С наступлением темноты капитан Мусакаев и старший лейтенант Зубов повели всех бойцов, оставшихся в живых, догонять свои полки. Раненых погрузили на легкую тележку, прихваченную в каком-то из окраинных куреней, и вот так, подменяя друг друга, довели их до медсанбата.

Люди дрались ожесточенно. И не в одной нашей дивизии. Это было бы неправдой, если бы я сказал, что только 383-я стрелковая упорно удерживала свои рубежи обороны. Помню, как даже в условиях беднейшей информации о том, что делается на участках соседей, к нам долетали вести о славных делах кавалеристов генерала Н. Я. Кириченко. 13-я и 15-я кавдивизии 17-го кавкорпуса, которым командовал этот отважный человек, в ночь на 2 августа лихой атакой отбили у врага станицу Куцевскую. Потом этот населенный пункт в течение дня еще трижды переходил из рук в руки. Многие сыны Дона и Кубани сложили там свои головы. Но и противник оставил под Куцевской более 1000 трупов своих солдат и офицеров. 300 гитлеровцев попали в плен казакам Кириченко.

На своем горьком пути отступления мы немало подбирали подразделений, отставших от своих частей. До сих пор в глазах стоит невеселая картина, которую являла собой одна из рот какого-то (сейчас не помню какого) соединения. Я нагнал эту роту ранним утром. Люди только-только расположились на привал. Подъехал. Мне ~~на~~ речу встал лишь один — лейтенант с рукой на перевязи. Представился: командир роты лейтенант Васильев. Его подчиненные уже спали. Оборванные, многие без обуви, винтовка одна на двоих...

— Патроны есть, товарищ лейтенант?

— Семнадцать для винтовок и три — в моем ТТ.

Приказал перво-наперво накормить эту роту, именно

роту. Босая и почти безоружная, она все-таки оста-
боевой единицей, недеморализованной, ~~несломленной~~,
готовой хоть сейчас идти в бой. Только дай им о-
боеприпасы.

— Дадите, товарищ генерал? — спросил Васильев.

— Патронов немного дадим. А стрелковое оружие до-
будете у врага.

Вспомнилось о Семене Николаевиче Васильеве, быв-
шем ротном командире, а ныне главном экономисте Харь-
ковского НИИ животноводства, еще вот почему. Многие
военные мемуаристы, говоря о том времени, непременно
вспоминают о приказе Наркома обороны СССР № 227 от
28 июля 1942 года. Пора кончать отступление, говори-
лось в нем. Надо упорно, до последней капли крови за-
щищать каждую позицию, каждый метр советской терри-
тории, цепляться за каждый клочок советской земли и от-
стаивать ее до последней возможности.

Однако ведь ни Семен Васильев, ни его подчиненные
тогда, когда они приблизились к нашей дивизии, то есть уже
в августе, еще не знали об этом документе. Ведь мило-
метная рота старшего лейтенанта Попова и не подозрева-
ла, что оно уже есть, это жесткое, но по-большевистски
правдивое слово Сталина. Никто в 383-й стрелковой диви-
зии ~~не~~ был проинформирован о выходе приказа № 227,
потому что не было проинформировано командование див-
изии. И все же бойцы, командиры и политработники
рот, батальонов и полков в массе своей сражались с не-
навистным врагом до последнего дыхания, до последнего
патрона.

Не было и нет в мире более стойкого солдата, нежели
наш, советский солдат. Ему не занимать ни мужества, ни
отваги, ни выносливости, ни ратного мастерства, ни люб-
ви, наконец, к своему социалистическому Отечеству. Но
у нашего солдата есть одна особенность: он не умеет вое-
вать, когда, как говаривал А. В. Суворов, не знает своего
маневра. Думается, что приказ № 227 был обращен пре-
жде всего к нам, командирам. Он обязывал нас драться с
врагом не числом, а умением...

28 июля 1942 года Ставка Верховного Главнокомандо-
вания Красной Армии объединила Южный и Северо-Кав-
казский фронты в один — ~~Северо-Кавказский~~. Командо-
вание войсками фронта принял Маршал Советского Союза

С. М. Буденный. Когда в первых числах июля 1942 года противником в районе соединения 1-й танковой армии М. Гейста была установлена оборона, комфронта разделил войска на две группы — Донскую и Приморскую. Первой стал командовать генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский, второй — генерал-полковник Я. Т. Черевиченко. Казалось бы, управление армиями и входившими в состав группы соединениями должно было стабилизироваться. Но непрерывные удары врага по наиболее слабым местам — в стыки флангов не позволили оправдаться этим надеждам. В Донской группе войск, например, все больше и больше увеличивались разрывы между 37-й и 12-й армиями, пока наконец не создалась угроза охвата правого фланга Приморской группы.

Надо иметь в виду, что 30 июля 1942 года на совещании у Гитлера уже был поставлен вопрос о том, чтобы немедленно повернуть 1-ю танковую армию Клейста фронтом на юг и юго-запад с целью перерезать пути отхода наших войск к предгорьям Кавказа¹. На другой день гитлеровское командование принимает решение перебросить на правый фланг 17-й армии Руоффа 3-ю румынскую горнопехотную дивизию, для того чтобы она усилила группировку, которая должна была наступать вдоль берега Черного моря. Предполагалось как можно быстрее занять Новороссийск, а затем выйти к Черноморскому побережью в районе Туапсе². Иначе говоря, командование вермахта лелеяло мечту окружить и уничтожить войска Приморской группы Северо-Кавказского фронта и потом уже почти беспрепятственно, чуть ли не марш-парадом пройти от Туапсе до Батуми.

5 августа 13-я немецкая танковая дивизия и дивизия СС «Викинг» нанесли удар в направлении на Армавир. На другой день Армавир был сдан, и уже шесть немецких дивизий двинулись на Майкоп. Одновременно с 1-й танковой армией ударила и 17-я армия Руоффа — на Краснодар. Теперь достаточно взглянуть на обычную, даже на школьную географическую карту, чтобы понять, в каком сложном положении оказались тогда войска 56, 18 и 12-й армий. Последняя 5 августа потеряла связь с командующим Донской группой и вынужденно вошла в

¹ См.: Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971, т. 3, кн. 2, с. 310.

² См.: там же, с. 333.

подчиненке командующего Примерской группой. Именно в это время была стрелковая дивизия, выполняющая письменный приказ командарма, посланная к предгорьям Западного Кавказа, который в ее боевой судьбе станет одной из самых ярких страниц. Она заняла оборону в районе станций Ханская, Белореченская, Черниговская, Кубанская 2-я, Пшехская. Справа, непосредственно в станции Ханской, оборонялась 13-я кавалерийская дивизия 17-го кавкорпуса, а еще правее, по реке Белой, — 31-я стрелковая и 9-я стрелковая дивизия НКВД. Левым нашим соседом была 12-я кавдивизия, ее 19-й кавалерийский полк.

Боевой порядок 383-й стрелковой дивизии состоял из двух эшелонов. В первом эшелоне были: справа — 691-й стрелковый полк под командованием капитана Д. И. Мельникова; слева — 694-й стрелковый полк майора Ш. И. Клишани. Второй эшелон — это 696-й стрелковый полк майора В. В. Лымаря, занявший оборону в станции Черниговская. Вся дивизионная артиллерия была сведена в артиллерийскую группу и расположена по высотам, что в полутора километрах южнее Белореченской. Мой наблюдательный пункт находился на высоте севернее станции Пшехской. В самой станции занял оборону резерв командира дивизии — 28-й отдельный противотанковый дивизион, которым командовал майор А. К. Рудинский, и учебный батальон.

Поздно вечером 8 августа, уже затемно, на мой НП неожиданно приехал командующий 18-й армией генерал-лейтенант Камков. Я не видел командарма около двух недель, с тех пор как он ставил мне задачу на контратаку под Батайском. Ф. В. Камков выглядел сильно уставшим. Он опустился на табуретку, стоявшую у стола с моей рабочей картой, и попросил поесть.

Пока командарм без всякого аппетита ужинал, я докладывал ему обстановку:

— Что немец под Майкопом, знаешь? — спросил командующий.

— Теперь от вас знаю.

— Тогда соображай: если он прорвется здесь, у нас, 12-й армии будет тяжело... Белореченскую не сдавать!

Утром 9 августа противник — 97-я и 101-я легкие пехотные (егерские) дивизии — после мощной артподготовки атаковал нас по всему фронту от Ханской до Белореченской. Одновременно гитлеровцы повели атаку и на оборону соседей 383-й стрелковой дивизии. Как и в пре-

дыдущие дни боев, над нами непрерывно гудели немецкие бомбардировщики. Вместе с бомбами они сбрасывали и листовки. В одной из них, помню, немецкое командование с характерной для него самоуверенностью предупреждало бойцов: за перевалами в плен брать не будут — сдавайтесь, мол, сейчас, пока не поздно...

Несмотря на трудную обстановку, тыловая служба дивизии сумела обеспечить части всем необходимым для ведения боя, в том числе и артиллерийско-минометными боеприпасами, поэтому в тот день хорошо работала наша дивизионная артгруппа. Ее огонь надежно прикрыл пути наступления противника как на Белореченскую, так и на Ханскую, тем более что в состав артгруппы кроме 966-го артиллерийского полка нашей дивизии вошел один «чужой» дивизион, который был «подобран» нами при отходе на рубеж реки Белой. В первый день боя за Ханскую и Белореченскую нашими артиллеристами было подбито 7 танков и более десятка бронетранспортеров противника. Отразив 9 августа шесть атак фашистских егерей, 383-я стрелковая и ее соседи не уступили врагу ни пяди своей обороны.

Но перед рассветом 10-го командир 694-го стрелкового полка майор Кишани доложил мне, что только что из тыла противника вернулись полковые разведчики, которые обнаружили в пяти километрах севернее Белореченской большое скопление гитлеровской мотопехоты. Полковая разведка наблюдала подвоз этого неприятельского резерва и насчитала около 70 автомашин с автоматчиками. Командира взвода пешей разведки 694-го стрелкового полка старшего лейтенанта Т. Г. Горбатенко я знал лично. Это храбрый и, главное, во всем, даже в мелочах, правдивый командир. Самым ценным его качеством, думаю, была исключительная добросовестность. Возвращаясь из поиска, он докладывал только о том, что видел, несколько не отвлекаясь на какие-либо предположения. Мы с М. С. Корпяком уже не однажды хотели перевести старшего лейтенанта командиром 465-й отдельной разведроты, но Кишани, обычно исполнительный и покладистый, в этом деле оказался до неузнаваемости упрямым.

— Кого другого, товарищ генерал, а разведчика не забирайте! Он у меня комбатом будет!..

Короче говоря, хотя у нас и не оставалось возможности перепроверить данные Горбатенко о подброске противником сильного резерва, мы приняли их на веру.

Я ~~тогда~~ связался с командиром 12-й кавалерийской дивизии генерал-майором Я. С. Шарабурко и предупредил его об усилении наступающей вражеской группировки.

Как и следовало ожидать, с утра 10 августа противник нанес массированный удар в стык флангов 383-й стрелковой и 12-й кавалерийской дивизий. Первой же атакой, поддержанной большими силами авиации и артиллерии, немецко-фашистская мотопехота сбила 19-й кавполк с правого берега реки Белой, и он поспешно отошел на левый берег. Гитлеровцы немедленно воспользовались этим и бросили около двух своих егерских батальонов на западную окраину станицы Белореченской. Теперь 694-й стрелковый полк был вынужден отбивать натиск гитлеровцев с двух сторон. Кипиани приказал занять круговую оборону.

Первая атака была отбита со значительными потерями для врага в живой силе. Особенно отличился минометный взвод, которым командовал лейтенант Ф. М. Борцевский. Заняв огневые позиции на улице Новоселовской, минометчики, оставаясь скрытыми от наблюдения противника, ~~делали~~ эффективный огонь по наступающим егерям. Только одним этим взводом было уничтожено более полусотни гитлеровских солдат и офицеров.

После того как первая атака немцев захлебнулась и они откатились на исходные рубежи, части 17-го кавалерийского корпуса неожиданно оставили свои оборонительные позиции как левее Белореченской, так и в станице Ханской. Читатель, видимо, уже заметил, что 383-я стрелковая занимала оборону в разрыве между 12-й и 13-й кавдивизиями. Кроме того, существовала еще одна особенность наших боевых порядков: по левому берегу реки Белой, в тылу 694-го стрелкового полка, занимал оборону 23-й кавполк 12-й кавалерийской дивизии. Он в отражении первой вражеской атаки почти не участвовал, но роль играл значительную — прикрывал направление Белореченская, Черниговская.

И вот кавалеристы снялись со своего рубежа обороны. ~~Хуже~~ того, отходя с левого берега реки Белой, саперы 23-го кавполка взорвали железнодорожный мост, по которому вели снабжение 694-го стрелкового полка. Они пустили на мост вагон с двадцатью тоннами взрывчатки, и на середине моста этот вагон ахнул... Наша дивизия оказалась в критическом положении: оба фланга открыты, боеприпасов нет, связи с командующим армией — ника-

кой. Есть единственное — приказ командарма Белореченскую не сдавать.

На перегруппировку боевых порядков, которую необходимо было произвести, оставались какие-то минуты. Я приказал командиру 696-го полка немедленно организовать круговую оборону станицы Черниговская. Своего адъютанта старшего лейтенанта Афанасия Дуденко направил в учебный батальон с задачей на машинах выбросить этот мой резерв на западную окраину Белореченской и прикрыть левый фланг обороны 694-го стрелкового полка. Дуденко успел. Когда противник перешел в атаку, курсанты учебного батальона с двумя расчетами противотанковых орудий уже заняли назначенные им позиции. Бой разгорелся с новой силой.

Превосходящим силам врага удалось потеснить два батальона 691-го стрелкового полка, и они отошли на левый берег реки Белой. Полк Кипиани с учебным батальоном оказался в полуокружении.

Я попытался доложить обстановку командарму. Но его радиостанция не откликнулась, а послать донесение с нарочным тоже было нельзя. Мы не знали, где располагается штаб армии.

И вдруг — как снег на голову — полковник, командир для поручений командующего войсками Северо-Кавказского фронта.

— Вас немедленно требует к себе Маршал Советского Союза Буденный.

Штаб фронта находился в лесу западнее станицы Тверской, и даже на лошадях доехали мы довольно-таки быстро. Но маршала уже не застали. Меня принял начальник штаба генерал-лейтенант А. И. Антонов. Внимательно выслушав мой доклад об обстановке под Белореченской и Ханской и о том, что кавалеристы ушли с рубежа обороны, он долго молчал, потирая переносицу. Наконец сказал:

— В Майкопе очень тяжело. Мы хотели вашу дивизию перебросить туда. Но если не успеете вовремя прийти к Майкопу и там ничего не сделаете, и на Белой фронт жиденьким останется... Хорошо, держитесь под Белореченской, куда есть силы. А потом к Майкопу пойдете, через Ашшеронский. Вопросы?

Ну откуда им было ~~было~~ ~~взяться~~ тогда, вопросам-то? Если тебе говорят, чтобы ты держался из последних сил, вопросов не задают. Пусть мы остались одни, пусть мало бое-

прицелом, но есть еще мужество семи с половиной тысяч бойцов и командиров, есть десятимесячный опыт боевых действий, есть штыки и приклады. Мы еще поборемся! Главная теперь забота — выволить из окруженной Белореченской 694-й стрелковый полк и учебный батальон.

383-я стрелковая дивизия держала свой белореченский рубеж еще весь день 11 августа. Бойцы и командиры дрались мужественно и стойко. О том, чтобы отступить, ни у кого не было и мысли. Героизм был нормой поведения бойцов, командиров и политработников в бою. К примеру, на позиции 3-й роты 696-го стрелкового полка, которой командовал лейтенант П. И. Крайчак, гитлеровцы бросили до батальона пехоты с шестью танками. Весь день противник пытался пробиться в этом месте к центру станции, но все его атаки были безуспешными. В роте осталось менее десятка бойцов, а враг здесь не прошел. Четыре гитлеровских танка из шести превратились в металлолом, покрытый красно-бурой окалиной.

Дважды поднимался в контратаку 1-й батальон 691-го стрелкового полка, и оба раза впереди контратакующих был комиссар батальона Федор Войтук.

К вечеру 11 августа командир 694-го стрелкового полка майор Кипиани подготовил свои подразделения к прорыву кольца окружения вокруг Белореченской. К этому моменту мы выслали на рубеж западнее станции разведгруппу под командованием старшего лейтенанта Н. Ф. Богинского. В 23 часа разведчики начали демонстрацию атаки на левом фланге. Сразу же 694-й стрелковый полк ударил в юго-восточном направлении и пробил брешь в кольце окружения. Через этот проход батальоны Ш. И. Кипиани вышли к реке Белой, переправились через нее и к часу ночи, еще раз атаковав, уже с тыла, противника, стоявшего перед Ишехской, соединились с главными силами дивизии. 694-й полк двинулся в направлении Апшеронской. Вслед за ним мы начали, прикрываясь небольшими заслонами, отводить и остальных.

В ту же ночь на марше нам удалось связаться по радио (и здесь я обязан особо сказать об упорстве в установлении связи, о личном мастерстве начальника связи дивизии майора И. С. Рукодельцева) с командующим 12-й армией генерал-майором А. А. Гречко. Выслушав мой доклад, Андрей Антонович временно подчинил 383-ю стрел-

ковую и приказал выходить через Апшеронский и Нефтегорск в район М... гук, К... ина, Гунай... нам и пред... занять оборону, прикр... на участках на подступах к Черноморскому побережью.

— Только поторопитесь, — сказала навоследок Гречко. — Немцы жмет, рвется к Туапсе, но Апшеронский еще у нас...

Я взглянул на карту. От рубежа обороны который мы должны были занять, до Туапсе по прямой было всего 40 километров.

В ОБОРОНЕ КАВКАЗА

Вековые деревья падали с глухим стоном. Гуляющий по ущелью ветер подхватывал этот стон и бил его о скалы. Потревоженные утесы гудели громopodobным эхом, обрушивая на нас в темноте грохот, который бывает при сильном артиллете. А вековые деревья все падали и падали, загораживая путь главным силам дивизии и отрезая их от авангарда — 694-го стрелкового полка.

Какой-то умный человек приказал устроить здесь, в двух-трех километрах к юго-востоку от Апшеронского, этот завал, и саперы постарались на славу. Они на большом протяжении надпилили стволы деревьев, которые, лишь толкни их, должны были своими телами затородить дорогу врагу. Врагу, а не нам. Но то ли саперы поторопились закончить свое дело, то ли мы опоздали пройти эту ловушку, то ли просто ветер оказался, чересчур сильным — западня захлопнулась перед штабом, двумя стрелковыми и артиллерийским полками. Отрезаны были и тылы дивизии.

Ситуация, прямо скажем, не из веселых. К тому же она усугубилась тем, что противник уже занял Апшеронский и теперь его моторизованные силы рвались к Хадыжецкой... Связи снова не было ни с командующим армией, ни с командующим Черноморской группой войск, и приходилось решать все задачи на свой страх и риск. Главное — пробиться в район, который мне указал генералом А. А. Гречко, — Гунайка, Котловина, Маратуки. Связавшись по радио с Николаем Васильевичем Чудаковым, начальником штаба нашей дивизии, я приказал ему выводить полки на известный ему указанный рубеж напрямик, через горные леса. На душе было нехорошо. Если бы мы находились там, с главными силами дивизии, на-

верное, успокоился бы. А сейчас... Как они пойдут через... Специального снаряжения — никакого. Подготовка горной — тоже. Район лесистый, и конец лета. Это ведь в лесу теперь такие заросли — топором враз намаешься, а продвнешься лишь на полшага.

Но как там ни суми, как ни риди, а обстановка обязывала меня быть с авангардным полком, а их, Чудакова, начальника политотдела батальонного комиссара Михаила Ивановича Куликова и комиссара штаба Замкина, — выводить людей из окружения. Если уж так случилось, всякие колебания должны отбрасываться в сторону. Надо надеяться на своих первых помощников. Тем более что они и в самом деле очень надежные товарищи. Да и на командиров полков можно положиться. Мельников уже зарекомендовал себя: воюет умно, голову не теряет даже в самые критические моменты. Майор К. С. Тараканов, командир 966-го артполка, на вид несколько медлителен, но у него хорошая реакция, быстрый по-артиллерийски ум и такое важное для сложившейся обстановки качество характера, как упорство в достижении цели. Командиром 696-го полка после ранения капитана В. В. Лымаря в бою под Белореченской был назначен капитан Александр Константинович Рупинский, командовавший до этого 28-м отдельным противотанковым дивизионом. Молод, года двадцать четыре, но и у него не отнимешь ни смекалки, ни решительности, ни личного мужества.

Когда взошло солнце, 694-й полк и 28-й отдельный противотанковый дивизион отошли от Апшеронского уже километра на 3—4 по дороге на Нефтегорск. Я надеялся, что между Нефтегорском и станцией Ширванская мы как раз и соединимся с 691-м и 696-м стрелковыми полками и остальными частями.

Ветер к утру стих, будто его и не бывало, на небе легкие облачка, воздух прозрачный и звонкий. Звук боя, доносившиеся справа из-за спины, откуда-то из-под Хадыженской, казались очень близкими, как звуки грозы, мечущейся за соседней высотой.

...Оседлав узкую дорогу в двух километрах северо-восточнее Нефтяной, мы простояли здесь в обороне почти сутки. Нам удалось связаться по радио с командующим 12-й армией и доложить ему обо всем, что произошло с дивизией. Сказали, что к утру 16 августа три полка должны подойти в точку, на которой мы сейчас находимся.

Противник... дивизии утром 15-го не
Нефтяную...
694-й...
Хоты вышло
Схватиться
после короткого артиллерийского боя за сутки мы
сравнительно хорошо закрепились на рубеже и
ружейно-пулеметным огнем уверенно отбили атаку
Противник трижды пытался сбить наш
полк с его позиций, но все эти попытки были отбиты
огнем.

К вечеру Рукодельцев вновь обеспечил связь с командармом.

— Товарищ Прохоров, — сказал генерал Гречко, — возьмите под свое начало двести тридцать шестое хозяйство, присоедините к нему своих и контрагенту в направлении Хадыженской. Ночной атакой Хадыженскую необходимо взять. А потом круговая оборона и — ни шагу из станицы.

Одновременно командарм сообщил, что Нефтегорск, Нефтяная занимает оборону 31-я стрелковая дивизия.

— Так что, ваши выйдут на нее. Потом их разыщете. Желаю успеха...

Из частей 236-й дивизии нам удалось сколотить два стрелковых полка по 400—500 штыков каждый. Один батальон 694-го стрелкового полка был оставлен на прежних позициях, а два влились во вновь образованное формирование, которое теперь во всех документах значится под довольно громким названием «группа».

Мы оставили под Нефтяной все обременительное для ночного марша и ночного боя имущество. Личный состав имел с собой только оружие и боеприпасы. Марш от восточного района к Хадыженской прошел благополучно. Оказывается, противник, весь день атаковавший 31-ю стрелковую дивизию, на ночь отошел в населенный пункт.

Нападение на Хадыженскую решено было произвести с трех сторон. Ночь выдалась очень темная, рекогносцировку мы проводили, что называется, на ощупь, хотя организовали, как тогда думалось, хорошее взаимодействие между полками, атака у нас захлебнулась. Мы были вынуждены ретироваться.

Конечно же не одна ночь тому виной. С нами, во-первых, не было ни минометов, ни артиллерии. Во-вторых, оборонявший Хадыженскую противник раза в три пре-

О превосходстве его в миню-
методических средствах уже не говорю. И на-
конец, в третьих, недостаточной бы-
ло колючестью нашей
«группы». Не знаю, может, я чересчур предвзвешен, но
мне думалось это тогда, а теперь: чувство
и командира 694-го стрелкового полка, готов-
ность их к взаимовыручке были все же повыше, чем у
того состава 236-й стрелковой дивизии.

К примеру, в том ночном бою особенно удачно дейст-
вовала одна из рот 694-го полка. Ротного помню и сейчас.
Фамилия у него не очень легкая для памяти — Арапхан-
нов. Но вот русско-осетинское имя-отчество запоминается
сразу — Борис Магометович. Старший лейтенант пришел
к нам под Батайском. Горец, да еще джигит по характе-
ру. Однако в бою за Хадыженскую Арапханов проявил
столько выдержки и хладнокровия, что, право же, ему
мог бы позавидовать иной северянин. Его рота первой
ворвалась на северо-восточную окраину станции, сблизилась
здесь противника и закрепилась. Ротному надо было ос-
мотреться. При свете то и дело вспыхивающих освети-
тельных ракет старший лейтенант увидел, что против его
роты накапливается до батальона гитлеровцев. В это время
к Арапханову подполз политрук пулеметной роты Максим
Ануфриевич Перепелца.

— Три пулемета, Борис. Куда ставить?

— Три много. Давай один, но ленты собери для него
со всех. И вот сюда, к этой мазанке. Бей при свете ра-
кет, не давай гадам поднять голову. А я со своими абре-
ками ударю гранатами...

Рота Арапханова уничтожила в том бою до сотни фа-
шистов. Обоих — и ротного и политрука-пулеметчика —
мы представили к награждению орденами. Первого — ор-
деном Красной Звезды, второго — орденом Отечествен-
ной войны I степени.

После неудачи под Хадыженской «группу» расформи-
ровали. Частям 236-й стрелковой дивизии под командова-
нием полковника Г. Н. Корчикова было поручено от-
дельными отрядами оборонять Кубано-Арменский пере-
во, Белую Глину, гору Лысая. 383-я стрелковая дивизия
вновь входила в подчинение командующему 18-й армией
и к утру 18 августа 1942 года должна была занять оборо-
ну в районе гора Гунай, гора Гейман, Гунайка, Котлови-
на, Маратуки. А вся-то дивизия все еще состояла из од-
ного полка да противотанкового дивизиона.

Смы для занятия обороны по всей отведенной полосе у нас явно не хватало. Поэтому было решено занять пока наиболее угрожаемые участки. 3-й батальон 694-го стрелкового полка в противотанковым дивизионом мы оставили в Котловине. Это резерв, здесь же расположится и командный пункт дивизии, а 1-й и 2-й батальоны Кипиани поротно заняли командные высоты северо-восточнее Котловины и северо-западнее Маратуки, оседлав при этом горные тропы и дороги, идущие в меридиональном направлении. Слева от нас занимали оборону части 17-го кавалерийского корпуса, справа — 31-й стрелковой дивизии. Перед фронтом обороны 694-го стрелкового полка группировались 16-я моторизованная и 101-я легкопехотная дивизии противника.

С Чудаковым у меня постоянно поддерживалась радиосвязь, и я знал, что полки успешно продвигаются к цели. Вечером 19-го я доложил командарму, что отставшие части уже на подходе. А на рассвете 20 августа, прорвав кольцо окружения в районе хутора Травалева, на рубеж обороны вышли 696-й стрелковый и 966-й артиллерийский полки. Еще через двое суток, тоже ранним утром, в район Маратуки прибыли и подразделения 691-го стрелкового полка. Вся дивизия снова была в сборе.

Ветераны нашего соединения вспоминают о том горном переходе трех полков с особой гордостью. И гордиться действительно есть чем. Шли днем и ночью, прорубая просеки в густых лесах по крутым склонам гор. Не было воды. Не было никакого специального горного снаряжения. Буквально на руках тащили орудия, повозки, несколько автомашин. Сделав из седел какое-то подобие вьюков, всех командирских лошадей приспособили для транспортировки боеприпасов и различного штабного имущества. На подходе не оставили ни одной пушки, ни одного миномета, ни одного «максима», не потеряли ни одного человека. Больше того, прорываясь из окружения, 691-й стрелковый полк разгромил в Нефтегорске немецкий гарнизон, захватил там в качестве трофеев несколько ручных пулеметов, автоматы, один мотоцикл с коляской, уничтожил до сотни немецких егерей.

Непрерменно следует подчеркнуть, что успех этого труднейшего перехода по незнакомым горам был достигнут благодаря прежде всего умелому руководству полка — со стороны полковника Н. В. Чудакова.

Прямо скажем, 383-й стрелковой дивизии снова по-

... в **политотделе штаба, а мне** — на **верандах** **бывших** **командиров**. **Николай** **устроил** **команды** **Ивана** **Александровича** **Ш...** **близ** **политотдела** **мои** **одно-**
кур... **имени** **М. В. Орунзе** **пол-**
ковник **Иван** **Иванович** **Гудак** **И** **знал** **его** **как**
отлично **подгот...** **распорядите...**
мандира **И** **Васильевича** **обстановку** **товарища**. **На-**
прямую **на** **уверенные** **детские** **бои** **на** **Миусе**, **Дону** **и**
Кубани **лишний** **раз** **убедили** **меня** **в** **том**, **что** **на** **Чуковского**
мне **можно** **положиться**, **как** **на** **самого** **себя**.

И вот Николай Васильевич — **в** **течение** **трех** **полюсов**,
выходящих **из** **вражеского** **тыла**. **Непрерывно** **велась** **раз-**
водка, **четыре** **дней** **боевые** **действия**, **образцово** **бы-**
ла **организована** **связь**.

Начальник **политотдела** **директора** **Белореченского** **комис-**
сар **Михаил** **Иванович** **Куликов** **мобилизовал** **всех** **полит-**
работников **и** **коммунистов** **на** **активную** **работу** **среди** **лич-**
ного **состава** **политотдела** **и** **получился** **высокий**
боевой **результат**. **Одним** **из** **политотделов** **этой** **шестидесятичной** **эпо-**
пей, **Ш. М. Борщевский**, **писал** **мне** **уже** **после** **войны** **в** **том**
переходе: **«Несмотря** **на** **все** **лишения**, **которые** **нам** **при-**
шлось **испытать**, **пробиваясь** **в** **Маратуки**, **никогда** **в** **голо-**
ву **не** **приходила** **мысль**, **что** **мы** **не** **выйдем** **из** **окружения**.
Наоборот, **в** **душе** **жила** **абсолютная** **уверенность** **в** **конеч-**
ной **победе**. **Только** **очень** **хотелось** **знать**, **как** **это** **произо-**
дет...» **Вот** **такой** **был** **настрой!**

В **дни** **отхода** **от** **Белореченской** **я** **много** **раз** **брался** **за**
уставы, **читал** **да** **перечитывал** **об** **особенностях** **боевых**
действий **в** **горах**. **Ну** **и**, **разумеется**, **восстанавливал** **в**
памяти **те** **знания**, **которые** **получил** **в** **академии**. **По** **всему**
выходило, **что** **оборону** **в** **горно-лесистой** **местности** **нужно**
организовывать **на** **принципах**, **отличающихся** **от** **тех**, **ко-**
торыми **мы** **руководствовались**, **скажем**, **на** **Миус-реке**.

Ясно **было**, **что** **от** **сплошного** **фронта** **надо** **отказываться**
на **полосу** **обороны** — **более** **30** **километров**. **Подразделения**
должны **располагаться** **преимущественно** **на** **высоких** **высо-**
тах, **оставляя** **в** **низинах** **боевое** **охранение**. **Сла-**
ды **и** **посты** **подолжения** **за** **противником**. **Любая** **дорога**
или **тропа** **в** **горах**, **а** **также** **любой** **скат** — **это** **удобные** **для**
противника **подступы** **к** **обороняющимся**. **Значит**, **все** **эти**
участки **нужно** **занять** **отдельными** **подразделениями**, **огонь**
которых **организовать** **с** **таким** **учетом**, **чтобы** **они** **на**
высо- **та** **не** **были** **прямой** **линией** **простреливаемы** **противником**
и **с** **короткой** **дистанции**. **То** **есть** **огонь** **должен** **быть**

шквальным, массированным, с готовностью переноса его в любом необходимом направлении.

Артиллерию, конечно, надо рассредоточить. Особ­но тщательно следует выбрать огневые позиции для мино­метов. В горах их роль и значение резко повышаются. Там, где противника невозможно достать огнем из стрел­кового оружия и артиллерии (в так называемом «мертвом пространстве» на горбатых скатах, например), живую си­лу врага могут с успехом уничтожить минометчики.

Теперь о фортификационных работах. Их здесь пред­стояло произвести гораздо в большем объеме, нежели про­изводилось раньше, при обороне на равнинной местности. Окопы полного профиля обязательно должны быть с пе­рекрытиями. Гитлеровцы имеют полное превосходство в авиации — следовательно, бомбардировщики будут посто­янно бомбить нас. Кроме того, мы уже знали, что против­ник стал применять мины с дистанционным взрывате­лем — они рвутся над головами. Наконец, возможны силь­ные камнепады. Так что перекрытия над окопами наверняка снизят наши потери в личном составе.

На всех основных направлениях надо будет строить артиллерийские и пулеметные дзоты, сделать завалы, по­ставить мины, оплести проволокой деревья, разместить малозаметные препятствия. И еще — наблюдательные пункты. Чем их больше, тем лучше. Тщательно их зама­скировать, назначить в каждый двух-трех человек — и пусть они, ничем не выдавая себя, ведут непрерывное на­блюдение.

Исходя из всего этого, я и принял решение на оборо­ну. 694-й стрелковый полк оставался на тех позициях, ко­торые он занял по прибытии в район. 691-й полк двумя батальонами стал на горной дороге от хутора Червякова до Маратуки. 1-й батальон вошел в непосредственное со­прикосновение с противником, который владел в это время Червяковым, а 3-й — рассредоточился поротно в глуби­ну, закрыл наиболее узкие, удобные для обороны прохо­ды между теснинами. 696-й полк 2-м батальоном занял оборону на горе Гейман (командная высота на левом фланге нашей полосы), а 1-м и 3-м батальонами — гору Гунай (высота с отметкой 720,0). 1-я рота этого же пол­ка прикрыла тыл дивизии по рубежу реки Пшиш. Она обороняла селения Гойтх, Перевальный и Алтубинал. Ар­тиллерия подивизионно была придана стрелковым пол­кам. Боевое охранение в составе усиленной роты от каж­

ного стрелкового полка были выдвинуты в хутора Красное Кладбище и Кубано-Армянский. В резерве у меня оставался учебный батальон.

Кажется, было продумано все. Но вот 26 августа на Маратуки неожиданно напало до полутора сотен автоматчиков. Начальник штаба 691-го стрелкового полка старший лейтенант Ф. М. Теплинский умело организовал круговую оборону и держался до подхода подкрепления. Гитлеровцы были отброшены и отошли по реке Пшеха в направлении станицы Ширванской. К сожалению, сам Теплинский в этом бою погиб.

Тот факт, что столь большая группа противника смогла просочиться в тыл 691-го полка, заставил нас еще раз пересмотреть боевой порядок. Стала очевидной необходимость занятия горы Оплепен и высоты с отметкой 760,0. Тогда долина Пшехи будет находиться под нашим наблюдением и обстрелом. Я поставил Дмитрию Ивановичу Мельникову задачу отбить у гитлеровцев эти высоты. 27 августа с утра 2-й батальон под командованием старшего лейтенанта Петра Славкина, обойдя высоту 760,0, ударил по гитлеровцам с восточного направления и решительной атакой выбил их с занимаемых позиций. Было уничтожено около 60 гитлеровцев, в качестве трофеев захвачены 4 миномета, 8 тяжелых и ручных пулеметов, 10 автоматов, 56 винтовок, 9 пистолетов, 10 повозок с продуктами и военным имуществом. Особенно отличилась в бою 5-я рота, которой командовал лейтенант Казаков.

К вечеру 3-й батальон под командованием капитана Окунева отбил у врага и гору Оплепен. Этот частный, как принято называть, успех 691-го стрелкового полка мы отметили представлением 67 бойцов, командиров и политработников к награждению правительственными наградами. В частности, были написаны наградные репортажи на заместителя командира полка майора И. В. Сосина, на обоих комбатов капитана А. С. Окунева и старшего лейтенанта П. П. Славкина, на комиссаров 2-го и 3-го батальонов политрука П. Т. Ноженко и старшего политрука Н. С. Уверского, на командиров рот лейтенанта Казакова и младшего лейтенанта П. А. Шпакова, на командиров взводов младшего лейтенанта М. Б. Крюкова и военфельдшера М. А. Меркова. Наши ходатайства были удовлетворены, и все 67 человек получили боевые награды.

На другой день, 28 августа, немецко-фашистские егеря повели наступление на левом фланге 383-й стрелковой

дивизии, точнее — на стыке с левым соседом. Они нанесли удар по батальону 314-го стрелкового полка 236-й стрелковой дивизии и сбили это подразделение с безымянной высоты. Теперь противник мог наблюдать и держать под обстрелом значительный район нашей обороны. Высоту эту сдавать было нельзя.

Батальон соседей, отступая, вышел на 2-й батальон нашего 696-го стрелкового полка. Комбат политрук А. Е. Наумов доложил мне об этом, и я немедленно выехал на место. У Наумова уже находились командир полка майор Руцинский, комиссар старший политрук Романов и начальник штаба капитан Кельбас. Все втроем они насели на комбата 314-го стрелкового полка, усталого и равнодушного ко всему происходящему старшего лейтенанта. Шум был бестолковый, в основном все сводилось к вопросу: а какое ты имел право оставить высоту? Комбат никакого права не имел и, вполне понятно, угрюмо молчал.

— Командовать батальоном способны? — спрашиваю старшего лейтенанта.

— Пока не убьют, скомандую, товарищ генерал. Да и не батальон у меня — рота. Со мной — восемьдесят два человека...

Надо было бы перед боем покормить этих людей, но с харчем у нас и у самих было не густо — сухари да пшеничный концентрат... Подчинив себе чужой батальон, я приказал комбату совместно с 2-м батальоном 696-го стрелкового полка атаковать противника на безымянной высоте с двух направлений и выбить его с этой ключевой позиции. Оглянувшись на командование 696-го: кто пойдет с батальонами? Все трое поняли мой взгляд, но ответил первым Михаил Ильич Романов:

— Я пойду с этим старшим лейтенантом, а Глеб — пусть с Наумовым.

Кельбас утвердительно кивнул:

— Разрешите, товарищ генерал?..

После трехчасового ожесточенного боя, поддержанного артиллерией и минометами, безымянная высота была очищена от егерей 228-го полка 101-й легкопехотной дивизии. Теперь по всей полосе своей обороны мы владели наиболее важными командными высотами — Гейман, Гуннай, Оплечен.

Вечером радисты дивизионного узла опять установили то и дело прерывающуюся связь со штабом 18-й армии. Мы подробно доложили командарму о выходе из окружения и о том, какая у нас здесь обстановка. Но Камков был не в духе, слушал плохо и все говорил о каком-то приказе наркома, который «мы обязаны выполнять буква в букву». Стало ясно, что речь идет об очень важном документе, который нам не известен.

— Содержания приказа мы не знаем, товарищ Семнадцатый. Когда доведут его до нас — выполним.

— Доложи, Константин Иванович, о партактиве, — подсказал Корпяк.

Я выслушал очередную тираду о том, что «вы никогда ничего не знаете, поэтому противник и окружает вас». Сдержаться было трудно, но я все же подавил вспыхнувшую обиду и спокойно сообщил:

— Мы готовим собрание партийного актива. Приезжайте, товарищ Семнадцатый, вот и доведете документ до меня и до представителей парторганизаций.

Камков оборвал разговор...

Командарм приехать не сумел. На собрании партактива, которое мы проводили 1 сентября в Котловине и на которое сумели высвободить с передовой более 200 коммунистов, присутствовал член Военного совета 18-й армии бригадный комиссар П. В. Кузьмин. Еще до начала собрания он дал мне прочитать приказ Народного Комиссара Обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года. Я пробежал глазами первые строчки и понял, что это нужно читать вслух. И здесь, в шалаше, где собралось командование дивизии, и там, перед партийными активистами. На батным гулом отдавалось в душе каждое слово: «...Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами... Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования...»¹

«Хотят захватить Кубань...» Еще месяц назад она, кубанская земля, не знала фашистского сапога — теперь знает. Еще месяц назад мы не верили, что можем отступить так далеко, — теперь это стало фактом. Еще месяц

¹ ЦАМО, ф. 209, оп. 1063, д. 499, л. 10.

назад мы даже и не предполагали, что придется воевать в горах, — теперь вопрос стоит так: нужно в самый короткий срок научиться этому. И — ни шагу назад!

— Кто делает доклад? Комиссар? — Голос Кузьмина оторвал меня от невеселых мыслей.

— Нет, комдив, — ответил Корпяк.

— Тогда перед докладом дадите слово мне.

Член Военного совета армии выступил коротко. Пересказал содержание приказа № 227 и призвал коммунистов включиться в активную разъяснительную работу, страстным большевистским словом и личным примером мобилизовать бойцов на беспощадный отпор врагу.

По выражению лиц коммунистов было видно, что они ждут, чтобы им зачитали приказ Сталина, и я начал свой доклад именно с этого. А потом стал говорить о том, как лучше выполнить требования этого документа. Конечно же прежде всего партийные активисты, партийные организации должны позаботиться о том, чтобы каждый боец, каждый командир научился вести бой в условиях горно-лесистой местности. Ведя боевые действия в равнинных районах Донбасса, Дона и Кубани, мы привыкли к тесной локтевой связи между подразделениями. Здесь локтевой связи нет, а привычка осталась. Значит, надо помочь людям преодолеть ее и настроить их на более самостоятельные действия в составе роты, взвода, даже отделения.

Некоторые считают, что при обороне в горах нет необходимости в создании оборонительных сооружений. Коммунисты должны восстать против этого ошибочного и опасного мнения. Нужно сделать так, чтобы личный состав твердо и безоговорочно усвоил простую истину: боевые действия в горно-лесистой местности требуют значительно большего тщания в инженерном оборудовании позиций, нежели на равнине.

После собрания партийного актива мы провели совещание с командирами и комиссарами полков. Я готовился к этому разговору. Припас даже несколько схем, которые иллюстрировали наиболее принципиальные уставные положения. Особое внимание командования полков обращалось на три момента: создание многоярусной системы обороны, оборудование рубежей в инженерном отношении с тщательнейшей маскировкой всех сооружений и разведка. В горах хорошо слышно. Значит, необходимо организовать непрерывное подслушивание. С высот хоро-

шо просматриваются ложины и распадки. Следовательно, нужно все время вести разведку наблюдением. Условия горно-лесистой местности позволяют скрытно проникать в тыл противника. Поэтому поисковые разведывательные группы должны действовать значительно активнее, чем даже на Миусе. На совещании родилась также идея: в каждом полку, в том числе и в артиллерийском, создать из числа добровольцев небольшие, подвижные истребительные отряды для боевых действий в тылу противника — на его коммуникациях, в мелких селениях, на складах. Был предусмотрен еще ряд мероприятий по выполнению приказа № 227.

На фортификационных работах и боевой учебой люди были заняты по 14—16 часов в сутки. Правда, дело испортилось оттого, что не хватало ломов, кирок, топоров, пил. Совсем не было брезентовых рукавиц, и даже на руках шахтеров, привычных к землекопскому труду, стали появляться кровавые мозоли.

Уезжая из дивизии, бригадный комиссар Кузьмин пообещал нам немного помочь пилами и топорами. Он выполнил это обещание — кое-что из армии дали. Да еще немного инструмента подобрали в селениях. Работа двинулась повеселее...

К 7 сентября в полках закончили формирование истребительных отрядов, в которые вошли смельчаки-добровольцы — как правило, коммунисты и комсомольцы. Эти вновь созданные группы приступили к боевым действиям.

6 сентября истребительный отряд 694-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Горбатенко перерезал дорогу Нефтяная — Белая Глина. После полудня он перехватил танковый тягач и два бронетранспортера с автоматчиками. Техника была уничтожена гранатами, на месте схватки осталось 18 фашистских трупов. Противник отошел к Нефтяной.

Отдохнув после похода, отряд Горбатенко выходит на новую операцию. 12 сентября он устроил засаду на дороге Нефтегорск — Нефтяная. В засаду попал обоз противника. Охрану уничтожили, две выючные лошади привели в расположение полка. Отряд потерь не имел.

С 6 по 11 сентября находились в поиске два истребительных отряда 696-го стрелкового полка. Одним, в состав-

ве 19 человек, командовал лейтенант Петренко, другим, состоявшим из двух десятков бойцов, — сержант Живицкий. Петренко действовал на хуторе Суздальском. Там его группой была уничтожена автомашина и 30 гитлеровцев. Истребители Живицкого на дороге от горы Лысой к хутору Травалева уничтожили более 20 солдат противника, двух снайперов и захватили в плен двух радистов с радиостанцией.

11 сентября в засаде на дороге между хуторами Кубано-Армянский и Подольский отличились бойцы 691-го стрелкового полка, разгромившие обоз. 17 сентября тоже уничтожил обоз и рассеял до двух рот немецко-фашистской пехоты истребительный отряд 966-го артполка под командованием командира 6-й батареи старшего лейтенанта Соколова.

Командарм издал специальную директиву, которая обобщала опыт истребителей 383-й стрелковой дивизии. После этого ведение боевых действий истребительными отрядами нашло самое широкое применение. С нашей легкой руки их создали почти во всех частях 18-й армии. Истребители наводили страх на врага, деморализовали его, наносили ему ощутимый урон в живой силе и технике. Как сообщила в то время «Красная звезда», пленный солдат 125-й пехотной дивизии заявил на допросе, что командование гитлеровцев «запретило проезд по некоторым дорогам, шоферы требуют охраны»¹.

Но кроме всего прочего, успехи истребительных отрядов неизменно поднимали боевой дух всего личного состава. А это было очень важно. Как бы хорошо ни были сплочены наши подразделения, а политико-моральному состоянию личного состава в тех невероятно трудных условиях приходилось уделять огромное внимание. Нехватка боеприпасов и продовольствия, полное отсутствие снаряжения, необходимого для боевых действий в горах, многократное превосходство противника в живой силе и технике, ежедневные массированные бомбежки — да мало ли было этих причин, по которым у людей могло упасть боевое настроение. Поэтому политработники дивизии во главе со старшими батальонными комиссарами М. С. Корпяком и П. И. Игнатенко (в сентябре Петр Иванович сменил на посту начподива М. И. Куликова, который получил повышение по службе) отдавали все силы, весь свой

¹ Красная звезда, 1942, 5 ноября.

опыт прежде всего укреплению политико-морального бо-
стояния подразделений и частей.

К 10 сентября во всех ротах были восстановлены пар-
тийные организации, сильно поредевшие во время арь-
ергардных боев на Дону и Кубани. В партию шли лучшие
люди 383-й стрелковой, такие, как командир орудия из
696-го стрелкового полка сержант Дутов. Это его расчет
в боях на рубеже реки Белой уничтожил две минометные
батареи, сжег четыре автомашины и два мотоцикла. При
этом артиллеристы взяли в плен немецкого офицера. Или
командир минометного расчета сержант П. Ф. Олешенко,
который вместе с подчиненными уничтожил в июле до
сотни гитлеровцев. Или пулеметчик Процепко. Он в боях
под Койсугом один отправил на тот свет более 40 фаши-
стов. Войцы и командиры чаще всего приходили к реше-
нию связать свою судьбу с ленинской партией перед ка-
ким-либо ответственным боевым заданием. Видимо, где-то
в подсознании эта мысль у них жила давно, может еще
с довоенного времени. Но все не было уверенности: до-
стоин ли, мол, я быть в рядах большевиков? И вот его
выделяют среди других, поручают в бою быть правофлап-
говым. Тогда-то и приходит уверенность в себе, а вместе
с нею и осознанная необходимость стать в партийные ря-
ды. Запомнилось, например, что, перед тем как старший
лейтенант Горбатенко повел свой истребительный отряд
добровольцев на вторую операцию в тылу противника,
сразу пятеро его бойцов принесли комиссару полка заяв-
ления с просьбой принять их в партию. Это были старшие
сержанты Гвардеев и Пермаков, сержант Просветов,
красноармейцы Уланов и Смани.

Ну а теперь, когда читатель посвящен в то, что нами
было сделано после запятия рубежа обороны в 40 кило-
метрах к северо-востоку от Туапсе, можно рассказывать об
основных, самых тяжелых, самых ожесточенных боях с
немецко-фашистскими захватчиками на туапсинском на-
правлении. И тут придется снова говорить об общей опе-
ративной обстановке на Северо-Кавказском фронте¹.

Известно, что планы немецко-фашистского командова-
ния одним ударом танковых и моторизованных соединений

---

¹ 1 сентября 1942 года переименован в Черноморскую группу
войск Закавказского фронта.

выйти к бакинским и грозненским нефтяным промыслам оказались несостоятельными. Потерпела крах попытка врага прорваться к Туапсе из района Новороссийска. Потеряв за период июльских и августовских боев около 50 тысяч человек и не имея больше стратегических резервов, войска группы армий «А» к середине сентября уже не могли наступать по всему фронту. Поэтому гитлеровское командование приняло решение о нанесении последовательных ударов сначала на Туапсе, а затем на Орджоникидзе.

Ближайшая задача наступления 17-й армии на туапсинском направлении состояла в том, чтобы кратчайшим путем выйти на побережье Черного моря, отрезать Черноморскую группу войск от основных сил Закавказского фронта, лишить Черноморский флот всех баз и портов и, наконец, высвободить часть сил для переброски на другие участки фронта. Судя по тому, что из 26 дивизий группы армий «А» 18 действовали против Черноморской группы войск, туапсинское направление немецко-фашистское командование считало главным.

Наступление противника на этом направлении началось 24 сентября 1942 года. Силою до двух пехотных полков он ударил по 723-му стрелковому полку 395-й стрелковой дивизии. Два часа шел ожесточенный бой, после которого гитлеровцы, понеся большие потери, вынуждены были отойти на исходные позиции. 25 сентября перешли в наступление 97-я и 101-я легкопехотные дивизии. Они били из района Хадзыженской на Шаумян. В течение четырех дней части 32-й гвардейской стрелковой дивизии, несмотря на бешеный натиск фашистских егерей, удерживали свои позиции.

26 сентября вступила в бой и наша 383-я стрелковая дивизия. На нее командующий 17-й армией бросил альпийских стрелков Ланца, 97-ю егерскую, 46-ю специально подготовленную к боевым действиям в горах пехотную дивизию, мотодивизию СС «Викинг», бельгийский легион «Валлоны».

О готовящемся наступлении немцев на туапсинском направлении нам было известно. Во-первых, предупредил об этом командующий армией. Во-вторых, 20 сентября разведчики 691-го стрелкового полка под хутором Измайловский взяли в плен офицера из так называемой дивизионной группы Ланца. Этот «язык» подтвердил: да, наступление через четыре дня, и самое решительное.

Мы ожидали, что отборные горнострелковые части группы Ланца, прошедшие специальную альпинистскую подготовку и потому посившие на рукавах своих штормовок эмблему в виде эдельвейса, пойдут против нашего правого фланга: здесь, по долине реки Пшеха, в горах был наиболее удобный проход. Но ожидания эти не оправдались. Альпийские стрелки нанесли удар в направлении гор Гейман и Гунай.

Это случилось утром. На левом фланге вдруг загрохотали взрывы, и почти тут же позвонил командир 696-го стрелкового полка. Он докладывал, что на его участке обороны началась массивная бомбежка и артподготовка. Когда я приехал на НП командира полка, противник уже атаковал наши подразделения.

От Руцинского докладываю обстановку командарму.

— Имей в виду, он рвется на Туапсе. И главный удар теперь по тебе. Так что — стой крепко.

И мы стояли. Хорошо, что до этого наступления немцев сумели поднакопить снарядов к артиллерийским орудиям, главным образом — мин. Минометчики, умело маневрируя огнем, стреляли по скоплениям горных стрелков и не давали им собраться для новой атаки. Тогда появлялись гитлеровские бомбардировщики, и начиналась обработка — в который уже раз! — наших позиций. Стервятники носились, включив сирены, чуть ли не над головами. Один даже свернул себе шею — врезался в скалу неподалеку от моего наблюдательного пункта. Но что этот один, если их сразу 20, 30, 70! Вместе с бомбами немецкие самолеты сбрасывали на нас бочки с сажей. Облака сажи растекались по склонам высот, окутывая леса. Дышать было нечем.

От бомбежки нас выручали окопы с перекрытиями. Кажется, на высоте не должно уже остаться не то что живого человека — живого места. Но только поднимутся «эдельвейсы» в атаку, их тут же встречают огнем. За первые три часа боя противнику не было отдано ни пяди земли.

Со второй атаки — и снова после мощнейшей авиационно-артиллерийской подготовки — гитлеровцам частью сил удалось зацепиться за северные скаты горы Гейман. Командир 696-го полка хотел бросить туда свой резервный 3-й батальон, но я не разрешил. Это еще не тот момент, когда в бой вводятся резервы. И точно: командир 1-го батальона, оборонявшего северный склон Геймана, капитан

Катаев поднял свои роты в контратаку и сбросил противника с горы.

В этом батальоне был взвод морских пехотинцев. Они прибились к 383-й дивизии где-то перед Белореченской. Дрались моряки здорово! Вот и в том бою за Гунай они шли в контратаку впереди всех. Старшина С. И. Белобородов, командир взвода морских пехотинцев, кортиком ударил дюжего фашиста, но в этот момент осколком гранаты его ранило в челюсть. Он зажал рану рукой и продолжал драться до тех пор, пока немцы не побежали под натиском 1-го батальона 696-го стрелкового полка. Только после этого он пошел в тыл. А комбат Катаев позвонил на наблюдательный пункт командира полка и раньше, чем доложил обстановку и данные о своих потерях, представил на Белобородова устную реляцию:

— Белобородов — это герой. Достоин самой высокой награды.

Мы согласились с Катаевым и представили командира моряков к награждению орденом Красного Знамени. Не уверен, получил ли этот отважный человек свою награду, потому что не знаю, жив ли он...

Держались мы на рубеже еще трое суток. Именно в эти дни в приказах немецко-фашистского командования появился пункт: «Моряков и шахтеров в плен не брать». Но в плен мы сдаваться не думали. Мы ждали единственного: чтобы набежали тучи и закрыли небо. А небо, как назло, было без единого облачка, и гитлеровская авиация безнаказанно бомбила наши боевые порядки, пробивая «эдельвейсам» дорогу к Черному морю. В один из дней мы насчитали до 700 самолето-вылетов на Гейман, Гунай...

...Отвлекусь от изложения боевых действий единственно для того, чтобы рассказать одну трагическую историю, навеянную воспоминаниями об армадах фашистских стервятников, пытавшихся, казалось, сровнять сами горы. История эта началась еще на Миусе в ноябре 1941 года, когда к командиру минометного батальона 691-го стрелкового полка старшему лейтенанту М. Н. Живлюку и к комиссару батальона старшему политруку А. И. Покатаеву пришли комсомольцы Пилипенко — брат и сестра. Кате было 19 лет, а Алексею и того меньше — 16. Просьба, известно, одна: возьмите воевать. Живлюк категорически отказал. Но Алексей Иванович Покатаев, добрая комиссарская душа, уговорил комбата принять обоих Пилипенко в батальон. Екатерину назначили телефонисткой во взвод

связи, Алексея — в минометный расчет. И брат, и сестра быстро вошли в семью минометчиков и вскоре уже слыли опытными бойцами. Недаром красноармейца Пилипенко месяца через два уже назначили наводчиком, а Катюшу перевели телефонисткой на коммутатор полка. Бывало, позвонишь ей, попросишь полкового командира, так она Ковалева, а потом Мельникова из-под земли достанет. Отлично работала.

И вот был у Живлюка в заместителях старший лейтенант Кишинский. Хороший командир и славный, видать, человек. Он полюбил Катю, а она его. Ну и приходят к нам с комиссаром перед новым, 1942 годом — разрешите пожениться... Такое дело: война, смерть, а у них любовь. Что тут скажешь! А ничего и не скажешь. Благословили их, словно отец с матерью, да пожелали самого большого счастья...

Алексей Пилипенко погиб вместе с расчетом в бою за хутор Розенталь, под Батайском. Минометчики вели огонь по пехоте до того последнего мгновения, когда на их огневую позицию ворвался фашистский танк. А Катюша с Кишинским дошли с полком до Кавказа. Она готовилась уже стать матерью, надо было отправлять ее в тыл, а хотушка все отмахивалась да посмеивалась.

«Он у меня солдат, — говорила о будущем ребенке, — ему ли бояться этих колбасников!» Так и не уехала никуда.

28 сентября Катя родила сына. А 29-го, когда случился особенно сильный авиационный удар по селению Маратуки, она погибла от осколка фашистской бомбы. Погибла тогда, когда кормила своего ребенка грудью...

Капитан Кишинский отвез сына в Туапсинский детский приемник и снова вернулся к себе в полк. Он сильно ожесточился и, как мне докладывали, сам лез под пули. Я вырвал во время передышки полчаса, чтобы поехать к нему и поговорить с ним по душам, по-мужски. Но к сожалению, опоздал. С тяжелой осколочной раной капитана уже эвакуировали в армейский госпиталь. Жив ли он? Не знаю. Откровенно говоря, не верю. Но вот что их с Катюшей Пилипенко сынишка где-то живет и здравствует — такое вполне возможно. Хотелось бы, чтобы и ему попались на глаза эти строки и чтобы они вызвали в душе его гордость за родителей. Они были настоящими людьми, и их большая любовь тоже освещала нам тернистый путь к победе...

Но вернемся к боям на гунайском направлении. Силы были слишком неравными. Гитлеровцам удалось захватить половину горы Гейман, потеснив оттуда батальон Катаева. Сам комбат погиб. Его заменил старший лейтенант Григорий Ковтун. Однако 2-й батальон, которым командовал старший лейтенант Николай Головко, еще держался на южных скатах высоты. И вот Головко звонит на наблюдательный пункт Руцинского, докладывает:

— У меня здесь сидит командир батальона, который получил от командарма задачу сбить немцев с Геймана. Что делать?

Руцинский смотрит на меня: что делать?

— Пусть сбивает, если приказано.

Сбили. «Чужой» батальон отбыл опять в резерв командующего армией.

На другой день нас сбросили с горы Гунай. А резервов почти нет, неатакованных участков тоже. На фронте обороны 694-го и 691-го стрелковых полков всюду разгораются такие же ожесточенные бои, как и на левом фланге дивизии.

И опять телефонный звонок на моем НП, и опять вдруг. На этот раз — линейный надсмотрщик с дивизионного узла связи.

— Докладываю со столба, товарищ генерал. Подо мной командир какого-то батальона, спрашивает дорогу на Гунай-гору.

Выясняется, что наш связист устранял разрыв телефонной линии и для этого залез на телеграфный столб. Тут и подошел батальон, который по приказу генерала Камкова должен был отобрать у противника гору Гунай. А дороги туда комбат не знал, стал выпрашивать. Красноармеец наш сообразил, что об этом надо доложить.

Меня от его сообщения даже покорило. Связи с командармом у нас опять не получается — то она есть, то нет. И вот бьем растопыренными пальцами. Ну, пойдет этот батальон в атаку. Ну, положит капитан людей. А дальше?

— Передайте командиру батальона, — приказываю телефонисту, — чтобы ждал меня рядом с вами. Выезжаю...

Комбат оказался упрямым: ничего не хочет слушать — давай ему атаку.

— Вы в конце-то концов намерены подчиниться?

Видать, в голосе у меня появилась какая-то особая интонация, упрямство капитана поутихло. Я вызвал из Гу-

ыйка 3-й батальон 696-го стрелкового полка, выдвинул батальона к высоте, на коротке провел рекогносцировку, и мы после артиллерийского налета атаковали противника. Атака прошла удачно, Гунай снова оказался в наших руках. К сожалению, ненадолго. 30 сентября после ожесточенных неравных боев мы потеряли и эту высоту, и гору Гейман.

28 сентября противник силами 46-й пехотной дивизии и моторизованной дивизии СС «Викинг» после массивной авиационной подготовки и короткого, но мощного артналета нанес новый удар в полосе обороны нашего соединения — на участке Красное Кладбище, хутор Червякова. Батальон 691-го стрелкового полка стойко выдержал этот удар и отбил атаку гитлеровцев.

Но, как мы уже знаем, наступление немецко-фашистских войск имело самые решительные цели, и автоматчики 46-й пехотной дивизии не прекращали атак, которые неизменно поддерживались большими силами авиации, артиллерии и минометов. Чтобы читатель имел представление об артиллерийско-минометных средствах 46-й пехотной дивизии врага, назову конкретные данные. В дивизии, согласно ее организации¹, насчитывалось: легких и средних минометов (калибра более 81 мм) — 138, 75-миллиметровых пехотных орудий — 20, 150-миллиметровых пехотных орудий — 6, 105-миллиметровых полевых гаубиц — 36, противотанковых орудий разных калибров — 75. На вооружении пехотных подразделений также состояло 333 ручных и 110 тяжелых пулеметов. Все пехотинцы были вооружены автоматами. Несмотря на отсутствие у нас танков и другой бронированной техники, нельзя сбрасывать со счетов эффективное использование противником своих многочисленных противотанковых орудий. Легкие, а потому в горах сравнительно мобильные, они поднимались гитлеровцами на высоты и оттуда вели огонь осколочными гранатами по амбразурам наших дзотов, по огневым точкам.

Подразделения 694-го и 691-го стрелковых полков мужественно держали свои рубежи, перемалывая живую силу врага. Но и сами несли при этом немалые потери. В 1-м батальоне 691-го полка погибли комиссар батальона политрук Ф. Д. Войтюк, командиры 2-й и минометной рот.

---

¹ См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Пер. с нем. М., 1968, т. II, с. 178—181.

Во 2-й стрелковой роте, которая оборонялась на главном направлении наступления 72-го пехотного полка противника в районе хутора Червякова, в боевом строю осталось всего 18 бойцов. Замолк последний станковый пулемет. К нему бросился начальник штаба батальона старший лейтенант А. М. Пивень.

— Ладьте покуда «максимку», товарищ старший лейтенант, а я прикрою вас «карманной артиллерией», — сказал раненный в руку пожилой усатый боец из шахтеров и выполз из дзота. Он пристроился за корневищем могучего дуба, поваленного взрывом бомбы, не торопясь достал из вещмешка, как картошку, семь лимонок и, вырывая зубами чеки, стал деловито бросать гранаты по наступающему врагу. А тут и заговорил станковый пулемет старшего лейтенанта Пивня.

Гитлеровцы были вынуждены вновь откатиться к подножию высоты.

Но 29 сентября сильно поредевший 1-й батальон 691-го стрелкового полка не смог уже выдержать натиска превосходящих сил врага и отошел на высоту с отметкой 567,6, что в полутора километрах северо-западнее селения Маратуки. Создалась угроза флангового удара гитлеровцев по боевым порядкам 1-го батальона 694-го стрелкового полка, державшего горную дорогу от Красного Кладбища к Перевальному. Я приказал Кипиани, чтобы он, прикрывшись заслоном, быстро отвел батальон непосредственно к Котловине и занял оборону на высотах в двух километрах северо-западнее этого селения...

Тогда, в конце сентября 1942 года, я не задавался вопросом: а есть ли у командующего 18-й армией какие-либо более существенные возможности для усиления 383-й стрелковой дивизии? Что ее требовалось усилить хотя бы одной стрелковой бригадой — это было ясно еще до начала наступления на туапсинском направлении. Но коль командарм вынужден «затыкать дыры» то одним, то другим батальоном, оказавшимся у него под рукой, ждать иной помощи не приходилось.

Однако после войны удалось прочитать, что еще 29 сентября Ставка Верховного Главнокомандования указывала командующему войсками Закавказского фронта, в частности, следующее:

«1. Вместо глубоко эшелонированной сильной обороны части 18-й армии оказались разбросанными и, несмотря на общее превосходство в силах, на каждом отдельном на-

в управлении оказывались слабее наступающего противника.

...3. Не пытались восстановить положение в первые же дни, сосредоточив необходимые силы и перейдя в решительную контратаку, а усиливали обороняющиеся части небольшими силами, что давало возможность противнику бить их по частям»¹.

Это была весьма точная оценка.

Ставка требовала перейти к активным действиям и восстановить положение, чтобы ни в коем случае не пропустить врага в Туапсе. Восстанавливать положение в центре оперативного построения 18-й армии предполагалось и планировалось силами 328-й и 383-й стрелковой дивизий, 40-й мотострелковой бригады и 12-й гвардейской кавалерийской дивизии. Эта группировка должна была уничтожить противника в районе Сосновки, горы Гейман. Наступление назначили на 2 октября. А 1 октября немецко-фашистские войска нанесли по нашей дивизии мощный упреждающий удар превосходящими силами. Мы полтора суток сдерживали непрерывные атаки альпийских стрелков и все-таки 3 октября вынуждены были сдать Котловину и Гунайку.

Хуже того, противник расчленил нашу оборону и отрезал 691-й стрелковый полк, который продолжал удерживать Маратуки и гору Оплепен, от двух других стрелковых полков дивизии.

Через два дня, 5 октября, 46-я пехотная дивизия, усиленная батальоном альпийских стрелков из дивизионной группы генерал-лейтенанта Ланца, ринулась на штурм высоты с отметкой 1010 (Оплепен), которую оборонял 2-й стрелковый батальон под командованием капитана П. П. Славкина. В этом бою бойцы, командиры и политработники батальона вновь показали образцы мужества и отваги. Тяжело были ранены комбат и его заместитель, убит начальник штаба батальона. Командование принял на себя командир взвода связи лейтенант Г. В. Ткачев.

Это был сорокавосемилетний и потому, что называется, повидавший уже жизнь человек. Он воевал еще на фронтах 1-й империалистической и гражданской войн. Потом, недолго послужив в органах НКВД, вышел в запас. В октябре 1941 года, когда гитлеровская орда подкатилась к Ростову, Г. В. Ткачев добровольцем вступил в полк народ-

¹ ЦАМО, ф. 1704, оп. 1, д. 30, л. 10.

ного ополчения и, как рядовой боец, дрался с ненавистным врагом на подступах к родному городу. В августе 1942 года он пришел в нашу дивизию.

И вот этот коммунист возглавлял оборону до тех пор, пока туда не прибыли командир полка майор Д. И. Мельников и комиссар 691-го полка батальонный комиссар В. А. Прокопович, сменивший в конце сентября М. В. Кольцова. За день батальон отбил восемь атак, нанеся фашистам большие потери. Но многие защитники высоты тоже выбыли из строя, и девятой атакой гитлеровцы, создав четырехкратное превосходство в живой силе, захватили гору. В этот же день 691-й стрелковый полк сдал селение Маратуки. 46-я пехотная дивизия пробилась к долине реки Пшеха южнее хутора Кушико.

7 октября полк майора Д. И. Мельникова вошел в непосредственное подчинение заместителю командующего 18-й армией генерал-майору В. А. Гайдукову, который возглавил группу войск в составе 31-й стрелковой дивизии, 11-й гвардейской кавалерийской дивизии и 691-го стрелкового полка. Эта группа имела задачу восстановить положение в районе Маратуки и горы Оплепен, а затем нанести удар в направлении Красного Кладбища.

Группе генерала Гайдукова удалось лишь частично выполнить поставленную перед ней задачу: 691-й стрелковый полк 383-й стрелковой дивизии и 75-й стрелковый полк 31-й стрелковой дивизии при поддержке артдивизиона 11-й гвардейской кавдивизии генерал-майора С. И. Горшкова после двухдневных боев овладели высотой с отметкой 1010 (Оплепен). Прежде чем наши подразделения закрепились на высоте окончательно, она несколько раз переходила из рук в руки. Командир 31-й стрелковой дивизии полковник Г. И. Серов, в оперативном подчинении которого находился 691-й стрелковый полк, попытался всю вину за неудачи свалить на Мельникова и отстранить его от командования полком. Мы с М. С. Корпяком, узнав об этом, решительно вмешались и не допустили несправедливой санкции в отношении человека, которого знали лучше, чем кто-либо другой.

Драматичными были и боевые события на котловинском направлении. Командующему 18-й армией все-таки удалось создать кулак из двух стрелковых, одной кавалерийской дивизий и двух стрелковых бригад, которым он ударил по гунайской и сосновской группировкам противника. Но поспешная организация боя не позволила добиться ка-

кого-либо успеха. Мы контратаковали, но сбить гитлеровцев так и не смогли.

Здесь будет кстати привести один документ, который, по-моему, убедительно подтверждает, что бесплодность наших попыток обратить врага вспять — отнюдь не вина тех, кто шел и погибал непосредственно в стрелковой цепи, в боевых порядках рот, батальонов и полков. Речь идет о допесении полковника Морозова и старшего батальонного комиссара Спиридонова начальнику политуправления Черноморской группы войск Закавказского фронта бригадному комиссару С. И. Емельянову. Как раз в эти тяжелые дни в 383-й стрелковой дивизии работала комиссия политуправления Черноморской группы, возглавляемая Морозовым и Спиридоновым.

Чтобы представить, как работала эта комиссия, достаточно сказать, что члены ее пошли в подразделения и участвовали вместе с ними в боевых действиях. Например, 1-й батальон 694-го стрелкового полка в боях с 3 по 6 октября уничтожил до двух рот гитлеровской пехоты, о чем свидетельствовал представитель политуправления Черноморской группы войск старший лейтенант Подкидыш. Он видел все это собственными глазами, потому что сам находился в боевых порядках батальона. Другой член комиссии с первого дня командировки находился в 1-м батальоне 696-го стрелкового полка. Он докладывал, что противник несколько раз пытался атаковать батальон, но успеха не имел. Третий представитель политуправления старший лейтенант Коровин несколько раз лично водил одну из рот в атаку.

Теперь позволю, не убавив и не прибавив ни буквы, процитировать вывод комиссии и ее пожелания: «Бойцы, командиры, политработники 383 сд мужественно и стойко дерутся с озверелым врагом, поставившим своей задачей прорвать нашу оборону на участке 18-й армии. Дивизия в течение нескольких дней отражает натиск превосходящего врага и, будучи малочисленной и крепко физически измотанной в боях, упорно отстаивает каждый метр советской земли. Несмотря на усталость, политико-моральное состояние дивизии крепкое и здоровое. Это подтверждается глубоким пониманием и практическим выполнением приказа НКО т. Сталина № 227.

Наши пожелания:

1. За упорство, стойкость, мужество бойцов, командиров и политработников в боях с немецкими оккупантами

дивизия заслуживает выдвижения ее в гвардейские дивизии и вручения гвардейского Знамени.

2. Необходимо пополнить дивизию людским составом, как рядовым, так и комсоставом, а также пополнить боевой техникой и вооружением»¹.

Итак, 9 октября на фронте 18-й армии наступила оперативная пауза. Обе стороны готовились к продолжению борьбы. И противник, и наше командование проводили перегруппировку сил. В частности, перейдя к обороне на маратукском направлении, гитлеровцы высвободили часть сил для усиления своей группировки под Гунайкой. Сюда же переместилось несколько специальных высокогорных батальонов, снятых с клухорского направления. В свою очередь командующий 18-й армией выдвинул в район Котловины 40-ю мотострелковую бригаду, которая и сменила нас здесь. Фронт обороны 383-й стрелковой дивизии теперь проходил по высотам, расположенным между Гойтхом, Гунайкой и Котловиной. Слева нашим соседом была 12-я гвардейская кавалерийская дивизия, прикрывшая с востока участок дороги на Туапсе между Шаумяном и Гойтхским перевалом.

Передышка кончилась 14 октября. Утром этого дня парторг батареи Александр Борисович Бороздин писал письмо. Вот это:

«...Ты извини меня, Тоня, что я мало говорю о наших чувствах. Никогда и нигде я не забываю о тебе и детях. Твоей фотокарточке очень рад, моя дорогая жена. С твоим образом, Тонечка, я иду в бой, ты вместе со мной.

Я всегда вспоминаю нашу счастливую жизнь, как мы вместе своим трудом ее строили... Жизнь, которую дал нам Октябрь. Для меня в этом слове — все. Да только ли для меня?! В минуты самой страшной опасности люди как-то по-новому понимают, что они защищают. Мы не часто говорим об этом. Но когда в такие дни, как эти, подходит солдат и говорит мне, парторгу батареи, что хочет вступить в партию, понимаешь, еще крепче веришь, что мы выстоим, обязательно выстоим.

Кажется, новая атака. До свидания. Целую тебя, Тонечка, и дочурок!»²

¹ ЦАМО, ф. 1704, оп. 1, д. 30, л. 10.

² Андрианов Виктор. Повесть о шахтерских полках. Донецк, 1975, с. 153—154.

«Кажется, новая атака...» Противник обрушил на оборонительные позиции 383-й стрелковой дивизии тысячи авиационных бомб, артиллерийских снарядов и мин. Взрывы потрясали высоты, на которых оборонялись полки. Грохот канонады, усиленный горным эхом, заглушал даже рев десятков вражеских самолетов, беспрерывно бомбивших наши боевые порядки...

14 октября гитлеровцы одновременно нанесли два удара на сходящихся в районе поселка Шаумян направлениях — с рубежа Гунайка, гора Гейман и из района восточнее Фанагорийского. Планами немецко-фашистского командования предусматривалось окружение сил 18-й армии, оборонявшихся между станцией Куринская и селением Котловина, выход моторизованных и горнострелковых соединений противника на магистраль Шаумян — Туапсе и стремительный рывок по этой дороге к побережью Черного моря.

694-й и 696-й стрелковые полки вместе с 966-м артполком, 28-м отдельным противотанковым дивизионом и 575-м отдельным минометным батальоном отбили за день семь гитлеровских атак, но не сдали своих позиций. Противника отбрасывали с большими для него потерями, а он все лез, словно саранча, и казалось, что фашистам нет числа. То здесь, то там наши бойцы поднимались в контратаки, и гитлеровцы, не выдержав натиска, бежали по склонам высот, хоронясь на бегу за вековыми деревьями и мшистыми камнями.

Но и 383-я стрелковая дивизия несла ощутимые потери в личном составе и вооружении, главным образом — от авиационных и артиллерийско-минометных налетов. На новом рубеже обороны мы не успели в достаточной мере оборудовать ее в инженерном отношении. Авиабомбы, снаряды и мины врага, взрываясь, выводили из строя много бойцов и командиров. Во время одного из налетов погиб мой заместитель полковник В. А. Следов. Он был у нас всего дня три-четыре (приехал после введения в штат должности замкомдива), и мы не успели хорошо узнать его. Но, судя по тому, как полковник вел себя в первом бою, он — храбрый и инициативный командир...

Ожесточенность боя несколько упала к полудню 15 октября. Видно, наметился успех противника на шаумянском направлении, и он бросил туда, вдоль реки Пшип, все свои силы. К вечеру на моем наблюдательном пункте появился командир прибывшей с советско-турецкой грани-

цы 408-й стрелковой дивизии полковник П. Н. Кицук и передал приказание командующего Черноморской группой войск сдать ему, Кицуку, обороняемый нами участок. 383-я стрелковая дивизия выводилась во второй эшелон армии.

Но уже в ходе смены подоспело с нарочным новое боевое распоряжение от генерал-майора А. Г. Ермолаева, начальника штаба 18-й армии. К исходу 15 октября противнику удалось выйти к южной окраине Шаумяна и к железнодорожному мосту у Островской Щели. Чтобы усилить оборону Туапсинского шоссе у железной дороги, командующий Черноморской группой войск генерал-майор И. Е. Петров (11 октября он сменил генерал-полковника Я. Т. Черевиченко) приказал выдвинуть на Гойтхский перевал нашу дивизию.

Марш продолжался всю ночь. К утру 16 октября 694-й полк, шедший в голове колонны, приблизился к перевалу. Там уже шел бой: несколько малочисленных стрелковых подразделений без артиллерии и минометов отражали натиск передового отряда 97-й легкопехотной дивизии врага. Я приказал майору Кициани, не дожидаясь подхода 696-го полка, при поддержке двух артдивизионов контратаковать противника во фланг и, отбросив его от перевала, прочно оседлать Туапсинское шоссе.

694-й стрелковый полк после короткого артналета по наступающим немецким егерям двинулся в контратаку. Гитлеровцы пытались с места отразить ее огнем из автоматического стрелкового оружия и легких пехотных орудий. Но подразделения полка быстро сблизились с врагом и забросали его гранатами. Не выдержав удара, противник отошел в направлении поселка Шаумян. А вскоре прибыл и 696-й стрелковый полк. Гойтхский перевал был надежно прикрыт 383-й стрелковой дивизией. К сожалению, в этот день мы потеряли одного из лучших командиров соединения. При контратаке погиб Шалва Иванович Кициани, возглавлявший 694-й стрелковый полк.

Кициани знала вся дивизия. И не только те, кто пришел к нам в период формирования, но и те, кто встал под Знамя соединения гораздо позже — на Миусе, Дону и Кубани. Ведь Шалва Иванович был у нас первым человеком, получившим орден. Подчиненные всегда верили в него, а это большое дело, когда люди верят в командира. Личный состав тогда идет в бой без оглядки, у него прибавляется сил и смекалки.

И подписал в тот день приказ, в котором, в частности, говорилось: «Фашистские пираты вырвали из наших рядов лучшего командира полка — майора-орденоносца товарища Кипиани, не знавшего страха и поражений. Бойцы, командиры и политработники, не раз ходившие за ним в атаку на врага, никогда его не забудут... Поклянемся праху своих бессмертных героев, чья кровь обогрела наши Боевые Знамена, что мы с честью пронесем их незапятнанными в бою».

Тело Шалвы Ивановича Кипиани похоронили в тылу боевых порядков дивизии — на небольшой высотке к востоку от железной дороги. Командование 694-м стрелковым полком принял майор М. В. Бондаренко.

Между тем боевая обстановка на туапсинском направлении становилась все напряженнее. Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая особую роль Черноморской группы войск в обороне Кавказа, приняла ряд мер для усиления группировки наших войск северо-восточнее Туапсе. На Черноморском побережье создавались сильные резервы. Из Северной группы войск в состав 18-й армии перебрасывались 8-я, 9-я гвардейские и 10-я стрелковые бригады. Ставка также предписывала передислоцировать на туапсинское направление 63-ю кавалерийскую дивизию из состава 46-й армии, а 83-ю горнострелковую дивизию под командованием полковника А. А. Лучинского, прибывшую из Ирана, передать в распоряжение командующего Черноморской группой войск. Командующему Закавказским фронтом разрешалось доукомплектовать шесть стрелковых дивизий¹.

Последнее прямо касалось и нашего соединения. На протяжении трех месяцев, непрерывно ведя ожесточенные бои с превосходящими силами противника, оно имело значительные потери в личном составе и требовало пополнения в первую очередь. Видимо, командование и политуправление Черноморской группы войск взяло на заметку доклад полковника Морозова и старшего батальонного комиссара Спиридонова: как только появилась возможность, а это случилось в ночь на 18 октября, нас вывели в тыл для доукомплектования. 383-ю стрелковую ди-

¹ ЦАМО, ф. 209, оп. 1060, д. 7, л. 210—211.

на Гойтхском перевале сменила в обороне 107-я
ст. бригада.

В Георгиевском, куда наше соединение пришло к утру 19 октября, нас ожидала радостная весть: из Туапсе на пополнение 383-й стрелковой двигалась колонна из 700... шахтеров Донбасса! Как же мы тогда обрадовались! И как благодарили офицеров штаба Черноморской группы за внимание к нам! Ведь догадались же, что шахтерские маршевые роты нужно отдать не кому-нибудь, а именно в шахтерскую дивизию. Мы с М. С. Корпяком немедленно выехали навстречу этой колонне...

Встреча с повивками была теплой, радостной. Ветераны наши (а их к тому времени оставалось еще не так мало) находили земляков и, как правило, добивались у командования полков и дивизии, чтобы того или иного молодого бойца-шахтера назначили в одно отделение. Мы, разумеется, только приветствовали это.

Командиры и политработники постарались организовать и работу, направленную на воспитание прибывшего личного состава в духе боевых шахтерских традиций. Вспоминали первые бои на подступах к Сталино, Миус-реку, рассказывали о подвигах горняков, устраивали встречи с людьми, которые с честью прошли весь тернистый путь до Туапсе.

Короче говоря, пополнение очень быстро освоилось в подразделениях полков и уверенно вошло в боевой строй. Мы рассчитывали, что точно так же удастся принять и остальные маршевые роты, в которые должно было прийти еще около 1500 бойцов, командиров и политработников... Однако противник вновь опрокинул все наши расчеты. А случилось вот что.

21 октября немецко-фашистские войска, собравшись в кулак, повели наступление в направлении на Гойтх, Георгиевское. Одновременно из района Островская Щель, балка Холодная вдоль реки Пшиш ударили 1-я горнострелковая и 97-я егерская дивизии. И оба удара принялись по 408-й стрелковой дивизии: один с фронта, а другой по левому флангу. Хотя 408-я и была хорошо укомплектована, но она совершенно не имела боевого опыта. К тому же тылы полков этого соединения находились на значительном удалении от передовой, что отрицательно сказалось на снабжении подразделений боеприпасами.

Противнику удалось в первый же день нового наступления расчленить боевые порядки 408-й стрелковой дивизи-

нии и захватить Гойтх. А еще через день, 23 октября, гит-
леровцы соединения, преодолев сопротивление 40-й мо-
стельской бригады, уже вышли к горам Семашко и Два
Брата. В этот момент на командный пункт 383-й стрелко-
вой дивизии в Георгиевском и приехал командующий 18-й
армией генерал-майор А. А. Гречко (он 19 октября сме-
нил генерал-лейтенанта Ф. В. Камкова).

Лично мы встретились впервые, но Андрей Антонович
заговорил со мной как со старым знакомым:

— Поднимай, Провалыч, дивизию. И побыстрее...—
Гречко, в нескольких словах введя меня в сложившуюся
обстановку, приказал немедленно закрепиться на высотах
с отметками 919,6 (Два Брата), 1103,1 и 960,0.— Закре-
пись, Провалыч, а завтра с утра контратакуй в направле-
нии хутора Пелика. Вместе с десятой стрелковой брига-
дой. Она будет наступать на Перевальный...

Перед рекой Пшенохой 383-я стрелковая развернулась
в предбоевой порядок и, не задерживаясь, вброд преодо-
лела эту речушку. Дивизионная артиллерия и 575-й от-
дельный минометный батальон заняли огневые позиции
на высотах по северному берегу Пшенохи. Батареи бы-
стро пристрелялись и по команде с моего НП произвели
короткий налет на высоты Два Брата, 1103,1 и 960,0.
Стрелковые батальоны поднялись в атаку.

А ситуация тут сложилась вот такая. Три лесистые
высоты, которые мы стремились занять, соединялись меж-
ду собой мощными отрогами и формировали довольно
длинную грядку, которая господствовала над всей мест-
ностью. Кто владеет этой грядой, тот, как говорится, и
пан.

Мы и гитлеровцы выскочили на нее почти одновре-
менно. Они, может, десятью минутами раньше. Бой сразу
же перешел в ближний огневой, а затем и в рукопашный.
Он длился около шести часов. С высот скатывались то
противник, то наши полки. Несколько раз гряда перехо-
дила из рук в руки. Не успеешь как следует закрепиться
— новая контратака. Фашистские горные егеря дра-
лись остервенело. Но наши бойцы, командиры и полит-
работники противопоставили этому остервенению все свое
мужество, всю свою отвагу. И что особо отметить
особо — с самой лучшей стороны показали себя не только
ветераны, но и шахтеры, прибывшие на пополнение диви-
зии. К примеру, красноармеец 7-й роты 694-го стрелко-
вого полка Кирилл Чмиль действовал в этом редком по

ожесточению бою как опытный боец. Израсходовав боезапас, он лицом к лицу столкнулся с рослым фашистом. Не успел тот и сообразить что-либо, как Чмиль оглушил его прикладом, выхватил у немца автомат и продолжал вести схватку трофейным оружием.

Или санитарка из 696-го стрелкового полка Татьяна Шатоха. Когда в одной из ложинок произошла заминка (погиб командир взвода младший лейтенант Хозяев), девушка подняла бойцов и первой бросилась на фашистов. Она лично уничтожила двух автоматчиков противника...

К вечеру мы все-таки захватили высоты окончательно.

Еще засветло мы успели провести рекогносцировку прямо с моего наблюдательного пункта, расположенного за боевыми порядками 1-го батальона 694-го стрелкового полка, на высоте 1103,1. С нее хорошо просматривалась вся местность, лежащая к северу и к северо-востоку от этой вершины. Стало ясно, что основными узлами сопротивления противника будут высота с отметкой 879,0 на левом фланге и с отметкой 384,0 — на правом. Неожиданно пришла мысль вновь использовать подвижные истребительные отряды. Пусть проберутся ночью через передовую линию гитлеровских частей и походят по их тыловым коммуникациям. Наверняка нарушится связь, подброска, снабжение боеприпасами и пищей. Да, так и сделаем!..

В ночь на 24 октября в тыл противника ушли два истребительных отряда: от 694-го стрелкового полка — 47 человек во главе с командиром роты лейтенантом Александром Яковлевым и от 966-го артиллерийского полка — 29 человек, ведомые командиром батареи старшим лейтенантом Соколовым. Задача обеим группам была поставлена следующая: не обнаруживая себя, проникнуть как можно глубже в тыл противника, а затем, двигаясь навстречу своей дивизии, уничтожать живую силу противника, разрушать коммуникации, склады и другие тыловые объекты.

— В общем, побольше там шуму, — сказал я на прощание обоим командирам.

— Это дело знакомое, товарищ генерал, — ответил Соколов. — Можете не сомневаться...

Отряд 966-го артполка прошел незамеченным. О его боевых действиях мы узнаем лишь через несколько дней. А вот рота Яковлева обнаружила себя. Когда она с запада по ручью обходила высоту с отметкой 384,0, гитлеров-

цы бросили осветительную ракету и обнаружили наших смельчаков. С моего НП было видно, как высота оцети-пилась трассами автоматных и пулеметных очередей... Однако, как выяснилось из доклада связного, прибывшего перед рассветом, лейтенант Яковлев не растерялся. Он быстро вывел своих людей в «мертвую зону», еще немно-го обошел высоту и, когда противник успокоился, дерз-ким броском выскочил по северному склону на вершину. Умело применив в ближнем бою автоматы и ручные гра-наты, истребители уничтожили около трех десятков фа-шистов и захватили два тяжелых пулемета. Противник был вынужден оставить высоту. А Яковлев организовал на ней круговую оборону. Это было как нельзя кстати!

Утром немцы опередили нас в атаке. После короткого артналета (из-за низкой облачности авиация противни-ка на этот раз не могла поддерживать боевые действия своей пехоты) горные егеря атаковали нас на всем фрон-те. Сначала противник ударил по правофланговому 2-му батальону 696-го стрелкового полка, оборонявшему юго-восточные скаты высоты с отметкой 960,0. Гитлеровцы били в стык 383-й стрелковой дивизии и 10-й стрелковой бригады, намереваясь, видно, выйти нам в тыл, а затем развить успех в направлении Анастасиевка и Георгиев-ское.

Но стык этот надежно прикрывался участками сосре-доточенного огня, подготовленного ротой 120-миллимет-ровых минометов 575-го отдельного минометного баталь-она, которой командовал капитан Кравченко. Как только гитлеровцы приблизились к подошве высоты с отмет-кой 960,0, наши минометчики открыли огонь и удачно на-крыли одну из пехотных рот врага. Противник броском попытался выйти из-под минометного обстрела. Это удалось. Однако тут, с высоты, заговорили пулеметы ка-питана Толстуна, командира пулеметной роты 2-го ба-тальона 696-го стрелкового полка. Наученный боями на горе Гейман, комбат старший лейтенант Головки так по-строил систему огня, что расчеты станковых пулеметов простреливали все подходы к вершине. К тому же необ-ходимо вспомнить, что в тылу противника находилась та-кая «болячка», как высота с отметкой 384,0, занятая истребительным отрядом лейтенанта Яковлева. Гитлеровцы

пытались взять и ее, но и там успеха у них не было. В этот день они больше не наступали.

Но на следующее утро, 25 октября, противник начал атаковать. Главный удар он нанес по 694-му стрелковому полку — между 3-м и 2-м батальонами, то есть по распадку между горой Два Брата и высотой с отметкой 1103,1. В самой теснине его встретили всей мощью минометного и пулеметного огня. Были применены «катюши».

Два часа продолжался бой. И вот наступил момент, когда враг начал откатываться по всему фронту оборонительной дивизии на исходный рубеж. Я подал сигнал для контратаки. Задача заключалась в том, чтобы на плечах противника ворваться на следующие выгодные для обороны позиции и закрепиться на них.

К исходу 29 октября 383-я стрелковая дивизия вышла на рубеж юго-восточные скаты высоты с отметкой 879,0, юго-западная окраина селения Перевальный. Наиболее заметный успех выпал на долю 1-го и 2-го батальонов 696-го стрелкового полка. Они почти вышли к реке Пшиш. Омрачилось это событие сообщением о гибели старшего лейтенанта Николая Головки. Каждого жалко, на войне ведь смерть ходит рядом. Но этот комбат очень уж был молод — по-моему, у него даже и девушки еще не водилось, и вот — погиб...

Почему же не сумели выйти к реке батальоны 694-го стрелкового полка?

Как мы и ожидали, высота с отметкой 879,0 оказалась сильно укрепленным опорным пунктом противника, и теперь она сковала полк Бондаренко. Надо было как-то высвободить его. Пришло решение сменить 3-й батальон учебным батальоном дивизии, находившимся у меня в резерве. Со мной на наблюдательном пункте находился начальник оперативного отделения штаба майор Алексей Самсонович Кобанец. Человек он у нас был новый, однако уже успел проявить и храбрость, и жевать, что от него требуется, и все в точности выполнять.

И действительно, Алексей Самсонович тотчас ухватил идею: учебным батальоном навязать противнику такой бой, чтобы надежно изолировать его на этой высоте. Забегая вперед, могу сказать, что майор Кобанец успешно выполнил поставленную перед ним задачу.

В ночь на 30 октября произошло еще одно событие, о котором не имею права умолчать. Из тыла врага вернул-

и подвижный истребительный отряд старшего лейтенанта Соколова. Это подразделение добралось до самого Нефтегорска, уничтожив при этом около 100 гитлеровцев, 11 подвод с военным имуществом, один продовольственный склад. Но в отряде все-таки была потеря — погиб красноармеец Степан Васильевич Суворов, ездовой 4-й батареи 966-го артополка.

Голубоглазому веселому парню из деревни Лисечки, что в Духовском районе Ивановской области, от роду было 22 года. В армию его призвали в первый же день войны, а в нашу дивизию он пришел на Миусе. Товарищи немедленно окрестили его «фельдмаршалом». Как же, Суворов, да еще и Васильевич!

Когда потребовались добровольцы в истребительный отряд, красноармеец Суворов одним из первых вышел из строя на три шага. В руках у него был ручной пулемет, с которым ездовой никогда не расставался.

25 октября истребители Соколова устроили засаду на дороге в районе Нефтегорска. На участке нашей дивизии шло решительное наступление врага, и он подтягивал к передовой свежие силы. Один из батальонов немецких горных стрелков как раз и вышел на засаду артиллеристов. Отходить было поздно, отсидеться незамеченными — к этому люди наши не приучены, и горстка храбрецов приняла бой с пятью сотнями «эдельвейсов».

Слишком неравными были силы. Старший лейтенант Соколов принял решение постепенно отойти к небольшой горной речушке и затем по ней — в расположение дивизии. Но для этого нужно было оставить заслон. Хотя бы человека три. Кто останется?

— Зачем тут трое? — спросил Суворов. — Со своим «дегтярем» я и один управлюсь...

Стрельба нашего пулемета и немецких автоматов слышалась минут сорок. А потом все смолкло. Соколов, приказав своему отряду замаскироваться в густом лесу, с одним из бойцов все-таки вернулся к месту жаркой схватки. Степан Суворов был мертв. Изрешеченный пулями, он лежал ничком, раскинув руки, будто обнимал всю землю, родную и единственную.

По представлению командования 966-го артополка и 383-й стрелковой дивизии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 года красноармейцу Степану Васильевичу Суворову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. 25 октября 1969 года

прах того сына нашей Отчизны был перенесен и перезахоронен в Пестегорске. Там сейчас поставлен и памятник.

После того как обходящий отряд майора Кобанца скопал противника на высоте с отметкой 879,0, успех дивизии был обеспечен дерзкими действиями 1-го батальона 69-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Петра Савельевича Головатюка. Об этом подразделении следует рассказать подробнее.

Батальон Головатюка, действовавший на правом фланге 69-го стрелкового полка, у высоты с отметкой 879,0 не задерживался и, преследуя врага, выскочил далеко вперед.

30 октября он при поддержке артиллерии и минометов, которые по целому указанию комбата вели огонь с прежних огневых позиций, атаковал противника на безымянной лесистой высоте и несколько потеснил его. Однако гитлеровцы перешли в контратаку и вынудили батальон занять оборону. Завязалась огневая бой.

Вечером этого же дня комбат принимает решение обойти высоту и нанести 1-й и 2-й стрелковыми ротами удар по противнику на северных скатах безымянной высоты. 3-я рота под командованием лейтенанта В. К. Иванюка должна была связать противника боем с фронта.

3-я стрелковая начала атаку. В первые же минуты погибли командир роты и политрук. Командование принял на себя младший лейтенант П. В. Колесник. Он подзвал к себе старшего сержанта В. Я. Гочнашвили и еще двух бойцов и приказал им уничтожить вражеские пулеметные точки, которые вели непрерывный огонь, не давая бойцам роты поднять головы. Гочнашвили с помощниками набрали побольше ручных гранат и поползли вверх по склону. Один из бойцов был убит, второй получил ранение, и старшему сержанту пришлось выполнять приказ одному. Он подошел к высоте в тридцать метров на семь, поднялся, бросил гранату и побежал вдоль линии неприятельской обороны. Гочнашвили бежал, швыряя гранаты направо и налево, падал, вскакивал, снова разил врага гранатами, словно сам был захвачен в плен. А в это время 1-я и 2-я роты батальона во главе с лейтенантом Головатюком, воспользовавшись наступлением 3-й роты и обойдя высоту с двух сторон, беспрестанно вели огонь по

северным ее скатам. Запяв вершину и рассредоточившись, бойцы пустили в ход ножи и штыки. Стрельбы почти не было. Отдельные выстрелы и автоматные очереди заглушались трескотней огневого боя, который с фронта вела 3-я стрелковая рота...

Через полчаса опорный пункт противника на безымянной высоте прекратил свое существование.

На рассвете гитлеровцы фланговым ударом попытались опрокинуть батальон Головатюка, но командир 694-го стрелкового полка майор Бондаренко ввел в бой свои высвободившиеся уже две резервные роты под командованием младшего лейтенанта Н. Н. Ильичева и лейтенанта А. С. Маркина. Эти подразделения контратаковали наступающего противника тоже во фланг и при поддержке артдивизиона, которым командовал майор В. Я. Шаргин, обратили врага вспять. Тут же поднялся и батальон Головатюка. Преодолевая горные кручи, бойцы с гранатами в руках, ведя огонь на ходу, бросились на врага. К исходу 31 октября 694-й стрелковый полк так же, как и 696-й, вышел на рубеж реки Пшиш.

Гитлеровцы превратили северный берег реки на участке Перевальный, Гойтх в мощный узел сопротивления с развитой системой оборонительных сооружений, ходов сообщения. Захватить плацдарм представлялось для нас весьма сложной задачей.

И вновь с инициативой выступил старший лейтенант Головатюк. Проведя тщательную разведку и взвесив все свои возможности, Петр Савельевич обратился к командиру полка с предложением обойти батальоном вражеские опорные пункты по северному берегу реки и опять нанести удар с тыла. Бондаренко доложил об этом предложении мне, и я поехал на НП 694-го стрелкового полка. Мы обсудили каждую мелочь в этом дерзком предприятии и пришли к единому мнению: риск оправдан. Я утвердил предложенный комбатом план.

Батальон перешел Пшиш и углубился в оборону врага незамеченным. Затем он повернул снова к реке. Используя темноту, приданные Головатюку саперы развели проходы в минных полях, проделали их в проволочных заграждениях и лесных заминированных завалах. Это была нелегкая работа, требовавшая и споровки, и мужества. И когда ее закончили, на укрепления гитлеровцев

устремилась героин Головатюка. Впереди коммунисты, политработники, такие, как В. С. Назаров, А. В. Трофимов, Я. В. Жувак. Они показывали пример священной ненависти к постылому врагу. И, следуя этому примеру, бойцы бесстрашно разили гитлеровцев. После часового боя плацдарм был захвачен.

Обозначившийся успех 1-го батальона 694-го стрелкового полка позволил и всем остальным батальонам дивизии форсировать Пшиш, перерезать дорогу Перевальный — Гойтх и начать штурм укреплений врага по северному берегу. К полудню 1 ноября задача, поставленная 383-й стрелковой дивизии командармом А. А. Гречко, была выполнена: мы взяли и Перевальный и хутор Пелика. За десять дней боев наше соединение уничтожило более 2000 солдат и офицеров противника, около 40 лошадей с вьюками, 20 минометов, 40 тяжелых пулеметов. 7 гитлеровцев захвачены нами в плен. Нашими трофеями стали 150 винтовок, 50 автоматов, 12 пулеметов, 8 минометов, 2 орудия, 5 автомашин, 4 радиостанции, 2 батальонных штабдарта, ценные документы двух батальонных штабов. Только один батальон под командованием П. С. Головатюка уничтожил более 300 гитлеровцев.

Река Пшиш... Да и не река — речка, речушка. Что она, казалось бы, в масштабах всей войны! Но у нас, ветеранов 383-й стрелковой дивизии, с этим рубежом связано очень многое. Пшиш стал для дивизии нашей маленькой Волгой. Может быть, чересчур громко сказано, однако и тогда мы думали и сейчас думаем только так. Жестокими, кровопролитными атаками опрокинув врага и вновь выйдя на скалистые берега бурлящего горного потока, все вдруг почувствовали, что отсюда уж больше нам не пятиться, что отсюда для нас дорога лишь вперед.

В тот день, когда мы заняли Перевальный и хутор Пелика, произошло еще одно событие, о котором стоит рассказать. К вечеру позвонил командарм. Выслушав мой доклад об обстановке, он поблагодарил дивизию за успешное выполнение задачи и приказал всех отличившихся представить к правительственным наградам. И тут же, неожиданно:

— А теперь поезжай в штаб группы, тебя будет заслушивать Военный совет.

— О чем и когда, товарищ командующий? — спросил я.

— Там скажут, Провалыч, я сам не знаю. Насчет времени — как доберешься, так и заслушают. Но учти: и туда нужно проскочить в темпоте, и оттуда выедешь еще затемно. Чтобы не демаскировать штаб.

Не самый лучший, конечно, момент для отлучки из дивизии. Противник обязательно попытается отбросить нас с захваченного рубежа. Но приказ есть приказ, и надо ехать. Одна надежда, что гитлеровцы ночью никакого дела против нас не затеют.

До Туансе добирался сначала верхом на лошади, а потом на машине. На дорогу ушло часа два с половиной.

Как только доложил адъютанту командующего Черноморской группой войск, тут же и вызвали.

В небольшой комнате вокруг стола сидели генерал-лейтенант П. И. Бодин, бывший начальник оперативного управления Генерального штаба, в конце августа назначенный начальником штаба Закавказского фронта, командующий группой генерал-лейтенант И. Е. Петров, начальник штаба группы генерал-лейтенант А. И. Антонов, какой-то незнакомый полковник. Все они, внимательно разглядывая меня, долго молчали, а я стоял, доложив о прибытии, и гадал: о чем же будут спрашивать?

— В августе и сентябре ваша дивизия упорно и ожесточенно дралась за господствующие высоты Гунай и Гейман. И все-таки вы их сдали. Почему? — спросил полковник.

Почему-то именно он, а не Бодин или Петров. Хотя вопрос был поставлен довольно резко, но никаких подвохов, а тем более гроз он не сулил, и я понял, что от меня требуют подробного изложения сентябрьских событий. Подхожу к карте, висевшей на стене, начинаю докладывать о том, что оборона велась на очень широком фронте, что противник имел тройное превосходство в живой силе и особенно в вооружении и боевой технике, что дрались при крайнем недостатке артиллерийско-минометных боеприпасов, что не было никаких резервов, а если командарм и присылал какую-то помощь, то, во-первых, она приходила, что называется, в час по чайной ложке, без концентрации сил на решающем направлении, и, во-вторых, эти подразделения обычно нацеливались на самостоятельное решение боевых задач, о которых командир дивизии подчас даже не ставился в известность.

— Разве командарм обязан согласовывать с вами свои действия? — вскинул на меня взгляд генерал-лейтенант Бодин.

— В полосе дивизии боевая обстановка всегда известна мне лучше, чем кому бы то ни было. Следовательно, любой батальон, брошенный из резерва командующего на какой-то из моих участков, должен быть подчинен командиву.

— Скажите, товарищ Провалов, — неожиданно спросил И. Е. Петров, — положим, из отдельных стрелковых бригад мы создадим группу войск и предложим вам командовать ею, дадите свое согласие?

— Хотелось бы, товарищ командующий, остаться командовать триста восемьдесят третьей. Я ее сформировал, ~~о ней~~ и буду дальше воевать. Если бы в нее еще и ~~шестьсот~~ ~~двадцать~~ первый полк вернули, совсем было бы хорошо.

— Вы посмотрите! — засмеялся командующий. — Он еще свои требования выдвигает!.. — И тут же посерьезнев, сказал: — Доложите о выходе дивизии на Пшиш. В подробностях.

Доклад о последних боях занял минут сорок. Когда я закончил его, И. Е. Петров заинтересовался:

— А капитан Головатюк жив-здоров? Воюет?

— Воюет, товарищ командующий.

— Завтра... то есть уже сегодня, если выберу время, приеду посмотреть, чего он там навоевал, на той высоте... Ну что, товарищи, все, по-моему, ясно. Пора и поужинать. Приглашаю и тебя, сынок.

Последнее относилось ко мне. Но оставаться здесь больше было нельзя, наутро бой, а еще часа три добираться — только-только к рассвету и поспеешь. Поблагодарив, я отказался.

— Ну, как знаешь, — командующий протянул руку. — Передай дивизии нашу благодарность. То, что Военный совет пока не поддержал ходатайство командарма о присвоении вашей дивизии звания гвардейской, рассматривай не как недооценку ее заслуг, а как нашу уверенность, что эти заслуги будут умножены... Готовься наступать.

Во второй половине дня 2 ноября генерал-лейтенант И. Е. Петров действительно приехал посмотреть на место избиения гитлеровцев 1-м батальоном 694-го стрелкового полка. Много вражеских трупов уже было убрано, но много и оставалось. Иван Ефимович молча ходил по полю боя и иногда удовлетворенно покачивал головой.

Через несколько дней, 7 ноября, когда Военный совет Черноморской группы войск соберет на торжества в честь 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции лучших бойцов, командиров и политработников из всех соединений и частей, командующий поднимет тост за боевые успехи 383-й стрелковой дивизии и за ее героев — таких, как комбат Головатюк и его подчиненные...

В дивизию из штаба группы я прибыл как раз вовремя — только успел умыться, побриться да позавтракать, как гитлеровцы начали артолет. С этой минуты против-

ник превосходящими силами 1-й и 4-й горнострелковых дивизий атаковал непрерывно в течение трех дней. Это наземные части опять поддерживались (как назло, что погодило) десятками пикирующих бомбардировщиков. Гитлеровские артиллерийско-минометные подразделения не жалели боеприпасов. Фашисты пошли ва-банк. Они бросили сюда все, что у них было.

Но мужественно стояли бойцы, командиры и политработники 383-й. Они не сдавали ни пяди земли, уничтожая фашистскую нечисть. К 5 ноября враг стал выдыхаться. Плененные горные стрелки генерала Ланца в один голос твердили об одном и том же — альпийские батальоны несут огромные потери. Пленный ефрейтор с ужасом вспоминал о дерзком предприятии Головатюка: «Самой страшной была последняя штыковая атака русских. Они закололи триста наших солдат». Ему вторил солдат 13-го полка 1-й горнострелковой дивизии: «Только за последние дни полк потерял половину своего личного состава». Еще один солдат этой же части заявил, что в его роте за два дня убито и ранено 80 человек.

— Мало! — вдруг взорвался присутствовавший при допросе гитлеровцев всегда такой сдержанный Михаил Семенович Корпяк. — Мало! Вы будете уничтожены все!..

В этом невольном взрыве святой ненависти советского человека, коммуниста, политработника к немецко-фашистским захватчикам отразились чувства всего личного состава дивизии. Люди рвались вперед. В какой батальон, в какую роту ни придешь, встречают тебя одним и тем же вопросом: «Почему не наступаем?» Крики души, в кровь истерзанной, болящей за Родину, подчас заглушали голос разума. Недоставало боеприпасов, в ротах насчитывалось по 30—40 активных штыков, противник значительно превосходил нас и в живой силе и в вооружении. И все-таки — «Почему не наступаем?»

Такой боевой настрой не мог не радовать. Разъясняя личному составу сложившуюся ситуацию, мы в то же время старались и поддерживать этот высокий наступательный дух. В канун 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции во всех ротах и батареях дивизии были проведены митинги, на которых коммунисты, комсомольцы и беспартийные клялись не пожалеть своей крови и самой жизни для изгнания ненавистного врага из пределов нашей Родины. За отвагу и мужество в последних боях большую группу командиров,

политработников и бойцов представили к награждению орденами и медалями. Многим бойцам, отличившимся в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами, мы с заместителем по политчасти старшим батальонным комиссаром Корпяком вручили благодарственные письма. К примеру, были вот такие:

«Уважаемый товарищ Запрелюк!

Поздравляем вас с праздником XXV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Вы к этому революционному празднику пришли с замечательным подарком, истребив до 20 немецких солдат и офицеров и уничтожив два станковых пулемета.

За боевые успехи в борьбе с немецкими оккупантами объявляем вам благодарность и желаем дальнейших успехов в деле овладения снайперским мастерством, с тем чтобы каждый ваш снаряд уничтожал фашистских гадов и их военную технику.

Жмем вашу руку. С горячим приветом». И подписи.

Конечно, письмо и отредактировано не очень, и теплее его можно было бы написать, имей мы достаточно времени. Но оно написано вот таким, и исправлять в нем что-то сейчас, задним числом, нельзя...

Чуть выше в этой главе сказано, что противник стал выдыхаться. Однако это несколько не означает, что он оставил мысль прорваться к побережью Черного моря на туапсинском направлении. В полосе 383-й стрелковой дивизии гитлеровцы действительно перешли к обороне и начали фортификационные работы. Но левее нас части группы генерала Ланца сделали стремительный рывок и, заняв вершины гор Каменистая и Семашхо, нависли над боевыми порядками 353-й стрелковой дивизии, которая отстала от нас с выходом на рубеж реки Пшиш¹. Если 353-я сдержит натиск альпийских стрелков, то мы сможем создать угрозу тылам семашхской группировки противника. А для этого нужно немедленно занять высоту с отметкой 394,7, которая контролировала подступы к селению Гойтх с юго-запада.

Эту задачу умело выполнили 7-я и 8-я роты 694-го стрелкового полка еще 5 ноября. В течение четырех суток они успешно отбивали атаки потерявших высоту гит-

¹ ЦАМО, ф. 1704, оп. 1, д. 30, л. 32.

в. Но к 9 ноября подошел свежий батальон 98-го полка 4-й немецкой горнострелковой дивизии и завязал с нашими двумя ротами ожесточенный бой. Я усилил гарнизон высоты 9-й ротой этого же, 694-го полка.

В то же время, чтобы сковать противника, действовавшего против нас на правом берегу Пшиша, мы вновь использовали опыт, накопленный в сентябрьских и октябрьских боях. В виду имеются действия истребительно-диверсионных отрядов. Таких отрядов сформировали три. Еще 5 ноября они вышли в тыл противника. Задача: боевыми действиями на коммуникациях препятствовать боевому обеспечению и снабжению 1-й горнострелковой дивизии немцев, а также уничтожить живую силу противника, захватывая при этом пленных. Успех выпал на долю отряда 696-го стрелкового полка. Командовал истребителями ефрейтор Демидов (к сожалению, не удалось установить его имя и отчество). Они дерзкой атакой овладели высотой с отметкой 994,2 и в течение двух суток удерживали ее в своих руках, отражая контратаки опомнившихся фашистов. Тридцать отважных бойцов уничтожили более 40 гитлеровцев, а сами вернулись без потерь.

Истребительно-диверсионный отряд под командованием младшего лейтенанта Валентина Ивановича Андреева из 694-го полка действовал в районе высоты с отметкой 977,0. Это в пяти километрах северо-восточнее Гойтха. В результате поиска было уничтожено 3 дзота противника и около 20 его солдат.

Три десятка отважных бойцов под началом старшего лейтенанта Ивана Ивановича Кулагина из 465-й отдельной разведроты дивизии в районе Гунайки провели дерзкое нападение на батальонную колонну альпийских стрелков. Вернувшись из вражеского тыла, Кулагин доложил, что уничтожил тридцать два гитлеровца и семь мулов с выюками.

Другими словами, к 10 ноября, когда из штаба 18-й армии пришел приказ сменить наш 696-й полк по целям 10-й отдельной стрелковой бригады, а 691-му полку левым флангом и центром развернуть фронт на север-запад, мы сумели создать для врага, противостоящего нам по северному берегу реки Пшиш, довольно напряженную обстановку. Фашисты еще боялись заспешили с инженерным оборудованием своих позиций.

Для чего понадобилось разворачивать фронт дивизии?

Командующий 18-й армией поставил перед нами задачу: группировавшись, ударить в направлении высот с отметками 394,7 и 412,0, захватить их и перерезать горную дорогу Гойтх — гора Семашхо, по которой шло снабжение группировки гитлеровских войск, рвавшихся через оборону 353-й стрелковой дивизии к Туапсе. Начиналась операция по уничтожению семашхской группировки врага.

Наша задача осложнялась тем, что в предыдущих наступательных боях понес значительные потери 696-й стрелковый полк, которому пришлось штурмовать Перевальный. Его нужно было выводить из непосредственного соприкосновения с противником для пополнения людьми и вооружением. Так что на переднем крае у нас остался лишь 694-й стрелковый. Воспользовавшись растянутостью его боевых порядков, гитлеровцы с направления горы Каменистая неожиданно и стремительно бросили на высоту с отметкой 394,7 еще один полнокровный горнострелковый батальон, поддержанный огнем артиллерии и минометов... 11 ноября 3-й батальон 694-го стрелкового полка выдержал восемь атак превосходящих сил противника.

На следующий вечер, когда стемнело, мы, надеясь, что ночью гитлеровцы действовать не будут, собрали партийный актив. Приказ командарма нужно было выполнить во что бы то ни стало, и в такой сложный момент нужно обязательно посоветоваться с коммунистами.

Доклад мой был предельно коротким. Обрисовав боевую обстановку, я рассказал, в чем состоит боевая задача дивизии и какое значение будет иметь ее успешное выполнение. При этом заметил, что наша дивизионная артиллерия занимает очень невыгодные огневые позиции. Дело в том, что, когда мы наступали с направления высоты 1103,1 на Перевальный и хутор Пелика, 966-й полк поддерживал стрелковые полки огнем с закрытых огневых позиций из-за этой горы, с юго-западных ее склонов. Пехота продвинулась до реки Пшиш, захватила северный берег, а артиллеристы так и остались на прежних огневых позициях. Подъем на горную гряду, самой высокой точкой которой была высота 1103,1, оказался не осуществимым для орудий на конной тяге. И теперь, когда дивизии предстояло наступать в западном направлении, 966-й артполк не имел возможности оказать пехоте достаточно эффективной огневой поддержки. Это — первое. А второе: на высоте 394,7 было несколько дзотов. Огнем с закрытых

огневых позиций их не возьмешь. По амбразурам нужно бить прямой наводкой. Следовательно, необходимо было вытащить хотя бы один дивизион 966-го артполка на гренах хребта.

— Давайте посоветуемся, товарищи, что будем делать, — предложил я коммунистам, закончив доклад.

Задумались. Молчат. Но вот чей-то голос:

— Разрешите? — К столу президиума партактива вышел немолодой уже, лет сорока, сержант-автоматчик. Он зачем-то снял каску, потом пилотку, пригладил ежик седящих волос и с хрипотцой сказал негромко: — Товарищи большевики! Задача ясная, распатронь ее холера! Растолкуем людям, что к чему. Без орудий воевать — все одно что без штанов в храм божий идти. Извиняйте за религиозную цензурщину... По народу побежали улыбки. — Вот я и говорю: у нас у всех здесь двести рук. Да неужто мы эти пушки не подыдем, куда товарищ командир дивизии прикажет! Предлагаю прений больше не производить и теперича же всей артелью поспешить артиллеристам на выручку...

Коммунисты грохнули в ладоши. А мы с Корпяком переглянулись и не смогли удержать улыбки. Реакция активистов была именно такой, на какую мы и рассчитывали. И теперь инициатива исходила уже не от меня, как накануне, перед собранием партактива, а от самих участников собрания.

Мы работали всю ночь и все утро. К полудню действительно вытащили на высоту с отметкой 1103,1 все орудия 1-го дивизиона 966-го артполка. Батареи капитана Фещенко заняли прекрасные огневые позиции.

В наступление дивизия в составе 694-го и 696-го полков перешла с утра 16 ноября. Атаку поддерживали все три дивизиона 966-го артиллерийского полка, но особенно эффективно работал прямой наводкой Фещенко. По целеуказаниям командиров стрелковых полков он вел меткий огонь по дзотам и огневым точкам противника, расчищая путь пехоте. Мы применили тактику отдельных мелких групп, которая в горах обычно дает неплохие результаты. Эти группы просачивались сквозь боевые порядки противника, заходили ему во фланги и в тыл, а затем дерзкими и решительными действиями наводили на врага панику.

До нашего наступления в дивизию приезжал работник оперативного управления Генерального штаба полковник С. М. Штеменко. До этого я Сергея Матвеевича не знал и потому встретил его хотя и радушно, но настороженно. Однако не прошло и часа, как мы оба почувствовали себя людьми, близкими по взглядам на жизнь. Проговорили с ним почти всю ночь, обсуждая как отдельные моменты предстоящего дивизии боевого дела, так и все это дело в целом. В частности, подробно разобрали достоинства и недостатки ведения боя по очагам, мелкими группами. Сошлись на мнении, что при таком способе боевых действий чрезвычайно осложнено управление подразделениями и идти на это можно лишь тогда, когда люди — от солдата до командира дивизии — имеют хорошие навыки действий в горно-лесистой местности. У нас такие навыки, к счастью, уже были.

— Ну что ж, как говорится, ни пуха вам, Константин Иванович! — сказал, прощаясь, полковник. — Надеюсь, что когда-нибудь свидимся.

Мы потом встречались, и еще не раз. После войны дружили даже семьями. Но первая встреча с этим обаятельным человеком, большим умницей врезалась в память глубже всех остальных...

К исходу дня батальоны 694-го стрелкового полка продвинулись на два километра, 696-го полка и отряд капитана Артюшенко — на полтора. Ударная группа учебного батальона овладела хребтом, идущим от высоты с отметкой 879,0 строго на запад, уничтожив при этом более 30 немецких горных стрелков.

Первый батальон 696-го стрелкового полка сумел в полутора километрах от высоты 394,7 перейти горный ручей и получил возможность взять под обстрел из пулеметов и минометов дорогу из Гойтха к горе Семанхо. Успеху этого подразделения во многом способствовало личное мужество замполитрука из 1-й стрелковой роты Крестина. Когда выбыл из строя один из взводных, коммунист Крестин принял командование взводом на себя. Воодушевленные его призывом, бойцы стремительно сблизились с отчаянно обороняющимся противником, забросали гитлеровцев гранатами и ворвались в окопы. В этом в этой схватке все время был Крестин.

Чтобы окончательно сломить сопротивление врага, я решил продолжать наступление и ночью. В темноте гит-

деревцы воевать не любят, надо воспользоваться этим. Однако нашим планам осуществиться было не дано.

В ночь на 17 ноября пошел сильный дождь с мокрым снегом. Горные тропинки, скалы враз осклизли, видимость — почти никакой, и я отменил приказ, надеясь начать атаку с рассветом, когда пройдет этот страшный ливень. Никто из нас не знал, что он не кончится ни к утру, ни на другой день, ни даже через неделю. Никто не мог и предположить, что разыгравшаяся непогода станет испытывать наши физические силы и наш дух в течение почти целого месяца.

Непрерывные дожди до краев переполнили маленькие горные ручейки, и те превратились в грозные бушующие потоки, в которых, как щенки, неслись огромные деревья. При попытке преодолеть такую преграду вброд вода немедленно сбивала с ног и лошадь, и человека. А сбивала — значит, гибель.

Расширевшие реки отрезали дивизию от тылов. А это — прекращение снабжения боеприпасами и продовольствием, невозможность эвакуации раненых.

Как раз в это время из района Маратуки в район горы Два Брата начал свой переход наш 691-й полк под командованием майора Д. И. Мельникова, возвращавшийся в родную дивизию из 31-й стрелковой, в составе которой он мужественно дрался с первых чисел октября. Ветераны полка так вспоминают тот изнурительный марш.

Шли по лесам, по бездорожью, переправлялись через скалистые ущелья и беснующиеся горные реки, дорогу определяли по балкам и оврагам. Бойцы тянули и подталкивали вконец ослабевших лошадей, навьюченных пулеметами и минометами. Несколько лошадей упали в ущелья вместе с вьюками, разбились сами, искорежили оружие и боевое имущество. Когда 25 ноября полк прибыл в район сосредоточения, большинство красноармейцев и командиров не могли даже стоять.

Разлив рек заставил нас принять безотлагательные меры для того, чтобы не лишиться пищи вообще. Резко сократили всем паек. Начали пристреливать раненых или ослабевших лошадей (а слабели они без фуража, на одном подножном корму, быстро). Принялись заготавливать дикие яблоки, груши, каштаны. Каштанов было много. Их засыпали в котел, варили минут десять и потом вместе с довольно жирной маслянистой юшкой раздавали по котелкам. Начались желудочные боли, рвоты до помут-

вения души. Оказалось, что каштаны нужно варить в трех-четырёх водах, каждый раз сливая вытопленное из них масло. В общем, приспособились.

Дожди без всякого перерыва сменились сильнейшими снегопадами. Но снег не лежал, тут же таял, прибавляя воды и в без того переполненных потоках. Самой острой проблемой стало медицинское обслуживание больных и раненых. Нам удалось из медсанбата дивизии переправить непосредственно в боевые порядки полков три хирургические группы, возглавляемые военврачами Ануфриевой, Неймарк и Дубовой. Каждая такая группа состояла из пяти — семи человек — врач-хирург, операционная сестра и три-четыре санитары. Они сослужили хорошую службу. Хотя бои в этот период носили эпизодический характер, однако раненые были и, если бы не хирургическое вмешательство прямо на передовой, многим из бойцов, может, не удалось бы сохранить жизнь. В общем, поработать этим операционным группам пришлось немало. Как свидетельствует Ася Федоровна Посохова, бывшая медсестра 383-й стрелковой, они «сутками находились на ногах и даже не видели, когда сменялись день и ночь. Работали так, что ноги пухли, в сапоги не влезали...». Другая бывшая медсестра, Екатерина Терентьевна Долгова, так вспоминает об этом же времени: «Бойцов нельзя было переправить в госпиталь, так как сильно разлилась вода. Они лежали на нарах в палатках, а под нарами была вода. Я грела воду в котлах, поила раненых горячим чаем».

Победовать пришлось и после того, как прекратились дожди. Несмотря на все наши усилия, положение личного состава дивизии было чрезвычайно тяжелым. Но никогда оно не было безнадежным. Все знали, что командование Закавказского фронта, Черноморской группы войск и 18-й армии принимает необходимые меры, чтобы наладить обеспечение войск продуктами, боеприпасами и медикаментами. В частности, было известно, что из тылов к фронту строится канатная дорога.

И ее построили в невообразимо короткий срок. О том, что она введена в действие, мы поняли тогда, когда нам доставили к переднему краю очень много риса. Почему-то только один рис. На первое — суп из него, на второе — каша. И все без соли... Так продолжалось около недели. Потом снабжение пошло по установленным нормам.

Чтобы уж больше не возвращаться к вопросам тыло-

вого обеспечения боевых действий в горно-лесистой местности зимой, постараюсь коротко обрисовать наш тогдашний опыт. Главная проблема — коммуникации между дивизионными тылами и передовой. По заснеженным горным тропам, где подчас почти невозможно разминуться, ходить чрезвычайно опасно. А раненого на носилках должны нести четыре санитара. Семь километров в тыл, семь обратно... Неимоверный труд! Тогда догадались использовать волокуши. Сразу повысилась безопасность эвакуации и производительность санитаров. Ведь с волокушей справлялся один человек. На обратный путь этот же санитар нагружал свой «транспорт» продуктами или боеприпасами.

Наконец усовершенствовались сами маршруты — создали на них санитарно-перегрузочные и питательные пункты. Где-нибудь в пещере или в утепленном шалаше ставили бак с кипятком, стол, шкафчик с медикаментами, шприцами, шинами и перевязочным материалом, обязательно — носилки и химические грелки. Заведовали этими хозяйствами девушки-медсестры.

Санитар привез раненого в передовой, сгрузил его с волокуши и назад. А раненый дожидается, когда придет оказия со следующего санитарно-перегрузочного пункта. Пока ждет, у него проверят повязку, дадут крепкого мясного бульона, напоят чуть подслащенным кипятком. И даже, бывало, музыкой побалуют. На одном из пунктов откуда-то появился патефон и при нем две пластинки — арии из опер «Евгений Онегин» и «Циклопа».

— Хорошая музыка, — рассказывал мне Иван Алексеевич Сторожев, пожилой, степенный санитар. — Он этак-то птахой про свое вроде бы несчастье заливается, а раненый спит, как младенец. Видать, для здоровья это полезно — пластинки слушать...

Наконец, необходимо сказать, что к дивизии была прикреплена вьючная рота. У нас бойцы называли ее «ишачий полубатальон». Состояла эта рота из 250 осликов. На каждом десять животных один проводник. «Грузоподъемность» — 60 килограммов. И самое главное достоинство — удивительная выносливость и неприхотливость ишаков. Идет такой караван из десяти «единиц», несет во вьюках сорок снарядов. И вот устали животные. Тут же ложатся, объедают все вокруг себя. И снова — в путь.

Большую помощь нам оказали комсомольцы — бойцы отрядов местной обороны, на добровольных началах сфор-

в дни критического положения на туапсе. В районе станицы Георгиевской там до-...
... что-то около шестисот человек. И...
... знаю, что многие из них уже находятся в пол-
ках нашей 383-й стрелковой дивизии. Остро нуждаясь в
пополнении, командиры полков забыли, что этим «истре-
бителям» нет еще и семнадцати лет, и приняли их в строй.
Разумеется, мы с М. С. Корпяком не могли допустить это-
го. Все мальчишки были убраны из подразделений. При-
чем эта «операция» проводилась с большим шумом со
стороны добровольцев. «Мы — комсомольцы, — кричали
парни. — Какое вы имеете право не зачислять нас в ар-
мию!..»

Ну, о правах своих мы им, конечно, рассказали. Дру-
гое дело: куда их действительно девать? Отправить одних
в Туапсе — приставут к другим дивизиям. А у нас они
худо-бедно, но одеты и накормлены. Вот тогда и было
решено поручить мальчишкам (они местные, горы, можно
сказать, с пеленок знают) работу носильщиков. И надо
было видеть, как они старались! Каждый в течение дня
делал два пеших рейса до передовой и обратно. По гор-
ным тропам, в стужу, в пургу ребята несли на себе бое-
припасы и продукты, сопровождали легкораненых...

Пишу о трудностях того периода не для того, чтобы
вызвать у читателя чувство сострадания к участникам бо-
ев на кавказских горных кручах. Очень хочется, чтобы
у тех, кто прочитает эти страницы, снова зажглось в ду-
ше высочайшее чувство гордости за нашу Родину-мать,
которая воспитала таких сыновей, какими были бойцы
Отечественной

С разливом рек как раз совпало начало наступления
советских войск под Сталинградом. Когда объявили о
первых боевых успехах сталинградцев, на передовой так
кричали «ура», что немцы, всполошившись, открыли по
нашим позициям беспорядочный пулеметно-минометный
огонь. Политработники частей и дивизионные журнали-
сты в эти дни особенно тщательно записывали сводки
Совинформбюро, передаваемые по радио, и немедленно
публиковали их. «Большевистский натиск», дивизионка,
ценилась дороже сухаря, дороже щепотки табака.

В каждой роте сначала прошли митинги, потом откры-
тые комсомольские собрания. Коммунисты считали своей

нашей обязанностью вдохнуть в личный состав самих Сталинградцев.

Здесь необходимо подчеркнуть, что части семашхской группировки противника во время разразившегося небастья тоже оказались в тяжелом положении. Гитлеровское командование попыталось снабжать свои войска по воздуху, сбрасывать им и продовольствие, и медикаменты. Но погода была нелетной, и этот вариант использовать врагу не удалось.

Хочу привести один документ. 12 декабря 1942 года в «волчьем логове» Гитлера началось совещание. На этом совещании Цейтцлер докладывал фюреру, в частности, следующее: «Из этого района (Туапсе — К. П.) впервые докладывают о случаях смерти из-за истощения. 14 случаев за 6 дней»¹. В этот день мы как раз начали бой за высоту с отметкой 412,0 и могли собственными глазами убедиться, что некоторые солдаты гитлеровских альпийских батальонов настолько ослабли, что не могли даже вести огонь. Они были обречены. Так что Гитлеру доложили явно с преуменьшением.

Испытания подорвали у немцев, находившихся в районе гор Семашхо и Каменистая, не только физические силы, но и саму веру в эти силы, в себя. Взятый в плен горный стрелок на допросе, размазывая по щекам слезы, рассказывал:

— Для того чтобы мы пошли в атаку на какую-нибудь высоту, офицеры говорят нам, что за этим холмом наконец-то откроется море и банановые рощи. Но мы убедились, что вместо бананов нас за любым холмом ожидают новые мерзлые скалы, русская артиллерия и штыки вашей пехоты.

Раскисший, обмякший «сверхчеловек», оказывается, плакал от счастья, что он «все же выбрался из этого ада».

Насколько выше дух нашего советского солдата, показали дальнейшие бои по уничтожению семашхской группировки врага.

Бойцы, командиры и политработники дивизии в ходе наступления показывали образцы мужества и отваги, смекалки и военной хитрости. Наши люди научились воевать в горах изобретательно, расчетливо. Приведу один лишь пример.

¹ См.: Д а ш и ч е в В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. 2, с. 355.

Продвигаясь, 691-й стрелковый полк уже в сумерках достиг опорного пункта противника на высоте с отметкой 185,0. С фронта к ней не подступиться — круто. Командир полка майор Д. И. Мельников принял решение взять ее с тыла ночной атакой группы смельчаков-добровольцев. Желающих войти в этот отряд оказалось много. Отобрали 44 человека во главе с лейтенантом Колосковым.

Они уже почти вышли на рубеж атаки, когда чья-то неосторожность (из-под ноги покатился камень) обнаружила обходящий отряд. В тот же миг на шум полетела немецкая граната. Оказывается, совсем рядом был пост боевого охранения противника. Пятеро наших бойцов были ранены. Командир лейтенант Колосков и пулеметчик Куницын получили тяжелые ранения. И тогда командование взял на себя старший сержант И. С. Колодыко.

Он понимал, что элемент внезапности уже утрачен и гитлеровский гарнизон высоты теперь начеку. Надо было что-то придумать. Колодыко приказал отряду залечь, а сам двинулся к вершине. Бесшумно подобрался к самым окопам, нашел там скалу, которая козырьком закрывала его от фашистов. Ему тут же пришла дерзкая мысль...

Старший сержант вернулся к своему отряду и изложил свой план. Отряд делился на две группы. Когда он, Колодыко, уничтожит пулеметы, эти группы с двух сторон бросаются к вершине и добивают гитлеровцев, еще оставшихся в живых. Затем командир собрал в вещмешок все гранаты (а их оказалось около полусотни) и снова отправился под скалу-козырек. Первую Ф-1 он бросил на приглушенный звук немецкой речи. А потом «карманная артиллерия» била уже на звуки пулеметных и автоматных очередей. Противник высветил всю высоту ракетами, но все-таки так и не мог понять, откуда летят гранаты. А они все взрывались и взрывались, уничтожая фашистскую нечисть.

Когда замолкли все пулеметы, две группы старшего сержанта Колодыко ворвались на вершину. Высоту они взяли без потерь, а сами уничтожили более 50 немецких стрелков.

Это был один из последних боев воинов 383-й воздушно-десантной дивизии на туапсинском направлении. 23 декабря 1942 года наше соединение было выведено в район горы Два Брата и приступило к постройке шалашей, бань и прочих сооружений, необходимых войскам для отдыха

от фатных дел. Уничтожение семашской группировки врага включивали 83-я горнострелковая, 353-я стрелковая дивизии, 8-я гвардейская, 10-я и 165-я стрелковые бригады, которые вместе с 383-й стрелковой дивизией сыграли решающую роль в разгроме противника, на помощь к которым сил рвавшегося к Туапсе.

Полки и отдельные батальоны занимались боевой и политической подготовкой. Особенное внимание уделялось молодому пополнению. В основе всех занятий была тактика. Учебный батальон произвел выпуск младших командиров. Хороший выпуск, прошедший школу ратного мастерства в ожесточенных боях на туапсинском направлении.

Боевая учеба продолжалась до 9 января. 10-го по приказу командующего Черноморской группой войск 383-я стрелковая дивизия в пешем строю выступила в Туапсе, чтобы затем войти в подчинение командующему 47-й армией генерал-лейтенанту Ф. В. Камкову.

Командование дивизии поставили в известность, что нам предстоит совершить из Туапсе марш на автомашинах протяженностью 180—200 километров. 300 грузовиков были поданы под погрузку 21 января. За 10 дней подготовки мы успели оборудовать погрузочные площадки, в том числе для тяжеловесных грузов. На склонах горы выкопали специальные выемки, в которые задним ходом заезжала машина, и пол ее кузова оказывался вровень с пологим скатом или площадкой.

Кроме отдельных подразделений боевого обеспечения дивизии в первом эшелоне совершали марш 696-й стрелковый полк и один батальон 691-го артполка. Дождь и снег. Дорога скользкая, будто всю ее натерли мылом. Еле-еле ползем. Дистанции между машинами и между колоннами подразделений не соблюдаются. Остановишь, подтянешь отставших, но через километр пути движение расстраивается опять. У большинства водителей — очень малый опыт шоферской работы. А тут еще и машины иностранной марки...

Нечего и говорить, что график марша, составленный в Туапсе, остался графиком на бумаге. Темп движения оказался настолько низким, что лошади, которых мы пустили своим ходом, прибыли в К. раньше всего на пятнадцать позже, чем первый эшелон автомобилей.

696-й стрелковый полк, один батальон 691-го стрелкового полка, дивизион 966-го артополка и подразделения боевого обеспечения полностью разгрузились в Кабардинском районе. В 16 часов 22 января 1943 года, а в 17 часов я уже получил от командующего 47-й армией подполковника Ф. В. Камкова боевое распоряжение, согласно которому должен был, не ожидая полного сосредоточения дивизии, в ночь на 23 января походным порядком выступить с прибывшими силами по маршруту перевал Кабардинский, Шапшугская и к 16 часам сосредоточиться в районе два километра южнее этого населенного пункта. 383-й стрелковой дивизии этим же боевым распоряжением предписывалось иметь: 3 сутодачи продовольствия на руках, 2 сутодачи — в обозе и 1 боекомплект снарядов, мин, гранат и патронов¹.

Перед нашим выступлением приехал командарм. Он очень торопил нас и сам куда-то торопился, так что разузнать, какая задача предстоит нам после этого марша, мне не удалось.

— Будем наступать, — сказал Камков. — А конкретную задачу получите в Шапшугской. Давайте-ка поспешите...

Этот 25-километровый переход памятен, по-видимому, всем его участникам. Снова дождь со снегом. В лицо — неистовый ветер, сбивающий с ног. Страшная грязь, дорога разбита. Обгоняю одну из ротных колонн 696-го полка. Из чавкающей, свистящей темноты доносится задирная песня:

Ты прощай, моя сторонка,
И зазнобушка, и женка.
Обнялися горячо —
И винтовку на плечо...
Уж как нам такое счастье —
Служим мы в пехотной части.
Будь хучь ночью, будь хучь днем —
По горушкам пешки прем...

— Синицын! — доносится из головы колонны. В командирском окрике — отчетливо различимое недовольство. Песенник тут же умолкает. — Рядовой Синицын!

— Я!

— У тебя что, других песен нет!

— Дык я по обстановке, товарищ лейтенант!..

¹ ЦАМО, ф. 402, оп. 9575, д. 197, л. 92.

инуту все голоса умолкают. Но невидимому в по-
чи Синицыну такое молчание невоготу, и он заводит:

По улице мостовой
Ходит парень молодой...

И тут подхватывает какой-то подголосок:

С виду парень — тыща тыщ,
Между прочим — гол, как прыщ,
Э-эх!..

По колонне прокатывается хохоток.

Наши люди способны выдержать любые лишения. Ло-
шади не выдерживают. Они падают, обессиленные, и ни-
чем невозможно поднять их. Облегчают поклажу. С по-
возок, из вьюков берут патронные ящики, снаряды, взва-
ливают себе на плечи. К орудиям привязывают бурлац-
кие лямки и сами впрягаются в них — бойцы, командиры.
Полтора километра в час — но все вперед и вверх...

Кабардинский перевал встретил нас гневливо. Злая
метель бьет в глаза снежными зарядами. Хотя давно
уже рассвело, дороги не видать. Да и нет ее, дороги!
Приходится почти на ощупь пробиваться через глубокие
сугробы. В ход пущены не только большие саперные ло-
паты, но и малые пехотные... Прошел один полк, потом
батальон другого, с невероятным трудом протащили ар-
тиллерийский дивизион. Путь наш покотился вниз. Вскоре
вышли из-под ~~пурги~~, ветер немного поутих, и шагать
сразу стало повеселее.

В район Шапшугской мы прибыли лишь вечером
24 января. Я разыскал штаб 47-й армии. Но ни командар-
ма, ни начальника штаба генерал-майора Я. С. Дашев-
ского не было, и мне ничего не оставалось делать, как
вернуться в 696-й стрелковый полк, который уже обживал
назначенный район.

Выставив боевое охранение, приступили к постройке
шалашей. Хотя все сильно устали, но дело это было при-
вычное и управились быстро. К полуночи уже все о-
хали. Прилег и я. Но поспать удалось немного...

Тут, видимо, я вправе буду ввести читателя хотя бы
накоротке в ту оперативную обстановку, которая сложи-
лась на западных отрогах Северного Кавказа к началу
1943 года.

11 января Ставка утредила план наступления Черноморской группы войск, разработанный командованием Закавказского фронта. Этим планом предусматривалось почти одновременное проведение двух операций — «Море» и «Горы». По плану «Горы», который главную роль отводил 56-й армии под командованием генерал-лейтенанта А. А. Гречко (он вступил в командование ею 5 января 1943 года), предполагалось овладеть Краснодаром и захватить переправы через Кубань. Операция «Море», в которой должна была участвовать 47-я армия во взаимодействии с силами Черноморского флота, предусматривала прорыв обороны противника в районе Абинской и захват Крымской. По выполнению этой задачи создавались бы выгодные условия для взятия Новороссийска с суши и для наступления в направлении Керченского пролива.

Я уже говорил, какая была в этот период погода и какие были дороги в горах. Как командование Черноморской группы ни спешило с перегруппировкой войск, в отведенные сроки уложиться не удавалось. И. В. Сталин разрешил начать обе операции на один-два дня позже срока¹. Они начались 16 января. 56-я армия за семь дней напряженных и кровопролитных боев вышла к Краснодару и на реку Кубань. Однако у 47-й успеха не было. Целую неделю войска армии пытались пробить брешь в обороне противника в направлении Крымской. Подходящие из тылов дивизии генерал-лейтенант Ф. В. Камков немедленно бросал в бой.

Не подготовленные как следует к наступлению, они постепенно теряли силы. Командующий Черноморской группой войск генерал-лейтенант И. Е. Петров, выполняя указания Ставки, на три дня приостановил операцию для перегруппировки и сосредоточения соединений. Наступление должно было возобновиться 26 января.

Позволю себе обратиться к фронтовым воспоминаниям генерал-полковника М. Х. Калашника, бывшего в ту пору начальником политотдела 47-й армии. 24 января, как пишет Михаил Харитонович, состоялось расширенное заседание Военного совета армии, на котором присутствовал член Военного совета Черноморской группы войск генерал-майор С. Е. Колошиц. О ходе подготовки к возобновлению наступления и боевой обстановке докладывал

---

¹ См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, с. 75.

ца...ник штаба армии генерал-майор Я. С. Дашевский. И он выразил озабоченность тем, что некоторые соединения ударной группировки сосредоточились еще не полностью (в том числе и 383-я стрелковая дивизия). Цитирую М. Х. Калашника:

«С. Е. Колонин повернулся к командарму Ф. В. Камкову:

— Что же получается, Федор Васильевич? Вы доложили командованию группы, что у вас все готово, а на самом деле ударная группировка фактически еще не создана.

Камков попытался объяснить, почему так произошло. Обещал, что за два дня удастся выправить положение.

С. Е. Колонин хмурился. Слыл он человеком смелым, решительным, бескомпромиссным и одновременно сдержанным... Непосредственно командующему армией он не высказал каких-либо претензий, но, видимо, его удерживало от этого чувство такта...»¹

В тот же вечер в 47-й армии сменился командующий. Генерал Камков уехал на учебу.

...Вот теперь, когда читатель в курсе дел, происходивших на фронте Черноморской группы войск, вернемся к 2 часам ночи 25 января 1943 года, когда адъютант разбудил меня.

— Звонили от командующего, товарищ генерал, — доложил он. — Вас вызывают в штаб.

В одном из домов Шапшугской, к которому привел меня офицер связи, совершенно неожиданно для себя вместо Ф. В. Камкова я увидел невысокого, резкого в движениях генерал-лейтенанта. Это был новый командарм К. Н. Леселидзе.

Он сразу же стал ставить задачу. 383-й стрелковой дивизии предстояло к исходу 25 января занять рубеж Щель Памятная, безымянная высота (в 1,5 километрах западнее отметки 192,1), имея ударную группу в двух эшелонах на своем левом фланге, и наступать в направлении высоты 224,6, Шибик 2-й, Шибик 1-й, хутор Украинский, бойня на северо-восточной окраине Крымской².

— Ваша цель, — сказал Леселидзе, — станция Крымская. Вопросы?

Докладываю, что половины дивизии еще нет, 694-й стрелковый полк, два батальона 691-го и два артиллерий-

¹ Калашник М. Х. Испытание огнем. М., 1978, с. 112.

² ЦАМО, ф. 383сд, оп. 11457, д. 1, л. 55.

свой дивизиона ~~только~~ пробиваются к Шапшугской. Это во-первых. Во-вторых, очень незначителен запас патронов, ~~мех~~ и снарядов. В-третьих, дивизии необходимо время на подготовку к наступлению. Надо организовать разведку, провести рекогносцировку, спланировать бой.

До этой встречи я слышал о Константине Николаевиче много доброго, мы знали его как вдумчивого командующего, и мне казалось, что он войдет в положение нашей дивизии. Но командарма, видать, тоже торопили сверху — все мои доводы успеха не имели...

К утру 25 января в район Шапшугской прибыли два батальона 691-го стрелкового полка и еще один дивизион 966-го артиллерийского полка. Итак, на месте находились уже два полка и две трети нашей артиллерии. Правда, с боеприпасами у нас было негусто.

А штурмовать нам предстояло сильно укрепленные, по господствующим высотам расположенные позиции 3-й горнострелковой румынской дивизии. Ее оборона была насыщена дзотами и пулеметными точками, которые не допустили бы, чтобы мы занимали свой рубеж в светлое время суток. Оставалось ждать сумерек. С одной стороны, это было неплохо. Только что прибывшие подразделения 691-го полка и артиллеристы смогут хоть немного отдохнуть после изнурительного марша. Кроме того, к вечеру ожидалось прибытие 694-го стрелкового полка, и значит, отсюда, от Шапшугской, мы начнем выдвигаться уже в полном составе. Но, с другой стороны, промедление с занятием указанного 383-й стрелковой дивизии рубежа не оставляло командирам подразделений времени, чтобы за светло и на местности провести рекогносцировку и уточнение боевых задач.

Между тем шторм горячился. Оттуда то и дело звонили с требованием немедленно выступить в район Шапарки. Кое-как сумел доказать, что выступать сейчас же не целесообразно. Потом начали названивать и поторапливать с ускорением движения 694-го стрелкового полка из Кабардинки. Все это отвлекало от работы и потому несколько раздражало. Однако это раздражение как рукой сняло, когда мне вручили письменное распоряжение, подписанное начальником штаба армии генерал-майором Дашевским и начальником оперативного отдела шторма полковником Чигиным: «Командиру 383 сд. Командующий приказал: делать что угодно, но полк должен быть готов

на исходном положении к исходу 25.1.43»¹. Прочитав роль не по-военному составленный документ, я невольно улыбнулся. С таким неопределенным приказанием пришлось столкнуться впервые...

В этот момент в блиндаж моего НП спустились заместитель начальника политуправления Черноморской группы войск полковник Л. И. Брежнев и начальник политотдела 47-й армии полковник М. Х. Калашник, сопровождаемые М. С. Корпяком и П. И. Игнатенко.

— Ну вот, Михаил Харитонович, — сказал Леонид Ильич, — у комдива прекрасное настроение — значит, и в полках такое же. Что так развеселило, товарищ Провадов?

Доложив о боевой обстановке и о том, чем занимается личный состав, я протянул Леониду Ильичу листок полученного приказа. Он внимательно прочитал, тоже улыбнулся.

— Нервничают товарищи, — сказал, возвращая мне бумагу. — Ну, ничего, их понять можно. Надо ведь прорывать оборону-то!.. Давайте-ка лучше поговорим о завтрашнем наступлении.

Леонида Ильича Брежнева у нас в дивизии знали еще с Миуса, когда он приезжал в Красный Луч как представитель Военного совета Южного фронта. Последний раз полковник Л. И. Брежнев навестил соединение в первых числах ноября 1942 года, когда мы только-только выбили противника с рубежа реки Пшиш. Тогда он побывал на передовой почти во всех подразделениях, много беседовал с людьми, с бойцами, командирами, политработниками, с беспартийными и коммунистами. Для каждого у него нашлось и доброе слово, и совет. Но когда, помнится, Леонид Ильич столкнулся с нерасторопностью одного из ротных, он строго спросил его:

— Вы коммунист?

— Так точно, — ответил лейтенант.

— А вот ваш сосед — комсомолец. Он должен учиться у вас. Но чему же учиться, если в его роте люди укрыты от огня как положено, а в вашей — как бог на душу положил?.. Стыдно! И себя не уважаете, и дивизию свою позорите...

Эти слова человек запомнил крепко. Потом хорошо воевал, был награжден боевыми орденами, но как вспом-

¹ ЦАМО, ф. 402, оп. 9575, л. 187, л. 102.

нит ту свою промашку, даже сейчас, ~~считая~~ столько лет, волнуется и все повторяет: «Надо же было так обмшуриться!..» Я не называю здесь фамилию этого офицера — она названа мной раньше, в числе отличившихся.

...С Леонидом Ильичом Брежневым было легко разговаривать. Он очень быстро входил в обстановку и потом уж понимая тебя с полуслова. Вот и теперь, когда я докладывал ему о боевой задаче дивизии и о том, почему она будет такой сложной, он, глядя на карту, вдруг спросил:

А на правом фланге поставите тот полк, который еще не прибыл?

— Его, Леонид Ильич. На правом тоже будет нелегко, но все же здесь короче путь для сближения с противником.

— Вот так и скажете бойцам. Они поймут. У нас необыкновенные люди, товарищ Провалов!..

С моего НП Л. И. Брежнев и М. Х. Калашник отправились в 691-й стрелковый полк. Там они провели совещание политработников, побеседовали с боевым активом, со многими красноармейцами и младшими командирами. Леонид Ильич Брежнев лично убедился, что люди рвались в бой. После этого он побывал и в 696-м стрелковом полку, а потом уехал на левый фланг армии, в 318-ю стрелковую дивизию.

На рассвете 26 января полковник Л. И. Брежнев снова появился на моем наблюдательном пункте и первое, о чем спросил, покормили ли личный состав. Ответил, что часа два как поели. Сразу и ужин, и завтрак. Все — горячее.

— И сто граммов?

— Без них, Леонид Ильич. В дивизионных тылах запасов не было, а из армейских не подвезли.

— Как настроение в шестьсот девяносто четвертом? Прибыл он?

Доложил, что прибыл поздно вечером. Сюда, на исходный рубеж, я ставил его сам. По дороге успел поговорить и с офицерами, и с солдатами. Устали, конечно, сильно, да еще предстояли ночные инженерные работы. Однако все делалось об одном и том же — наступать.

— Тогда почему так волнуется?..

Перед боем волнуется каждый командир. Как пройдет артподготовка? Насколько дружно поднимутся пехотные цепи? Не забыл ли чего, все ли, что можно было, пре-

дусмотрел? Пока ждешь условленной, назначенной тобой или твоим командиром минуты, час годом кажется.

Заместитель начальника политуправления понял мое состояние и тут же круто повернул разговор, стал рассказывать сначала о Днепрогэсе, а потом о «Запорожстали». Очень наблюдательный человек, Леонид Ильич говорил так интересно, что я действительно несколько отвлекся от мыслей, которые неизбежно рождаются в ожидании атаки.

К сожалению, артподготовка началась лишь в 13 часов. Получилась она не то чтобы жиденькой, но и не мощной, не той, какой хотелось бы видеть и слышать ее. Однако батальоны поднялись дружно и пошли на сближение с противником. В 13 часов 30 минут штурмовые отряды 696-го стрелкового полка первыми завязали с румынскими горными стрелками ближний огневой бой. Мы применили ту же тактику, которой научились в горах под Туапсе, то есть действовали группами, обходя или блокируя огневые точки.

С моего наблюдательного пункта вся картина боя отлично просматривалась, и полковник Л. И. Брежнев, наблюдая нашу атаку, дал высокую оценку действиям полков. Люди дрались хорошо. Обледенелые камни и скалы выскальзывали из-под ног, но бойцы упорно шли вперед, стремясь как можно быстрее приблизиться к врагу на бросок гранаты. И это удалось во многих местах. Кажется, вот-вот будет преодолена первая линия вражеских окопов. Однако из глубины обороны противника начинали бить новые, до сих пор не обнаруживавшие себя пулеметы, и приходилось откатываться чуть назад, чтобы собраться для следующего броска.

27 января с утра дивизия получила от правого своего соседа, 103-й стрелковой бригады, роту танков — пять Т-34. Боевое распоряжение гласило, что командир 383-й стрелковой дивизии должен был, создав группу в составе батальона автоматчиков, разведчиков, снайперов и танкового десанта, взломать оборону противника, обеспечить возможность оставшимся войскам армии занять тактический простор в долине, ведущей к входу для станции Крымская¹.

¹ ЦАМО, ф. 402, оп. 9575, д. 187, л. 127.

Артиподготовка из-за недостатка артиллерийских боеприпасов была короткой, минут десять, помнится. По переднему краю обороны противника отбомбились несколько наших самолетов. И дивизия пошла. Танковая рота помогала нам на участке высоты 224,6, табачная ферма метров на 500 вклинилась в оборону противника. С помощью бронированных машин группы автоматчиков блокировали дзоты, а саперы взрывали их. Таким способом уничтожили шесть деревянно-земляных огневых точек. Но и танковая рота понесла потери. Два Т-34 были сожжены противотанковыми орудиями врага...

30 января наши атаки на правом фланге 47-й армии захлебнулись. Через два дня, начиная операцию «Море», перешли в наступление левофланговые дивизии — группа генерал-майора А. А. Гречкина, которая должна была выйти на перевалы Маркотх и Неберджаевский. Четверо суток продолжались ожесточенные бои, однако 3-му стрелковому корпусу и 318-й стрелковой дивизии тоже удалось продвинуться всего на 400—500 метров.

По приказу командующего Закавказским фронтом в районе Мысхако был высажен морской десант под командованием майора Ц. Л. Куникова. Ему удалось закрепиться на плацдарме и затем обеспечить высадку нескольких стрелковых и морских бригад. С десанта куниковцев и началась эпопея Малой земли, о которой так сильно написал в своей книге Леонид Ильич Брежнев.

Перед фронтом 383-й стрелковой во вражеской обороне было очень много дзотов. Прежде чем наступать на этом участке, надо было уничтожить как можно больше деревянно-земляных огневых точек. Такую задачу мы решили выполнить силами артиллерии, которую предполагалось вывести на прямую наводку, и мелких блокировочных групп.

На борьбу с дзотами ушел весь февраль. Каждый день в допесениях назывались имена бойцов, наиболее отличившихся в этих скоротечных боях. Красноармеец Петр Попов пробрался в тыл противника и разминировал несколько огневых точек. Красноармеец Николай Сергеев, действуя со своим противотанковым ружьем в составе блокировочной группы, несмотря на ураганный огонь, в упор уничтожил огневую точку врага. Заместитель командира роты по политчасти коммунист Николай Ковалев, захватив в плен граблями дзот, а затем в упор расстреляв его из автомата шестерых горных стрелков, неожиданно был убит осевшими на него. Но

и сам он был убит в этой схватке. Кандидат в члены партии рядовой М. В. Евеньков, опытный боец, уже награжденный орденом Красной Звезды, поклялся отомстить за смерть ротного политработника. Он выполнил эту клятву. Через день в ближнем бою из своей винтовки Евеньков уничтожил нескольких захватчиков, но тоже пал от фашистской пули.

Имена павших, имена оставшихся в живых... Горе и радости. В канун 25-й годовщины Красной Армии пришел к нам приказ Верховного Главнокомандующего, в котором содержался подробный итог 20 месяцев войны. В приказе сказано, что началось массовое изгнание врага с советской земли. Приказ доводил до сведения всего мира, что с победой наших войск под Сталинградом боевая инициатива перешла к Красной Армии и наступил решительный перелом в войне. Этот документ всколыхнул самые высокие чувства в душе каждого нашего бойца, командира и политработника.

Праздник 23 февраля был омрачен жуткой картиной, открывшейся нам в освобожденном хуторе Первый Греческий, точнее — в том месте, где еще недавно стоял хутор. Все дома в этом населенном пункте были сожжены. В центре оккупанты бросили на поругание тела семнадцати замученных бойцов и командиров, фамилии которых установить не удалось. Обугленные руки и ноги, отрезанные уши, носы, выколотые глаза. Вдоль и поперек исполосованные ножами спины...

Агитаторов 1-го батальона 691-го стрелкового полка, который освобождал Первый Греческий, мы разослали по частям и подразделениям дивизии — пусть о зверстве противника солдату расскажет тоже солдат. Пусть, закулив самокрутки, они помолчат о мертвых, а потом решат, какую кару назначить фашистскому зверю.

Мы все — от рядовых до комдива — понимали тогда, конечно, что лучшим нашим ответом на приказ Верховного Главнокомандующего будут успехи в боевых делах, и постарались в ближайшее же время нанести противнику ощутимый урон. С разрешения командарма 27 февраля 2-м батальоном 696-го стрелкового полка мы провели бой за овладение сильно укрепленной высотой с отметкой 140,2.

В этом бою обессмертил свое имя командир взвода младший лейтенант Василий Петриашвили. Когда рота поднялась в атаку, он с двумя своими подчиненными ока-

вался впереди всех. Ведя на ходу огонь ~~из автомата~~, Васо неудержимо рвался вперед. И вдруг из-под валуна — пулеметная очередь, скосившая обоих солдат. Бьет вражеский пулемет из хитро замаскированного дзота и не дает поднять головы ни ему, младшему лейтенанту Петрианвили, ни его роте, которая лежит под убийственным свинцовым ливнем... А граната всего одна, и он не имеет права не попасть ею в амбразуру. Размерив каждое свое движение, Василий Петрович приподнялся на локте и бросил Ф-1 по цели. Пуля все-таки успела зацелить офицера, однако он встал и, призывно взмахнув автоматом, крикнул:

— Ребята! За Родину — вперед!

Но дзот ожил. И снова оскалился огнем...

Младший лейтенант Василий Петрович Петрианвили бросился грудью на этот огонь и закрыл амбразуру¹.

Отвагу и мужество проявила санинструктор батальона Наташа Мозолева. В дивизии ее имя было известно еще со времени боев под Туапсе, где, переодевшись в гражданское платье, она нередко ходила в тыл врага и добывала ценные разведывательные сведения. И вот эта девушка отличилась снова. Под густым пулеметным огнем она вынесла с поля боя всех раненых. Мы представили Наташу Мозолеву к ордену Красной Звезды.

5 марта 383-ю стрелковую дивизию переподчинили командующему 56-й армией генерал-лейтенанту А. А. Гречко. Войска генерала Гречко (8 стрелковых дивизий и 2 стрелковые бригады) после освобождения во взаимодействии с 18-й армией города Краснодара готовились к операции по овладению хорошо укрепленным рубежом врага в районе Абинской.

383-я стрелковая наступала на левом фланге 56-й армии.

В 9 часов 10 марта после артподготовки ее батальоны дружно поднялись в атаку, и такое начало говорило о том, что люди хорошо настроены на выполнение поставленной боевой задачи. А задача наша состояла в том, чтобы стремительным броском выйти на восточный берег реки Абин севернее лагерей и овладеть станицей.

Несмотря на то что артподготовка длилась полчаса

¹ ЦАМО, ф. 383ед, оп. 70070, д. 5, л. 180.

(по тогдашним нашим понятиям, это было немало) и по Абинской нанесли удар около 20 самолетов-штурмовиков, огневые средства противника подавлены почти не были. Пехотные цепи нашей дивизии натолкнулись на массивный огонь из всех видов стрелкового оружия, минометов и артиллерии врага. Я приказал выдвинуть в боевые порядки стрелковых подразделений полковые 76-миллиметровые пушки и 45-миллиметровые противотанковые орудия 28-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Их цели — огневые точки противника.

8-я стрелковая рота 691-го стрелкового полка, возглавляемая младшим лейтенантом Степаном Егоровым, выбила гитлеровцев из двух крайних домов на юго-восточной окраине станицы и, захватив их, обеспечила продвижение батальона. Вскоре в уличный бой вступили и другие подразделения дивизии.

Нам удалось овладеть четырьмя кварталами. Схватки были жесточайшими. Гитлеровцев приходилось выкуривать из каждого дома, из каждого подвала, превращенного в долговременную огневую точку. Не хватало ручных гранат, явно недоставало автоматов...

Командарм генерал-лейтенант А. А. Гречко, уловив в нашем первом маленьком успехе надежду на успех всей армии, в 14 часов ввел в бой на направлении наступления 383-й стрелковой дивизии 151-ю танковую бригаду подполковника В. А. Корнилова. Если бы танкисты сумели пройти к нам, положение улучшилось бы значительно. Ведь в уличном бою танк — это и щит пехоты, и ее таран. Но, к сожалению, бригада подставила борт под фланкирующий огонь противотанковой артиллерии врага с высот северо-восточнее Абинской и за короткое время потеряла 10 машин. Сейчас даже и не передать, как было больно смотреть на эти черные дымы!..

...Сталинградская битва победоносно завершена. На берегах матушки-Волги нашла свой бесславный конец 330-тысячная армия Паулюса. Гитлер объявил в Германии траур, а у нас радости нет предела. Даже спустя столько лет, невозможно без волнения вспомнить, как мы слушали сообщение Совинформбюро о полной ликвидации сталинградской группировки немецко-фашистских войск. Велик праздник! Но вот какое тут дело. Не родила ли блестящая победа нескольких наших фронтов под Сталинградом иллюзий? Например, на тот счет,

что враг не успевает, дескать, не тот и что бежать ему теперь без оглядки.

Суди по тому, в какой спешке готовилось наступление на Абицкую, элементы шапкозакидательства все же появились. Чтобы нанести удар значительно севернее станции, требовалась перестройка войск. Но не терять же время! Вот и поспешили...

Какому советскому человеку не хотелось тогда, чтобы как можно быстрее выгнать супостата из пределов священной нашей земли! Но одно дело чувства, желания, другое — возможности, силы.

Абицкая была взята лишь спустя полмесяца. Но 383-я стрелковая дивизия в боевых действиях не участвовала: сосредоточившись в районе станции Ильской, она пополнялась личным составом и занималась боевой и политической подготовкой.

27 марта 1943 года 383-я стрелковая дивизия, совершив марш из района Ильской, заняла свое место в боевом построении 56-й армии — на ее правом фланге, на рубеже Верхне-Ставропольский, Майоровский. Согласно плану операции армии предстояло нанести два удара: главный — силами 10-го гвардейского стрелкового корпуса, 61-й и 383-й стрелковых дивизий из района Украинская, Поповский, Верхне-Ставропольский в направлении Верхнего Адагума и вспомогательный — силами 20-й и 83-й горнострелковых и 2-й гвардейской стрелковой дивизий из района Мова, Лесная в направлении Молдаванского. Иначе говоря, прорывать оборону противника надо было севернее и южнее Крымской, а затем, обойдя станцию, войска должны были развивать наступление на Верхне-Баканский, который прикрывал тыл поворооссийской группировки врага.

В этой операции 383-я стрелковая дивизия предназначалась для наступательных боевых действий в первом эшелоне на главном направлении. Задача ее состояла в том, чтобы к исходу первого дня наступления овладеть южной окраиной станции Крымская.

В 9 часов утра 4 апреля мы начали атаку. И сразу же стало ясно, что даже часовая артиллерийская подготовка наступления (а в интересах 383-й стрелковой дивизии работали 1231-й гаубичный артполк и 769-й артиллерийский полк 242-й горнострелковой дивизии) дала весьма незначительный эффект. Большинство огневых средств противника подавлено не было. И все же мы подошли к желез-

подорожной насыни. Как раз в тот момент, когда начался сильный дождь. Но тут контратака на оба наших фланга — общим числом до полка пехоты и 26 танками... К исходу дня дивизия вынуждена была отойти на исходный рубеж.

56-я армия, а в ее составе и 383-я стрелковая дивизия, снова перешли в наступление 14 апреля. Особенно сильный бой разгорелся на нашем стыке с левым соседом — 61-й стрелковой дивизией генерал-майора С. Н. Кузнецова. На пути 3-го батальона 696-го стрелкового полка встала высота с отметкой 68,8 — сильно укрепленный опорный пункт противника. Комбат капитан Николай Подкидыш принял решение одной ротой с фронта сковать гарнизон высоты, а двумя другими обойти ее и атакой с двух направлений овладеть вражескими позициями. В обход слева людей повел начальник штаба батальона старший лейтенант Леонид Поздняков, в обход справа — заместитель комбата старший лейтенант Николай Теплов. Подкидыш сначала хотел послать своего заместителя по политчасти капитана Семена Колотилина. Но Теплов настоял, чтобы послали его:

— Мне ведь вчера партбилет вручили, а ты, Семен, хоть и комиссар, не понимаешь ситуации.

И пошел Теплов. Он-то и рассказал потом о гибели начальника штаба батальона старшего лейтенанта Л. Позднякова. Поздняков был человек исключительной храбрости. Его очень любили солдаты. Никогда не унывает, для каждого бойца найдет доброе слово, но за службу спрашивает по всей строгости. И люди понимают: на то она и служба...

Леонид встал первым.

— За Родину нашу — вперед, братишечки, за мной!

С автоматом наперевес он все время бежал впереди, на самой вершине двумя гранатами уничтожил пулеметный расчет, остановился, выхватил из-под ватника кусок красного полотна. И тут покачнулся... Тяжелыми шагами Поздняков шел с алым этим стягом к той точке, к которой сам себе поклялся дойти. И дошел. И устал. Он отдал все, что мог. Жизнь.

А бой уже катился дальше, к железной дороге, к мосту через реку Адагум. Наступательный порыв был силен, как никогда. Управляя полками, я видел, как друж-

но наступают все подразделения и, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, теснят его.

Чтобы передать современному читателю все состояние духа наших бойцов в том бою, позволю себе привести здесь письмо, которое во время работы над этой книгой я получил от ленинградки Евгении Алексеевны Владимировой. В 383-й стрелковой ее знали в годы войны как санинструктора 3-го батальона 694-го стрелкового полка Женю Янушкевич. Вот что она пишет: «...Вой, свист, грохот разрывов, и сквозь все это — стоны раненых, к которым единственно мы прислушиваемся: я и мои подруги исполняем свое главное дело на войне — перевязываем раненых, подтаскиваем или сопровождаем их к большой воронке от снаряда. Отсюда они будут эвакуированы.

Услышала зов. Бегу, на ходу разрывая упаковку бинта... Увидела раненого и оцепенела в замешательстве: он полз ко мне, таща за собой на белых сухожильях обе ноги, оторванные ниже колен.

Как мне перевязать его? Эти... ноги!..

— Ну что, дочка, не знаешь, что делать? Режь.

Подчинилась. Перочинным ножом сделала я эту первую и последнюю свою операцию, забинтовала раны и собиралась помочь бойцу добраться до воронки. Но он снова предупредил меня:

— Доползу, дочка, сам. Знаю куда. А ты к другим на помощь иди. Иди, они ждут.

Вот, собственно, и весь суровый военный эпизод, врезавшийся в мою память. Это искалеченное, обезображенное, страдающее тело и — ни с чем не сравнимая красота несломленного духа, освященная этим страданием!

Мой раненый был из тех мужественных, скромных героев, для которых любая своя боль менее значительна, чем боль другого. Я пыталась узнать о судьбе этого человека, но безуспешно. И вот почему нужно мне, чтобы о нем прочитали. Чтобы вместе со мной изумились красоте русского характера. А еще теплится совсем, правда, слабая надежда: вдруг да и узнаю о нем что-нибудь...

Нечего ни убавить, как говорится, ни прибавить.

И ни слова о своем месте, повседневном, незамечном, которого требовали от девушек-санинструкторов их «самое главное дело на войне». А ведь бывали случаи, когда эти девчонки брали на себя хрупкие и мужскую долю. Вот в том же бою, 14 апреля, по часам позже повела бойцов в атаку санинструктор этого же

694-го полка Клава Будко. Полковая рота автоматчиков почти уже зацепилась за окраину Крымской. И тут фашистская пуля сразила ротного старшего лейтенанта Ермакова. Автоматчики залегли под пулеметным огнем. Тогда-то и поднялась Клава.

— Слушай мою команду! — зазвенел в грохоте боя ее голос. — За мной, мальчики! Бей гадов!

Рота ворвалась на позиции фашистов и завязала рукопашный бой. Дрались автоматчики жестоко. Беспощадно уничтожая гитлеровцев, они мстили им и за своего командира, и за погибшую звонкоголосую Клаву Будко...

Рота Ермакова обеспечила успех всего полка. Он захватил железнодорожную станцию Крымская. Но успех этот закрепить мы не успели. Противник бросил против 383-й стрелковой из совхоза «Пятилетка» больше двух полков пехоты и около 60 танков. Чтобы отразить эту мощную контратаку, я ввел в бой 691-й стрелковый полк подполковника Д. И. Мельникова. Полк энергично вышел из-за левого фланга 696-го стрелкового и, окопавшись, твердо стал на пути контратакующих фашистов. Прямо в боевых порядках пехоты заняла огневые позиции батарея 45-миллиметровых пушек 28-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, которой командовал старший лейтенант Михаил Кушнарченко, а затем и весь дивизион. На отражение контратаки вражеской пехоты и танков был перенесен огонь 2-го дивизиона 966-го артполка. Командир дивизиона капитан Филипп Гусев немедленно выбросил на высоту 68,8 передовой наблюдательный пункт в составе командира батареи капитана Анатолия Труевцева, командира взвода управления лейтенанта Михаила Куприна, девяти разведчиков и связистов во главе с командиром отделения сержантом Авериным. Чуть позже на этот же НП прибыл и начальник разведки 966-го артполка старший лейтенант Георгий Черноиванов — потребовалось вести по танкам огонь и другими двумя дивизионами.

В ходе боя огнем артиллерии и противотанковых ружей было уничтожено 14 немецких танков, около 400 солдат и офицеров. Противник потеснил нас, но неамного. И главное, за нами осталась высота 68,8, небольшому гарнизону которой на следующий день, 15 апреля, суждено будет вписать еще одну яркую страницу в славную историю 383-й стрелковой дивизии.

Здесь я должен несколько отвлечься от событий в полосе нашей дивизии, чтобы снова ввести читателя в курс оперативной обстановки.

Еще 10 марта 1943 года Гитлер, оглашая перед высшим командным составом вермахта (участниками очередного совещания в ставке) планы на 1943 год, в отношении группы армий «А» заявил следующее: «...желательно, чтобы Новороссийск был удержан нами и включен в состав таманского плацдарма, с одной стороны, из соображений политического влияния, с другой стороны — в целях удержания русского Черноморского флота вдали от Крыма»¹.

Чтобы достичь этой цели, поставленной немецким верховным командованием, 17-й немецкой армии нужно было во что бы то ни стало удержать таманский плацдарм. Встал вопрос о ликвидации нашего плацдарма на Мысхако. Активные боевые действия защитников Малой земли сковывали значительные силы врага. Эту операцию гитлеровское командование хотело начать еще 6 апреля, но мощный натиск 56-й армии на Крымскую вынуждал его переносить сроки. Гитлеровцы решили сначала «полностью разбить русских» в районе Крымской.

Командующий Северо-Кавказским фронтом решил 15 апреля в 7.30 продолжить наступление 56-й армии. Но противник на час раньше сам перешел в атаку. Его сухопутные части поддерживались большими массами авиации. Бомбардировщики врага непрерывно висели над нашими боевыми порядками. Краснозвездные истребители появлялись только парами, редко четверкой. На них тут же набрасывалась стая «мессеров», и начиналась бешеная воздушная карусель. Надо отдать должное мужеству красных соколов. Они дрались с превосходящими силами воздушного противника беззаветно и до конца. Жгли немцев, сторали сами. Ветераны 383-й стрелковой дивизии, участники боев за Крымскую, наверное, все помнят, как на наших глазах один из советских летчиков таранил своим самолетом истребитель врага. Похоже, у обоих кончились боеприпасы. Машины без стрельбы мчались тогда навстречу друг другу, лоб в лоб. В последний момент гитлеровец не выдержал и попытался нырнуть под наш самолет. Только поздно он послал вперед ручку управления. Яркая вспышка, дым — и закончился последний полет на-

¹ ЦАМО, ф. 6598 оп. 725168, д. 156, л. 74.

шего героя... А «юнкеры» и «хейнкели» продолжали между тем сыпать нам на головы свой смертоносный груз.

С началом боя первая мысль была о гарнизоне высоты 68,8, где оборонялось до взвода стрелков из 694-го стрелкового полка (они отошли сюда накануне вечером) и где находился передовой наблюдательный пункт капитана Труевцева. Надо признать, что наступление гитлеровцев было для нас неожиданным, и пока мы сообразили усилить оборону этой высоты, пока командир 694-го полка послал туда роту лейтенанта Антошкина, прошло время, которого оказалось достаточно для того, чтобы фашистские автоматчики сблизилась с небольшой группой бойцов, державших на вершине свой боевой рубеж.

Защитники высоты под командованием капитана Труевцева хладнокровно подпустили противника на сто метров и открыли огонь из автоматов и ручного пулемета. Косили гитлеровцев густо, а они все лезли и лезли — казалось, нет им числа. Но не выдержали все-таки, скатились.

Сразу же позицию защитников высоты 68,8 принялись обрабатывать два бомбардировщика. Они проходили над вершиной на малой высоте и бросали 100-килограммовые бомбы — двенадцать раз гремели там мощные взрывы. Один за другим выходили из строя бойцы. А тут еще ударила батарея 105-миллиметровых пушек. Труевцев успел передать ее координаты, и вскоре мы подавили эту батарею. Но до того как подавили, прямо в люк блиндажа влетел снаряд.

Все были ранены, кроме лейтенанта Куприна и сержанта Аверина. У Черноиванова и Труевцева раны оказались смертельными. Начальник разведки умер, не придя в сознание. А комбат еще жил. Ему было трудно дышать, не то что говорить, но он все-таки пошел силы, чтобы прошептать Куприну:

— Высоту... приказываю... не сдавать. Если что... вызывай...

Э — были последние слова мужественного командира.

Лейтенант Куприн стойко держал оборону. Даже раненые не оставляли своего боевого места в траншее. Но наступил такой момент, когда силы людей совсем иссякли. И тогда офицер вызвал огонь на себя, как и завещал капитан Анатолий Труевцев.

Едва в бинокль стало видно, что по восточному склону высоты 68,8 поднимается, спешит 2-я рота 694-го стрелкового полка, посланная на выручку, и приказал перенести

артогонь по западному подножию этой сопки. Не останавливаясь на вершине, стрелки и автоматчики лейтенанта Антошкина контратаковали противника и в ближнем бою уничтожили остатки пехотного подразделения, штурмовавшего наш артиллерийский НП. Как написано в политдонесении, отважно действовали красноармейцы Осоков, Табанидзе, Комбатов и многие другие бойцы¹.

16 апреля наступление противника в полосе 56-й армии, в том числе и в полосе 383-й стрелковой дивизии, стало утихать. Главное — резко упала активность вражеской бомбардировочной авиации. Было видно, что фашисты ведут бой, в основном огневой, уже без каких-либо решительных целей, чтобы только связать наши силы. Что бы это значило?

Разгадка пришла на другой день. В 6 часов 30 минут утра 17 апреля после сильнейшей артиллерийской и авиационной подготовки противник силой до четырех пехотных дивизий при пятистах орудиях и минометах (так называемая группа генерала Ветцеля) перешел в наступление против защитников Малой земли в Новороссийске. Боевые действия сухопутных войск с воздуха поддерживало более 1200 самолетов. Как свидетельствовали сами гитлеровцы, в первый день в налетах на плацдарм Мысхако участвовал 361 бомбардировщик, 71 штурмовик, 401 пикирующий бомбардировщик, 206 истребителей и 4 истребителя танков². Бомбардировка позиций малоземельцев продолжалась непрерывно — с рассвета до наступления темноты. Леонид Ильич Брежнев, участник тех боев, так описывает сложившуюся тогда обстановку: самолеты «буквально висели над нами, шли волнами по 40—60 машин, сбрасывая бомбы на всю глубину обороны и по всему фронту. Вслед за скоростными бомбардировщиками двигались пикирующие — тоже волнами, затем штурмовики. Все это длилось часами, после чего начинались атаки танков и пехоты»³.

Логика вооруженной борьбы подсказывала, что для срыва операции «Нептун» (так гитлеровское командование закодировало свое наступление на новороссийский

¹ ЦАМО, ф. 412, оп. 10295, д. 63, л. 272—273.

² ЦАМО, ф. 6598, оп. 725167, д. 848, л. 107.

³ Брежнев Л. И. На страже мира и социализма. М., 1979, с. 561.

плацдарм) необходимо было, в свою очередь, нанести удар по противнику где-то на другом участке Северо-Кавказского фронта. Эту задачу командующий фронтом вновь возложил на 56-ю армию. В штабе срочно приступили к планированию удара, начало которого комфронта назначил на 20 апреля.

Прибывшему 19 апреля в Абинскую представителю Ставки Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову командарм генерал-лейтенант А. А. Гречко доложил, что наступление к завтрашнему утру подготовлено не будет в дивизиях острая нехватка боеприпасов, мало артиллерии и танков. Как засвидетельствовал в своих мемуарах генерал армии С. М. Штеменко, «Г. К. Жуков согласился с этим мнением и отсрочил наступление армии на пять дней, то есть до 25 апреля. К этому времени ожидалось боеприпасы, горючее, подход артиллерии РВГК и, самое главное, становилось возможным использовать всю авиацию, в том числе и вновь прибывшую, что позволяло захватить господство в воздухе»¹.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования прибыл на Северо-Кавказский фронт с мощными резервами. Один за другим сюда перебазировались три авиационных корпуса. К 20 апреля ВВС фронта насчитывали около 900 боевых самолетов. Ожидалось прибытие еще 200 машин, причем все новые авиационные соединения были полностью оснащены новой техникой — истребителями Як-1, Ла-5, штурмовиками Ил-2 и пикирующими бомбардировщиками Пе-2.

Все эти самолеты сразу же были брошены в бой против сухопутных войск и авиации врага, наступавшего на Малую землю. 20 апреля по боевым порядкам немецких пехотных дивизий в районе Новороссийска было нанесено два массированных авиационных удара. В каждом налете участвовало по 200 самолетов. В то же время пикирующие истребители надежно прикрыли с воздуха войска десантной группировки 18-й армии. Противник вынужден был прекратить атаки и зарываться в землю.

Между тем 56-я армия, а в ее составе и 383-я стрелковая дивизия, готовились к прорыву обороны противника южнее Крымской. 22 апреля нас, всех командиров соединений, вызвали в Абинскую, на КП армии. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков решил заслушать коман-

¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны, с. 85.

дивизий, которые должны будут наступать на направлении главного удара.

С Жуковым мне довелось встретиться впервые, и, пока докладывали другие командиры соединений, я внимательно вглядывался в этого человека, о котором до той встречи так много слышал. Коренаст, плотен, крупная голова с высоким, чистым лбом, большие залысины. На кителе — лишь Золотая Звезда Героя Советского Союза. В каждом движении, в каждом слове какая-то необыкновенная, я бы сказал, нетерпеливая воля. Докладывающего останавливает резко, слушает только то, что хочет слышать.

О противнике — в деталях! — приказал Георгий Константинович, когда подошла моя очередь.

Насколько можно подробно я доложил об обороне врага, противостоящего 383-й стрелковой дивизии, уделив особое внимание системе огня гитлеровцев и инженерному оборудованию их позиций.

— Способны ли ваши стрелковые полки на своих участках взломать эту оборону? — спросил Жуков.

— Способны, товарищ маршал, но необходима крепкая поддержка артиллерии и авиации. Особенно артиллерии.

— Достаточно. Садитесь.

Почему я хотел обратить внимание маршала на артиллерийскую поддержку наступления?

При штурме станицы Абинской в 56-й армии было поднакоплено изрядное количество боеприпасов для различных артиллерийских систем и минометов. Наступление, в частности 383-й стрелковой дивизии, поддерживалось внушительными, как нам представлялось, силами артиллерии. И все-таки наши первые атаки успеха не имели. В чем дело?

До войны, будучи слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе, я потратил, как и все мои товарища, немало сил и времени на то, чтобы получше изучить артиллерийское дело, по крайней мере — его тактико-боевую сторону. Особое удовлетворение мы испытывали от того, что научились уверенно делать так называемые «погектарные» расчеты, то есть мы умели вычислить, сколько снарядов и какого калибра нужно положить на один гектар, чтобы на этой площади уничтожить всю живую силу противника. Или, скажем, частично уничтожить. Но в наступлении «погектарные» расчеты частенько оказывались просто несостоятельными. Боевая практика убедительно

что даже при полном расходе боеприпасов артиллерия, ведя огонь по площадям, не может подавить те огневые средства врага, которые находятся в рытиях. Абинская в этом отношении преподнесла нам хороший урок.

Для того чтобы артиллеристы могли, как в период артподготовки, так и в ходе наступления, эффективно расчищать путь пехоте и танкам, каждое орудие, каждая батарея, каждый дивизион должны стрелять по конкретным целям, чаще всего, что называется, точечным. Эти цели нужно, разумеется, всеми видами разведки выявить до наступления. Обязательное требование к разведке целей — ее непрерывность, которая дает возможность командирам и штабам знать размещение огневых средств и средств управления противника в последний перед началом боя момент.

Однако в ходе атаки могут обнаружиться новые, не обнаруженные ранее цели. И первой их видит пехота, которая начинает нести потери. Следовательно, в боевых порядках стрелковых подразделений и частей необходимо иметь артиллерийского специалиста, офицера-наводчика со средствами связи, способного быстро и решительно откорректировать артогонь. А еще лучше, если артиллерия в атаке будет двигаться непосредственно в боевых порядках пехоты и стрелять прямой наводкой.

28 апреля в районе Крымской активизировала свои действия гитлеровская авиация. С утра этого дня и до захода солнца противник группами по 10—15 бомбардировщиков непрерывно пытался прорваться к боевым порядкам наших войск и отбомбиться по ним. Но истребители 4-й воздушной армии, командование которой принял генерал К. А. Вершинин, принуждали немецко-фашистских стервятников сбрасывать бомбы на головы своих наземных войск. Над станицей началось многодневное авиационное сражение.

В ночь на 29 апреля 18 наших бомбардировщиков нанесли удар по району Крымской и зажигательными бомбами создали несколько очагов пожаров, которые послужили ориентирами для других эскадрилий, наносивших удары по артиллерийским позициям врага. В 6 часов утра заговорила наша артиллерия. После артподготовки, которая продолжалась 100 минут, в атаку поднялась советская пехота с танками.

333-я стрелковая дивизия с 257-м танковым полком наступала с рубежа высоты 68,8 непосредственно на Крымскую. Почти сразу же стало ясно, что огневые средства противника полностью подавить не удалось. Укрытые в железобетонных сооружениях, они встретили нас сильным артиллерийским и пулеметным огнем. В первые двадцать минут боя противотанковые пушки гитлеровцев подбили пять наших танков. Еще два танка подорвались на минах. Смешался строй. «Валентаины» (а полк был вооружен английской техникой) снизили скорость, некоторые даже остановились. Эта ошибка была тотчас же использована врагом — вспыхнули новые факелы... В ходе первой атаки мы потеряли 13 танков и в последующие, как 29 апреля, так и в другие дни, пока не взяли Крымскую, вынуждены были вгрызаться в оборону противника одними стрелковыми подразделениями при поддержке авиацией и артиллерией.

Бои эти отличались огромным упорством с обеих сторон, а значит, и необыкновенной жесточечностью. Фашисты часто и мощно контратаковали. По 6—8 раз в день. В течение ночи дивизия перегруппировывалась, а с утра, после тридцати-, сорокаминутной артподготовки бросалась в новую атаку. Потери были большими. Три батальона 694-го стрелкового полка, например, пришлось даже объединить в один — настолько полк обескровел.

Точно такое же положение было и у наших соседей: справа — у 2-й гвардейской, слева — у 61-й стрелковых дивизий.

И все-таки к вечеру 3 мая мы перевалили железнодорожную насыпь, превращенную в крепость, и зацепились за восточную окраину Крымской. Подразделения 691-го стрелкового полка начали с боем просачиваться к центру станции.

Принимаю решение продолжать наступление и ночью. Когда доложил об этом генералу Гречко, командарм одобрил:

— Правильно решил. Бей их в станице, а я нажму правым флангом. Сегодня прорвем!

Ночь, а в Крымской светло как днем. Фашистские факельщики из зондеркоманд поджигают дома. Это верный признак того, что варвары собираются оставить или уже оставляют Крымскую. Ненавидимые поджигателям удесе- теряет силы наших бойцов. Скорей, скорей спасти станицу!..

Но, как ни торопились, очистить ее от врага удалось только часам к одиннадцати 4 мая. В Крымской — угли и пепел, на каждом шагу — следы погрома. До оккупации здесь было около 25 тысяч населения, теперь на улицах почти пусто... Возле развалин дома бродит согбенная старуха, клюкой пытается разволочь одну из глинобитных груд пожараща.

— Что ищешь, мать? — спрашиваю с недобрим предчувствием.

Она молчит.

— Не слышит, товарищ командир, — подсказывает оказавшаяся рядом со мной какая-то женщина. — Умом бабушка тронулась...

Накануне вечером у дочери этой старухи расплакался грудной ребенок. Один из фашистов подцепил ребенка на штык и выбросил в окно. Мать бросилась к двери, но тут же короткой очередью в спину ее убил второй факельщик. Потом гитлеровцы запалили голубоставенную белую хату.

Унося ноги из Крымской, оккупанты, однако, успели заминировать многие строения. Вспоминается, как, например, начальнику связи одного из батальонов 691-го стрелкового полка старшему лейтенанту Г. В. Ткачеву понадобился трофейный кабель — свой был основательно побит. Связисты нашли оставленную противником телефонную «нитку», которая вела к мосту. Можно сматывать. Но хорошо, что Ткачев догадался сначала осмотреть дальний конец провода. Оказалось, что кабель был подведен к двум 500-килограммовым авиационным бомбам. Чуть натяни — ни моста не будет, ни тыловой колонны, двигавшейся по нему.

Ненависть к врагу, ответственность за жизнь советских людей, еще томящихся под гнетом оккупации, неукуротимое стремление сполна отомстить фашистским гадам за убийства и разбой — все это звало нас вперед, на разгром гитлеровской нечисти. К исходу 4 мая 383-я стрелковая дивизия была подчинена командиру 11-го гвардейского стрелкового корпуса и получила задачу: с утра 5 мая решительно атаковать противника и, прорвав его оборону, выйти на рубеж Тамбуловский, Свобода.

Утро выдалось солнечное. После дождей земля парила, и даль заволокло золотистой дымкой, в которой размыто белели снега буйно цветущих садов. И если бы к цветочному аромату не примешивались гнетущие запахи перека-

ленной в пожарах глины и сгоревшего тротила, можно было бы без труда представить, что никакой войны уже нет и ты можешь наконец во всю грудь набрать этой мирной, солнцем звенящей тишины.

И вдруг в такой вот тишине — как напоминание — Землица тут важная, родит хорошо. Никакого пазьму ложить не надо. Да еще и кровушкой политай...

Чуть в стороне от моего ИП солдат-связист, готовясь к бою, понадежнее крепит на каске брезентовый ремешок. В окопе он да его молодой товарищ, видно еще не вюхавший пороха. В широко распахнутых глазах под белыми, чуть в рыжину, ресницами — и страх за свою жизнь, и надежда, что с этим бывалым дядькой не пропадешь.

— Счас почнем. — Бывалый поглубже нахлобучивает на голову каску. — Страхом не зудись, Серега. Случай чего — я оболокть.

Я посмотрел на часы. До начала артподготовки оставалось две минуты.

Собственно, была не артподготовка, а 10-минутный артналет. Артиллерия еще вела огонь по переднему краю обороны противника, а полки 383-й стрелковой дивизии уже встали и пошли. Справа наступала 32-я гвардейская стрелковая, слева — 242-я горнострелковая дивизии.

Наш правофланговый 696-й стрелковый полк под командованием подполковника А. К. Руцинского наступал на хутор Самсоновский. Левее, на высоту с отметкой 114,1, шли в атаку батальоны 691-го полка под командованием подполковника Д. И. Мельникова. Подполковник М. В. Бондаренко вел свой 694-й стрелковый в стык с двумя другими полками и уступом назад в готовности развить наметившийся успех первого эшелона.

Со своего наблюдательного пункта я увидел, как споткнулся 696-й стрелковый. В 300 метрах северо-западнее высоты 60,2 он натолкнулся на хорошо замаскированное противопехотное минное поле. В этот момент из балки Мекерстук и с северо-западных скатов высоты 114,1 гитлеровцы ударили из минометов и тяжелых пулеметов. Я приказал Мельникову ускорить сближение с противником, а командиру 28-го отдельного противотанкового дивизиона, находившегося в резерве, — немедленно побатарейно занять огневые позиции в боевых порядках пехоты и прямой наводкой уничтожать обнаруживавшие себя огневые точки врага.

Пока саперы проделывали в минном поле проходы для 696-го стрелкового полка, 691-й достиг восточных скатов высоты 114,1, преодолел проволочные заграждения и после короткой рукопашной схватки овладел первой траншеей противника. Еще немного, и можно будет из-за левого фланга Мельникова ввести 694-й стрелковый полк. Но господствующая над местностью высота оцетинилась плотнейшим пулеметным, минометным и артиллерийским огнем из новых, молчавших до этого момента дзотов..

У высоты 114,1 сейчас есть имя собственное — высота Героев. В память о погибших здесь в 1943 году бойцах, командирах и политработниках благодарные потомки соорудили на холме мемориал. Люди приходят сюда часто: пионеры, вдовы солдатские, участники тех кровопролитных боев. Ветераны, конечно, рассказывают, как немцы укрепились на этой высоте, насколько сильной была здесь фашистская оборона. И все же за давностью времени теперь уже трудно представить, на какой плотности огонь шли тогда грудью наши батальоны. Я тоже не надеюсь найти такие слова, которые могли бы дать современному читателю полное представление о боях за высоту 114,1. Именно в боях — мы ведь взяли ее только 16 сентября 1943 года.

Но тогда, на исходе дня 5 мая, всего этого я знать не мог. Тогда я заглядывал в будущее лишь на глубину стоявшей перед дивизией задачи — во что бы то ни стало выйти на рубеж Тамбуловский, Свобода, а затем наступать на хутор Подгорный, в обход с севера крупного населенного пункта Молдаванское. Заглядывая в такое свое и моих подчиненных будущее, я думал о том, что за ночь необходимо успеть перегруппироваться, собрать в кулак все силы и утром во взаимодействии с соседями все-таки прорвать оборону гитлеровцев. И надо как-то исхитриться, чтобы обойти эту треклятую высоту 114,1.

Отдав полкам распоряжение закрепляться на достигнутом рубеже, соединился по телефону с генералом А. А. Гречко. Командарм понял меня.

— Часть твоей полосы я отдам горнострелковой дивизии, а тебе прирежу немного от тридцать второй гвардейской. Перегруппируйся и завтра с утра бей на южную окраину Тамбуловского. Боевое распоряжение высылаю. Если что — немедленно разыщи меня...

Минут через сорок мне снова пришлось звонить командующему армией. И по весьма срочному делу.

Адъютант доложил, что на обратных скатах высоты, которую я облюбовал для своего НП, меня дожидается женщина. Представилась директором станичной средней школы. Говорит, что разговор срочный.

Елизавета Николаевна (так звали женщину) протянула мне сложенный вчетверо большой лист рисовой бумаги. Я развернул его — схема. Вычерченная синим карандашом вне всякого соответствия с требованиями военной топографии, она, однако, ясно говорила о том, что все это — какие-то боевые укрепления.

— Товарищ командир, — сказала учительница. — Вы можете подумать что-нибудь плохое, но мы никак не могли избежать участи многих жителей Крымской. Мы — это я и дети-школьники. Нас тоже выгоняли и прикладами, и штыками на окопные работы...

Она заплакала. Я не торопил ее вопросами — пусть успокоится и тогда расскажет все по порядку.

Директор школы и ее питомцы быстро догадались, что немцы создают оборонительные укрепления, и решили: нужно эти укрепления как-то зарисовать. Учительница категорически запретила ребятам брать на земляные работы какую-либо бумагу и карандаш. «Смотрите, запомните, — приказала она, — и только дома, когда никто не видит вас, восстанавливайте эти наблюдения на малюсеньких клочках...» Чтобы достичь большей достоверности, педагог посылала на одни и те же позиции двух, а то и трех ребят. Так и сняли довольно большой участок.

— Немцы называют все это Голубой линией, товарищ командир. Может быть, вам пригодится наша работа. Дети очень старались...

Она даже не представляла, на какое большое дело подняла своих учеников.

Генерал Гречко, как только по телефону я доложил ему, с чем пришла ко мне учительница, приказал немедленно доставить Елизавету Николаевну к нему... Позже я слышал, что ее наградили орденом.

А схема, вычерченная руками патриотов, помогла нам сильно. Тщательная проверка ее достоверности, проведенная армейскими и фронтовыми разведчиками, а также авиаразведкой, подтвердила: да, перед войсками Северо-Кавказского фронта мощнейшая полоса оборонительных укреплений, для прорыва которой понадобится немало сил и средств.

Понимая, что с потерей гряды господствующих высот,

протянувшихся западнее и северо-западнее Крымской, обязательно будет потеряны и весь Таманский полуостров, немцы заблаговременно укрепили эту естественную преграду на пути наступающих советских войск тремя позициями, до мелочей оборудованными в инженерном отношении, со множеством узлов обороны и опорных пунктов.

Голубая линия протянулась от косы Вербяной на Азовском море по рекам Курка и Адагум с их обширнейшими плавнями до северо-западных отрогов Главного Кавказского хребта. Болота и плавни на северном фесе этого оборонительного рубежа и сильно пересеченная горно-лесистая местность на южном оставляли чересчур мало шансов на то, что там, в топях и горах, возможен прорыв обороны врага. Было ясно, что прорывать ее предстоит где-то на центральном участке.

15 мая наступление войск Северо-Кавказского фронта было остановлено. Маршал Г. К. Жуков, проведя разбор закончившейся операции, после смены командующего фронтом (вместо И. И. Масленникова был назначен И. Е. Петров), убыл в Москву. Из армий ушли и многие части поддержки. В частности, наша 56-я армия осталась без одного гаубичного полка, без трех артиллерийских, двух истребительно-противотанковых, трех артполков ПВО, двух отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов, одного отдельного танкового батальона и одного самоходно-артиллерийского полка¹. Несколько позже из подчинения командарму были выведены еще три танковых полка и один отдельный танковый батальон².

Такое ослабление наших сил, видимо, вызовет у читателя недоумение: как же так, войскам предстоит готовиться к прорыву Голубой линии, а танки и артиллерия уходят?

Признаться, мы, командиры дивизий, сначала тоже ничего не могли понять. Но в конце концов поняли все же правильно: наступление на Тамани пока не предвидится. Почему же не предвидится, объяснить мы не могли.

А объяснение было вот в чем.

Конец весны 1943 года. Под Орлом и Курском Гитлер наметил взять реванш за Сталинград и Кавказ. И там же Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии сосредоточивала такие силы, которые были способны не только выдержать удары танковых таранов противника, но и разрушить эти стальные кулаки, а затем перейти в решительное контрнаступление. Поэтому неудивительно,

¹ ЦАМО, ф. 224, оп. 7572, д. 6, л. 116—124.

² Там же, л. 230—237.

что представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков остановил наступательные боевые действия Северо-Кавказского фронта: резервы, которые он привел сюда, на подступы к Голубой линии, теперь потребовались на курском и орловском направлениях.

Но если нельзя было вести наступление всеми оставшимися войсками Северо-Кавказского фронта, то наступательные боевые действия на отдельных участках мы вести были обязаны и должны. Ведь на Таманском полуострове держала оборону мощная группировка противника — 17-я гитлеровская армия, и эту группировку нужно было боями сковать так, чтобы командование вермахта не имело возможности взять отсюда ни одной дивизии, ни одной части на более важные участки советско-германского фронта.

...С 15 по 25 мая 1943 года 383-я стрелковая дивизия, выведенная с передовой в район восточнее Крымской, приводила себя в порядок, занималась боевой подготовкой. В ночь на 25 мая мы сменили на передовой 242-ю горнострелковую дивизию. 694-й полк занял участок, упиравшийся в северо-восточные скаты сильно укрепленной высоты 114,1, о которой я уже говорил. Правее его стал 691-й полк. 696-й стрелковый был поставлен во втором эшелоне, по западным скатам высоты с отметкой 60,2. Дивизионы 966-го артиллерийского и приданного нам 197-го горноминометного полков заняли огневые позиции на северной и северо-западной окраинах Крымской. Свой НП я приказал оборудовать рядом с наблюдательным пунктом командира 696-го стрелкового полка, на высоте 60,2. Здесь же располагался и мой противотанковый резерв — 28-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион.

Дивизия в составе 56-й армии перешла в наступление на другой день в 6 часов 30 минут утра после двадцатиминутной артподготовки. Нас поддерживали подошедшие ночью 257-й и 258-й танковые полки, в каждом из которых было по 10—12 машин английской промышленности. Задача состояла в том, чтобы, сев на фланг основных усилий на правом фланге дивизионного боевого порядка, прорвать оборону врага в направлении хутора Самсоновский и в дальнейшем наступать в обход Молдаванского с севера.

К 7.00 уже обозначился некоторый успех. По проходам в проволочных заграждениях и минных полях наши подразделения сблизились с противником и завязали ближний бой за первую траншею его обороны. В дело вступили созданные в ротах штурмовые группы. При помощи танкистов они сначала блокировали дзоты, а затем уничтожали их гарнизоны. Продвигались хотя и медленно, но уверенно. Как и ожидалось, гитлеровцы несколько раз пытались контратаковать силою до двух пехотных батальонов с танками южную окраину Молдаванского в левый фланг 694-го стрелкового полка, но батальон прикрытия, усиленный батареей 45-миллиметровых противотанковых пушек, отбивал этот натиск.

Вскоре определенно обозначился успех 2-го батальона 691-го стрелкового полка, который наступал на правом фланге дивизии. Этому успеху, как потом выяснилось, во многом способствовал помощник командира взвода старшина Костюченко. Он первым ворвался во вторую траншею и гранатами уничтожил до десятка фашистов. В упор застрелив офицера, старшина заскочил в блиндаж. Здесь на него навалились сразу трое. В свалке Костюченко штыком прокололи руку. И все же победа осталась за ним. Двух гитлеровцев он убил, третьего взял в плен.

Наступающим подразделениям 691-го и 694-го стрелковых полков сильно мешали минные заграждения. Никогда до этого нам не приходилось встречаться со столь густыми «посевами» противопехотных мин. И вот тут-то отличились уже саперы. В памяти осталось, что особенно хорошо работал саперный взвод, действовавший на направлении атаки опять-таки 2-го батальона 691-го стрелкового полка. Этим взводом командовал награжденный уже двумя боевыми орденами младший лейтенант Лихачев. Так вот, только двое его подчиненных, красноармейцы Летучий и Детков, обезвредили за день около 200 мин. Тогда командирам дивизий уже было предоставлено право от имени Президиума Верховного Совета СССР награждать отличившихся в бою солдат, сержантов и офицеров. И вечером 26 мая я вручил Летучему орден Красной Звезды, а Деткову — медаль «За отвагу».

Во второй половине дня наше наступление замедлилось из-за массированного налета вражеских бомбардировщиков. И все-таки к исходу дня мы достигли цели за южную окраину Самсоновского. Правым батальоном 691-го стрелкового полка достиг моста в этом хуторе, а левым

флангом — бляки Мекерстук (один километр северо-западнее высоты 114,1). 694-й стрелковый полк, обойдя эту же высоту с севера, подошел к высоковольтной линии, что в полутора километрах от юго-западной окраины хутора Арнаутский. Имея в виду с утра 27 мая атаковать Молдаванское, я приказал командиру 696-го полка тоже выдвигаться на южную окраину Самсоновского.

За день боя дивизией было уничтожено до 500 вражеских солдат и офицеров. 15 человек мы взяли в плен — из 228-го и 229-го пехотных полков 101-й егерской пемецкой дивизии и из 96-го пехотного полка 19-й пехотной румынской дивизии. Успешно провели бой и наши соседи.

В 5 часов утра 31 мая немцы силой до полка пехоты с 10 танками атаковали в стык 694-го стрелкового полка с левым флангом 1-й Особой стрелковой дивизии НКВД. Эту атаку мы отбили с большими потерями для врага. В 11.00 такими же силами противник атаковал с южной окраины хутора Свобода правый фланг 691-го стрелкового полка. Туда был брошен взвод автоматчиков. Его повел командир роты старший лейтенант Т. М. Миц. Повел в свой последний бой.

Морской офицер, волей судьбы и войны заброшенный в пехоту, Тихон Максимович быстро овладел тактикой стрелковых подразделений и проявил незаурядные способности в управлении ротой на поле боя. Людей жалел, понараспу под огопь их не подставлял, но в нужный момент мог пойти со своими автоматчиками под любой свинцовый ливень. Подчиненные любили моряка, начальство уважало. Я уже принял решение назначить Мица командиром батальона. Однако дать под его пачало батальон не успел. Произошло прямое попадание снаряда в окоп.

В этих же боях мы потеряли и Дмитрия Ивановича Мельникова, к которому я питал особые чувства. Вместе с моим заместителем, от одного снаряда, погиб и командир 694-го стрелкового полка Михаил Васильевич Бондаренко. Похоронены наши боевые товарищи были в Краснодаре.

- С 31 мая 383-я стрелковая дивизия ввязалась в изнурительные и кровопролитные бои. Она вгрызлась в линию Голубой линии и много правда, в змеиное тело Гитлера была для противника что бельмо на глазу. Гитлеровцы атаковали каждый день по несколько раз.

бросить и нас, и наших соседей к Крымской, а может, и за Крымскую. Мы так же часто контратаковали, отбивая у врага иногда по 100—150 метров нашей советской земли.

13 июня нас по приказу командующего 56-й армией вывели в его резерв, и дивизия сосредоточилась в районе изгиб железной дороги Крымская—Тимашевская, хутор Красно-Зеленый. А 22 июня 1943 года меня назначили командиром 16-го стрелкового корпуса.

Управление корпуса прибыло из-под Новороссийска, то есть все офицеры были с хорошим боевым опытом. А скоро я убедился и в том, что опыт этот у большинства подкреплялся прочной теоретической подготовкой и всеми необходимыми на войне качествами характера.

Моим заместителем по политчасти стал полковник Порфирий Александрович Штахановский. Питерский рабочий, он служил еще в царской армии, в 1918 году вступил в партию и добровольцем ушел в Красную Армию, на фронт. Хотя образование у него было небольшое, эрудиции Штахановского можно было только позавидовать. Он хорошо разбирался в военном деле, в частности в тактике, был прекрасным оратором. Замполит быстро сходился с людьми, умел и слушать их, и говорить с ними. Когда мы встретились, у Порфирия Александровича уже было три ордена Красного Знамени (один из них — за гражданскую войну). Потом мне часто представлялись случаи убедиться, что он человек исключительной смелости.

Понравился мне и начальник штаба корпуса полковник Николай Кузьмич Закуренок. Хотя академического образования у него не было (Закуренок в 1932 году окончил Московскую пехотную школу имени ВЦИК), но по оперативно-тактическому кругозору офицер был выше иного «академика». Работал он очень старательно, хотя все время рвался в войска, на командную должность.

У начальника штаба подобрались отличные помощники. Особенно запомнился начальник оперативного отдела майор Тимофей Николаевич Дроздов, который годом раньше меня окончил академию имени М. В. Фрунзе. Начальником разведки был майор Михаил Степанович Егоров, сообразительный, смелый, почти никогда не подводивший командование корпуса. Говорю «почти», потому что однажды я из-за разведчика все-таки получил выговор от

«Идарма за то, что никак мы не могли взять «языка». Но пишу об этом не в укор Егорову, а потому, что вспомнил вот Михаила Степановича, и приходится улыбаться после того как я получил взыскание, он все же приволок «языка» и был награжден орденом. «Такой уж курьез, — подытожил тогда Штахановский, — комкору — выговор, разведчику — боевая награда...»

Порадовало меня знакомство и с моим заместителем по строевой части полковником Иваном Федоровичем Иоскевичем, и с командующим артиллерией корпуса полковником Максимом Соломоновичем Киселевым. Оба оказались работающими и инициативными людьми.

Несколько вяловатым показался заместитель по тылу полковник интендантской службы Василий Филиппович Андриевский. Но впоследствии мне пришлось с удовлетворением убедиться, что наш тыловик просто был человеком необыкновенного спокойствия. Трудностей в материальном снабжении и тыловом обеспечении части и соединения корпуса при нем никогда не испытывали.

Теперь несколько слов о командирах дивизий, входивших в состав 16-го стрелкового корпуса. Первоначально мне подчинили 61, 317 и 383-ю стрелковые дивизии. 61-й командовал генерал-майор С. Н. Кузнецов. С Сергеем Николаевичем мы были знакомы очень близко (в последних боях не раз бывало, что наши с ним наблюдательные пункты располагались в какой-то полусотне шагов один от другого), и я знал комдива 61-й, можно сказать, как самого себя. Думает быстро, но основательно, решителен и тверд в управлении полками, заботливый командир. Интересно: Кузнецов был храбр, но бомбежки боялся. Такой вот парадокс. Однако его, этот страх, можно и понять, а значит, и извинить. Фронтвикам не надо объяснять, что почти каждый из нас чего-то боялся. Я сам, например, всегда тяжело переносил минометный обстрел. Авиация бомбит, артиллерия бьет, пулеметная стрельба — тут ничего, работаешь с привычкой. Но начнется минометный обстрел — не знаешь, куда деть себя, что называется, держишься на одном самолюбии...

Полковник Иван Федорович Ромашин, командир 317-й стрелковой дивизии, тоже был человеком и хорошим бойцом. Отлично подготовленный и в полном отношении, он к тому же обладал от природы цепким и пытливym умом. В анализе боевой обстановки Ромашин и пытливым умом. В анализе боевой обстановки Ромашин умел добираться до самых мелких деталей, а уж

...ался до чего-то — от его внимания такая «мелочь» никогда не ускользнет. Надежный комдив.

Ну, и 383-я стрелковая. Мне жалко было расставаться с ней, и я упросил А. А. Гречко и И. Е. Петрова, чтобы соединение включили в состав корпуса. Командиром 383-й был назначен полковник Вениамин Яковлевич Горбачев, которому военная судьба счастливо приготовила на будущее и генеральское звание, и Золотую Звезду Героя Советского Союза, и командование этой дивизией до самой победы над гитлеровской Германией.

К 27 июня 1943 года все три дивизии 16-го стрелкового корпуса сосредоточились в районе Абинская, Береговой, Верхне-Ставропольский и, находясь в армейском резерве, приступили к занятиям по боевой подготовке. Задача состояла в том, чтобы подготовить личный состав к прорыву сильно укрепленной обороны противника.

Мы хорошо понимали, что бои предстоят тяжелые, кровопролитные, что будут потери — от этого никуда не денешься. Но потери потерям рознь. И тут многое зависит от командиров, от их смекалки, умения рисковать расчетливо, почти наверняка. И среди всех командных кадров в этом отношении особо должна быть выделена фигура ротного. Он поднимает бойцов в атаку, он идет в одной с ними цепи, ему лучше, чем кому-либо, известно, что такое надежда людей на твои командирские способности, на твой командирский ум.

Нам хотелось как-то поднять значение командиров рот и батарей, показать им самим их роль в бою и их вклад в достижение любого боевого успеха. И вот родилась мысль собрать всех ротных, поговорить с ними по душам, рассказать, что ждем мы от них, как на них надеемся. Когда я доложил о своем намерении командарму, Андрей Антонович поддержал нашу идею и пообещал тоже участвовать в этом сборе. Вечером того же дня генерал Гречко позвонил сам:

— Насчет ротных я доложил Ивану Ефимовичу, он одобряет и просит собрать их где-то шестнадцатого-семнадцатого. Также придет. Дело стоящее.

17 июля командиры всех разведывательных, стрелковых рот, батарей 16-го стрелкового корпуса собрались к 6 часам утра в лесу, что в 3—4 километрах северо-восточнее Крымской.

Вскоре подошли четыре «виллиса». Из первой машины **вышел** командующий фронтом, и я доложил ему о сборе командиров рот и батарей.

— Ну, что ж, — сказал, поздоровавшись, Иван Ефимович, — давайте сядем поплотнее да поговорим. Думаю, тебе, Константин Иванович, этот разговор и начинать.

Начал я, потом перед офицерами выступил генерал Гречко, потом мы все отвечали на вопросы ротных (а они разохотились, и вопросов оказалось много). Наконец взял слово генерал Петров.

— Все, что здесь говорилось о взаимодействии пехоты с артиллерией и танками, о непрерывности наблюдения и вообще разведки, о локтевой связи с соседом, — надо намотать на ус. У кого он есть, конечно. А у кого нет — зарубить на носу. Но я хочу вам сказать еще и вот о чем. Вы, ротные командиры, вместе с комбатами и командирами полков — костяк войск, на вас всегда самая большая надежда...

Офицеры слушали командующего затаив дыхание, и я видел по их глазам, как поднимается в душах гордость, как окрыляет людей бесхитростная речь Ивана Ефимовича Петрова во славу командира роты.

Он говорил почти час. Привел множество эпизодов, которые раскрывали боевую деятельность — удачную и неудачную — того или иного ротного, обрисовал задачи, стоявшие тогда перед войсками Северо-Кавказского фронта. После выступления командующего офицеры были построены, и генерал Петров вручил ордена.

— Старший лейтенант Миц! — Комфронта держал в руках орден Ленина.

Мы представляли Тихона Максимовича Мица к высшей награде Родины еще за отличие под Крымской, и вот пришел он, этот орден, а самого ротного уже нет в живых.

— Старший лейтенант Миц пал смертью храбрых, товарищ командующий! — доложил я.

Петров долго рассматривал ленинский барельеф на неврученной награде, а потом, передав ее своему адъютанту, сказал громко, обращаясь ко всем:

— Не каждому из нас ~~будет~~ ^{судет} дойти до ~~на~~ ^{на}. Но имена тех, кто ~~до~~ ^{до} дошел, ~~будет~~ ^{будет} жить в народной памяти. Герои не умирают!..

...А через несколько часов, в ночь на 18 июля 1943 года, части 16-го стрелкового корпуса начали марш к передовой. В его составе в это время были 317-я, 383-я

стрелковые и 20-я горнострелковая дивизии. 61-я стрелковая на неделю раньше ушла под высоту с отметкой 114,1 и 16—17 июля вела наступление на этот сильно укрепленный опорный пункт противника.

Задача корпуса состояла в том, чтобы, построив боевой порядок в два эшелона (во втором — 20-я горнострелковая дивизия), с 6-м гвардейским, 61-м танковыми полками, 1542-м самоходно-артиллерийским, 1231-м гаубичным, 261-м минометным полками нанести удар по противнику левым флангом, прорвать его оборону в направлении Новый, Красный и к исходу дня выйти на рубеж реки Кудак. Справа, на большой населенный пункт Киевское, должна была наступать 395-я стрелковая дивизия, слева части 10-го гвардейского стрелкового корпуса. Нашим противником была 98-я пехотная дивизия немцев.

На подготовку наступления ушло два дня. С командирами полков и дивизий мы сумели довольно тщательно изучить местность. Передний край обороны гитлеровцев проходил по хребту высот, крайними из которых были: на нашем правом фланге — с отметкой 103,3, на левом — с отметкой 95,0. Основные усилия мы сосредоточивали на левом фланге. Чтобы 383-й стрелковой выйти к юго-западной окраине хутора Новый, необходимо было сначала во что бы то ни стало овладеть высотой 95,0. И я усилил дивизию 6-м гвардейским танковым и 1542-м самоходно-артиллерийским полками.

В ночь на 20 июля саперы 684-го отдельного саперного батальона на участке 383-й дивизии сделали 12 проходов в минных полях и проволочных заграждениях противника, после чего 6-я рота правофлангового 694-го стрелкового полка, усиленная саперным и разведывательным взводами, повела силовую разведку в направлении хутора Новый. В результате этой разведки мы вскрыли значительную часть огневой системы гитлеровцев. Выяснилось, что в ее основе — косопримельные и фланговые огни. Ясно было, что нашему наступлению будет сильно препятствовать артиллерийско-минометный и пулеметный огонь с высоты 103,3, которая занимала господствующее положение. Надо было что-то придумывать.

— Прикройся от этой высоты дымовой завесой, — сразу же решил представитель Ставки Маршал Совет-

ского Союза С. К. Тимошенко, который прибыл на мой наблюдательный пункт и которому я докладывал свои соображения. — Вызови авиацию, они поставят думы, а ты в это время атакуй. Ну а сейчас поехали, посмотрим, как твое войско живет.

Противник с высоты своих позиций кое-где неплохо наблюдал наши коммуникации и, разумеется, не пропускал ни одной машины, чтобы не обстрелять ее из орудий или минометов. Шофер моего «виллиса» ездить уже приспособился, поэтому я предложил маршалу ехать на моей машине.

— Ну да, твой водитель-то, наверное, лихач, а я лихачей не терплю. Поедем на моей.

Ехали медленно, в нескольких местах немцы обстреляли нас из минометов, но ни Тимошенко, ни его водитель как будто и не замечали этого. И все-таки перед одним бугорком я настоял, чтобы через него перескакивали на максимально возможной скорости. Иначе некроют.

— Давай, — сказал маршал шоферу. — Раз хозяин требует, надо подчиниться...

На опушке небольшой дубравы располагался офицерский наблюдательный пост 317-й стрелковой дивизии. В кроне высокого дерева соорудили небольшой помост, получилась удобная площадка, с которой открывался хороший обзор боевых порядков противника. Семену Константиновичу очень понравился этот НП.

— В гражданскую часто такие засидки применяли. Ну-ка, давай посмотрим, что оттуда видать.

— Может, не стоит, товарищ маршал? Опасно,

— А ты сам уже залезал туда?

— Залезал.

— Тогда чего же меня остерегаешь?..

Эти несколько часов, пока я с маршалом ездил, потрачены были с большой пользой. Лишний раз прикинули, где усилить артиллерийскую поддержку атаки, окончательно наметилась организация взаимодействия. Да и с людьми поговорить перед боем не мешает. Ты их подбодрить, а они тебя.

Настрой у личного состава был самый боевой. Отчетливо представляя, как трудно будет завтра в атаке, многие бойцы, младшие командиры и офицеры-комсомольцы хотели идти на штурм вражеских позиций коммунистами и подавали заявления о приеме их в партию.

Только в одном 379-м горнострелковом полку 20-й горнострелковой дивизии таких заявлений насчитывалось уже более 50.

...Артиллерийская подготовка началась в 7 часов утра и продолжалась 80 минут. В 8 часов 20 минут поднялась пехота. Практические учения в районе Абинской выработали неплохую сноровку, и стрелковые цепи уверенно шли за огневым валом. Если бы атака была поддержана авиацией, было бы совсем хорошо. Но авиация, к сожалению, в полосе корпуса не действовала. Только два самолета поставили в районе высоты 103,3 дымовую завесу. Однако дымовые бомбы упали с некоторым перелетом, да и ветер дул восточный, и стена дыма почти не мешала противнику вести сильный косопрямый и фланговый артиллерийско-минометный и пулеметный огонь с этой высоты.

Обнаружилась плотная насыщенность вражеской обороны противотанковыми орудиями. На поле боя уже горели три или четыре наших танка. Опять танкисты замешкались, чувствовалось, что в их действиях уже нет той решительности, которая требовалась при атаке сильно укрепленных позиций гитлеровцев.

И все-таки наступающие полки достигли первой траншеи противника. На левом фланге 317-й стрелковой дивизии, прямо напротив юго-восточной окраины Нового, хорошо руководил боем командир 2-го батальона 561-го стрелкового полка капитан Борисенко. Роты этого батальона, продвигаясь за разрывами снарядов, первыми ворвались в расположение фашистов. Особенно дерзко действовала 6-я рота под командованием старшего лейтенанта Баширова. Сам ротный с небольшой группой бойцов вступил в схватку с 17 гитлеровцами. Лично он уничтожил четырех фашистов, трое были взяты в плен. Примером мужества и отваги воодушевлял людей и заместитель Борисенко по политчасти капитан Юхно. И когда политработник упал, сраженный вражеской пулей, бойцов охватила такая ярость, что противник не выдержал и начал бегство во вторую траншею. Но наши бойцы, мстя за гибель Юхно, никому из гитлеровцев уйти не дали.

Несмотря на недостаточную решительность действий 6-го гвардейского танкового полка (замечу, что в нем насчитывалось лишь 10 машин — английских «валентайнов»), 694-му и 691-му стрелковым полкам 383-й ди-

визии тоже удалось ворваться в первую траншею на восточных и северо-восточных скатах высоты с отметкой 95,0. Здесь завязалась жестокая рукопашная схватка...

После первого дня боя мы подсчитали, что огнем артиллерии корпуса уничтожены одна батарея 105-миллиметровых пушек и двенадцать тяжелых пулеметов. Очевидно, это очень мало. Почему же у наших артиллеристов были такие невысокие результаты стрельбы? Причина одна: снова были плохо разведаны цели.

От косоприцельных и фланговых пулеметных огней, минометов и артиллерии противника наша пехота несла немалые потери. К тому же противник часто и мощно контратаковал при поддержке бомбардировочной авиации. Особенно сильно наседали он с направления Киевского на правый фланг 317-й дивизии, где наступал 761-й стрелковый полк. Здесь несколько раз пришлось отбивать натиск полутора-двух батальонов автоматчиков противника.

В один из моментов их напор оказался настолько сильным, что создалось критическое положение. Правые фланговые подразделения 761-го стрелкового полка начали отходить. Со своего НП я немедленно выехал на правый фланг. Где-то на полдороге на нашу машину набросились три «юнкерса». Мы выскочили из «виллиса». Едва я успел прыгнуть в воронку, как страшной силы удар бросил мне на спину огромную массу вздыбленной близким взрывом земли. Я стал задыхаться.

Спас меня мой адъютант старший лейтенант Виктор Ананьев. Пока я отходил от контузии, пока пешком (машину разнесло вдребезги) добирался до командира 317-й стрелковой дивизии, комдив полковник И. Ф. Романченко уже принял меры для ликвидации угрозы правому флангу.

К 17 часам стало ясно, что больше продвинуться мы не сможем. Свое соображение я доложил командарму. Он разрешил остановить наступление, и мы принялись закрепляться на достигнутом рубеже. Надо было снова готовить штурм. На мою просьбу об авиационной поддержке наступления А. А. Гречко ответил категорическим отказом: авиации нет. В виду имелись, конечно, бомбардировщики и штурмовики, потому что истребителей наших в воздухе было много. Над Голубой ляни-

ей шло жесточайшее воздушное сражение за завоевание господства в небе Тамани...

Период с 23 июля по 14 августа 1943 года характеризовался прежде всего боями, которые мы вели силами батальона или полка в целях улучшения своих позиций. Это время памятно еще и тем, что очень многие перенесли здесь малярию. Поймы рек и речушек на Таманском полуострове — это заросли камыша, болотца, сильно увлажненные луговины. Другими словами — всем известные кубанские плавни. Для комарья здесь раздолье. До войны с комарами вели борьбу, уничтожали их, о малярии не было и разговоров. Теперь же, когда гитлеровцы еще удерживали Тамань, насекомые расплодились в бесчисленном множестве. Естественно, много было и малярийных.

Страшная болезнь! В небе солнце, жара до 35 градусов, а человека трясет, как в лютый мороз. Немного отпустит и — снова. Бойцы в траншеях лежали вповалку, гнохли от больших доз акрихина. Бывало, что из строя на время выходило до половины личного состава роты.

А из боевого опыта в этот период интересен, пожалуй, один разведпоиск, о котором стоит рассказать.

Как-то в начале августа мне позвонил генерал-лейтенант А. А. Гречко.

— Ты долго, Провалыч, думаешь без «языка» воевать? — спрашивает.

— Пытаюсь достать, пока ничего не получается, товарищ командующий.

А взять пленного было действительно очень трудно. Противник сидел бдительно, беспечности никакой не допускал, и многие разведгруппы, неся потери, возвращались из поиска с пустыми руками.

— Ну вот что. Неделя сроку, а «язык» чтобы был.

Надо искать способ... А что, если выскочить ночью на танке к первой траншее противника, схватить там гитлеровца и быстро назад?

Пять ночей у нас на переднем крае ревели двигателями два трактора — пусть немец попривыкнет к их шуму... На шестую ночь десант из восьми разведчиков 383-й стрелковой на танке лейтенанта Олейника прорвался к переднему краю врага, огнем из автомата уничтожил до полутора десятков фашистов, а двоих спеленал и на броне «валентайна» помчал в свое рас-

положение. Правда, противник быстро сообразил, что му, и, осветив наш танк ракетами, открыл по десанту пулеметный огонь. Два разведчика были ранены, один пленный — убит. Но одного «языка» привезли живехонького.

В течение этого же периода, то есть до 14 августа 1943 года, в 16-м стрелковом корпусе проводилось несколько перегруппировок, в результате которых менялся его состав и полоса боевых действий. Ушла из корпуса 20-я горнострелковая дивизия, вернулась 61-я стрелковая. Ушла 317-я, дали 339-ю, которой по-прежнему командовал «спешившийся конник», как называл себя полковник Т. С. Кулаков. Все это надо знать читателю для того, чтобы понять, почему к 14 августа 16-й стрелковый корпус оказался значительно южнее того места в боевом порядке 56-й армии, какое он занял 22 июля.

Но отчего 14 августа — это вроде бы какая-то веха? Дело в том, что именно в этот день мы получили приказ командующего 56-й армией на совершенствование обороны. Этим приказом командарм обязывал нас к 20 августа иметь три сплошные траншеи полного профиля, оборудовать огневые позиции артиллерии и пулеметные гнезда, соединить траншеи ходами сообщения, поставить проволочные заграждения и создать минные поля. Иначе говоря, работы — прорва.

Мы считали и так и этак, но выходило одно и то же — в срок не уложимся. Тогда приняли решение бросить на работы половину личного состава тыловых подразделений и служб, половину связистов, все оркестры и ансамбли. В каждой роте провели партийные и комсомольские собрания, проинструктировали боевой актив.

Работы начались 15 августа вечером, в половине девятого, окончены были в 4 часа 30 минут утра. Такого же распорядка мы придерживались и в последующие дни. К утру 20 августа оборона наша была готова на 90 процентов. И в первом эшелоне, и во втором — по западной окраине станицы Крымской. Оставалось создать лишь отсечную позицию на рубеже высот с отметками 120,6 и 126,2.

У читателя неизбежно возникнет недоумение: а какие такие резоны заставили 56-ю армию перейти к обороне? Разве Тамань уже не ждала своего избавления из-под фашистского ярма? Тут следует вспомнить, что еще 5 августа в Москве прогремел первый в истории Вели-

кой гвещной войны салют — в ознаменование победы на Курской дуге, в честь освобождения от фашистских оккупантов Орла и Белгорода. Наши войска начали мощное контрнаступление на орловском и белгородско-харьковском направлениях. Советские Вооруженные Силы сорвали планы врага в районе Курского выступа и разгромили до 30 вражеских дивизий. Инициатива в ведении войны окончательно перешла к советскому Верховному Главнокомандованию. Соотношение сил на советско-германском фронте еще больше изменилось в нашу пользу, создались предпосылки для общего наступления от Великих Лук до Новороссийска.

В этих условиях переход 9-й и 56-й армий к обороне не свидетельствовал отнюдь не о том, что освобождение Таманского полуострова откладывается на неопределенное время. Наоборот, приказ перейти к обороне означал, что настало время для подготовки решительного наступления наших войск в целях ликвидации таманского плацдарма врага.

Ставка Верховного Главнокомандования решила нанести сначала внезапные удары по новороссийской группировке противника с суши и с моря силами 18-й армии Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота. Овладение Новороссийском с последующим наступлением войск 18-й армии вдоль Черноморского побережья давало возможность поставить под удар всю таманскую группировку гитлеровских сил. Вот тогда-то, как только обозначится успех на новороссийском направлении, и должны были перейти в наступление 9-я и 56-я армии того же Северо-Кавказского фронта. Операция эта готовилась тщательно.

Ранним утром 10 сентября 1943 года после сильной авиационно-артиллерийской подготовки в Новороссийский порт ворвались торпедные катера и атаковали огневые точки врага, расположенные на причалах и берегу. Вслед за этим в Цемесской бухте высадились три десантных отряда и сразу же приступили к расширению захваченных плацдармов. Одновременно перешли в наступление войска 18-й армии восточнее города и героичиские малоземельцы с плацдарма на Мысхако.

Гитлеровское командование, понимая, что потеря Новороссийска неизбежно приведет к катастрофе всю 17-ю армию, обороняющуюся на Таманском полуострове,

предлагало огромные усилия, чтобы удержать город. Однако в ходе трехдневных ожесточенных боев оборона гитлеровцев восточнее Новороссийска была сломлена и войска 18-й армий устремились в направлении Невберджаевского перевала...

Боевой приказ на наступление я отдал еще 6 сентября. Им предусматривалось, что 16-й стрелковый корпус с 51-м танковым, 123-м минометным, 1231-м гаубичным и 34-м истребительно-противотанковым полками наносит главный удар в направлении населенных пунктов Молдаванское и Русское с задачей овладеть ими. В дальнейшем соединения корпуса должны были преследовать противника в общем направлении на станции Гладковская и Гастагаевская, а частью сил действовать на Джигинское. Нам предстояло занять переправы через реку Старая Кубань и после этого главными силами повернуть на Суворовско-Черкесский аул, Благовещенское, чтобы отрезать пути отхода анапской группировке немецко-фашистских войск.

В связи с тем, что 10 сентября участок полосы Подгорный, Свобода мы передали 32-й гвардейской стрелковой дивизии 11-го гвардейского стрелкового корпуса, я в тот же день своим боевым распоряжением уточнил боевой приказ на наступление. 383-я стрелковая дивизия, которая действовала на правом фланге, должна была, продвигаясь в направлении Молдаванского и Русского, прорвать оборону противника на участке Свобода, южные скаты высоты 114,1, овладеть обоими населенными пунктами, а с выходом на реку Кудак наступать на северные окраины Даманского, Гладковской и Гастагаевской. 339-я стрелковая дивизия, приближаясь к высоте 193,3, выходила на западный берег реки Гечепсин, а после достижения реки Кудак продолжала наступать в направлении Красный Псебепс, Шумайка, юго-восточная окраина Гастагаевской.

Мы готовились к тому, что после освобождения Новороссийска отход врага с Голубой линии будет в какой-то мере поспешным. Гитлеровцы хорошо моторизованы и смогут в случае необходимости свободно отрываться от нашего преследования. Родилась идея подвижных передовых отрядов. Сначала мы их создали в каждой дивизии — собрали какие ни есть автомобили и посадили на них по стрелковому батальону, усиленному артиллерией, минометами и саперами. Но затем я приказал

оба подвижных отряда объединить в один, корпусной. Его командиром был назначен заместитель командира 383-й стрелковой дивизии полковник М. В. Евстигнсев. Кроме того, имелось в виду, что после прохода передового отряда корпуса через боевые порядки 383-й стрелковой дивизии мы усилим его еще и 51-м танковым полком. И наконец, в каждом полку создали подвижные группы автоматчиков для выброски их на пути отхода гитлеровцев.

Несколько слов о противнике. На 11-километровом фронте перед 16-м стрелковым корпусом оборонялись части 79, 98, 125-й пехотных и 97-й егерской дивизий немцев, а также 91-й штрафной батальон, 525-й дивизион штурмовых орудий и противотанковый дивизион резерва главного командования вермахта. У нас было четырехкратное превосходство в противотанковых ружьях, двойное — в минометах и станковых пулеметах, в среднем в 1,5 раза мы превосходили противника по числу орудий, ручных пулеметов и автоматов. Успех обеспечен...

С 10 сентября мы не давали врагу покоя ни днем ни ночью. Если 383-я стрелковая дивизия проводит ночной поиск, то 339-я в это же время ведет разведку боем или наоборот. Каждый день у нас был «язык». Мы все ждали, когда же очередной пленный скажет нам, что получен приказ на отход с Голубой линии. Очень важно было не упустить этот момент.

14 сентября, когда войска 18-й армии устремились к Неберджаевскому перевалу, 56-я после 40-минутной артподготовки перешла в общее наступление. Все орудия калибра 45 и 76 мм поставлены в боевые порядки пехоты. Снарядов достаточно, и мы непрестанно долбим ими оборону гитлеровцев. Уничтожили дзот — беремся за следующий. Этим же заняты и блокировочные группы.

Противник злобно огрызается, контратакует, но эти контратаки наши части отбивают с большими потерями для врага.

Бьем день, ночь, еще день.

Звонит А. А. Гречко:

— Ну как?

— Сейчас ввожу в бой полки второго эшелона. Сегодня прорвем, товарищ командующий!

— Твоими бы устами да мед пить...

Чтобы не дать врагу ни минуты передышки, в час ночи 16 сентября мы бросаем в бой 696-й полк 383-й стрелковой (командир полка подполковник И. В. Сосин) и 1135-й полк 339-й дивизии (командир полка подполковник И. И. Сцепуро). Они должны прорвать оборону противника.

И вот оно, ожидаемое донесение! Сосин докладывает, что немцы отходят. Тут же — доклад Сцепуро. Немедленно — распоряжение командирам дивизий: преследовать врага и не слезать у него с плеч.

В половине четвертого утра 691-й стрелковый под командованием подполковника А. К. Рудинского врывается на высоту 114,1.

5.30. 696-й полк ведет бой на северо-западной окраине Молдаванского. Одновременно к западной окраине уже подходит 691-й полк, на южной дерутся роты 1135-го.

11.00. Сосин и Рудинский со своими людьми уже на северо-западной и западной окраинах Русского. 13.30. На подступах к Долгождановскому Сцепуро овладевает сильно укрепленной высотой 193,3.

Враг сопротивляется с отчаянием обреченного. Но ничем уже не остановишь порыва наших богатырей. На левом фланге корпуса, где наступает 1133-й стрелковый полк 339-й дивизии (командир полка подполковник И. Г. Заяц), первой в траншею врага у населенного пункта Ленинское ворвалась 6-я рота под командованием старшего лейтенанта Силиненко. Отделение старшего сержанта Ибрацева уничтожило там в ближнем бою около 25 фашистов и тяжелый пулемет в дзоте.

У высоты 193,3 2-й батальон 1135-го стрелкового полка (комбат капитан Н. С. Крупка) был контратакован двумя ротами немецкой пехоты с тремя танками. Контратака успешно отражена. Два танка сожжены огнем сорокапятки, расчетом которой командовал сержант Н. В. Проконенко.

3-й дивизион 900-го арtpолка 339-й дивизии под командованием капитана И. С. Демченко в упор расстрелял колонну отступавших гитлеровцев, подбив при этом два самоходных истребительных орудия. Вместе с 3-м батальоном 1135-го полка (комбат майор М. С. Саух) артиллеристы уничтожили до сотни фашистов. Особенно отличился при этом батарея капитана И. К. Дворкина.

Столь стремительно продвигались и наши ~~сое-~~
силы: справа — 32-я гвардейская стрелковая дивизия ~~под~~
командованием Героя Советского Союза полковника
Г. Т. Василенко, слева — 242-я горнострелковая дивизия
полковника В. Б. Лисинова. Но наибольший успех име-
ли в своей полосе все-таки 383-я и 339-я стрелковые, и
потому командующий 56-й армией к исходу 16 сентяб-
ря усилил корпус 63-й танковой бригадой полковника
М. М. Дергачева. 51-й танковый полк я перенацелил на
наступление в полосе 339-й, а 63-ю танковую бригаду —
в полосе 383-й. К этому времени мы уже овладели ху-
торами Прохладный, Трудовой, высотой с отметкой
~~241,2.~~

Вечером 16 сентября в соединениях был принят по
радио приказ Верховного Главнокомандующего об ос-
вобождении Новоросси́ска. Ликованию нашему не было
предела. Это сообщение еще больше воодушевило людей
на мужество и отвагу в бою.

Боевые действия, особенно на левом фланге, вступа-
ли в горно-лесистую местность. Противнику удалось
здесь организовать устойчивый рубеж сопротивления.
С боем мы пробивались через каждое дефиле, много
времени и сил уходило на обходы ключевых высот.
К исходу дня части корпуса вышли на рубеж реки
-Псеф.

Гитлер издал специальный приказ об отходе своих
войск с Тамани, который требовал, чтобы «все сооруже-
ния, жилые здания, дороги, постройки, плотины и пр.,
что противник может использовать в своих интересах,
должны быть разрушены на длительное время... К меро-
приятиям по разрушениям относится также установка в
широких масштабах мпн, в том числе замедленного дей-
ствия»¹.

Немецко-фашистские варвары, несмотря на явный
недостаток времени, очень точно выполняли этот при-
каз. Многие населенные пункты, освобожденные в ходе
нашего наступления, были полностью разрушены окку-
пантами, а перед этим разграблены мародерами «вели-
кой армии». Все, что враг не успел разрушить, он ми-

¹ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фа-
шизма, т. 2, с. 474.

нировал, причем часто это было сделано настолько хитроумно, что нашим, в общем-то, опытным саперам не всегда удавалось разгадать каверзы фашистов. На расвете 18 сентября у меня выдалось время, чтобы вздремнуть немного — минут сорок, от силы час. Я устроился в просторном немецком блиндаже, из которого уже вытащили семь обезвреженных подрывных зарядов. Казалось, оцупали каждый квадратный сантиметр — ничего больше не нашли. Мне отдохнуть удалось. Но когда четыре часа спустя этот же блиндаж занял мой заместитель по тылу полковник Василий Филиппович Андриевский, часовой механизм обнаруженного фугаса сделал свое черное дело...

В хуторах и станицах было пустынно. Всех работоспособных гитлеровцы угоняли с собой, а тех, кто был, по их понятиям, коммунистом, безжалостно уничтожали. Нам стал известен такой, например, факт. В поселке колхоза имени Тельмана фашисты арестовали около 80 человек. Целые сутки продержав их в здании, где когда-то был магазин, утром раздели всех догола и на большой серой машине с металлическим, наглухо закрытым кузовом-фургоном двумя рейсами вывезли в неизвестное место.

Еще в июле, когда части 16-го корпуса готовились к боям, нам стало известно о массовом уничтожении жителей Кубани с помощью специальных машин, в которых людей душили выхлопными газами. «Душегубки» — так называли эти машины.

Мы посылали тогда в Краснодар группу офицеров-политработников, чтобы они повидали все собственными глазами, а потом рассказали об этих страшных массовых казнях личному составу... И вот снова мы столкнулись со зловещими призраками. Фашистов-душегубов, которые уничтожили 80 советских граждан (среди них и грудных детей) только за то, что они жили в поселке, носившем имя немецкого коммуниста Эрнста Тельмана, и были в представлении гитлеровцев «ярыми, несправедливыми большевиками».

Души наших бойцов, командиров и политработников, видевших многочисленные следы кровавых преступлений фашизма на таманской земле, закипали еще большей ненавистью к заклятому врагу. Люди, объятые этим чувством, шли на врага с презрением к смерти. И конечно, погибали. Но, погибая, как эстафету, пере-

... своим товарищам и всю ненависть к захвату, и священное право мести.

Первыми в атаку поднимались коммунисты. И случайно именно среди них были очень большие потери. Только за два дня боев в 339-й стрелковой дивизии, например, выбыло из строя 52 члена партии. Но политотдел дивизии под руководством полковника Н. А. Бойко, человека с комиссарским сердцем, организовал дело так, что не распалась ни одна из ротных и батальонных парторганизаций. Вместо погибших и раненых коммунистов вперед выходили молодые большевики, только что получившие в политотделе партийный билет или кандидатскую карточку.

Стоит перед глазами белое как посконное полотнище лицо командира 1133-го полка. Полковник Иван Григорьевич Заяц, добрая и храбрая душа, лежит на носилках и всю корит себя.

— Виноват, товарищ генерал, — тихо от слабости говорит он, почти шепчет. — Да кабы знать...

По щекам офицера скатываются две слезы, и он опускает веки. Не от боли слезы, не от страданий и не оттого, что ему уже не вернуться на фронт — а оттого, что вот так, в самый разгар наступления оставляет свой полк. Обидно.

Почти одновременно ранен и командир 1137-го майор И. Н. Полевик. Звонит Гречко. Не кричит, кричать он не любит и не умеет, но голос жесткий:

— Кулакову теперь только Сцепуру осталось потерять. Будет он своими командирами полков управлять или не будет!

Прав, конечно, командарм. И я скажу командиру 339-й стрелковой, чтобы он все-таки не допускал лишних жертв. Однако как тут сдержишь людей!..

Но вернемся непосредственно к боевым действиям. 18 сентября рано утром передовой отряд корпуса ворвался на северо-восточную окраину станции Гладковской. Через час к южной ее части подошел 1133-й полк 339-й стрелковой, и сходящейся атакой они быстро выбили противника на населенного пункта. Однако после Гладковской, упершись в новый промежуточный рубеж обороны врага, ключевым пунктом которого был хутор Согласие, части корпуса остановились.

Проведя некоторую перегруппировку, пополнив немало поредевшие полки (каждый получил по 75—80 человек пополнения), в ночь на 21 сентября штурмовые батальоны 339-й и 383-й дивизий овладели поселком Согадне, и части корпуса вновь перешли в наступление. К исходу дня, освободив хутора Аккерманку, Школьный, Новоокровский (во взаимодействии с 32-й гвардейской стрелковой дивизией 11-го гвардейского стрелкового корпуса), мы подошли к следующему заранее подготовленному рубежу обороны врага, проходившему по высотам с отметками 244,5, 258,8, 195,0 и через хутор Красный Восток.

Здесь нас гитлеровцы снова задержали. 383-я стрелковая с 63-й танковой бригадой штурмовали высоту 258,8, а 339-я — 195,0. Когда эти опорные пункты были взяты, мы безостановочно продолжили наступление до рубежа реки Старая Кубань, на который вышли 26 сентября. Наиболее сильные бои 383-я стрелковая дивизия вела за высоту 135,7, поселки колхозов «Третий решающий» и «Агротехник», хутор Джигинский. 339-я дивизия, взаимодействуя с нашим левым соседом — 242-й горнострелковой, взяла большую станцию Гастагаевскую. Здесь хорошо проявил себя начальник артиллерии 1133-го стрелкового полка майор М. В. Ястремский. Когда противник, отходивший из станицы, вознамерился закрепиться на высотах северо-западнее Гастагаевской, начарт приказал поднять несколько орудий по горным тропам на вершину одной из высот и руководил огнем, который открыли оттуда батареи по большой колонне пехоты с танками. В течение получаса она была полностью разгромлена. Всю ночь в узком дефиле горели машины, раздавались взрывы.

На рубеже реки Старая Кубань противник укрепился сильнее всего. Мы не смогли с ходу преодолеть ее и вынуждены были остановиться, чтобы подготовить прорыв. Здесь отдельно нужно сказать о работе штаба корпуса, который, как я уже писал, возглавлял полковник Николай Кузьмич Закуренок. Еще до прорыва Голубой линии я убедился в высокой работоспособности этого человека, по ходу наступления он порадовал еще и энергичной настойчивостью в проведении в жизнь боевых приказов и распоряжений. Закуренок отлично организовал связь. Я в любой момент мог соединиться с командирами полков и при крайней необходимости даже с командирами батальо-

пов. В штакоре вырабатывались хорошие предложения, четко собиралась информация о положении наших частей и войск противника.

И вот теперь, когда нужно было подготовиться к продолжению наступления, штаб корпуса активно включился в планирование боя. Ключ к оборонительному рубежу врага находился на правом фланге полосы наступления 16-го стрелкового корпуса. Это — хутор Белого, прикрытый с востока довольно высокой насыпью железной дороги и развалинами старинного казачьего укрепления. Первоначальная задача заключалась в том, чтобы как можно полнее вскрыть огневую систему обороны противника. Чтобы ее решить, обе дивизии две ночи подряд — на 27 и 28 сентября — проводили двумя усиленными батальонами разведку боем. В ночь на 29 сентября действовало уже по одному полку от каждого соединения — 694-й в направлении хутора Белого, 1137-й в направлении хутора Старотитаровский. Перед началом атаки провели 5-минутный артиллерийский обстрел по первой траншее гитлеровцев. На столь короткую артиллерийскую подготовку пошли сознательно: не успеют фашисты схорониться в блиндажах, а наши уже поднимутся. Пока немцы разберутся, можно подойти к переднему краю их обороны.

Успеха в эту ночь оба полка не имели, но стало ясно, что, если в наступление перейдет весь корпус, фашисты не удержатся.

И они не удержались. После 30-минутной артиллерийской подготовки 16-й корпус в полночь 1 октября прорвал фронт обороны противника на участке 383-й стрелковой дивизии. 691-й полк подполковника А. К. Рудинского в тесном взаимодействии с 82-м гвардейским стрелковым полком нашего правого соседа — 32-й гвардейской стрелковой дивизии зацепился за юго-восточную окраину хутора, а к 2 часам ночи эти два полка уже очистили от врага населенный пункт.

На рубеже реки Старая Кубань мы сформировали новый подвижный отряд корпуса теперь уже под командованием заместителя командира 339-й дивизии подполковника С. Н. Барахтанова. От этой дивизии в отряд вошло 85 автоматчиков, 4 расчета станковых пулеметов на семи автомашинах. От 383-й стрелковой было выделено 100 автоматчиков и тоже 7 автомобилей. Отряд получил радиостанцию.

Как только мы овладели хутором Белого, я ввел в прорыв отряд Барахтанова, ~~и тот~~ устремился к станции Вышестеблевской, с ходу овладел опорными пунктами 98-й пехотной дивизии врага на высотах с отметками 25,6, 27,3 и в районе могильника Макатра завязал бой за нефтяную базу перед курганами Шаповалки. К 8 часам утра сюда подошли основные силы корпуса. Впереди лежала Вышестеблевская.

Было тихое солнечное утро. Запомнилось, как прямо по виноградникам катили на руках свои сорокапятки артиллеристы 28-го отдельного противотанкового дивизиона. С колес, со стволов ручьями стекал виноградный сок. Гроздья перезрели и лопались от одного прикосновения. Над нашими позициями плыл терпкий аромат молодого вина.

Но уже через полчаса эти солнцем напоенные запахи были забиты стойким запахом сгоревшего пороха и взрывчатки. Начался бой за станцию.

К исходу 4 октября корпус, освободив населенные пункты Вышестеблевская, Трактовый, Бражников, Приморский, вышел на берег Таманского залива. 5 октября разгорелись сильные бои за поселок и пристань Сенную, которые вела 339-я стрелковая дивизия. 383-я наступала правее, в направлении высоты с отметкой 63,8. С этого рубежа, где гитлеровцы массированно применили огнеметы, мы их сбили только к вечеру 7 октября. На другой день 383-я стрелковая овладела станцией Фонталовской, а 339-я — Запорожской. Утром 9 октября части 16-го стрелкового корпуса, с боем освободив населенные пункты Батарейку и Кордон, вышли к Керченскому проливу. Войска 56-й армии полностью очистили Таманский полуостров от немецко-фашистских захватчиков.

В этот же вечер столица нашей Родины Москва двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий салютовала освободителям Тамани. Успехи воинов 16-го корпуса в боях были достойно отмечены Верховным Главнокомандованием. Среди соединений, которым присваивались почетные наименования Таманских, была и 339-я стрелковая дивизия. 383-я стрелковая стала Краснознаменной.

ДНИ И НОЧИ КЕРЧЕНСКОГО ПЛАЦДАРМА

Пролив был спокоен, как какой-нибудь пруд из средней полосы в звездную августовскую ночь. Вода лениво накатывалась на берег, шуршала галькой, и казалось, что море притаенно вздыхает. Иногда над водной гладью вставал белесый колеблющийся свет. Засевшие на крымском берегу фашисты впустую жгли осветительные ракеты, отпугивая свой ночной страх. Враг знал, что мы пойдем через пролив. Но он не знал, когда это произойдет. К сожалению, на подготовку войск к форсированию уйдет почти месяц, и мы ринемся в Крым, когда начнутся злые штормы и крутая волна будет злорадно захлестывать наши утлые мотоботы и баркасы, когда противник, накрепко зарывшись в землю, создаст прочную противодесантную оборону, а в ее глубине подготовит три оборонительных рубежа...

Задача десантных войск Северо-Кавказского фронта первоначально, по черновому плану, заключалась в том, чтобы одновременно захватить на Керченском полуострове три плацдарма: силами 20-го стрелкового корпуса 18-й десантной армии — юго-западнее Керчи, силами 11-го гвардейского корпуса нашей 56-й армии — северо-восточнее и восточнее, наконец, силами 16-го корпуса — на северном побережье Керченского полуострова, в районе мыса Тархан. В последующем планировалось тремя сходящимися ударами уничтожить керченскую группировку врага и начать освобождение восточной части Крыма.

Замысел был хорош, но для реализации его не хватило десантных средств. Поэтому речь пошла уже не о трех, а только о двух плацдармах — тарханский исключался. В этом варианте 16-й стрелковый должен был высаживаться вместе с 11-м гвардейским стрелковым корпусом северо-восточнее Керчи.

У моряков Черноморского флота и Азовской флотилии в 1943 году уже был опыт высадки десантов. И ввиду нужно иметь не только известные всем эпопеи Малой земли и освобождения Новороссийска. В ходе наступления войск Северо-Кавказского фронта на Тамани также осуществлялось десантирование наших стрелковых частей на северном и южном побережьях Таманского полуострова — в интересах войск 9-й и 18-й армий. Но одно дело высаживать отряды, общей численностью не превышающие численность стрелковой дивизии, и совсем другое — в самый короткий срок переправить через морскую водную преграду три стрелковых корпуса со всеми средствами их усиления и поддержки. К тому же переправа предстояла через такой капризный пролив, каким испокон веку является Керченский.

Было решено мобилизовать рыболовецкие мотоботы и баркасы во всех прибрежных поселках. К сожалению, даже этих суденышек на нашем берегу осталось немного. Гитлеровцы, уходя с Тамани в Крым, естественно, угнали с собой все, что мы могли бы использовать для десантирования на крымский берег. И еще один момент: в ходе осеннего наступления на Таманском полуострове, после прорыва Голубой линии; нам не удалось полностью уничтожить обороняющуюся здесь группировку немецко-фашистских войск. Малый опыт параллельного преследования противника, недостаточный уровень моторизованности наших соединений позволили командующему 17-й немецкой армией переправить в Крым немалую часть своих сил. И теперь, когда у нас самих появилась необходимость форсировать Керченский пролив, на восточных крымских берегах нас ждала насыщенная и артиллерией и танками, заранее подготовленная оборона врага с хорошо и продуманно развитыми системами огня, инженерных сооружений и заграждений.

Оперативно-стратегическая обстановка, сложившаяся на советско-германском фронте к первой декаде октября 1943 года, подсказывала, что гитлеровское военное командование постарается во что бы то ни стало удержать Крым в своих руках. К этому времени советские войска вышли к Днепру на всем его протяжении от Лоева до Запорожья и захватили на правом берегу более двадцати плацдармов. Войска Южного фронта, встретив упорнейшее сопротивление врага, остановились на реке Молочной. Стало ясно, что следующий этап нашего наступления

левом крыле фронта борьбы с немецко-фашистскими захватчиками полностью перевесит боевые действия на правобережную Украину, и тогда... И тогда почти 100-тысячная группировка противника, окопавшаяся на Крымском полуострове, будет угрожать не только левому флангу Южного фронта, но и тылам нескольких наших наступающих фронтов. Больше того, Крым оказывался стратегическим плацдармом гитлеровской военной коалиции на ее правом фланге, на котором будет весьма удобно накапливать силы для решения стратегических задач.

Прочно удерживать за собой Крымский полуостров врага заставляли, безусловно, и соображения военно-экономического порядка. Отдай гитлеровцы Крым — и сразу же оказываются под воздействием нашей авиации румынские нефтяные промыслы, питавшие фашистскую Германию. Ну и, конечно, престиж. Потеря Крымского полуострова, этого «непотопляемого авианосца», нанесет мощный удар по престижу фашистского режима, особенно в странах Балканского региона. Гитлеровцы не могли не понимать этого.

Так что не случайно верховное главнокомандование фашистской Германии не уставало подчеркивать в своих приказах войскам восточного фронта: Крым — не сдавать! Чуть позже, когда мы уже будем вести боевые действия на Керченском полуострове, Гитлер со свойственной ему фарисейской высокопарностью скажет Цейтцлеру: «Мы обязаны оборонять Крым, этот второй Сталинград, пока есть хоть какая-то возможность, пока это вообще допустимо»¹.

Используя превосходство своего флота на Черном море, оккупанты имели возможность поддерживать морские коммуникации во вполне рабочем, так сказать, режиме. А это означало, что они могли почти бесперебойно питать 17-ю армию, сидевшую в Крыму, всем необходимым: и боевой техникой, и боеприпасами, и продовольствием, и резервами живой силы. Плотной прикрыв мощной обороной два направления, на которых могли наступать советские войска — со стороны Тамани, с форсированием Керченского пролива, и Перекопский перешеек, — гитлеровское командование наверняка чувствовало, что в Крыму у него позиция очень сильная...

¹ Данилов В. И. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2, с. 492.

Однако как ни силен враг, как ни бедны мы на переправочные средства, а гнать немцев с крымской земли — дам, и тут уж лучше думать не о том, чего нет у тебя, а о том, что есть. Да с толком подготовить к броску через пролив каждого солдата, сержанта, офицера, генерала. Подготовить и морально, и физически, и, конечно, в тактическом отношении.

В состав 16-го стрелкового корпуса была введена 227-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Георгий Николаевич Преображенский, и с 15 октября уже все три наши соединения занимались боевой подготовкой по специальной программе. «Специальная» расшифровывается просто: мы учили людей грузиться на суда, десантироваться на берег и вести бой в условиях сильной противодесантной обороны гитлеровцев.

Андрей Антонович Гречко приказал мне наметить дивизию, которая будет переправляться первой.

— Завтра по телефону доложишь фамилию комдива.

Нельзя сказать, что решение пришло без раздумий. Я очень хорошо знал Теодора Сергеевича Кулакова, командира 339-й стрелковой дивизии, и без оглядки мог положиться на него во всем. Да и замполит у него, полковник Николай Алексеевич Бойко, как показали бои на Тамани, под стать комдиву — вдумчивый, инициативный и смелый офицер. Но 383-я стрелковая — это ведь моя родная. С ней и отступал, и в обороне стоял, и — хорошо ли, плохо ли — наступал немного; такой «орешек», как Крымская, раскололи...

— Горбачев, — назвал я командарму фамилию комдива 383-й стрелковой.

— Ну что ж, так и утвердим. Добро.

Но вскоре мне пришлось просить генерала А. А. Гречко, чтобы в уже готовом плане он изменил очередность форсирования пролива соединениями нашего корпуса. Заболел Горбачев.

Командующий просьбу удовлетворил: в первом эшелоне корпуса пойдет 339-я стрелковая дивизия полковника Т. С. Кулакова.

Мы всеми силами старались вдохнуть в личный состав постоянное стремление учиться ратному делу. И учиться именно тому, что понадобится в боях на плацдарме. Ведь у каждой из трех дивизий корпуса он будет, по сути, первым плацдармом с начала войны. В этой агитационной работе нам очень помогло то, что большинство офицеров

штакора были в свое время участниками высадки на Малую землю. Политотдел корпуса каждого малоземельца взяв на учет и послал их в роты и батальоны. Эти товарищи помогали командирам подразделений проводить занятия, а в минуты перерывов рассказывали людям о боях на Мысхако. Заметно было, что после таких вот бесед бывалых офицеров с солдатами тактические занятия проходили более динамично, с большей долей смекалки, хитрости в действиях каждого бойца.

Всю учебную и политико-воспитательную работу, проводившуюся в частях и соединениях в период подготовки операции, как бы заключало обращение Военного совета Северо-Кавказского фронта ко всем бойцам, командирам и политработникам 56-й армии. В этом обращении, в частности, говорилось: «Вы одержали огромную победу, очистили Кавказ и Кубань от проклятого и подлого врага. В борьбе с фашистскими палачами вы показали чудеса храбрости, героизма и самоотверженности. На долгие годы не померкнет ваша слава, слава героев в битве за Кавказ и Кубань.

Вы честно и храбро выполнили одну боевую задачу. Перед вами стоит вторая, не менее ответственная и не менее важная, — ворваться в Крым и очистить его от немецко-фашистских захватчиков... В данный момент самое главное и важное форсировать и преодолеть Керченский пролив...»

Высадку обоих десантов — и 18-й армии, и нашей 56-й — намечено было провести в ночь на 1 ноября 1943 года. Но накануне разыгрался жестокий шторм, который нарушил все планы. Десантным судам Черноморского флота еще как-то удалось десантировать в районе Эльтигена (юго-западнее Керчи) первый отряд 318-й стрелковой дивизии, который захватил небольшой плацдарм. Азовская же военная флотилия в эту ночь так и не смогла начать переброску 2-й гвардейской стрелковой дивизии на Крымский берег¹. Суденышки, которыми она была оснащена, оказывается, в такую непогоду, какая случилась в ту ночь, теряли все свои мореходные качества и могли стать жертвами расходившейся стихии. Форсирование Керченского пролива пришлось отложить на неопределенное время, пока не утихнет шторм. На наше счастье, он продолжался еще только два дня.

¹ ЦАМО, ф. 288, оп. 9921, д. 160, л. 30.

В ночь на 4 ноября передовые десантные отряды 11-го гвардейского стрелкового корпуса высадились на восточном берегу Керченского полуострова и начали бой за овладение плацдармом. Наступление десантников поддерживалось интенсивным огнем всей дивизионной, корпусной и армейской артиллерии. Я находился в это раннее утро 4 ноября на передовом командном пункте генерала И. Е. Петрова и хорошо наблюдал работу наших артиллеристов. С косы Чушка били 76-миллиметровые пушки и 122-миллиметровые гаубицы, за спиной ухали батареи орудий большой мощности. С диким свистом над нашими головами проносились реактивные снаряды «катюш».

На огонь наших батарей фашисты ответили огнем своих орудий с горы Митридат. Командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант А. К. Сивков, находившийся в блиндаже, немедленно скорректировал стрельбу двух дивизионов, и те навалились на эту гору всей своей мощью. Стреляли они удачно — постепенно артогонь противника стал затихать.

— Ну что ж, мои бомбардировщики свое дело знают, — сказал Сивков и вышел из блиндажа. А через несколько секунд сюда ворвался какой-то солдат и как-то очень по-детски, испуганно и громко, закричал:

— Генерала убило!..

...Кровь из осколочной раны фонтаном била мне на рукав гимнастерки, когда я вместе с каким-то офицером вносил раненого на командный пункт, и по тому, что с каждым нашим шагом этот фонтанчик становился все слабее, я понял, что жизнь уже уходит из тела генерала Сивкова. Прибежавший врач смог лишь констатировать смерть.

Иван Ефимович Петров стоял над телом своего боевого друга, и из глаз командующего фронтом катились слезы...

К исходу 5 ноября все стрелковые полки, полковая и противотанковая артиллерия 2, 32 и 55-й гвардейских стрелковых дивизий были уже в Крыму. Наступила очередь переправляться и 16-му стрелковому корпусу.

В канун 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в 22 часа 50 минут 6 ноября, 1133-й стрелковый полк 339-й дивизии с причала на косе Чушка начал погрузку на деревянные мотоботы. Хотя

пролив в сравнении с тем, каким он был три дня назад, действительно успокоился, но все равно, по мере того как волны заполнялись (и переполнялись) людьми, волны у берега. А отойдут немного мористее — там волна наверняка злее. Так что мокнуть «царице полей» до самой последней ниточки. Да еще сверху — дождь со снегом.

И все-таки настроение у бойцов бодрое. Перешучиваются, по-доброму задирают друг друга.

— А что, — подбадривает себя кто-то, — наша Ока, пожалуй, только чуток поуже будет. Так Оку-то я переплывал...

— На лапте, что ли? — откликается другой. Будто бы стоял и ждал, когда рязанский скажет про Оку.

— «На лапте»! Саженками! А на лапте рискнет только тот, кто не тонет. Тебя, Наум, лапоть в самый раз перевезет...

В кружке солдат — хохоток.

Но вот отходит первый мотобот. Рота. Второй — еще одна. А третий — это уже батальон. С 1-м батальоном 1133-го стрелкового полка идут заместитель командира 339-й стрелковой дивизии полковник С. Н. Бараханов и начальник оперативного отделения штадива майор И. Т. Мыцык. Это правильно. Во-первых, проведут рекогносцировку участков, которые предстоит занять полкам дивизии, а во-вторых, они — подстраховка. Полковник Т. С. Кулаков знал, кого послать командиром передового батальона — Артем Геновский, которому шел двадцать второй год, наверное, самый дерзкий и цепкий в дивизии комбат. Я у них уже знаю и Павла Иларионовича Яремчука, и Николая Ивановича Куликова, и Николая Степановича Крупку, и Феодосия Игнатьевича Дзюбу. Хороши, ничего не скажешь. Но Геновский — лучший из них. Мысль у него, по-видимому, работала побыстрее.

Откровенно говоря, мы не предполагали, что при такой сумасшедшей погоде противник обнаружит суда на которых переправлялся 1133-й стрелковый полк командира М. К. Тренетуна. Непоглядная темень, снег. Но гитлеровцы, видать, имели хорошие «уши», и, как только наши суда стали приближаться к берегу, вражеские батареи с горы Митридат открыли по ним сильный артиллерийский огонь. Судя по всему, противник за несколько минут в проливе несколько участков неподвижного зарицательного огня. Среди десантников появились раненые.

Однако, в общем-то, переправа полка закончилась благополучно. Высадившиеся в районе крепости Еникале батальоны на рассвете 7 ноября сразу завязали бой за плацдарм в районе населенных пунктов Еникале и Опасная. В этот же день с 14 часов приступил к переправе 1137-й стрелковый полк подполковника И. Н. Полевика. С ним шли и комдив полковник Т. С. Кулаков, и штаб дивизии.

Где-то сразу после полуночи на отдельном катере переправился на плацдарм и я с оперативной группой штаба корпуса, в которую вошли полковники П. А. Штахановский и М. С. Киселев, майоры Т. Н. Дроздов (начальник оперативного отдела), М. С. Егоров (начальник разведки) и подполковник А. Н. Егоров (начальник связи корпуса), а также еще несколько офицеров и солдат. Всего нас было около 20 человек.

На подходе к крымскому берегу в районе Опасной наше юркое суденышко было обнаружено фашистским торпедным катером, рыскавшим в ночном проливе. Однако до места высадки оставалось уже немного, и мы успели ускользнуть. Немецкий катер, пройдя вдоль берега на расстоянии 300—400 метров, обстрелял прибрежные домики из крупнокалиберного пулемета, а потом, видать, со злости, что добыча упущена, ахнул по нашему берегу торпедой. Взрыв был настолько сильным, что во всех домах поселка вышибло стекла.

Начальник связи корпуса подполковник М. С. Егоров нашел на западной окраине Опасной сухой, довольно просторный подвал и сразу же начал оборудовать в нем мой НП, а мы с П. А. Штахановским пошли на наблюдательный пункт командира 339-й стрелковой дивизии.

— Командир одиннадцатого гвардейского далеко отсюда? — спросил я Т. С. Кулакова, когда мы добрались к нему.

— А его здесь и нет.

Немедленно связался по радио с командующим армией генерал-лейтенантом К. С. Мельником (20 октября он сменил генерал-лейтенанта А. А. Гречко, назначенного заместителем командующего 1-м Украинским фронтом). Докладываю: так и так, командира 11-го гвардейского стрелкового корпуса на плацдарме нет. Мой бывший курсовой начальник сначала несказанно удивился, а затем и взъярился. Но бушевал он недолго.

— Подчини себе, — сказал он, — все войска и начинай

воевать по-настоящему. Бей на Булганак и Керчь. Их необходимо взять.

Так по воле случая мне пришлось временно стать старшим начальником на плацдарме и подчинить себе всю группировку войск, форсировавших Керченский пролив. Немедленно, прямо от Кулакова, послал офицера связи к командиру 2-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майору А. П. Турчинскому. В посланной ему записке я предъявил свои полномочия и потребовал командира к себе с докладом.

Появился полковник Б. Н. Аршинцев, командир 55-й гвардейской стрелковой дивизии. С Борисом Николаевичем мы договорились, как нам состыковать и упорядочить полосы наступления. Было решено, что 1133-й стрелковый полк, продолжая наступление, к утру повернет севернее и пройдет через боевые порядки левофланговых подразделений 55-й гвардейской, после чего начнет штурмовать Джанкой. В ночь на 9 ноября, когда придут 691-й и 694-й стрелковые полки 383-й стрелковой дивизии, мы еще отрежем часть полосы у Аршинцева, а он освободившиеся силы переместит на свой правый фланг.

С Адамом Петровичем Турчинским, командиром 2-й гвардейской, разговор был труднее. Генерал состоял в старинных приятелях с Иваном Ефимовичем Петровым и не любил, чтобы у него оказывалось несколько начальников. Так и заявил мне: «Мое начальство на том берегу». Пришлось подтвердить командиву о задачах операции, в условиях которой пассивность может привести к срыву замысла.

С утра 8 ноября 1133-й стрелковый полк, продолжая теснить противника, вышел на участок одного из полков 55-й гвардейской стрелковой дивизии. Как и было решено, командир полка майор М. К. Трепетун, не останавливаясь, провел свои батальоны через боевые порядки подразделений 55-й гвардейской стрелковой дивизии и продолжил наступление в направлении населенного пункта Джанкой.

Сразу же обозначился небольшой успех. Батальон капитана А. И. Геновского ворвался в первую траншею врага и завязал в ней ближний бой. Почти тут же первой траншей достиг и 3-й батальон, которым командовал майор А. М. Панфилов. Здесь вспыхнула особенно сильная рукопашная схватка. В один из моментов был ранен командир 7-й роты. Тогда командование подразделением

принял на себя командир батальона старший ~~первый~~ лейтенант А. К. Голощапов. Бойцы, воодушевленные его ~~призывом~~ отомстить за командира, усилили натиск, и гитлеровцы начали откатываться ко второй траншее.

И тут — мощная контратака врага. Два батальона автоматчиков при поддержке 13 танков надели на левый фланг 1133-го стрелкового полка. Теодор Сергеевич Кулаков, лично руководивший боем, усилил 3-й батальон двумя стрелковыми и пулеметной ротами, а также тремя противотанковыми пушками. Весьма удачно действовали пулеметчики капитанов И. В. Максименко и Д. И. Шеремета. Выбрав выгодные позиции, они надежно отсекали фашистскую пехоту от танков. И контратака противника была отбита.

Но это — только первая. А за ней была вторая, третья, восьмая. Восемь раз в этот день гитлеровцы пытались оттеснить 1133-й полк к проливу, но все эти попытки оказались тщетными. Их свели на нет мужество, отвага и стойкость наших воинов, таких, например, как снайпер старшина Давид Тобоевич Доев и санинструктор Вера Хохлова.

За один день 8 ноября Доев подавил 12 огневых точек, уничтожил 5 фашистских офицеров и около 20 солдат. При отражении седьмой контратаки Давида тяжело ранило осколком снаряда. На помощь ему бросилась Вера. Еще не доползла — тоже ранена. Но перевязывать себя некогда, и девушка, преодолевая боль, спешит на помощь к своему товарищу... Они были убиты одним снарядом, который нашел их, когда Вера почти уже подтащила старшину к воронке, в которой были укрыты другие раненые...

В то время когда 1133-й стрелковый штурмовал оборону врага и отбивал его яростные контратаки на подступах к Джанкою, 1137-й полк, вступивший в бой еще накануне вечером, наступал в направлении Капканов, а 1135-й, прибывший утром, теснил противника с сильно укрепленной и господствующей над местностью высоты 69,5.

Вся 339-я стрелковая дивизия, в том числе отдельный противотанковый дивизион и пушечный дивизион 900-го артполка, была теперь в одном кулаке.

Начали снова продвигаться и части 11-го гвардейского стрелкового корпуса. Во второй половине дня на плацдарм прибыл командир корпуса генерал-майор В. Ф. Сер-

гацков, и я, облегченно вздохнув, снял с себя ~~власть~~ над его гвардейцами.

Часов в пять вечера начался дождь. Пудный, он все набрал силу и к ночи разошелся всерьез. А в это время ~~переправлялись~~ через пролив части 383-й стрелковой дивизии. Они грузились уже в двух точках: 691-й стрелковый полк с причала № 1 на косе Чушка, а 694-й стрелковый полк в районе поселка Кордон. И высаживались соответственно — в Опасной и Жуковке.

Однако передовой батальон 694-го полка (комбат капитан А. П. Мерекин) по вине лоцмана высадился в самом неудобном для этого месте — прямо под отвесной стеной у восточного мыса Керченского полуострова. Хуже того, на мысу, как ни странно, уцелело какое-то подразделение гитлеровцев, посаженное сюда для обороны этого опорного пункта и теперь оказавшееся в тылу 55-й гвардейской стрелковой дивизии. Немцы открыли сильный пулеметный огонь, и батальону капитана А. П. Мерекина пришлось прямо с воды вступать в бой.

Противник был сверху. Чем его возьмешь? А он швыряет гранаты, бьет из пулеметов и автоматов.

По неглубоким расщелинам, цепляясь за осклизлые от дождя камни, бойцы карабкались на сближение с врагом. Одной из штурмовых групп во главе с сержантом В. И. Кирсановым удалось подняться значительно выше фашистских окопов (с помощью ножей смельчаки сделали более двухсот ступенек), и это предрешило исход боя. Роты батальона поднялись на террасу, которую занимали гитлеровцы, и уничтожили в ближнем бою весь гарнизон опорного пункта.

Радость боевого успеха была омрачена гибелью сорока семи человек. 19 бойцов погибли при штурме почти отвесной стены и 28 (в том числе парторг полка майор Семакин и парторг батальона старший лейтенант Аветисян) — на мотоботе, еще при переправе через пролив. То ли судно подорвалось на mine, то ли его потопил торпедный катер врага, но 1-я рота так и не прибыла на крымский берег. Сутки спустя на 11-м километре Чушки волны выбросили тело санинструктора этой роты Нади Агановой. Ее опознали по длинной и толстой косе, которую девушка сохранила даже на фронте...

К утру 9 ноября 691-й стрелковый подполковника А. К. Руцинского и два батальона 694-го полка майора П. С. Головатюка заняли свое место во втором эшелоне

339-й дивизии. 3-й батальон 694-го полка, весь 696-й полк, а также 966-й артполк еще находились на Тамани. Состоявшие там подразделения переправятся только к вечеру, и в ночь на 10 ноября 383-я стрелковая дивизия сменит левофланговые подразделения 55-й гвардейской.

Но это будет позже. А пока — утро 9 ноября. Дождь перестал, зато лег туман. Мы ждем, когда хоть немного развиднеется. Артиллерия на другом берегу Керченского пролива находится в готовности по нашему сигналу открыть огонь.

И вдруг из тумана донесся шум танковых моторов. Что это, демонстрация? Или атака?.. Оказалось, танковая атака на наш левофланговый 1137-й полк.

Звоню Кулакову:

— Теодор Сергеевич, от вас что-нибудь видно?

— Вижу — танки.

— Передайте Полевику: назад пятиться некуда.

— Не беспокойтесь, устоим.

— Я не про то, что не устоите, а про то, что еще наступать сегодня надо.

— Так и я про то же самое...

Гитлеровские бронированные машины были встречены дружным огнем сорокапяток и 76-миллиметровых полковых пушек. Хлопки выстрелов, пороховая гарь быстро съели туман. Поле боя открылось как на ладони. И самым радостным цветом в обозреваемой панораме был черный — дымы семи горящих машин противника. Три сожженных танка записал на свой личный боевой счет командир противотанкового орудия старшина Степан Иванович Нанин. Когда он увидел, что молодой наводчик от волнения бьет мимо цели, а фашистские танки уже рядом, сам встал к панорамному прицелу и хладнокровно расстрелял машины — одну за другой.

Как только противник отхлынул, я приказал открыть артогонь. Из-за пролива через наши головы полетели снаряды батарей корпусной и армейской артиллерии. После 30-минутной артподготовки поднялась в атаку пехота.

1137-й стрелковый, стремительно опрокинув подразделения гитлеровцев, оборонявшихся на насыпи разобранной железной дороги, зацепился за восточную окраину поселка Капканы. Первым сюда пробился взвод младшего лейтенанта Василия Новикова из 2-го стрелкового батальона (комбат капитан И. А. Макаров). Фашисты успели заткнуть маленькую брешь, пробитую в их обороне группой

из 12 бойцов, и окружили дом, в котором забаррикадировался Новиков со своими подчиненными.

Штурмом эту маленькую крепость немцам взять не удалось. Всякий раз натываясь на автоматные очереди и варывы гранат, они откатывались, оставляя перед домом Новикова трупы. Тогда гитлеровцы подожгли здание из огнемета. Иван Антонович Макаров, комбат, увидев это, встал во весь рост.

— Новикова жгут! Вперед, ребята!..

Батальон ворвался в немецкую траншею и завязал здесь жестокий рукопашный бой. Особенно дерзко действовали воины 1-й роты под командованием старшего лейтенанта В. А. Шанонина. Опрокинув врага, они пробивались к горящему дому и вызволили из пламени геройский гарнизон.

В это же время действовавший правее (севернее) 1135-й полк штурмовал высоту 69,5. Накануне командир полка подполковник И. И. Сценуро прошелся по батальонам. Разговаривая с комсомольским активом, он подсказал, что неплохо было бы к завтрашнему бою подготовить несколько красных флагов и отдать их в самые надежные руки — пусть донесут до вершины... И вот теперь с моего НП отчетливо видны эти кумачовые огоньки. Люди упорно пробиваются вверх по склонам высоты.

Один из флагов сначала нес комсомолец Владимир Коваленко. Вражеская пуля остановила его. Напряженно пошатываясь, он стоял до тех пор, пока дравко не подхватил комсомолец Иван Сазонов. Но и ему не удалось донести флаг до вершины. Сазонов тоже ранен. А алое полотнище уже реет над головой комсомольца Льва Каранетяна, который, презирая смерть, рвется к вершине. Вслед за ним идут его боевые друзья...

А за Джанкой дерется 1133-й стрелковый. Продвигается он не очень быстро, но уверенно, очищая от отчаянно сопротивляющегося неприятеля один дом за другим.

К исходу дня 339-я дивизия овладела восточной частью Капканов, высотой с отметкой 69,5 и поселком Джанкой. Ее соседи справа, подразделения 55-й гвардейской стрелковой дивизии, взяли высоту 98,9 и освободили населенный пункт Баксы. На этом рубеже их и сменила 383-я дивизия. На правом фланге — 694-й полк, на левом — 691-й. 696-й развернулся в боевой порядок во втором эшелоне.

Еще засветло полковник В. Я. Горбачев с командира-

ми полков провел рекогносцировку местности, на которой им предстояло действовать. Когда они вернулись на мой командный пункт, я отдал распоряжение сменить подразделения 55-й гвардейской дивизии на ходу, пройти сквозь боевые порядки гвардейцев и сразу же атаковать противника в направлении высоты 104,3, Царев курган. По опыту боев на Тамани мы знали, что против ночных атак гитлеровцы особенно неустойчивы.

— Между прочим, — сказал я Горбачеву, — пленный из семьдесят третьей пехотной дивизии утверждает, что командиром у них генерал-майор Бёмэ.

— Ну и что же? — не понял комдив.

Но командиры полков поняли, заулыбались.

— Значит, опять сошлись наши дорожки? — удивленно хмыкнув, спросил Руцинский.

— Выходит.

— Так надо его поймать, товарищ генерал, — предложил Сосин и широко улыбнулся.

— Ты, Иван Васильевич, этого Бёмэ еще на Миусе пытался, по-моему, взять в плен. Или я ошибаюсь?

Головатюк и Руцинский рассмеялись: им, ветеранам, было известно, что весной 1942 года никто, наверное, не ходил столько много в разведпоиски, сколько Сосин. Очень ему хотелось лично достать «языка». Но, по-видимому, он был в разведке невезучим человеком и всегда возвращался пустым, после чего добросовестно получал от меня хороший нагоняй за самовольство.

Я посмеялся вместе со всеми, но на прощание серьезно посоветовал:

— А людям скажите про Бёмэ. И что не уйти ему от нас — тоже скажите. Он ответит за все...

383-я стрелковая атаковала врага в час ночи после короткого артналета по переднему краю врага. В 694-м полку успех обозначился на правом фланге, где наступал 1-й батальон капитана С. П. Дегтярева. Комбат умело обошел справа сильно укрепленную высоту с отметкой 129,6 (гора Иванова) и неожиданно для противника ударил с северо-запада по тылам обороняющихся. Фашисты начали в панике скатываться с высоты. Бойцы Дегтярева, преследуя бегущих гитлеровцев, на их плечах ворвались на прикрывающую поселок Аджимушкой высоту с отметкой 78,6, но удержать ее не смогли. Контратакой до полутора батальонов автоматчиков противник сбросил батальон с этой высоты. Но и только.

Продвинулся вперед и 691-й стрелковый полк. Подполковник А. К. Руцинский, уловив момент, когда гитлеровцы дрогнули перед натиском 1-го батальона (комбат знакомый уже читателю ветеран дивизии майор А. С. Окунев), усилил центр полковой ротой автоматчиков. Окунев, прорвав оборону врага на глубину двух траншей, вышел на южные скаты высоты с отметкой 104,3.

С виду она не кажется трудной, эта высота. Пологие склоны создают впечатление ее незначительности. Но противник опоясал ее сетью траншей и ходов сообщения, создал множество заграждений и минных полей, наштамповал горку пулеметными гнездами и дзотами... Надо нажать на противника где-то в другом месте. Где?

Все определилось утром, когда и 339-я стрелковая дивизия продолжила наступление. 1137-й полк одним ударом вышиб гитлеровцев из поселка Капканы и вышел к шлаковым отвалам завода имени Войкова. 1133-й стрелковый тоже сломил сопротивление врага и, завернув правый фланг в сторону моря, достиг этих же отвалов с северо-востока. Между 339-й и 383-й дивизиями образовался разрыв.

Звоню Кулакову:

— Вводите Сцепуро. Направление — высота сто четыре и три.

Красивым был ввод в бой 1135-го стрелкового полка! Стремительное развертывание из предбоевых порядков, дружная атака — и вот уже подразделения Ивана Иосифовича Сцепуро, опрокинув фашистов, преодолевают глубокий овраг, за которым южный скат этой чертовой высоты. Поднимаются батальоны майора А. С. Окунева и капитана Н. И. Винокурова из 691-го полка, атакуют высоту с юго-востока. А с северо-востока жмет со своими героями на врага капитан Я. Г. Половянов — 3-й батальон 694-го стрелкового полка.

В это время с направления Аджимушкай противник силою до батальона пехоты с танками контратаковал 1135-й стрелковый во фланг. Но командир полка, прикрывшись 3-м своим резервным батальоном, атаку на высоту 104,3 не прекратил. Комбат капитан Д. А. Сурченко встретил контратакующих фашистов плотным огнем из всех видов стрелкового оружия и приданных ему сорокапяток. Сначала в борьбе с танками отличились бронбойщики младшего лейтенанта Василия Бобрышева. Сам взводный первым же выстрелом остановил фашист-

скую машину, а вторым уничтожил танкиста, который пытался покинуть танк. Но взвод противотанковых ружей все-таки не сумел сдержать натиска стального тарана, и четыре танка прорвались к боевым порядкам 1-го батальона (комбат капитан А. С. Крупка), штурмовавшего высоту 104,3. Положение сложилось критическое.

Выручили противотанкисты капитана Н. Г. Антонова. Они развернули свои пушки и ударили по бортам вражеских машин. Все четыре были уничтожены, контратака — отбита, высота 104,3 — взята.

В этом успехе — вклад многих бойцов и командиров. И все-таки мне хочется выделить одного человека. Это командир 1135-го стрелкового полка подполковник Иван Иосифович Сцепуро, который уверенно и решительно провел захват высоты.

К 14 часам 691-й и 1135-й стрелковые полки с севера и северо-востока вышли к заводу имени Войкова, а 694-й стрелковый — к восточной окраине поселка Аджимушкой. На восточных подступах к заводу дрались 1133-й и 1137-й полки.

Я приказал командиру 383-й дивизии готовить для ввода в бой 696-й полк, который двигался во втором эшелоне. Действиям наших частей, наступавших на завод имени Войкова, сильно мешал фланговый артиллерийский и пулеметный огонь с Царева кургана, возвышавшегося к северу от заводских цехов, и задача полка подполковника И. В. Сосина состояла в том, чтобы овладеть этим мощным опорным пунктом. По моему распоряжению начальник артиллерии корпуса полковник М. С. Киселев передал на таманский берег приказание в 14 часов 30 минут провести получасовую артподготовку: требовалось подавить огневые точки противника в поселке Аджимушкой, на кургане и на заводской территории.

После артподготовки в 15 часов стрелковые части корпуса на всем фронте наступления поднялись в атаку. Мое внимание было приковано к участку, на котором вводился в бой 696-й полк. Все получилось лучшим образом, и вот уже на всех участках идет ожесточенная схватка с упорно сопротивляющимися гитлеровцами.

Двухтысячный гарнизон врага, оборонявший завод имени Войкова и поселок Колонка, сопротивлялся с каким-то остервенелым упорством. Используя многочисленные и, надо сказать, мощные заводские строения, гитле-

ровцы создали здесь эффективную огневую систему, которую преодолеть было весьма сложно. Но она все же преодолевалась. Бой разбился на множество схваток в цехах, на железнодорожных путях, в зданиях подсобных служб.

В одном из цехов, очищая его от врага, отважно дрались группа бойцов 1135-го полка, которую возглавили заместитель командира 2-го батальона старший лейтенант Н. П. Тимофеев и политработник этого же батальона старший лейтенант Ш. Ф. Алиев. С ними же действовал и расчет сорокапятки старшего сержанта Н. В. Прокопенко. Пока артиллеристы расправлялись с двумя огневыми точками противника, мешавшими продвижению группы, Тимофеев и Алиев с двух сторон обошли укрепленный пункт фашистов и ударили по ним с тыла. Заводской цех был полностью очищен от гитлеровцев. Наши войны захватили здесь 5 исправных тяжелых пулеметов с большим количеством боеприпасов. Один из пулеметов стал личным трофеем комсорга 2-го батальона лейтенанта Виктора Исаченко, который, уничтожив расчет огневой точки, немедленно повернул захваченное оружие против врага.

В этом бою отважный комсомольский вожак был тяжело ранен. В строй он уже не вернулся. Из госпиталя его по инвалидности уволили из армии. Фронтовик поступил учиться в Московский энергетический институт, на всю жизнь связав себя с этим столичным вузом. Сейчас доктор технических наук Виктор Павлович Исаченко — профессор кафедры теоретических основ теплотехники.

Жестокая схватка разгорелась на левом фланге 1133-го стрелкового, где наступал 1-й батальон. Здесь противнику удалось собрать силы для весьма решительной контратаки. Против штурмовой группы во главе с заместителем комбата капитаном А. П. Сорокой бросилось до двух рот немецких автоматчиков, поддержанных пятью танками. Контратаку эту отражали с места. Коммунист Алексей Прокофьевич Сорока стал для остальных бойцов примером мужества, отваги и хладнокровной смекалки. Из противотанкового ружья он лично уничтожил один фашистский танк, а затем противотанковой гранатой — второй. Еще три машины были сожжены беззастенчиво, которой командовал старший лейтенант А. В. Руднев. Очистив цех от врага, 1-й батальон 1133-го полка (комбат капитан

А. П. Геповский) захватил в качестве трофея ~~Батарей~~ 75-миллиметровых пушек.

Я называю лишь фамилии командиров потому, что невозможно перечислить всех отличившихся. Отвага, героизм были нормой поведения наших людей в бою. И конечно же примеры мужества показывали прежде всего коммунисты. Скажем, в боевых порядках 1-го батальона 1133-го стрелкового действовал парторг этой части майор М. И. Пономарев. Когда при отражении вражеской контратаки выбыл из строя расчет станкового пулемета, Пономарев вместе с младшим сержантом Ф. Д. Шевченко заменили его, и немало гитлеровцев нашли свою смерть от беспощадного огня парторга и рядового комсомольца.

Судьба Федора Даниловича Шевченко очень схожа с судьбой В. П. Исаченко. В бою за завод имени Войкова младший сержант был тяжело ранен, ему ампутировали ногу. После госпиталя он вернулся в родной Киев, освобожденный от немецко-фашистских захватчиков, и поступил в Киевский университет. Сейчас Федор Данилович — доктор химических наук, профессор.

Исход боя за завод имени Войкова был решен в нашу пользу двумя обходными маневрами. На левом фланге группа бойцов, во главе которых был красноармеец И. А. Петров, таежный охотник из Якутии, прикрываясь железнодорожной насыпью, сумела перебежками достичь пристани на Змеином мысу. Заместитель командира 1137-го полка майор И. В. Сакуненко в целях развития небольшого, в общем-то, успеха этой группы ввел в пробитую брешь по берегу моря сначала 1-й батальон капитана Н. М. Романова, а затем и 2-й батальон (комбат старший лейтенант А. С. Федотов). Через полчаса яростного боя пристань была очищена от гитлеровцев. За умелое руководство боем майор И. В. Сакуненко был награжден орденом Суворова III степени.

В это время со своего НП я увидел, что 696-й стрелковый овладел Царевым курганом. Эта сильно укрепленная высота досталась нам трудно. Вершина ее несколько раз переходила из рук в руки. В один момент этой жаркой схватки противнику удалось силою до батальона автоматчиков обойти левый фланг 696-го полка. Но на пути фашистов стали пулеметчик соседнего, 691-го стрелкового сержант Илья Яковлевич Яковенко и сержант из 696-го полка Василий Мартынович Егоров со своим противотанковым ружьем и автоматом. Они держали свой огневой

рубеж до тех пор, пока не подоспела помощь — 2-й батальон 696-го стрелкового. Перед позицией Яковенко и Бурова уже валялось около 100 трупов немецких солдат и офицеров. Но, к сожалению, сержанты ликвидировали опасность прорыва противника в тыл 383-й дивизии ценой своих жизней...

Воины батальона капитана И. Ф. Быстрого стремительной атакой опрокинули врага и вынудили его к спешному отступлению. По пятам преследуя отходящего противника, они обошли Царев курган с юга, чем обеспечили успех очередной атаки остальных подразделений полка на самую высоту. У нас появилась возможность ударить по тылам трех фашистских частей, которые оборонялись на территории завода имени Войкова. Я приказал командиру 383-й дивизии полковнику В. Я. Горбачеву 696-м полком атаковать в направлении западной окраины поселка Колонка. Комдив, не перестраивая боевых порядков полка, бросил на выполнение этой задачи 2-й батальон, который и пробился к берегу моря. Прикрывшись 3-м батальоном с запада, 696-й стрелковый замкнул кольцо окружения, в котором оказался весь гарнизон гитлеровцев, оборонявшихся на заводе имени Войкова и в Колонке.

Начало уже темнеть, и нам надо было поспешить с ликвидацией этого узла вражеской обороны. После короткого артналета 339-я дивизия с трех направлений атаковала врага. Противник дрогнул и начал отступать к берегу моря, куда из Керчи уже подошло несколько самоходных барж. Но артиллеристы 1133-го и 696-го стрелковых полков уничтожили и сами суда, и около 200 гитлеровцев, успевших погрузиться на них. К исходу дня 10 ноября 1943 года бой за завод имени Войкова и Колонку был завершён. Мы захватили в плен около 150 солдат и офицеров 153-й немецкой пехотной дивизии.

Однако бой еще продолжался за поселок Аджимушкай, где действовал 694-й полк. Несколько наших атак оказались безуспешными. Стало ясно, что Головатюку необходимо дать подкрепление. Комдив бросил ему на помощь 696-й стрелковый — наиболее полнокровную нашу часть. Сосни с ходу ударил по южной окраине Аджимушкай. Первой в траншеи врага ворвалась рота старшего лейтенанта М. С. Худанова. В завязавшейся ночной рукопашной схватке ротный лично уничтожил четырех фашистов.

Следуя примеру командира, так же самоотверженно дрались и его подчиненные.

Одну из штурмовых групп возглавил уроженец Керчи старшина пулеметной роты В. В. Ифтаев. Этот невысокий и совсем не богатырского сложения человек обладал чуть ли не шаляпинским басом. И вот в ночи раздался его мощный клич: «За Родину — вперед!» Поднятые в атаку люди действовали настолько стремительно и споровисто, что в течение двадцати минут они уже пробились к западной окраине Аджимушкая. К утру 11 ноября поселок был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Здесь мы захватили в плен несколько вражеских солдат из 98-й пехотной дивизии. Пленные оказались из маршевого батальона, который самолетами был перебросен сюда, в Крым, из Бельгии.

С утра обе дивизии 16-го стрелкового корпуса продолжали наступление: 339-я — на Керчь, 383-я — в направлении Катерлеза. Справа наступал 11-й гвардейский стрелковый корпус, также продвинувшийся в глубь Керченского полуострова на 10—12 километров.

Однако на всю тактическую глубину прорвать в тот день оборону противника ни нам, ни соседям не удалось. Мы остановились перед второй (после прибрежной) полосой оборонительных позиций 5-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Алмендингера, насчитывавшего около 60 тысяч человек. Эта полоса, которую обороняли части 98, 11 и 153-й немецких дивизий, 3-й горнострелковой и 6-й кавалерийской румынских дивизий, протянулась от Азовского моря через поселок Булганак до Черного моря у восточной окраины Керчи. Далее, в 30 километрах западнее, проходила третья полоса вражеской обороны, в основу которой были взяты старые инженерные сооружения Турецкого вала. Еще одну полосу противник создал на рубеже восточнее Семи Колодезей, населенных пунктов Кенегез, Адык, Карасан. И, наконец, последняя, по мощности не уступавшая главной, — Ак-Монаяские позиции, сооруженные в самом узком месте Керченского полуострова (от Ак-Моная до Феодосии всего 18 километров). Общая глубина обороны 5-го армейского корпуса достигала 75 километров. Так что нам противостояло если не полное, то очень близкое, так сказать, к оригиналу подобие Голубой линии.

В ночь на 12 ноября я произвел перегруппировку частей корпуса в целях усиления правого фланга. Замысел состоял в том, чтобы сначала здесь прорваться на Катер-~~инку~~, а уж затем ударами с востока и северо-запада при вспомогательном ударе частей 318-й стрелковой дивизии полковника В. Ф. Гладкова с эльтигенского плацдарма овладеть городом и портом Керчь. Поэтому правофланговую 383-ю дивизию мы усилили 570-м стрелковым полком 227-й дивизии, который 11 ноября переправился с Тамани. Таким образом, в первом эшелоне у нас находилось 4 полка, а во втором — 3. Полоса наступления корпуса была чуть немногим больше четырех километров.

Утром 12 ноября после 20-минутной артподготовки корпус снова перешел в наступление. Штурмовые группы 339-й стрелковой, сразу же преодолев первую траншею врага, зацепились за окраинные здания Керчи. Особенно успешно действовал 3-й батальон 1137-го полка под командованием майора Ф. И. Дзюбы. Как только бойцы 8-й роты лейтенанта М. Ф. Маркова выкурили гитлеровцев из одного большого здания и атаковали второе, комбат бросил вслед за ними 9-ю роту старшего лейтенанта П. Г. Стенука. Одновременно майор Ф. И. Дзюба прикрылся справа 7-й ротой лейтенанта В. Н. Струкаловского. Подразделение шаг за шагом углублялось в город. Его поддерживали и два других батальона, а также правый сосед — 1135-й полк подполковника И. И. Сцепуро.

На правом фланге корпуса, где у нас были сосредоточены главные силы, также наметился успех. 694-й стрелковый под командованием майора П. С. Головатюка занял две траншеи противника. Однако дальше продвинуться он не смог: с высот у поселка Булганак гитлеровцы открыли сильный пулеметно-минометный огонь, которым остановили полк. Вдобавок ко всему по нашему правому флангу нанесла мощный бомбовый удар группа из 30 бомбардировщиков Ю-87. Наши истребители появились поздно. Хотя они и сбили три вражеских самолета, но стервятники уже сделали свое дело, и не защищенный с воздуха 694-й полк понес немалые потери. После налета авиации враг начал непрерывно контратаковать. Особенно сильно он жал в районе высоты с отметкой 34,0.

Во второй половине дня, когда наступление на правом фланге было остановлено, гитлеровцы мощно контратаковали и на левом. До полка пехоты с 17 танками навалились на 1137-й стрелковый полк и потеснили его.

Насмарку пошли и труд, и пот, и кровь, которые были отданы с утра, когда так успешно мы заняли несколько кварталов Керчи. Больше того, фашистские танки пробились в боевых порядках 1137-го полка порядочную брешь и вывели своих автоматчиков к наблюдательному пункту командира дивизии.

Комдиву полковнику Т. С. Кулакову самообладание и выдержка не изменили и на этот раз. Сдерживая врага силами дивизионной разведки и резервной батареи противотанкового дивизиона, он бросил во фланг прорвавшейся группе гитлеровцев 1-й батальон 1133-го полка. Артем Геновский, умный и хитрый комбат, незаметно по балочке провел своих стрелков в тыл фашистским автоматчикам и ударил по ним так, как бьют насмерть...

С наступлением темноты полковник Горбачев сменил сильно обескровленный 694-й 691-м стрелковым полком подполковника А. К. Ручинского и ввел в бой (на левом фланге дивизии) 696-й полк подполковника И. В. Сосина. В 339-й дивизии 1133-й полк майора М. К. Трепетуна сменил левофланговый 1137-й подполковника И. Н. Полевика. Однако эта перегруппировка мало что дала. С разрешения командующего 56-й армией генерал-лейтенанта К. С. Мельника я приказал частям корпуса закрепляться на достигнутых рубежах. Одновременно приостановил наступление и 11-й гвардейский стрелковый корпус. К прорыву вражеской обороны на Керченском полуострове надо было еще готовиться. И поосновательнее.

В чем была наша слабость? Во-первых, мы не имели танков. Но это еще куда ни шло. С нами на плацдарме не было тяжелой армейской и фронтальной артиллерии. Небольшие возможности переправочных средств — вот причина того, что мощные артиллерийские системы еще оставались на таманском берегу. Они уже не могли с достаточной эффективностью поддерживать наступление стрелковых частей.

Неудача с прорывом обороны противника в значительной мере объяснялась и малой емкостью плацдарма. Получался какой-то замкнутый круг. Для того чтобы сломать врага, требовалось больше сил и средств. И в то же время переброска на Керченский полуостров, скажем, 227-й стрелковой дивизии уже мешает, а часто просто не позволяет маневрировать частями и подразделениями. Важно и то, что наличие в обороне у гитлеровцев господствующих высот, в том числе горы Митридат, почти

исключало скрытность нашей подготовки к боевым действиям.

С Митридата, с других не менее удобных высот, на которых располагались огневые позиции фашистских батарей, противник, имея отличный обзор, вел непрерывный артиллерийский огонь по боевым порядкам наших частей, находящимся на плацдарме, нанося нам ощутимые потери в личном составе. 16 ноября около своего НП погиб командир 339-й стрелковой дивизии генерал-майор Теодор Сергеевич Кулаков. Да, генерал Кулаков. Потому что на следующий день после его гибели пришел приказ о присвоении этому славному моему товарищу и храброму солдату генеральского звания. А еще через несколько дней мы узнали, что Теодору Сергеевичу присвоено и звание Героя Советского Союза — за особые заслуги при форсировании Керченского пролива.

Тяжело было прощаться с человеком, с которым испытал не одно лихо и на которого всегда надеялся как на родного брата. Но вот тело Т. С. Кулакова отправили для похорон в Краснодар. Ране в душе пера бы потихоньку затягиваться, а ее все время бередят чья-нибудь гибель или чье-то тяжелое ранение. На плацдарме погибнет командир 694-го стрелкового полка майор Петр Савельевич Головатюк, которого я почитал за честь называть своим учеником. Погибнут комбаты майор Григорий Григорьевич Ковтун, капитаны Арсентий Семенович Колотилин и Артем Савельевич Федотов — офицеры, которых я знал и которым мы прочили повышение по службе... Присмотришься к человеку, уже думаешь выдвинуть его на более высокую должность — вдруг докладывают: «Тяжело ранен...» Когда на плацдарме стало известно, что нам выделили одну вакансию в академию имени М. В. Фрунзе, я, не раздумывая, приказал направить того комбата, который дольше всех держится у нас. Таким командиром батальона оказался майор Алексей Степанович Окунев.

Я говорю об этом, чтобы объяснить довольно неприятный факт: после трех месяцев пребывания на плацдарме мы в штабном подсчете, что более 80 процентов потерь в офицерском составе за это время — потери от огня артиллерии. Не лучше, думаю, были подобные данные и по 11-му гвардейскому стрелковому корпусу. Там снарядом убило комкора генерал-майора Бориса Николаевича Аршинцева, славного командира и отличного боевого товарища.

Надеюсь, что из всего этого читатель поймет, насколько преимущественнее были позиции противника и насколько не хватало нам на плацдарме армейской и фронтовой артиллерии для организации эффективной контрбатарейной борьбы и поддержки боевых действий наших стрелковых частей и подразделений.

А командуя фронтом, командарм между тем торопили нас с прорывом обороны врага. Начало возобновления наступления было назначено на 20 ноября.

На крымский берег уже переправилась 227-я стрелковая дивизия, входившая в состав 16-го стрелкового корпуса, ~~и~~ в случае серьезного успеха частей первого эшелона имели теперь возможность ввести всю ее в бой на участке прорыва. А это означало, что командир корпуса получил такой резерв, использование которого в нужный момент и в нужном месте могло обеспечить выполнение боевой задачи.

В оставшиеся до наступления дни мы провели три разведки боем — два раза усиленной стрелковой ротой и усиленным стрелковым батальоном. Однако противник, с возвышенности хорошо наблюдавший боевой порядок 339-й и 383-й стрелковых дивизий, разгадал цель этих трех атак и отражал их только частью своих огневых средств. Иначе говоря, разведки боем оказались малорезультативны. К тому же и разведотдел штаба фронта, в распоряжении которого находились разведывательные самолеты 4-й воздушной армии, не сумел вовремя обнаружить подход к передовой крупных резервов врага. Вот почему 20 ноября 1943 года, начав с утра наступательные боевые действия, десантные части 56-й армии где-то к полудню сами оказались в роли обороняющихся. Гитлеровцы мощно и непрерывно контратаковали. Действия фашистской пехоты массивно поддерживались артиллерией, авиацией и танками...

Недавно мне на глаза совершенно случайно попала фотография одного бравого подполковника с многочисленными боевыми наградами, в числе которых были шесть орденов — два Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, два Красной Звезды. Бравым называю этого человека потому, что очень ~~ум~~ у него огромные и пышные усищи. И вот, рассматривая фотографию, вдруг ловлю себя на том, что ~~лицо~~ офицера мне знакомо. За рецки Анатолій Йосифович...

Из наведенных справок выяснилось, что он с мая

1942 года и до самой победы воевал в составе 383-й стрелковой дивизии в одном и том же полку — 694-м, в одной и той же должности — командир огневого взвода полковой артбатарей. А вспомнилось мне лицо Анатолия Иосифовича потому, что на Голубой линии я вручал ему орден Красного Знамени — за отражение танковой контратаки противника.

Зарецкий со своим взводом отличился и 20 ноября 1943 года на керченском плацдарме. 694-й полк, действовавший на правом фланге 383-й дивизии, был атакован со стороны поселка Булганак 20 танками. Артиллеристы части, находясь в боевых порядках стрелковых подразделений, мужественно встретили эту стальную лавину и меткими выстрелами сожгли восемь машин. Артбатарея, которой командовал старший лейтенант Дмитрий Челядинов, в ходе боя несла немалые потери. Комбату самому пришлось стать на место одного из наводчиков и вести огонь уже почти в упор. Челядинов лично сжег два танка и самоходное орудие. Один танк был уничтожен командиром огневого взвода лейтенантом Анатолием Зарецким, который также лично вел огонь из орудий.

Вообще в этот день на артиллеристов 383-й стрелковой (основные усилия гитлеровцы сосредоточили именно в ее полосе боевых действий) легла большая нагрузка. И они с честью выдержали ее. В 696-м стрелковом полку батарея 45-миллиметровых противотанковых пушек под командованием старшего лейтенанта Михаила Кушнаренко, молодого кубанского казака из станицы Варениковской, и минометная батарея старшего лейтенанта Федора Борщевского одни без стрелковых подразделений в течение часа вели бой с превосходящими силами фашистской пехоты и танков. И враг не прошел.

Все солдаты, сержанты и офицеры этих двух батарей проявили и стойкость, и боевую сноровку, и мужество. Но особо надо выделить старшего сержанта Никандра Васильевича Васильева. Член партии, участник финской кампании, он находился в 383-й стрелковой дивизии с первых дней ее существования. По трудному боевому пути от Сталино до Керченского полуострова Васильев прошел со своим соединением, исполненный достоинства русского человека и советского солдата. Был наводчиком орудия, потом его командиром, здесь, на плацдарме, он воевал уже как командир огневого взвода в батарее старшего лейтенанта Кушнаренко. Когда у одной из пушек вышел

из строя весь расчет, огонь из этой пушки Никандр Васильев стал вести сам. Раненный, он стрелял до тех пор, пока не отхлынула контратака врага. Боевой счет бывшего тверского колхозника вырос на два сожженных фашистских танка и несколько тяжелых пулеметов.

Четыре дня на керченском плацдарме шли упорнейшие и кровопролитные бои. Особенно сильными они были в полосах 11-го гвардейского и 16-го стрелковых корпусов. Над полем боя то и дело загорались воздушные схватки. Гитлеровцы, самонадеянно полагая, что их укрепления на севере Крымского полуострова неприступны, стремились любой ценой, в том числе вводом в боевые действия армейских резервов, сбросить нас в воды Керченского пролива и восстановить положение, существовавшее до ноября 1943 года. Но ни мы, ни они так и не продвинулись вперед.

У нас произошли организационные изменения. 20 ноября Ставка расформировала Северо-Кавказский фронт и 56-ю армию. На базе их полевых управлений создали полевое управление Отдельной Приморской армии, которому и подчинили соединения, входившие в состав 56-й армии, а также 318-ю стрелковую дивизию 18-й армии, занимавшую плацдарм в районе Эльтигена.

Остальные дивизии 18-й армии и ее штаб передислоцировались на 4-й Украинский фронт. Оперативно командующему Отдельной Приморской армии подчинялись 4-я воздушная армия, Черноморский флот и Азовская военная флотилия. А командующим армией, которая стала действовать на правах фронта, был назначен генерал армии Иван Ефимович Петров. 21 ноября он вместе с оперативной группой своего штаба прибыл на плацдарм.

Спустя три-четыре дня на переправе через Керченский пролив появились 60-тонные паромы. К нам на плацдарм стали прибывать танки и артиллерийские системы калибра более 152 миллиметров.

На плацдарм пришла 89-я стрелковая дивизия, которую генерал армии И. Е. Петров тоже ввел в состав 16-го стрелкового корпуса. Тесноты на Керченском полуострове стало еще больше, а возможностей для маневрирования силами и средствами — меньше.

Можно понять командующего Отдельной Приморской армией, который торопил с проведением новой наступа-

тельной операции. С 24 по 27 ноября войска закреплялись на достигнутых рубежах, 28-го начали готовиться к наступлению, которое было намечено на 4 декабря 1943 года.

Суть замысла генерала армии И. Е. Петрова состояла в том, чтобы, сковав боем части противника, оборонявшиеся в Керчи и на высотах по берегу Азовского моря, основными силами армии прорвать оборону врага в ее центре, северо-восточнее города. 16-й стрелковый корпус во взаимодействии с 11-м гвардейским должен был, ударив на Булганак, гору Куликова, выйти на рубеж совхоза «Туркмень», а затем сходящимися ударами с востока и северо-запада овладеть Керчью. На правом фланге корпуса готовилась к наступлению в первом эшелоне 383-я дивизия с 61-м и 85-м танковыми, 260-м и 261-м минометными, 8-м гвардейским минометным полками, на левом — 339-я стрелковая, которой теперь командовал полковник Г. М. Пустовит. Эту дивизию мы усилили лишь отдельным огнеметным батальоном. Второй эшелон корпуса составили 89-я и 227-я стрелковые дивизии, а корпусную артиллерийскую группу — 85-й гаубичный артполк и один дивизион 1189-го полка артиллерийской поддержки.

Противник, по-прежнему не оставляя надежд все-таки сбросить нас с плацдарма, подтянул под Керчь новые резервы, которых ему хватило не только для того, чтобы усилить свою группировку, действовавшую против 11-го гвардейского и 16-го стрелковых корпусов, но и для того, чтобы нарастить силы против подразделений 318-й стрелковой дивизии полковника В. Ф. Гладкова, оборонявших эльтигенский плацдарм.

Упредив нас, в 7 часов утра 4 декабря после мощной артиллерийской и авиационной подготовки пять фашистских пехотных батальонов с 30 танками перешли в решительное наступление именно здесь, под Эльтигеном. Было очевидно, что задача этих сил врага — ликвидировать десантную группу гладковцев.

Спустя полчаса начали артподготовку и мы. Она продолжалась 60 минут. В 8 часов 30 минут войска Отдельной Приморской армии поднялись в атаку.

На всем фронте наступления небольшого успеха добилась лишь 383-я стрелковая: к 9 часам 15 минутам ее 691-й и 696-й полки при поддержке танковых полков зацепились за восточную окраину Булганака. Но дальше им продвинуться не удалось. Полковник В. Я. Горбачев

ввел в бой 694-й стрелковый полк. Одновременно, посадив на танки около сотни автоматчиков из 694-го полка, комдив бросил этот десант из-за левого фланга дивизии в обход Булганака с юга. Десантникам удалось прорваться к восточным скатам высоты 101,3, что юго-западнее поселка, и завязать здесь бой.

Но этот смелый и дерзкий маневр был совершен, как выяснилось, недостаточными силами, и схватка за высоту оказалась для наших бойцов слишком неравной. На направлении действий танкового десанта я попытался ввести в бой один из полков 89-й стрелковой дивизии. Однако противник сумел очень быстро закрыть небольшую брешь, и полк второго эшелона успеха не имел. От плотного противотанкового огня врага 61-й и 85-й танковые полки потеряли 11 машин. Наши атаки на Булганак и высоту 101,3 захлебнулись.

На следующий день с утра мы возобновили их. В случае успеха под Булганаком открывался путь в глубь вражеской обороны. Можно было рассчитывать на глубокий обход Керчи с севера и последующий захват города. Наши люди хорошо понимали это и дрались с необыкновенным мужеством и настойчивостью.

В одном из эпизодов боя на восточной окраине поселка Булганак атаку бойцов возглавил комсорг 3-го батальона 694-го стрелкового полка коммунист лейтенант Владимир Бондаренко. Натиск этой группы гитлеровцы решили разрушить контратакой роты автоматчиков с тремя танками. Бондаренко и его товарищи не дрогнули. Заняв один из домов, они уверенно отбили контратаку. При этом сам комсорг уничтожил противотанковой гранатой фашистский Т-IV.

Лейтенант Владимир Павлович Бондаренко был тяжело ранен. Его эвакуировали на Таманский полуостров, а потом в Краснодар. Врачи долго боролись за жизнь молодого героя, но спасти его не удалось... Память о нашем комсорге навечно закреплена в послевоенном названии Булганака, который переименован в поселок Бондаренково.

И все-таки 5 декабря мы так и не достигли решительного успеха ни на одном из участков.

Командующий ОПА остановил наступление обоих корпусов. А на другой день группе командованной В. Ф. Глазкова, которая из-за недостатка боеприпасов, пищи и медикаментов оказалась у Эльтигепа в критическом положении

нии, был передан приказ пробиваться через линию фронта на керченский плацдарм.

Командир 318-й стрелковой дивизии принял решение вброд форсировать Чурбашское озеро. Оставив в заслоне два взвода автоматчиков, полковник Гладков со своей группой в ночь на 7 декабря преодолел многокилометровую полосу воды и повел части к Солдатской слободке, расположенной у подножия горы Митридат...

Десантники бесшумно, действуя одним холодным оружием, брали дзот за дзотом и продвигались к вершине горы. К утру гладковцы овладели ею и заняли круговую оборону. Теперь я предоставляю слово одному из участников этой героической схватки — бывшему командиру взвода 1139-го стрелкового полка старшему лейтенанту в отставке Александру Мурдахановичу Мусиеву, которого в течение 30 лет однополчане, оставшиеся в живых, считали погибшим на Митридате. А. М. Мусиев пишет: «Уже в 9 часов 7 декабря более 40 «юнкеров» стали штурмовать наши позиции с бреющего полета. Гитлеровцы подтянули танки, самоходные орудия. Земля стонала, одна атака фашистов следовала за другой. Но мы били гитлеровцев их же оружием, захваченным при штурме Митридата...»

8 декабря на помощь героям 318-й стрелковой, несмотря на злой шторм, морем были переброшены подразделения 83-й бригады морской пехоты. Моряки захватили небольшой плацдарм и стали расширять его, чтобы можно было принять суда, предназначенные для эвакуации группы полковника Гладкова.

Эльтигенцы спускались к морю, ни на минуту не прекращая боя. Гитлеровцы преследовали их по пятам, и нашим воинам все время приходилось отбиваться. Поэтому-то в основном да еще из-за штормовой погоды эвакуировать десантников 318-й стрелковой дивизии на таманский берег удалось только к исходу 11 декабря.

Часть группы, ее заслон во главе с командиром полка майором Д. С. Ковешниковым, вышла на керченский плацдарм через боевые порядки левофланговых подразделений 339-й стрелковой дивизии. Здесь им помогли артиллеристы 900-го артполка, которые своим огнем отсекали в районе Широкого мола до батальона фашистской пехоты, преследовавшей Ковешникова.

После выхода подразделений 318-й стрелковой дивизии из тыла противника положение на фронте Отдель-

вой Приморской армии в какой-то мере стабилизировалось. По приказу командующего мы перешли к обороне. Предстояло зарываться в землю, а на Керченском полуострове — это совсем не простое дело. Земля — будто камень, местность открытая для наблюдения со стороны противника, нехватка тяжелого шанцевого инструмента...

Да еще эта крымская зима — капризная (то дождь, то снег), ветреная, с непролазной грязницей. Люди целыми сутками ходили во всем мокром. Обсушиться — целая проблема. Мы вынуждены были создать в каждом батальоне специальные отряды, которые занимались поиском топлива для печурок, вылавливали из моря кое-какой плавник, разбирали разрушенные глинобитные дома в близлежащих поселках, откапывая из развалин все, что может гореть. Беда была и с пресной водой. Ее доставляли с Таманского полуострова, а переправа из-за штормов работала еще не очень исправно, так что нам на воду для питья пришлось установить жесткую норму — кружка на человека в сутки.

И все же, несмотря на невероятно сложные условия фронтового быта, наши замечательные люди не поддавались какому-либо унынию. Помню, как-то днем на передовой появился неведь откуда взявшийся заяц. Солдаты, морская пехота повыскакивали из окон и принялись загонять косога с таким азартом, словно и не было у них изнурительной почной работы на траншеях. В момент заяц попал в окружение. Но ему повезло. Противник, заметив всю эту беготню, открыл по охотникам артиллерию, и все разбежалось. Потом много было смеху, а смех на фронте — это крайне пущая вещь.

Переносить все тяготы, которые пришли к нам с наступлением керченской зимы, помогало, я думаю, и то, что все мы очень хорошо понимали, как незначительны они в сравнении с невзгодами, вынавшими на долю бойцов подземного Аджимушкайского гарнизона.

Полное представление о героической трагедии 1942 года в Аджимушкайских каменоломнях составит потом, когда войска Отдельной Приморской армии уже будут с Керченского полуострова к Севастополю. А много лет спустя станут известны имена руководителей беспримерной обороны — полковника П. М. Янукова, командира роты Г. М. Бурмяца, комиссаров И. П. Карпенкина, многих других бойцов, командиров и политработников, защищавших свой последний рубеж у Аджимуш-

кая. По немногим документам наш народ восстановит саму картину борьбы подземного гарнизона с фашистскими захватчиками. Гитлеровцы блокировали выходы, методически обрушивали авиабомбами кровлю каменоломен, проводили газовые атаки. Гибли дети, женщины, раненые. С оружием в руках выполняя свой воинской долг, гибли солдаты и офицеры... Ничто не могло сломить волю и стойкость советских людей, и более пяти месяцев эта ставшая теперь уже легендарной крепость держала оборону в тылу оккупантов.

Подробности сопротивления аджимушкайцев ненавистному врагу станут известны, повторю, позже. Но и тех впечатлений, которых набрался личный состав 383-й и 227-й дивизий, очищавший каменоломни и хоронивший останки бойцов подземного гарнизона, хватило через край для того, чтобы сам факт Аджимушка стал новым мощнейшим детонатором высоких патриотических чувств: и гордости за свое Отечество, и священной ненависти к фашизму.

До сих пор хранится в памяти печально подслушанный солдатский разговор.

— А что, Иван Саныч, поймают когда-нибудь Гитлера? — спрашивал молодой солдат старого.

— Знамо, поймают.

— А спросят нас, какую казнь ему определить.

— Живы будем, спросят.

— Это правильно! Я бы этого гада — вот сюда, в подземелье. Да ни пить, ни есть ему не давать. Пусть подыхает, зверюга!

Иван Александрович ответил не сразу. Но ответил.

— А как же они? — Старый солдат кивнул головой за спину, в сторожу каменоломен. — Неверное ты решение, скажут, принял, товарищ Сухоруков. Не погань, скажут, фашистским духом святое место. И нас не обижай...

— И то правда: Гитлеру голову отвернуть сподручнее прямо там, в Берлине-логове...

Усилиями командиров, политорганов, комсомольских организаций в период относительного **Хорошо** была поставлена политическая **осветительная** работа. Особенно **важно** в **этом** отношении **был** опыт лучших **политработников** и **лучших** **храбрых** **воинов**. А **еще** **люди** **мужественно**

го поведения на поле боя было с избытком в каждой роте, батарее. Несколько сотен солдат, сержантов и офицеров корпуса за форсирование Керченского пролива и бой на плацдарме удостоились награждения орденами и медалями, а 16 человек мы представили к присвоению звания Героя Советского Союза. В 339-й стрелковой дивизии это заместители командиров батальонов старшие лейтенанты Н. П. Тимофеев и А. П. Сорока, замполит батальона старший лейтенант Ш. Ф. Алиев, комсорг батальона старший сержант С. Н. Голощапов, снайпер старшина Д. Т. Доев (посмертно); в 383-й стрелковой дивизии — командир батареи старший лейтенант Д. И. Челядинов, комсорг батальона лейтенант В. П. Бондаренко, командир огневого взвода старший сержант Н. В. Васильев, командир орудия старший сержант Г. Ф. Малидовский, командиры пулеметных расчетов старшина К. Я. Лаптев, сержант Ю. М. Быков, сержант И. Я. Яковенко, снайпер Т. И. Костырина (посмертно), связной рядовой И. П. Губанов. Советское правительство удовлетворило наше ходатайство, и Указом Президиума Верховного Совета СССР всем им было присвоено высокое звание Героя. К сожалению, Ш. Ф. Алиев и В. П. Бондаренко так и не узнали об этом. Они, как и Д. Т. Доев и Т. И. Костырина, погибли на плацдарме еще до Указа.

Подвиги героев вдохновляли личный состав корпуса на самоотверженную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Люди рвались в бой. Во всех частях и подразделениях мы отмечали высокий морально-боевой дух. Между прочим, это признавал и наш противник. Не случайно в своем бюллетене № 490/13 от 18 декабря 1943 года разведотдел 5-го армейского корпуса гитлеровских войск, оборонявшегося на Керченском полуострове, писал: «Наша пропаганда (листовки, забрасываемые самолетами и агитснрядами, интенсивная работа группами вооруженных установок) даже тогда, когда у противника было очень тяжелое положение, не имела никакого успеха».

Большевистская идеология, которой сильно проникли весь офицерский состав, моральный подъем в связи с успехами Красной Армии в этом году — все это способствовало тому, что войска противника способны были выдержать лишь до конца декабря¹. Что ж, отдадим на этот раз должное отважности врага.

¹ ЦАМО, ф. 288, оп. 9921, л. 160, л. 37—38.

А командующий Отдельной Приморской армией генерал армии И. Е. Петров со своим штабом между тем разрабатывал новый план прорыва обороны гитлеровцев. Первоначально он предусматривал наступление на правом фланге армии, в обход поселка Булганак с севера. Эта операция была проведена с 10 по 16 января 1944 года силами 11-го гвардейского и 16-го стрелковых корпусов с высадкой на северном берегу Керченского полуострова, в районе мыса Тархан, двух десантных отрядов — 143-го отдельного батальона морской пехоты и 166-го гвардейского стрелкового полка 55-й гвардейской стрелковой дивизии. В результате этих боев противник был выбит из ряда важнейших опорных пунктов его обороны. Полному разгрому подвергся 290-й пехотный полк 98-й немецкой пехотной дивизии. Но прорвать оборонительные позиции врага на всю их тактическую глубину все же не удалось. Тогда вступил в действие второй вариант плана — наступление 16-го стрелкового корпуса в обход Булганакского укрепленного района с юга.

Я уже писал, что по северному берегу Керченского полуострова тянется гряда значительных высот. Сильно укрепив их, фашисты почти полностью устранили возможность прохода наших войск вдоль Азовского побережья. Черноморское же закиралось Керчью и горой Митридат, их мощными оборонительными укреплениями. Поэтому прорывать вражескую оборону можно и нужно было только в ее центре. В случае успеха на булганакском направлении Отдельная Приморская армия получала возможность ввести в прорыв крупные подвижные отряды и выйти в тыл Керченскому гарнизону гитлеровцев.

Однако в районе Керчи допускать пассивность тоже было нельзя. 339-я стрелковая дивизия зацепилась уже за восточные кварталы города, но это наше вклинение еще не изменило существенно положение здешнего вражеского гарнизона. Поэтому-то мы и старались как можно глубже проникнуть в боевые порядки захватчиков, укрепившихся на керченских улицах. Делали даже несколько попыток пройти в город по лабиринту Аджимушкайских каменоломен, но всякий раз нас постигала неудача. Без хороших проводников это предприятие оказалось невыполнимым.

Генерал армии И. Е. Петров принял решение ворваться в Керчь силами морского десанта. Первый десантный отряд — 393-й отдельный батальон морской пехоты под

андованием майора Н. В. Старшинова — должен был высадиться левее Защитного мола, овладеть полукилометровым участком берега, а затем наступать по Аджимушкской улице. Задача 369-го отдельного батальона морской пехоты, которым командовал майор Н. В. Судариным и Широким молами, ударить вдоль полотна железной дороги и овладеть станцией Керчь 2-я. Командармбраз для десанта и 1133-й стрелковый полк подполковника М. К. Трепетуна. Его предполагалось высадить в районе Широкого мола. Частью сил прикрывшись от воздействия противника с направления горы Митридат, он должен был пробиться через центр города до пересечения железной дороги с шоссе. Двум другим полкам 339-й дивизии — 1135-му и 1137-му — предстояло решительной атакой с фронта выйти на соединение с отрядом морского десанта.

Основные силы 16-го стрелкового корпуса мы сосредоточили на правом фланге: в первом эшелоне — 383-я стрелковая дивизия с 63-й танковой бригадой, 531-м артполком, 261-м минометным и 29-м истребительно-противотанковым артиллерийским полками, а также 142-й отдельный батальон морской пехоты (комбат майор М. И. Зыков) 255-й морской стрелковой бригады полковника И. А. Власова; во втором эшелоне — 227-я стрелковая дивизия и еще три отдельных батальона морской пехоты. Задача состояла в том, чтобы, ударив на хутор Безымянный (в километре южнее Булганака), овладеть им и зацепиться за северную окраину города, а затем наступать на станцию Керчь 2-я. После захвата станции предполагалось ввести в бой второй эшелон корпуса, который должен был развить успех в направлении Катерлеза. Справа намечалось наступление 11-го гвардейского стрелкового корпуса, которому была поставлена задача после прорыва обороны противника выйти в район Грязевой Пучины, в дальнейшем наступать на Тархан.

Несмотря на значительную сложность в организации взаимодействия, замысел командующего пришелся нам по душе. Но его осуществлению могла помешать распутица. Именно ею в значительной мере объяснялась неудача армейской наступательной операции в первой половине января. Во второй половине погода еще больше ухудшилась. Не переставая падал снег, который тут же таял, расквашивая землю. А суток за двое до наступления слу-

чилось, как говорили старожилы, небывалое: на мокрую землю выпало около сорока сантиметров снега.

Когда на заседании Военного совета Отдельной Приморской армии меня заслушивали о готовности корпуса к наступлению, я высказал соображение, что следовало бы перенести начало операции на более поздний срок — пока хоть ~~немного~~ не просохнет. И. Е. Петров усмехнулся:

— Этак, товарищ Провалов, мы тут с вами до второго пришествия будем сидеть.

— Товарищ командующий, — не сдавался я, — три, пять дней, может быть, неделя отсрочки, и мы прорвем фронт. Если наступать сейчас, успеха не будет...

Однако операция началась, как и намечалось, в ночь на 24 января 1944 года. За два часа до полуночи корабли первого эшелона десанта подошли на траверз мыса Карантинный. А в 23 часа 35 минут после 40-минутной артподготовки 393-й и 369-й отдельные батальоны морской пехоты благополучно высадились в черте города и завязали там бой. Одновременно с окончанием артподготовки поднялись в атаку подразделения 1135-го, 1137-го полков 339-й дивизии и 383-я стрелковая с 142-м отдельным батальоном морской пехоты 255-й морской стрелковой бригады.

На правом фланге продвижение 691-го, 696-го полков и 142-го отдельного батальона морской пехоты к хутору Безымянному было очень медленным. Пудовыми комьями грязь липла к ногам людей, набивалась между катками и гусеницами танков, лошади, тащившие орудия (а вся артиллерия, находившаяся в боевых порядках пехоты, была на конной тяге), выбивались из сил и падали. Гитлеровцы не жалели ни осветительных ракет, ни боеприпасов. Их пулеметы били длинными очередями, а минометы и артиллерия стреляли на пределе боевой скорострельности... За ночь наши правофланговые части сумели продвинуться на какой-нибудь километр.

В Керчи тоже шел сильный бой. Первый десантный отряд майора Н. В. Старшинова, оказывается, в темноте отклонился от оси движения и очищал от гитлеровцев Булганакскую улицу. Часть морских пехотинцев 30-го батальона дралась на улице Карла Маркса. Отряд майора Н. В. Сударикова решительной атакой овладел станцией Керчь 1-я и, не имея резервной, тем более артиллерии, вместе с первым десантным отрядом, испытывая серьезные трудности,

тиводействие врага, перешел к обороне на достигнутом рубеже. Судариков ждал, когда высадится и подойдет па помощь 1133-й стрелковый. А этот полк, почему я не знаю и теперь, даже еще и не садился на суда. Два часа ночи, три, четыре часа утра...

Доложив командующему армией о том, что подполковник М. К. Трепетун со своими людьми до сих пор ждет десантные средства в районе рыбного завода «Октябрь», я спросил разрешения ввести 1133-й стрелковый в бой на стыке флангов 1135-го и 1137-го полков, наступавших на Керчь. Генерал армии И. Е. Петров дал «добро».

Правда, к 369-му отдельному батальону морской пехоты, закрепившемуся на железнодорожном вокзале, прорвалось левофланговое подразделение 1135-го стрелкового полка, наступавшее вдоль самого берега. Это была 1-я рота под командованием лейтенанта Ивана Михайловича Черныха. На позиции роты накануне наступления мы установили тяжелые огнеметы и, когда артподготовка подходила к концу, дали из них огнеструйный залп. Воспользовавшись шоком, который охватил противника, Черных поднял своих бойцов для решительного броска.

Атака удалась. Надо было немедленно, пока гитлеровцы не вышли из замешательства, вслед за первой ротой бросать в брешь весь батальон. Но из-за нераспорядительности комбата время было упущено, и противник закрыл образовавшийся проход. И все же лейтенант И. М. Черных продолжал продвигаться вперед с одной своей ротой, пока не соединился с морскими пехотинцами майора Н. В. Сударикова. Почувствовав неуверенность комбата, ротный взял на себя инициативу и поднял людей, своих и моряков, в атаку, намереваясь пробиваться на северную окраину города.

И тут Ивана Михайловича ранило... С потерей такого командира наступавшие остановились, а утром, после сильнейшей контратаки врага, моряки с 1-й ротой 1135-го полка отошли к берегу моря юго-восточнее консервного завода. Здесь они целый день отбивали жестокие атаки превосходящих сил противника. С наступлением темноты десантники, в том числе и из отряда майора Н. В. Старшинова, вышли из вражеского тыла.

Ротный подвиг лейтенанта И. М. Черныха генерал армии И. Е. Петров отметил орденом Суворова III степени, были награждены и все подчиненные этого ротного командира: командиры взводов лейтенант Н. Н. Романен-

ко, младшие лейтенанты Ш. И. Шурцеладзе и И. И. Шило — орденами Красного Знамени; семеро сержантов и солдат — орденами Отечественной войны I степени; 43 солдата — орденами Славы III степени. Случай довольно редкий.

Итак, десант потерпел неудачу. И все же он помог 16-му стрелковому корпусу улучшить свои позиции — выйти на рубеж кирпичный завод, станция Керчь 1-я, квартал № 40. В боях было взято в плен 199 солдат и офицеров противника. 339-я стрелковая дивизия 24 января захватила 49 тяжелых пулеметов, 29 минометов, 28 орудий разных калибров, 3 склада боеприпасов. В последующие дни мы попытались продолжить атаки, но продвижения почти не было: в сутки дивизии углублялись в оборону врага всего на 200—300 метров. Хотя ненастье уже кончалось, но в распутицу соединения израсходовали слишком много живой силы, и теперь полк по численности был меньше батальона, а батальон — меньше роты... 28 января командующий Отдельной Приморской армией вынужден был остановить наступление.

— ...Заранее тебе говорю, товарищ Провалов, что твоя главная забота — Керчь. Брать ее будешь ты. Время еще есть, готовься. Чтобы каждый... — Генерал армии А. И. Еременко сделал небольшую паузу, подчеркивая этим всю важность того, что он сейчас скажет. — Чтобы каждый у тебя, даже кашевар, назубок знал, как он будет действовать. Фрица умом надо одолеть, а потом уж силой...

Новый командующий Отдельной Приморской армией Андрей Иванович Еременко, сменивший генерала армии И. Е. Петрова, на другой же день после прибытия на плацдарм, 7 февраля 1944 года, заслушивал мой доклад о боевом состоянии дивизий. Хотя информировал я коротко, командарм был удовлетворен. Во всяком случае, вопросов от него по обстановке не последовало. Только и спросил, в чем 16-й стрелковый корпус испытывает особую нужду. Сказал о недостатке топлива для обогрева личного состава, пресной воды и о перебоях в снабжении людей куревом.

— Пометь, — бросил Еременко своему адъютанту, а потом повел речь о Керчи, взятие которой должно стать главной заботой для 339-й и 383-й дивизий.

«Фрица умом надо одолеть...» Добираясь на командный пункт корпуса, я невольно улыбнулся этому выражению Андрея Ивановича: простоват по первому впечатлению в сравнении с И. Е. Петровым, но и в словах, и в жестах его чувствуется большая воля, решительность, уверенность в себе. Это хорошо.

Не успел я еще снять шинель, как мне на КИ позвонил правый сосед — командир 3-го горнострелкового корпуса генерал-майор А. А. Лучинский, дивизии которого к этому времени тоже переправились на Керченский полуостров и заняли свои полосы обороны в центре боевого

построения армии. С Александром Александровичем мы были знакомы еще с Кавказа, где оба командовали дивизиями, которые длительное время дрались бок о бок. В будущем генерал армии, А. А. Лучинский, обладавший опытом боевых действий на фронтах гражданской войны, показал себя смелым и требовательным командиром и в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

— Ну, как заслушивание? — спросил он, поздоровавшись.

И вкратце рассказал, что и как говорилось у нового командарма. Александр Александрович поблагодарил за информацию. Ему еще предстояло докладывать А. И. Еременко о боевом состоянии 3-го горнострелкового корпуса.

После переправы на плацдарм горнострелковых дивизий полоса 16-го стрелкового корпуса снова сузилась и по переднему краю, проходившему от кирпичного завода до берега Черного моря, к этому времени составляла четыре километра. Поэтому в первом эшелоне у нас стояли лишь три стрелковых полка — два от 383-й и один от 339-й дивизий. Остальные части корпуса находились во втором эшелоне и занимались боевой подготовкой.

Наиболее напряженным был, конечно, участок обороны 339-й стрелковой, проходивший через восточные кварталы Керчи. Здесь расстояние между нами и противником не превышало подчас 50 метров. Все время вспыхивали огневые схватки. Особенно часто они гремели у «дома Киселева». Еще в ходе январского наступления взвод лейтенанта Виктора Киселева из 2-го батальона 1133-го полка метров на 150 вклинился в боевые порядки врага и захватил четырехэтажный дом, выкурив из него довольно сильный немецкий гарнизон. Гитлеровцы пытались контратаками выбить наших бойцов из этого здания, но все их попытки успехом не увенчались. Тогда противник стал разрушать дом артогнем. Здание частично рухнуло, и фашисты бросились на его штурм. Но развалины встретили врага плотным ружейно-пулеметным огнем... «Дом Киселева» держался до самого наступления в апреле 1944 года.

Нередко возникали дуэли снайперов. Много и полезно работали расчеты противотанковых ружей. Они выслеживали и уничтожали огневые точки фашистов, их замаскированные танки. В памяти сохранился последний командир завода младшего лейтенанта А. А. Алексеева, прорвавшийся к нам в танковой самоходке. Наблюдая за противником в окопах,

офицер заметил, что около одного из домиков в заборе торчит ли какая труба, то ли толстая жердь. Младший лейтенант зарядил противотанковое ружье и выстрелил. За забором что-то дернулось, он упал — и открылся патуральный «фердинанд».

Они выстрелили одновременно — Алексеев и наводчик самоходного орудия. Над бруствером окопа, в котором находился наш командир взвода, от взрыва поднялась земля. Подумалось, что это конец. Но когда рассеялись дым и пыль, все, кто находился рядом, увидели младшего лейтенанта живым и невредимым. Он сидел на дне окопчика и смеялся. А вражеская самоходка, подожженная им, густо чадила черным дымом.

В мае 1944 года Алексей Алексеевич будет тяжело ранен и его по инвалидности уволят из армии. Бывший взводный окончит медицинский институт и будет снова призван в Вооруженные Силы. Когда автор работал над этой книгой, полковник медицинской службы А. А. Алексеев оставался в кадрах армии.

...По-прежнему сильно досаждали своим огнем артиллерийские батареи врага, расположенные на горе Митридат. И все же они уже не могли стрелять так безнаказанно, как это было раньше. Тяжелая артиллерия, как только гитлеровцы начинали артналет по какому-нибудь участку нашей обороны, немедленно включалась в контрбатарейную борьбу. Помнится, что очень эффективно работала, например, двухорудийная батарея 203-миллиметровых гаубиц из 32-й отдельной гвардейской гаубичной артбригады большой мощности (комбат капитан А. А. Бузов).

Однако преимущество противника, которое давала ему местность, постоянно сказывалось. От огня артиллерийских и минометных батарей врага мы продолжали нести потери. Зная, что в траншеях и блиндажах взять нас трудно, гитлеровцы охотились за каждым человеком, появлявшимся открыто. Одной из жертв именно такой «охоты» стал 1 марта командир 339-й стрелковой дивизии полковник Григорий Миронович Пустовит. Он погиб почти на том же месте, где в ноябре убило его предшественника — Теодора Сергеевича Кулакова.

Со всеми воинскими почестями полковника Г. М. Пустовита похоронили на кладбище в поселке Маяк. Командиром 339-й стрелковой дивизией принял Герой Советского Союза полковник Гавриил Тарасович Василенко.

...Март 1944 года. В Крыму буйная весна. Просохла грязь, пошли в рост травы. Как-то даже не верилось, что эта еще совсем недавно неуютная, выжженная прошлым годом солнцем, а потом расквашенная дождями и снегом керченская земля может стать вот такой зеленой.

С приходом весны исчезла проблема дров, стали гораздо проще решаться вопросы снабжения войск Отдельной Приморской армии боеприпасами, продовольствием, питьевой водой, горюче-смазочными материалами. Керченский пролив, как и Черное море, поуспокоился, штормы улеглись; и переправа начала работать четко и бесперебойно. Но дело, разумеется, не только в улучшении погодных условий. Новый командующий Отдельной Приморской армией умел соответствующим образом воздействовать и на тыловые органы, и на инженерные части, и на флот. Было закончено строительство канатной дороги, соединившей берега Тамани и Керченского полуострова. Авиация и артиллерия противника пытались разрушить эту нашу важнейшую коммуникацию, но «канатку» надежно прикрыли маскировочными дымами, и она ни разу не была повреждена. Кроме того, истребительная авиация 4-й воздушной армии и Черноморского флота, которая уже господствовала в керченском небе, не очень-то и позволяла бомбардировщикам противника приближаться к береговым станциям канатной дороги.

Иначе говоря, у войск армии появились довольно благоприятные условия для подготовки к решающему наступлению в целях прорыва вражеской обороны на Керченском полуострове и уничтожения восточной группировки войск 17-й немецкой армии, засевшей в Крыму. И мы готовились.

Генерал армии А. И. Еременко поблажки в учебе никому не давал. Двужильный наш командарм день и ночь находился в дивизиях, и никто не знал, когда он отдыхает. Вместе с ним неизменно ездил и Климент Ефремович Ворошилов, который в Отдельной Приморской армии представлял Ставку.

Еременко требовал, чтобы при подготовке подразделений к наступлению особое внимание обращалось на действия в глубине обороны противника. И он был прав. Мало достичь первой траншеи врага, мало овладеть ею. Надо уметь пробиться и ко второй, и к третьей, а потом прорвать оборонительную позицию противника на всю ее тактическую глубину. И тут главное — психологически

подготовить людей к тому, что только стремительное и безостановочное продвижение вперед, с обходом флангов фашистских подразделений, без оглядки на отставших может и должно принести успех.

Как и на Голубой линии, самое пристальное внимание уделялось разведке. Мы добивались, чтобы во всех звеньях всех родов войск велось круглосуточное наблюдение за противником. Было крайне важно разведать максимум артиллерийских целей — огневых точек в окнах, дзотов, огневых позиций артиллерии и минометов, пунктов управления боем. За каждой артбатареей закреплялись конкретные цели, которые необходимо было подавить в ходе артподготовки и при поддержке пехоты в глубине обороны противника. Само собой разумеется, командиры всех степеней учились организации взаимодействия со всеми родами войск и соседями.

С учетом всего этого проводилась и партийно-политическая работа. Партийное влияние имело первостепенное значение. Политорганы позаботились о том, чтобы в каждом подразделении была полнокровная парторганизация. В течение двух месяцев (февраль, март) в партию было принято почти 1400 лучших, хорошо проявивших себя в бою солдат, сержантов и офицеров корпуса.

В середине марта командующий Отдельной Приморской армией поручил мне подготовить показательное тактическое учение батальона с боевой стрельбой. Тема — «Атака стрелковым батальоном переднего края обороны противника и бой в ее глубине».

— И чтоб огневой вал был на полном серьезе, — предупредил меня командарм.

Для учения мы выбрали просторную балку южнее Осовин. Сначала четыре дня тренировались, и только после этого я доложил генералу армии А. И. Еременко, что готов показывать.

3-му батальону 694-го стрелкового полка был придан один минометный дивизион. Стрелков также поддерживали три артдивизиона. Роты шли в каких-то ста пятидесяти метрах за мощным огневым валом. Овладев первой траншеей, они без остановки покатались дальше. Командиры артбатарей находились рядом с ротными командирами и уверенно управляли огнем по целеуказаниям пехотных офицеров...

...я поручил командирам Воронцову и Еременко доложить об окончании учения, они разговаривали с большой, в

несколько сот человек, группой бойцов из пополнения, только что прибывшего с таманского берега.

— А что, Андрей Иванович, — спросил маршал Ворошилов командарма, — не позвать ли нам сюда комбата? Пусть народ поглядит, какие командиры здесь ведут его в бой...

Командир 3-го батальона 694-го стрелкового полка капитан Яков Половянов прибежал быстро. Хотя глаза выдавали тревогу, но доложил он о прибытии с каким-то особенным щегольством.

— Ну, что я вам говорил! — Климент Ефремович радостно обернулся к солдатам маршевых рот. И тут же — снова Половянову: — Объявляю вам благодарность, товарищ командир!

— Служу Советскому Союзу!

— Так и служи. — Еременко тоже пожал комбату руку. — Действия твоего батальона, капитан, оцениваю отлично.

Учение понравилось всем офицерам, которые присутствовали на нем. И когда командарм закончил разбирать перед ними действия наступавших подразделений, первым вопросом было: а нельзя ли и нам провести такое?

— Учения будут проведены со всеми батальонами.

И действительно, до 1 апреля все стрелковые батальоны 16-го стрелкового корпуса были, как иногда говорят, «пропущены» через тактическое поле у Осовин. Также и за огневым валом наступали, и в глубине обороны «противника» бой вели.

К этому же времени была закончена разработка плана Крымской операции, который явился плодом совместного творчества командования 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии с учетом полного взаимодействия обоих объединений, а также сил Черноморского флота по цели, времени и месту. Коротко о замысле. 4-й Украинский фронт под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина должен был ударить по крымской группировке врага с севера, прорвать оборону противника на Перекопском перешейке и в районе Сиваша, а затем через Симферополь наступать на Севастополь. После того как войска Толбухина выйдут на рубеж Джанкоя, то есть через два дня после начала наступления, предполагалось нанести удар силами Отдельной Приморской армии с керченского плацдарма. В ее задачу входило разгромить восточную группировку 17-й армии противника, не позволив

ей задачи — для обороны на Ак-Монайских позициях. В последующем во взаимодействии с войсками 4-го Украинского фронта мы должны были очистить Крым от немецко-фашистских захватчиков.

Командующий Отдельной Приморской армией решил прорывать оборону гитлеровцев опять в центре. Эта задача возлагалась на 11-й гвардейский корпус (командир генерал-майор С. Б. Рождественский) и 3-й горнострелковый корпус под командованием генерал-майора Н. А. Шварева (незадолго до наступления генерал-майор А. А. Лучинский был ранен). Они должны были нанести удар смежными флангами в обход Булганака, этого, как уже известно читателю, мощного узла сопротивления противника, с севера и юга, а после прорыва керченских оборонительных позиций развить наступление в направлении Владиславовка, Симферополь, Севастополь. 16-му стрелковому корпусу, как и предупреждал меня командарм еще в феврале, предстояло во взаимодействии со своим правым соседом — 3-м горнострелковым корпусом овладеть городом и портом Керчь, сильно укрепленным узлом обороны гитлеровцев в населенном пункте Катерлез и высотами западнее и юго-западнее Керчи. Затем корпус должен был развивать наступление в направлении Феодосия, Ялта, Севастополь, то есть по побережью Черного моря. Операция Отдельной Приморской армии была спланирована на глубину до 200 километров и продолжительностью 10—12 суток. Иначе говоря, среднесуточный темп наступления должен был составлять 18—20 километров.

Ближайшая задача корпуса состояла в том, чтобы прорвать главную полосу обороны врага и овладеть рубежом Катерлез, Керчь, последующая — завершить разгром противника, обороняющего главную полосу. К исходу первого дня наступления предстояло преодолеть фашистские оборонительные позиции на Турецком валу и овладеть рубежом Марфовка. Другими словами, мы должны были пробить и вторую полосу обороны, а это значит, что надо было за день пройти с боем 40—45 километров.

Внимательный читатель сразу поймает автора на этом противоречии: среднесуточный темп наступления 18—20 километров, а задача первого дня — 40—50 километров. Выходит, при прорыве планировалось более стремительное продвижение войск, чем в ходе преследования противника?

Дело в том, что второй полосой обороны должны были овладеть подвижные отряды армии, корпусов и дивизий, созданные по приказу командарма. Планом операции предусматривалось, что они будут введены в бой тотчас после преодоления частями первого эшелона главной оборонительной полосы врага для развития успеха.

Генерал армии А. И. Еременко забрал из нашего корпуса 227-ю стрелковую дивизию и почти всю ее собирался посадить на автомобили. Часть стрелковых подразделений предполагалось разместить десантом на танках 257-го танкового полка. Пехоту и танкистов командарм намеревался усилить истребительно-противотанковым и зенитным полками на мхтяге, а также саперной ротой. Для транспортировки боеприпасов и горючего специально выделялся один автобатальон армейского автомобильного полка. Получалась обещавшая быть мобильной, довольно мощная группа, которая стала именоваться подвижной группой Отдельной Приморской армии. Командиром этого моторизованного соединения был назначен командир 227-й стрелковой дивизии полковник Г. Н. Преображенский.

В 16-м стрелковом корпусе также предполагалось посадить на автомобили одну дивизию. Но машин в армии осталось, как говорится, с гулькин нос, и нам удавалось обеспечить ими лишь один стрелковый батальон да тылы подвижных отрядов. Поэтому мной было принято решение: подвижный передовой отряд корпуса сформировать в составе 244-го танкового полка (командир полка майор М. Г. Малышев) с десантом (3-й батальон 1137-го стрелкового полка — комбат капитан Б. М. Буняк), 29-го истребительно-противотанкового артполка на мхтяге (командир полковник В. П. Калинин), 257-го зенитного артполка (командир подполковник Я. О. Пилипенко), двух дивизионов 900-го артполка, дивизиона «катюш», разведывательной и саперной рот. Командовать передовым отрядом назначался заместитель командира 339-й стрелковой дивизии полковник С. М. Барахтанов. Начальником штаба к нему шел майор И. М. Захаров.

Все выделявшиеся корпусу автомобили решено было отдать генерал-майору В. Я. Горбачеву, комдиву 383-й. Он был намерен посадить на них 3-й батальон 691-го стрелкового полка (комбат майор П. К. Козяков). Это подразделение предполагалось усилить 28-м отдельным истребительно-противотанковым дивизионом (командир

майор А. С. Айляров). Таким образом, составилась и подвижный передовой отряд 383-й стрелковой дивизии. В 339-й подобного моторизованного подразделения ~~созда~~ вать не планировалось. Во-первых, потому, что ей предстояло штурмовать Керчь и она могла задержаться там, а во-вторых, просто не было «колес». Я уже не говорю о 255-й морской стрелковой бригаде, которая должна была наступать во втором эшелоне. Морякам предстояло пройти весь путь до Севастополя в пешем строю.

Перед 16-м стрелковым корпусом оборонялись части 73-й немецкой пехотной дивизии и 6-й кавалерийской румынской дивизии, а также учебный полк, около батальона морской пехоты и несколько специальных подразделений — фюзилерный батальон, саперы, танкисты и самоходчики. На главной полосе обороны противника мы обнаружили более двадцати артбатарей, огневые позиции которых располагались в основном на скатах высот в районе поселка Катерлез, южнее станции Керчь 2-я и горы Митридат. На Ак-Монайских позициях занимали оборону части 111-й немецкой пехотной дивизии. По побережью Черного моря оборонялись отдельными опорными пунктами полки 3-й горнострелковой и 6-й кавалерийской румынских дивизий. Надо сказать, что все вражеские соединения были пополнены личным составом и боевой техникой. По нашим разведывательным данным, только с 1 по 10 апреля 1944 года в Крым морем и авиатранспортом прибыло до 60 маршевых батальонов — от 2 до 5 тысяч пополнения на каждую дивизию.

Было решено в полосе наступления корпуса прорывать оборону врага на нашем правом фланге, севернее Керчи, в обход города. Я намеревался силами 383-й стрелковой дивизии, усиленной 711-м артиллерийским, 132-м и 261-м минометными полками ударить в северо-западном направлении на гору Высокая и, прорвав главную полосу гитлеровской обороны, овладеть поселком Катерлез.

На полудораклометровом участке прорыва мы поэтому и сосредоточили почти всю артиллерию и минометы. Для 339-й стрелковой дивизии, которая в городских кварталах очень тесно соприкасалась с противником, артподготовка планировалась тоже, но она не могла быть столь эффективной, как хотелось бы, а в некоторых местах вообще исключалась — можно было ненароком ударить по своим. Планом боя на артподготовку отводи-

лось 2 часа 10 минут при средней плотности 193 орудия на километр фронта.

Мы все очень внимательно следили за противником, за его поведением, очень боялись, что командование 5-го армейского корпуса врага незаметно для нас отведет свои войска.

В то же время командарм и командиры корпусов ожидали, когда войска 4-го Украинского фронта прорвут оборону противника на севере Крымского полуострова и овладеют Джанкоем.

Взятие этого города — сигнал для наступления на Керченском полуострове. 10 апреля 4-й Украинский фронт продвигается, но его войска подошли только к Армянску. До Джанкоя еще не близко.

А около 20 часов вечера противник открыл по нашим боевым порядкам сильный артиллерийский и минометный огонь. Что это, подготовка атаки? Последняя, быть может, попытка сбросить нас в воды Керченского пролива? Но это безрассудно. Три корпуса да части усиления — как их сбросишь? И потом, зачем он бросает столько дымовых снарядов?

Еще днем было установлено, что на некоторых направлениях началось движение тылов к западу. Местами раздавались сильные взрывы, из-за горизонта кое-где вставали дымовые пожары. А ведь оккупанты обычно начинают разрушать и жечь занимаемые ими населенные пункты, перед тем как уйти оттуда. Следовательно, не исключена возможность, что фашисты сегодня вечером начнут отвод своих сил с главной оборонительной полосы.

По телефону связываюсь с командующим армией, докладываю о своих соображениях.

— И что ты предлагаешь?

— Начинать действия передовыми батальонами.

Еременко помолчал, что-то обдумывая, потом согласился:

— Давай атакуй.

22 часа после короткой, но сильной артиподготовки батальоны первого эшелона обеих дивизий пошли в атаку. Вскоре на мой наблюдательный пункт доставили пленного немецкого солдата из 73-й пехотной дивизии, захваченного батальоном капитана Г. И. Прилепы. Он утверждает, что части этого соединения, оставив в заслоне сильные арьергарды, основными силами начинают отходить

в направлении Феодосии. Выходит, на севере Крымского полуострова войскам 4-го Украинского фронта удалось развить успех, и теперь, чтобы не оказаться отрезанным от остальных сил 17-й армии, 5-й армейский корпус, обороняющийся под Керчью, начинает отходить на запад.

Таким образом, замысел противника был разгадан, оторваться его главным силам от войск Отдельной Приморской армии не удалось.

К 2 часам пополудни бой вели уже все три передовых полка. Особенно ожесточенные схватки завязались на северной окраине города. Здесь 383-я и 339-я дивизии окружили около 2000 солдат и офицеров противника. 691-й полк подполковника Н. Н. Грачева из 383-й стрелковой с ходу овладел южными скатами горы Высокая. Сложилась благоприятная обстановка для ввода в бой моряков: большая вражеская группа из Керченского гарнизона окружена на северной окраине города, направление Катерлез, Керчь прикрыто. Если неприятель вздумает контратаковать, его встретит Грачев... Да, 255-ю морскую стрелковую бригаду пора тоже вводить в бой.

Командир бригады полковник Иван Афанасьевич Власов только и ждал моего сигнала. Так же, как ждали этого момента, наверное, все его моряки. Четыре отдельных батальона морской пехоты, поддержанные огнем корпусной артиллерии и артиллерией с кораблей Черноморского флота, проскочили между 694-м и 691-м стрелковыми полками, стремительно совершили глубокий обход противника и вышли к южным скатам горы Митридат.

Первым завязал бой за эту господствующую над городом высоту 142-й батальон майора Н. И. Краснова. Роты лейтенанта И. А. Бойцова, старшего лейтенанта И. Т. Смольникова и капитана Г. Г. Митлаша устремились к вершине. То здесь, то там мелькали красные флажки штурмовых групп, специально созданных для блокирования огневых точек врага.

Искусно совершенный 255-й морской стрелковой бригадой маневр завершил дело. К 6 часам утра 11 апреля 1944 года Керчь была освобождена. Немногим уцелевшим подразделениям гитлеровцев удалось выйти из города к Турецкому валу. Туда же отступали и потрепанные силы гитлеровцев, оборонявшие Катерлез. После захвата горы Высокая 691-й стрелковый полк с юга вышел к этому населенному пункту и во взаимодействии с подраз-

делениями 3-го горнострелкового корпуса овладел Катерлезом.

Главная полоса вражеской обороны была прорвана. Теперь задача состояла в том, чтобы не дать гитлеровцам закрепиться на заранее подготовленных позициях по рубежу Турецкого вала. Я ввел в бой подвижный передовой отряд корпуса и 383-й стрелковой дивизии.

В 11 часов дня оба подвижных отряда уже вели бой на второй полосе обороны противника в районе поселок Султановка, совхоз «Мариянталь». Фронтальная атака оказалась безуспешной. Противник поджег несколько машин 244-го танкового полка. Но в это время подоспевшие сюда передовые части 339-й и 383-й стрелковых дивизий нарастили натиск.

Слева особенно успешно действовали роты старшего лейтенанта А. Ф. Макарова из 1135-го стрелкового и старшего лейтенанта И. Л. Нежигая из 1133-го полка 339-й дивизии. Оба подразделения, наступая во фланг обороняющегося врага, разгромили две минометные батареи, уничтожили две противотанковые пушки и несколько пулеметов. Противник был вынужден бросить сюда, навстречу двум нашим ротам, дополнительные силы. Этим воспользовался командир 2-го батальона 691-го полка 383-й дивизии капитан Б. Н. Ермаков. Со своими людьми он пробил во вражеской обороне небольшую брешь, глубоко обошел поселок совхоза «Мариянталь» и ударил на него с тыла. В этот момент с фронта стремительно атаковал 244-й танковый полк подполковника М. Г. Малышева с десантом пехоты. К 15 часам поселок совхоза «Мариянталь» и Султановка были освобождены. А еще через три часа танкисты и стрелковые подразделения корпусного подвижного отряда выбили гитлеровцев из сильного укрепленного опорного пункта в районе Марфовка, где снова проявил умелое руководство подразделениями и личную отвагу командир 244-го танкового полка Михаил Георгиевич Малышев.

Здесь передовым отрядом корпуса был наголову разбит 9-й кавполк 6-й кавалерийской румынской дивизии.

...Вместе с Порфирием Александровичем Штахановским мы молча сидели в одном из немногих уцелевших домов и просто отдыхали, но в этот момент радист протянул мне наушники и микрофон:

— Командующий армией, товарищ генерал!

Голос у Еременко был веселый. Он тепло поздравил нас с успехом, сказал, чтобы не зазнавались: впереди, считай, еще весь Крым.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Отдыхаю.

— Видали! Нашел время! Ты мне чтобы к исходу дня Ак-Монайские позиции взял!

Мы прошли километров 40—45. До Ак-Монайского рубежа оставалось почти столько же. Мыслимо ли: за оставшиеся до конца суток несколько часов преодолеть такой же путь, на какой понадобилось потратить целый день.

— Не могу, товарищ командующий. Люди со вчерашнего вечера на ногах, все время в бою, поесть некогда...

— Ты не дивчина, Провалов, а я не парубок. — В голосе Андрея Ивановича зазвенел металл. — Я ведь тебя не уговариваю! — И командарм прекратил связь.

Меня словно вздыбило. Вот те на! Кажется, и наступаем неплохо, и на месте не стоим, а тут такой тон.

Часа через полтора после нашего с командующим разговора, уже на марше, меня догнали два офицера связи из штаба армии. Они вытащили из «виллиса» довольно объемистый ящик и попросили разрешения возвращаться в штаб.

— А пакет какой-нибудь есть? — спрашиваю.

— Есть. В ящике...

И точно: под крышкой, когда откинули ее, лежал самодельный, из старых топокарт склеенный большой конверт. На листе бумаги, находившемся в конверте, красным карандашом было написано: «Товарищ Провалов! Кушай на здоровье, заслужил. А покушаешь, жми на Ак-Монай». И подпись: «Еременко». В ящике мы обнаружили колбасы, запах которых уже напрочь забылся, сыры, португальские сардины, коньяк, крымскую мадеру и еще много другой снеди. Мы стояли со Штахановским над этой фанерной торбой и от души хохотали.

За первый день боя нам удалось высвободить еще около тридцати автомобилей. В Катерлезе были захвачены немецкие грузовики, которые мы передали корпусным тылам, а оттуда взяли все «студбеккеры». Эти машины получил командир 339-й стрелковой полковник

Г. Т. Василенико, который по моему приказу посадил на них 1-й батальон 1137-го полка (комбат майор П. И. Яремчук), в результате чего подвижный передовой отряд корпуса сразу значительно усилился.

Оба передовых отряда — и корпусной, и 383-й стрелковой дивизии — двинулись к Ак-Монайским позициям параллельными маршрутами. С ходу они освобождали один населенный пункт за другим. Аджименде, Тайчуг, Кожкипчак, Узун-Аяк... В районе Чалтемир, Тайчуг около 10 часов утра подвижный отряд корпуса под командованием полковника С. М. Барахтанова принудил сдаться в плен артполк 6-й кавалерийской румынской дивизии в полном составе.

— Постоянно находясь вместе с полковником Барахтановым, я получил возможность допросить командира румынского артиллерийского полка тотчас после его пленения, когда солдаты противника еще только начали складывать оружие. Подполковник выглядел щеголем: хорошим мастером сшитый, тонкой шерсти френч, аксельбанты, без единой складочки, будто только-только отутюженные брюки, сапоги блестят так, словно вокруг не крымская въедливая пыль, а паркетные какого-нибудь дворца. Однако эта щеголеватость вражеского офицера лишь подчеркивала, насколько сильно упал он духом. Побледневшее лицо, на котором аккуратные усики кажутся наклеенными, губы подергиваются, заметно дрожат руки. Но еще разительнее был контраст между командиром полка и подчиненными ему людьми. Оборванные, небритые, с головы до ног покрытые белесой пылью, они представляли жалкое зрелище.

— Что же вы людей-то до такого состояния довели?

Подполковник опустил голову еще ниже.

Я приказал ему построить свой полк и вести его в район Аджимушкай. На всякий случай в качестве конвоя выделили пять автоматчиков. И румыны поехали на восток. А мы двинулись на запад.

Около полудня 12 апреля подвижные отряды корпуса и 383-й стрелковой дивизии прорвались к усадьбе совхоза Арма-эли и завязали за нее бой. Противник оказал нам самое решительное сопротивление. Перед передовыми частями 16-го стрелкового корпуса была Ак-Монайская позиция, укрепленная ничуть не хуже, чем главная полоса обороны врага в районе Керчи.

Вскоре в район Арма-эли вышла подвижная группа

Отдельной Приморской армии — 227-я стрелковая дивизия со средствами усиления, введенная в бой в полосе наступления 3-го горнострелкового корпуса, а теперь перешедшая в полосу 16-го стрелкового корпуса. По распоряжению командарма временно подчинив это соединение себе, я приказал комдиву полковнику Г. Н. Преображенскому провести усиленным стрелковым батальоном разведку боем. Наступление нашей пехоты с танками выявило мощную систему огня, и стало ясно, что для прорыва Ак-Монайских позиций сил у нас еще маловато. Я принял решение ускорить подход корпусной артиллерии и главных сил соединений.

На исходе дня одновременно с правым соседом мы начали короткую, всего получасовую, но мощную артподготовку. Вся полковая и часть дивизионной артиллерии вели огонь прямой наводкой по целям, засеченным во время разведки боем. По нашей заявке сильный удар по врагу нанесли штурмовики и бомбардировщики 4-й воздушной армии. Огонь артиллеристов, минометчиков и авиационный удар оказались весьма эффективными. Когда соединения корпуса в районе населенного пункта Армаэли пошли на штурм Ак-Монайских укреплений, многие огневые точки противника уже были подавлены.

Наибольшего успеха достигли корпусной подвижный отряд полковника С. М. Барахтамова и 696-й стрелковый полк подполковника Г. Д. Кельбаса. Они решительной атакой взяли первую траншею и без промедления ринулись в глубину оборонительной позиции врага. Через час боя в обороне 111-й пехотной дивизии немцев была пробита довольно значительная брешь. В нее вошли главные силы корпуса. Ак-Монайские позиции во взаимодействии с 3-м горнострелковым корпусом были прорваны. Подвижные отряды, в том числе и армейская группа, активно развили наступление в направлении Карасубазара (ныне Белогорск).

За двое суток боевых действий части 16-го стрелкового корпуса захватили у врага 72 орудия, в том числе два 210-миллиметровых, 92 тяжелых пулемета, склады продовольствия и горюче-смазочных материалов, пленили около 3000 вражеских солдат и офицеров.

В десятом часу вечера 12 апреля подвижные силы армии и 16-го стрелкового корпуса овладели населенным пунктом Петровка. Здесь они разделились. 227-я стрелковая дивизия, вышедшая из моего подчинения, продол-

жила наступление в западном направлении, на Карасубазар, а подвижные отряды корпуса и 383-й стрелковой повернули резко на юг, к Феодосии, к которой уже приближались главные силы 383-й и 339-й дивизий. 255-я морская стрелковая бригада подходила в это время к поселку Дальние Камыши.

Мы спешим. Кроме основной, боевой задачи перед нами Климентом Ефремовичем Ворошиловым поставлена и задача государственной важности: во что бы то ни стало сохранить крымские здравницы. А Феодосия — первый на нашем пути черноморский курорт.

В 23 часа подвижные отряды 16-го стрелкового корпуса и 383-й стрелковой дивизии завязали бой на северо-западной окраине Феодосии. Через час к штурму города с северо-востока подключились главные силы корпуса. Вражеский гарнизон Феодосии оказывал сильное сопротивление. Огнем огрызался каждый дом. Улицы были забаррикадированы, встречалось много противотанковых и противопехотных мин. Впереди пехоты идут саперы. Пока они расчищают путь, стрелковые подразделения и артиллеристы прикрывают их. Танки из пушек разбивают завалы. И так — от перекрестка к перекрестку, от улицы к улице.

Радовало то, что командиры подразделений и частей грамотно, почти без ошибок управляют боем. Потери с нашей стороны поэтому минимальные.

И все-таки хочется продвигаться быстрее. В Феодосии горят лучшие здания. Захватчики, отходя из города, оставляют после себя кварталы развалин и пожарниц. Ими уже уничтожены консервный завод, порт, телеграф.

По радио связываюсь с командиром 383-й стрелковой дивизии генерал-майором В. Я. Горбачевым. Он находится со своим подвижным отрядом и действует на самом правом фланге. Задачу ставлю коротко: батальону майора Козякова с противотанкистами майора Айлярова в обход Феодосии с запада пробиться к Судакскому шоссе, оседлать его и не дать противнику уйти из города.

— Появл, — отвечает Горбачев, — с подвижным отрядом вду сам. Разрешите взять с собой и танковую роту. — Танки? Откуда они у него? — Тут прибился какой-то батальон от Преображенского, — объясняет комдив, — он на танках.

Оказывается, после Петровки, где мы шли с 227-й стрелковой дивизией, один из батальонов армей-

ской подвижной группы под командованием майора И. К. Козикова, посаженный десантом на танки, увязался за подвижным отрядом 383-й стрелковой дивизии и вот теперь ведет бой за Феодосию. Случаю было угодно, чтобы почти однофамильцы командир 3-го батальона 691-го полка 383-й стрелковой майор Павел Кузьмич Козяков и командир 2-го батальона 777-го полка 227-й дивизии майор Петр Кузьмич Козиков дрались за этот черноморский город рядом друг с другом.

Мысль комдива 383-й разгадывалась просто: он рассчитывал, что, забрав у приставшего к нам батальона танковую роту, так сказать, «на время», потом сможет оставить ее в дивизионном подвижном отряде насовсем. Зачем же так? К тому же танки сейчас нужнее здесь, на городских улицах. И я не разрешил Горбачеву брать их.

Ранним утром 13 апреля 1944 года соединения 16-го стрелкового корпуса — 339-я и 383-я стрелковые дивизии со средствами усиления и 2-й батальон 777-го стрелкового полка 227-й стрелковой дивизии освободили древнюю Феодосию от немецко-фашистских захватчиков. В качестве трофеев мы захватили тысячи единиц оружия, 18 паровозов, более 300 вагонов, склады боеприпасов и горючего. Около 1500 солдат и офицеров противника сдались в плен.

Теперь нужно было спешить к Судак. И подвижные отряды корпуса снова бросились вдогонку отступавшим немецко-румынским войскам.

Уже чувствовалась усталость. А главное — недосыпание. Ведь поспать людям удавалось немного — полчаса, час, от силы два. Многие «добирали» в кузовах машин. Дорога избитая, швыряет в этом кузове бешено, а они подремывают и в ус не дуют. Десанту на танках в этом смысле тяжелее. Заснул — значит, свалился. Поэтому десантникам мы давали времени на отдых чуть-чуть побольше.

И все же, несмотря на сильную усталость, которая на дневной жаре растекалась по всем жилам, настроение было самое боевое. Кто-то из местных Теркивых бормочет про Крым «фишловка» — «фишловка». И в самом деле оно по войску, по-русски доброе и безжалостное. Повалил фриц в мешок — теперь уж не уйти.

А вот два весельчака, которых и сон не берет. Под гармошку оглашают начавшиеся горы скоромными частушками, развлекая себя и сидящих в машине товарищей. Видят, что их машину обгоняет на «виллисе» генерал, — тотчас переходят на вполне приличное:

После керченской селедки
У фашиста сухо в глотке.
В Черном море воды много —
Пей, обпейся, гад безрога-ай!

Один из песенников озорно подмигивает нашему водителю, и тот, человек, в общем-то, не очень улыбочивый, растягивает губы чуть не до ушей.

А командующий армией все торопит: «Ускорить движение! Отстаете!»

Овладевая Феодосией, мы действительно отстали. Подвижная группа Отдельной Приморской армии (227-я стрелковая дивизия) в двенадцатом часу дня уже овладела Карасубазаром. Мы же своими подвижными отрядами еще пробиваемся к Судаку.

Потерпев чувствительное поражение в боях под Керчью, на Ак-Монайских позициях, в Феодосии, вражеские войска под прикрытием сильных арьергардов поспешно отступают по двум основным направлениям: Карасубазар, Симферополь, Севастополь и Судак, Алушта, Ялта, Севастополь. 16-й стрелковый корпус преследует противника вдоль побережья по единственной здесь приморской дороге. Горно-лесистая местность удобна для сдерживания нашего наступления. Гитлеровцы густо минируют дорогу и тропы, обваливают нависающие над шоссе скалы, рвут мосты через глубокие щели, сооружают завалы.

Приходится вспоминать опыт, приобретенный в боях на Северном Кавказе. Пока саперы расчищают колонный путь, посылаем подразделения автоматчиков в обход высот. Они сверху обрушиваются на оставленные фашистами заслоны или на отставшие колонны врага. Скажем, весьма удачно действовала рота лейтенанта И. С. Разводова. Это подразделение, ведя параллельное преследование противника, обогнало немецкую колонну и неожиданно напало на гитлеровцев с фланга. Многие фрицы даже не успели сделать и выстрела — их уже настигла русская пуля. В течение получаса эта колонна была разгромлена.

Помнится, что огромная нагрузка легла на саперов. Они буквально на руках протаскивали машины в таких

местах, где в мирных условиях никто не решился бы сделать это. Сохранилась в памяти такая, например, картина. Узкий участок дороги взорван, объезда нет. Восстанавливать колонный путь в этом месте — потерять полсоток, а то и больше. И вот взвод саперов из отдельного армейского саперного батальона, которым командовал капитан В. И. Мальцев, стал на веревках переправлять через провал каждый автомобиль. Продернут веревки под рамой и страхуют. Колеса повисают над пропастью, думаешь: ну все, сейчас сорвется... Нет, удерживают! Какая же сила у нашего солдата!

К исходу 13 апреля корпусной подвижный отряд и подвижный отряд 383-й стрелковой, с боем овладев перед этим деревней Сууксу, а также перевалами Сикор и Туклук, вышли к Судаку.

Этот небольшой курортный городок лежит в живописной долине, окруженной с трех сторон горами. С четвертой стороны, с южной, — море, образующее здесь красивую бухточку. На западной окраине Судака возвышается обрывающаяся в море высота, увенчанная развалинами древней Генуэзской крепости. Очень много садов. Весна, и долина кипит розовым буйством — цветут персиковые деревья.

Противник заблаговременно создал в Судаке мощный опорный пункт и теперь обрушил на нас массу артиллерийско-минометного и пулеметного огня. Стрелковым батальонам майора П. И. Яремчука и капитана Б. М. Буняка при поддержке танкистов 244-го танкового полка все же удалось зацепиться за восточную окраину города, но дальше гитлеровцы их не пустили. Не жалея живой силы, они непрерывно контратаковали то в одном, то в другом месте, и нашей пехоте и танкам приходилось то и дело переходить к обороне, чтобы с места отбивать эти контратаки. А потом — опять наступать. Жестокий бой продолжался всю ночь.

С командующим артиллерией корпуса полковником М. С. Киселевым мы поехали на наблюдательный пункт командира 1137-го стрелкового полка. В корпусном подвижном отряде действовали два батальона этой части, и подполковник И. И. Полевик находился, конечно, с ними. Как всегда безукоризненно подтянутый, Иван Николаевич встретил нас четким докладом о боевой обстановке. Но все: высокая фигура этого человека, осунувшееся, посеревшее лицо с воспаленными белками глаз, севший под

ти до шепота — говорили о том, что полковой командир смертельно устал. «Вот возьмем Судак, и надо его сместить», — подумал я, а вслух сказал:

— Ничего, потерпите немного.

Полевик, видать, догадался о моих мыслях и стал горячо доказывать, что его людей из подвижного отряда выводить никак нельзя.

— Такой у всех подъем, товарищ генерал, удержу нет! Утром ударим — ганс из Судака пробкой выскочит. Со-знаюсь, устал. Есть малость. Но ведь этот устаток-то радостный. Не то что в сорок первом...

Про сорок первый год Иван Николаевич вспомнил неспроста. Начальнику штаба пограничного укрепленного района, ему в начале войны довелось хлебнуть всякого — и отступления, и окружения, и выхода из него. Так что он знает: тогдашняя усталость и нынешняя — какая же огромная между ними разница!

Для действий в подвижном отряде Полевик — самая подходящая фигура. Сообразителен, решителен, стоять на месте не любит. Спроси у любого его ротного, какова первая заповедь в бою. И любой почти по-суворовски ответит: «Идти вперед, находить врага, уничтожать его». Это — школа командира полка. Выходит, менять состав подвижного отряда корпуса — от добра добра искать? Ладно, там будет видно...

— Так как, вы говорите, противник из Судака вылетит? — перевел я разговор.

— Как пробка, товарищ генерал.

— И что нам это даст?

Полевик задумался.

— Недодумал я немного, товарищ генерал. — Иван Николаевич уже тоже сообразил, что как раз этого-то мы и не должны дать противнику. Оставив полковника Киселева на НП командира 1137-го стрелкового полка (командующий артиллерией корпуса должен был поставить задачи командирам дивизионов 900-го артполка), я поехал на свой наблюдательный пункт. Нужно было как можно быстрее связаться с командиром 383-й стрелковой дивизии и нацелить его на то, чтобы своим подвижным отрядом он вышел западнее Судака и закрыл единственную отсюда дорогу на Алушту. Ни один солдат противника не должен выйти из судакской долины.

Но я опоздал. Еще по дороге до меня доносился звук сильного боя, который разгорелся на северной окраине го-

родна. Как потом выяснилось, майор П. К. Козяков, возглавлявший подвижный отряд 383-й стрелковой, услышав, что в Судаке идет непрерывная стрельба, поспешил туда и, сориентировавшись, атаковал гитлеровцев с севера. Эта атака сразу создала условия для перелома. Подразделения подвижного отряда корпуса тоже стали энергично теснить противника.

Между тем занимался рассвет. Надо было торопиться с перехватом дороги на Алушту, и я, подъехав к окопу, где располагался мой НП, еще из машины крикнул, чтобы вызвали по радио Горбачева. 383-я стрелковая дивизия шла в голове главных сил корпуса, так что ее авангард, 691-й стрелковый полк, должен был уже подходить к Судаку.

От стоявшего неподалеку «виллиса» ко мне двигалась какая-то фигура. Когда она приблизилась, я узнал в подошедшем военного прокурора Отдельной Приморской армии полковника юстиции Б. И. Алексеева.

— Чем же мы проштрафились, Борис Иванович? — спросил я, немало подивившись этой встрече.

— Хотя вам, Константин Иванович, явно не до гостей, но я здесь только гость. Был у вашего соседа, обратно решил ехать вдоль моря, слышу сильный бой — дай, думаю, загляну. Так что побуду у вас, пока не развиднеется. Не возражаете?

В другое время такому человеку можно было бы только порадоваться. Алексеев, я знал, великолепный рассказчик, и, если надо, положим, скоротать ночь, лучшего товарища не требуется. Но в этот момент мне и в самом деле было не до разговоров. Через минуту я уже забыл о присутствии Бориса Ивановича.

С командиром 383-й дивизии связи не было. Сколько мы ни бились, радиостанция генерала П. Я. Горбачева не отвечала. Как назло, на НП ни П. А. Штахановского, ни М. С. Киселева, ни корпусного разведчика майора М. С. Егорова. Штахановский сразу же, как только подвижный отряд 383-й стрелковой дивизии вступил в бой на северной окраине Судака, кинулся туда. Егоров и Киселев находились у Барахтанова. Оставался один майор Т. Н. Дроздов, начальник оперативного отделения штакора, но его навстречу 691-му стрелковому полку не пошлешь, оператор постоянно должен быть здесь, на наблюдательном пункте. Положение казалось безвыходным. И вдруг — Б. И. Алексеев.

— Давайте я поеду в этот полк, — предложил он. — Не всегда же я был юристом. В гражданскую воевал, кое-что помню. Ставьте задачу.

И быстро написал боевое распоряжение подполковнику Н. Н. Грачеву, командиру 691-го стрелкового полка, показал Борису Ивановичу на карте точку, в которой необходимо перехватывать дорогу Судак — Алушта, и тот поехал.

...Кто бывал в Судаке, тот наверняка помнит, что почти у самого моря сейчас там насыпан холм Славы, а на холме том — монумент в честь советского солдата. Над братской могилой застыло четырехметровое изваяние нашего бойца. Местные жители зовут его Николаем.

Имя отнюдь не придуманное.

Ранним утром 14 апреля после артиллерийско-минометного налета по центру Судака подразделения корпусного передового отряда поднялись в новую атаку. Впереди, тараня оборонительную позицию неприятеля, шли танки 244-го танкового полка. И на броне одного из них находился с радиостанцией заместитель командира 3-го дивизиона 900-го артполка 339-й стрелковой дивизии капитан Николай Мищенко, бесстрашный и душевный хлопец из Днепропетровска. С танка он корректировал огонь своих батарей, и по его целеуказаниям командир дивизиона майор Илья Степанович Демченко вел губительный для гитлеровцев огонь.

Танк, с которого капитан Мищенко корректировал стрельбу, подорвался на mine. Контуженый офицер-артиллерист, преодолевая слабость, тут же перебрался на башню другой машины и продолжал свое дело. Эффективная работа 3-го дивизиона 900-го артполка и мощная поддержка танкистов помогали автоматчикам 2-го и 3-го батальонов 1137-го полка 339-й дивизии очищать от гитлеровцев один квартал за другим. С северной окраины к морю успешно пробивался подвижный отряд 383-й стрелковой дивизии во главе с майором П. К. Козяковым.

Противник бросил в контратаку около батальона пехоты и 10 танков. Нескольким бронированным машинам с белыми крестами на бортах удалось даже пройти наши боевые порядки. Но тут их встретили огнем **орудия 29-го истребительно-противотанкового и 257-го зенитного артиллерийских полков**. 6 танков врага были сожжены.

Отбив контратаку, корпусной подвижный отряд под командованием полковника С. М. Барахтанова продолжал

наступление в направлении западной окраины Судака. И по-прежнему капитан Николай Мищенко с головной тридцатьчетверки корректировал огонь своего дивизиона.

Это случилось около школы. Вывернув из-за ее угла, наш танк, что называется, уперся пушкой в немецкую сапоходку. Их разделяли какие-то 20—30 метров... Одновременно прогрехотали два пушечных выстрела. Одновременно вспыхнули и наш Т-34, и «фердинанд». И в тот же миг умолкла рация Мищенко. Он лежал рядом с погибшим танком — тоже погибший.

Николай Тимофеевич Мищенко похоронен в Судаке. Жители говорят, что именно его именем называли того изваянного из камня солдата, который сейчас стоит там, на холме Славы.

С наблюдательного пункта мы увидели, что в районе пристани скопилось большое количество гитлеровцев. Очевидно, противник решил эвакуировать часть Судацкого гарнизона морем и теперь началась погрузка на суда. По радио я немедленно связался с командармом и, доложив ему обстановку, попросил авиацию. Авиаторы 4-й воздушной армии и Черноморского флота все эти дни нашего наступления работали очень четко. Так что у меня была полная уверенность: заявка будет удовлетворена вовремя.

Штурмовики прилетели, когда суда, нагруженные живой силой и техникой врага, уже вышли в море. 12 «иллов» в течение каких-то десяти минут потопили три самоходные баржи и четыре теплоходика, а потом обрушили всю мощь своих пулеметов на головы фашистов, еще державшихся на воде...

Оставшиеся на берегу подразделения врага заматались. Некоторые из них ринулись вдоль моря, надеясь под прикрытием скал оторваться от преследователей и затем западнее выйти на шоссе Судак—Алушта. Однако здесь, под утесом, на котором стояла когда-то Генуэзская крепость, гитлеровцев встретили семеро разведчиков во главе с рядовым Б. И. Крупчатниковым. Они еще ночью были предусмотрительно высланы сюда командиром подпольного отряда 383-й дивизии майором П. К. Козяковым. Просочившись сквозь боевые порядки фашистов, разведгруппа Крупчатникова заняла выгодную позицию и теперь в упор расстреливала их.

Основные силы, оборонявшие Судак, стали поспешно отходить по дороге на Алушту. Но и этим подразделениям уйти далеко не удалось. Они были перехвачены 691-м стрелковым полком (успел-таки Борис Иванович Алексеев привести его на место!) и почти все уничтожены.

Когда в Судаке и его окрестностях раздался последний выстрел, часы показывали начало одиннадцатого. Над долиной и судакской бухтой радостно, по-летнему ярилось солнце.

У нас тоже были потери. Особенно в 3-м батальоне 1137-го стрелкового полка. Здесь тяжело ранило и самого комбата капитана Бориса Михайловича Буняка (инвалид Отечественной войны, он сейчас живет в городе Николаеве). Но за кровь наших боевых товарищей фашисты заплатили сполна. Только на суше они оставили более 800 трупов своих солдат и офицеров. Свыше 200 оккупантов сдались в плен. А сколько потоплено было в море!..

Пленными оказались в основном румыны. Я разговаривал с несколькими румынскими офицерами. И все они в один голос жаловались: «Немцы предали нас. Они взяли власть над румынскими войсками и распоряжаются нами как хотят. В случае беды немцы заставляют румын подставлять свои головы под русские пули, а сами удирают».

Именно так и было. На суда грузились только арийцы. «Второсортных» румынских солдат не подпустили к пристани и близко. Впрочем, такие отношения для нас не представились чем-то неожиданным. Мы знали уже, что румынские подразделения нередко использовались как прикрытие. В тылу у них располагались гитлеровские автоматчики и пулеметчики. При малейшей попытке перейти на сторону Красной Армии или отступить, гитлеровцы открывали огонь в спины своих союзников.

Чтобы закончить эту тему, приведу выдержку из статьи Е. Габриловича «В Крымских горах», опубликованной в «Красной звезде» 22 апреля 1944 года: «...румынских солдат не пускали в баню, если там мылся хотя бы один немец. Румынский офицер не мог войти без специального пропуска в немецкое офицерское кафе. В Евпатории румынских офицеров не пускали даже на пляж: проход в минных полях был сделан только для немцев и охранялся немецким часовым. Дошло до того, что публичные дома, которые румынское интендантство по приказу Автонеску

в Крыму, были полностью «оккупированы» немцами, не пускавшими туда румын».

После овладения Судаком по моему приказу командир 339-й стрелковой дивизии полковник Г. Т. Василенко сменил в корпусном подвижном отряде сильно поредевший батальон капитана Б. М. Буняка. Теперь на танки 244-го танкового полка сел десантом 1-й батальон 1133-го стрелкового во главе с одним из способнейших комбатов 16-го стрелкового корпуса капитаном Артемом Ивановичем Геновским.

До Алушты мы продвигались медленно — опять на дорогах завалы, обвалы, множество противотанковых и противопехотных мин. Интересная деталь: командиры подразделений ставили на подножки автомашин вперёдсмотрящих автоматчиков. Это были лучшие стрелки, в обязанность которым вменялось при малейшем подозрении на мину прямо на ходу открывать огонь по замеченному бугорку. Если мина — взорвется. Конечно, рискованная была самодеятельность, но людям очень уж не хотелось терять время.

Алуштой овладели с ходу, после короткой артподготовки из всех наличных артиллерийских систем и минометов. Подвижные отряды 16-го стрелкового корпуса и 383-й стрелковой дивизии, которые я объединил, решительно атаковали противника и сразу же стали продвигаться от юго-восточной окраины к Симферопольскому шоссе. К полудню город был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Оборонявшийся здесь румынский пехотный полк численностью около 1500 человек перестал существовать: часть солдат и офицеров была уничтожена, часть взята в плен.

Когда бой закончился, со стороны Симферополя появилась какая-то колонна машин. Я выехал ей навстречу. Примерно в километре от города колонна остановилась. С переднего «виллиса» соскочил майор и представился мне командиром передового отряда 26-й мотострелковой бригады 19-го танкового корпуса 4-го Украинского фронта.

— И какая же у вас задача? — спросил я.

— Овладеть Алуштой.

— А что же вы будете ею овладевать, если город уже в руках шестнадцатого стрелкового корпуса?

Вас понял, товарищ генерал. -- И майор пошел разворачивать свою колонну.

Свой командный пункт в Алуште я расположил в дорожников на углу Судаковского и Симферопольского шоссе (улица Красноармейская, 3). Удобный перекресток — с него видно во все стороны. И в любую сторону — прекрасная перспектива. Весна, весь город в цветах. Море нарциссов. А на улицах — что-то около 500 пристреленных лошадей. Уже раздувшиеся, начинающие смердеть туни. Постреляли их немцы, чтобы румынскому полку не на чем было отступать. И вот мы сидим с начальником подотдела да прикидываем, как пооперативнее очистить город от этой мертвечины. Решаем, что Штахановский лично займется столь неожиданным делом. Подождет прихода главных сил корпуса, которым приказано ускорить движение, и приберет на улицах.

Не буду подробно рассказывать, как мы шли к Ялте. Те же трудности, что и на пути от Феодосии к Алуште. К тому же пришлось выбивать небольшие группы противника из Артека и Гурзуфа. В общем, как бы там ни было, но к исходу 15 апреля подвижный отряд корпуса, в который вошел и подвижный отряд 383-й стрелковой дивизии, подошел к Ялте и завязал здесь бой.

Каким-то образом впереди колонны автомашин с автоматчиками 383-й стрелковой оказался артиллерийский дивизион майора И. С. Демченко. Энергичный и инициативный командир, обычно очень удачно выбиравший огневые позиции, на этот раз дал промашку. Он развернул свои орудия прямо на шоссе и закупорил его. Мы с Барахтановым бросились растаскивать пробку. Хотя я давно уже был неравнодушен к этому командиру дивизиона, по тут выдал ему, как говорится, по первое число. Илья Степанович до сих пор помнит тот нагоняй, однако говорит, что обиды у него не было и нет.

Пишу об этом случае не для того, чтобы сказать, что из-за пробки, устроенной Демченко, мы не смогли с ходу ворваться в Ялту. Артиллеристы, видимо, все же не виноваты в нашей неудаче при первой попытке. Просто мне лишний раз хочется показать, насколько сильным было желание людей идти вперед. Надо же, артиллерийский дивизион обогнал моторизованную пехоту!

За высоты, прикрывающие город с востока, завязался упорный бой. Однако он был не столь напряженным, как я ожидал. Подвижные отряды быстро овладели обо-

ронительными позициями противника и ворвались в Ялту. Их наступательный порыв был настолько сильным, что в бой вступили даже саперные подразделения, которые до сих пор лишь обеспечивали движение колонн.

Одновременно с атакой подвижных отрядов 16-го стрелкового корпуса с Ай-Петри на врага обрушился 570-й полк 227-й дивизии (командир подполковник В. А. Александров). Полковнику Г. Н. Преображенскому, комдиву 227-й, удалось с этим полком и отдельным противотанковым дивизионом пробиться к перевалу, и теперь он бил по тылам засевшего в Ялте противника.

Захваченные позже пленные говорили, что выход советских войск к Ялте через Ай-Петри, гору, покрытую снегом и льдом, они считали невозможным и надеялись, что на левом фланге никакой угрозы нет.

За умелое осуществление этого классического маневра и личное мужество Георгий Николаевич Преображенский был удостоен звания Героя Советского Союза. Одновременно он стал генералом.

Сразу после освобождения города меня снова разыскал Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

— Вы были в Массандре, товарищ Провалов? — Климент Ефремович спрашивал об этом с каким-то беспокойством.

— Был, товарищ Маршал Советского Союза.

— И охрану выставили?

— Стрелковый батальон.

Ворошилов удивленно вскинул брови.

Что-нибудь не то? А может, что-то случилось? Но я действительно был у знаменитых подвалов коллекционных вин. Утром 16 апреля навстречу нашим с П. А. Штанхановским машинам бросилась запыхавшаяся, держащаяся за сердце женщина.

— Товарищи командиры, — выдохнула она вместе с трудным дыханием, — спасите!.. Массандру... спасите!.. Взрывают!..

Мы мигом выпрыгнули из машины. Прихватив с собой группу автоматчиков, со всех ног бросились в гору, к строениям Массандры. Впереди бежал начальник политотдела корпуса, уже приготовивший для дела нож. И нож пригодился. Порфирий Александрович вместе с солдатами перерезал множество проводов и детонирующих штуров,

составлявших две взрывные цепи. Автоматчики, прочесав территорию и помещения подвалов, уничтожили и пленили около десятка гитлеровцев, которые не успели закончить свое черное дело.

Оставив здесь Штахановского, я попросил его организовать охрану и разминирование Массандры. Можно для этого взять любой проходящий мимо стрелковый батальон и любую саперную роту. Неужели с Массандрой что-то случилось?

— Дешево вы ее оцениваете, — продолжал между тем Ворошилов, — это — национальное богатство. Это — валюта, которая нам потребуется после войны... Едемте.

Везде уже работали саперы, разминировали подвалы. Взрывчатки туда гитлеровцы заложили больше, чем требовалось, чтобы поднять на воздух все погреба.

— Усильте охрану, — приказал Климент Ефремович, — выделите офицера, который знает «сюрпризы» немецких подрывников.

В это время к городу подходил авангард 16-го стрелкового корпуса — 383-я стрелковая дивизия. Я вызвал генерал-майора В. Я. Горбачева и в присутствии К. Е. Ворошилова поставил задачу соединению: тремя стрелковыми полками организовать охрану и оборону Массандры. На комдива же была возложена и ответственность за ее разминирование. Ворошилову мое решение понравилось.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал он, — теперь мы подошли к делу по-государственному.

Радость, которую все мы испытали, освободив Ялту от немецко-фашистских захватчиков, была омрачена для меня гибелью замечательного человека, командира 244-го танкового полка подполковника Михаила Георгиевича Малышева. Его танк подорвался на минном фугасе.

Малышеву было всего тридцать лет. За короткую свою жизнь он многое успел: окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, в 41-м дрался как командир 127-го отдельного танкового батальона под Москвой, на Голубой линии был начальником штаба 63-й танковой бригады, наконец, в Крыму — командир полка. Михаил Георгиевич в совершенстве владел немецким языком. Богатая, одаренная натура!

И вот вот Михаила Малышева... Командование 244-м танковым полком принял майор Ф. С. Проции.

Прежде чем продолжать наступление, мы произвели перегруппировку сил. Командарм подчинил мне 227-ю дивизию. Два ее стрелковых и артиллерийский полки совершали марш из Симферополя в Бахчисарай. Но 570-й стрелковый подполковника В. А. Александрова и 72-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион находились под рукой, и я назначил их в подвижный отряд корпуса. В этот же отряд снова вошли 244-й танковый полк с 1-м батальоном 1133-го стрелкового полка в качестве десанта, а также 29-й истребительно-противотанковый, 257-й зенитный и 900-й артиллерийские полки. Надо иметь в виду, что после овладения перевалом Байдарские Ворота в корпусной подвижный отряд вольются еще и подразделения 128-й гвардейской горнострелковой дивизии, которые приведет ее командир генерал-майор М. И. Колдубов, то есть 16-й стрелковый корпус после Ялты стал обладать значительными подвижными силами.

Говоря о перегруппировке, необходимо подчеркнуть, что в авангарде главных сил у нас теперь шла 255-я морская стрелковая бригада. Моряки сами попросили об этом. «Севастополь — гордость флота, — сказали их делегаты, — и мы имеем преимущественное право первыми войти в него...»

На некоторое время, когда войска уже пошли к Байдарам, я остался в Ялте. Надо было помочь местным товарищам в организации нормальной жизни. А работы у них было куда как много. Гитлеровцы, уходя из города, сильно разрушили его. Местами, когда пробирался через горы развалин, казалось, что Ялты уже не существует. Сожжены гостиницы «Интурист» и «Ореанда», взорван морской вокзал, уничтожен порт. Перестал существовать прибрежный парк — гордость ялтинцев. От пальм, так украшавших набережную и весь город, остались одни обгорелые пни.

Среди сохранившихся зданий много таких, на которых остались знаки «СС». Еще бы! В Ялту на морские купания приезжали фрау нацистских бонз. И это — когда шла война! Геринг заявил как-то, что «немцы отшлифовали крымскую жемчужину». «Отшлифовали» — до развалин.

Поразбойничал враг и в окрестностях Ялты. Фашисты вырубали большие площади крымских лесов. Редчайшие породы деревьев в Нивском ботаническом саду были пушены под топор. Разграблены бесценные коллекции произведений искусства в дворцах крымских

администрации (Манштейн собственноручно отбирал для себя картины и скульптуры из Ливадийского дворца, из Симферопольского музея). В Воронцовском дворце, что в Алушке, была уничтожена вся богатейшая библиотека. Солдатня Антонеску в корпусах Артека, где до войны жило счастливое пионерское детство нашей страны, кощунственно устроила конюшни.

Но самое ужасающее — массовое истребление советских людей. Жуткие картины представляли перед нашими глазами с самого начала наступления в Крыму. В Аджимусхайском рву — сразу 20 000 загубленных жизней. Освободили Багерово. До войны здесь жило более 600 семей. Осталось 12. В близлежащих каменоломнях укрылось 600 женщин, детей, стариков. Фашисты выгнали их оттуда и расстреляли. В здешнем рву — более 7000 расстрелянных советских граждан.

Гитлеровцы творили свои злодеяния даже в последние часы пребывания в крымских городах и поселках. При отступлении из Старого Крыма они расстреляли и вырезали более 700 местных жителей.

И вот Ялта... Если ехать из этого города, прекрасного в любое время года, в сторону Алушки, на выезде, где дорога летит крутым виражом, справа стоит высотка. Мало кто из нынешних посетителей крымских курортов знает, что на обратных от моря скатах этой высотки весной 1944 года был вырыт ров, в котором немецко-фашистские захватчики хотели скрыть следы своего жестокого преступления. Но им пришлось спешно бежать из Ялты, и палачи еле-еле присыпали свои 15 000 жертв. Некоторые расстрелянные подавали еще признаки жизни. Мы бросили на раскопки этой гигантской могилы стрелковый батальон...

С тяжелыми думами я догонял продвигавшийся к Байдарским Воротам подвижный отряд корпуса. Быстрее! Быстрее! Каждый фашист, который встретится на пути, должен получить нашу пулю. Пощады оккупантам не будет!

Мы овладели Байдарскими Воротами 16 апреля к исходу дня. Подвижный отряд корпуса с ходу ворвался на перевал и смял неприятельский заслон. Однако дальнейшее продвижение резко замедлилось. Дорогу на Севастополь оседлали крупные силы противотанковых средств врага, и мы потеряли здесь 12 танков. И все же к исходу следую-

еще дни передовые части пробивались к Балаклаве и за-
кляли за нее схватку. На рассвете я ввел в бой подошед-
ший авангард главных сил 16-го стрелкового корпуса —
255-ю морскую стрелковую бригаду полковника И. А. Вла-
сова и усиленный батальон 383-й стрелковой дивизии, ко-
торые и решили дело. 18 апреля Балаклава была очищена
от гитлеровцев.

Но дальше нам пробиться не удалось. Западнее горо-
да мощным естественным препятствием стояла цепь ска-
листых высот, которая на севере соединялась с Сапун-го-
рой. Противник, разумеется, хорошо укрепил эти высоты,
и все наши попытки зацепиться за восточные скаты успе-
ха не принесли.

16-й стрелковый подошел к внешнему обводу Севасто-
польского оборонительного района врага. На рубеже этого
же обвода были остановлены как другие корпуса нашей
Приморской армии, так и соединения 51-й и 2-й гвардей-
ской армий 4-го Украинского фронта. Нужно было гото-
вить новую операцию.

Путь от Перекопа и Керчи до Севастополя отмечен за-
мечательными боевыми делами, немеркнущими подвигами
советских воинов. Люди не жалели ни сил, ни самой жиз-
ни, стремясь пробиться к святыне нашего народа — горо-
ду-герою Севастополю. Русские и украинцы, грузины и ар-
мяне, казахи и узбеки, азербайджанцы и таджики с безза-
ветной решимостью шли вперед. Около 1000 солдат,
сержантов и офицеров 16-го стрелкового корпуса получили
высокие награды Родины. За десять дней наступательных
боев советские войска освободили почти весь Крым. Те-
перь необходимо было освободить Севастополь.

Для обороны Севастополя противник подготовил три
оборонительных рубежа, каждый из которых состоял из
двух-трех траншей, отсечных позиций и большого количе-
ства сооружений из земли и камня. Первый оборонитель-
ный рубеж был оборудован в 7—10 километрах от города
и проходил по высотам 192,0, 256,2, горе Сахарная Го-
ловка, восточным скатам Сапун-горы и безымянным высо-
там западнее Балаклавы. Наиболее сильным узлом сопро-
тивления в Севастопольском укрепленном районе была
господствующая над восточными подступами к городу Са-
пун-гора. Противник обвиз ее шестью ярусами траншей,
прикрытых противотанковыми минными полями и обнесен-
ных тремя—четырьмя рядами проволочных заграждений.

Район Севастополя обороняли соединения 49-го и 5-го армейских корпусов 17-й армии врага в составе восьми дивизий (в том числе и румынских), сведенные в боевые группы. Всего на сева­стопольском плацдарме противник имел свыше 72 тысяч солдат и более 200 орудий и минометов, а на укрепленных позициях первой линии находилось до 55 тысяч человек. При общей длине внешнего об­вода обороны противника до 29 километров такое коли­чество позволяло создать плотность до 2000 человек и 65 орудий и минометов на километр фронта.

Командующий немецко-фашистскими войсками в Сева­стопольском укрепленном районе генерал-полковник Аль­мендингер в обращении к войскам писал: «Я получил при­каз защищать каждую пядь сева­стопольского плацдарма. Его значение вы понимаете. Ни одно имя в России не про­износится с большим благоговением, чем Севастополь. Именем фюрера я требую, чтобы все оборонялись в пол­ном смысле этого слова, чтобы никто не отходил... Напо­минаю, что мой приказ о расстреле на месте тех, кто оста­вил свои позиции, сохраняет полную силу».

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования Отдельная Приморская армия 18 апреля была включена в состав 4-го Украинского фронта и переименована в Приморскую армию. Генерал армии А. И. Еременко убыл командовать войсками 2-го Прибалтийского фронта, а Приморскую армию возглавил генерал-лейтенант К. С. Мельник. Вместе с 51-й армией она должна была наносить главный удар фронта по сева­стопольской груп­пировке противника.

По решению командарма прорыв в обороне гитлеров­цев должен был осуществляться силами 3-го горнострел­кового, в командование которым под Севастополем вновь вступил прибывший из госпиталя генерал-майор А. А. Лу­чинский, и 16-го стрелкового корпуса в направлении Ка­рань, высота 119,1, Омега при вспомогательном ударе пра­вым флангом армии в обход Сапун-горы с юга. В ходе выполнения ближайшей задачи предполагалось овладеть рубежом поселок «6-я верста», Джаншиев, в дальнейшем, к ~~исходу~~ первого дня операции, захватив западные сева­стопольские бухты Камышевая и Казачья, во взаимодей­ствии с войсками 51-й армии уничтожить группировку противника в районе Севастополя.

Перед 16-м стрелковым корпусом стояла задача прорвать оборону противника на фронте безымянной высоты (4 километра восточнее Карани), побережье Черного моря и овладеть рубежом стык дорог (1 километр западнее Карани), гора Мраморная. В ходе последующего наступления предстояло овладеть безымянными высотами северо-западнее бывшего Георгиевского монастыря, а к исходу дня выйти к бухтам Камышевая и Казачья.

В целом горно-лесистая местность в полосе наступления 16-го стрелкового корпуса должна была значительно затруднить боевые действия всех родов войск, и особенно танков. Более проходимой она становилась после рубежа Карань, гора Жаябаш.

Против нашего корпуса стояло до четырех батальонов 73-й пехотной дивизии немцев, до пехотного батальона 1-й горнострелковой дивизии румын, 8—10 артиллерийских батарей и дивизион штурмовых орудий.

В первый эшелон корпуса были назначены 83-я и 255-я морские стрелковые бригады, во второй — 383-я и в третий эшелон — 227-я дивизии. 339-я стрелковая вышла в резерв командующего армией. Трехэшелонное построение боевого порядка корпуса вызывалось необходимостью обеспечить своевременное наращивание силы удара по противнику при прорыве его эшелонированной обороны, особенно в случае уплотнения боевых порядков гитлеровцев. Мы имели возможность создать среднюю артиллерийскую плотность до 157 орудий и минометов на километр фронта. Артподготовку планировалось провести в течение полутора часов на всю глубину главной полосы обороны противника.

Войска Приморской армии и входящий в ее состав 16-й стрелковый корпус приступили к подготовке штурма Севастополя. Учитывая насыщенность обороны противника долговременными оборонительными сооружениями, во всех батальонах и полках по опыту прошлых боев были созданы штурмовые группы и отряды различного состава.

Много в этот период мы работали с бойцами штурмовых групп и отрядов. Проводились беседы об особенностях боевых действий в горно-лесистой местности, бывалые солдаты и офицеры передавали молодежи свой боевой опыт. Сильное впечатление производили рассказы участников обороны Севастополя в 1941—1942 годах. А таких людей мы нашли в 83-й и 255-й морских стрелковых бригадах. Например, в эти дни много пришлось выступать

старший лейтенант 1-й статьи Анисиму Щебетовскому из 255-й бригады.

Ключом к Севастополю в полосе наступления 16-го стрелкового корпуса была безымянная высота, прикрывавшая город с юго-востока. Ее опоясывали линии траншей, проволочные заграждения, минные поля. На склонах этой высоты то здесь, то там — доты и дзоты.

27 апреля мне позвонил Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

— Товарищ Провалов, — начал он разговор, — что вы думаете насчет безымянной высоты, которая прикрывает Сапун-гору?

— Братъ думаю, товарищ маршал.

— Правильно, только сделайте это до начала общего наступления. Возьмете — сразу же закрепиться. Да не пожалейте артиллерии. Тогда никто уж оттуда вас не столкнет. Ваша высотка — отмычка к Сапун-горе.

На рассвете штурмовые отряды 383-й дивизии и 255-й морской бригады начали атаку. Противник с безымянной высоты обрушил на них шквал огня, но ничто не смогло остановить наших бойцов. Высота наша. Враг не хотел, конечно, мириться с такой потерей. Многократными контратаками он пытался вернуть безымянную высоту, однако наши войны стояли насмерть.

Старший лейтенант Н. С. Петунин, моряк из 255-й бригады, которого бойцы называли «комендант безымянной высоты», личным примером воодушевлял бойцов.

— Держись, хлопцы! — ободрял он воинов в критические минуты.

И люди держались, отбрасывая гитлеровцев огнем и штыковыми ударами. На помощь морякам из второго эшелона корпуса по моему приказу пришел 1-й батальон 1133-го полка 339-й дивизии. Комбат майор А. И. Геновский со своими людьми, как вихрь, ворвался с левого фланга в боевые порядки гитлеровцев, проводивших очередную контратаку, и начал рукопашную. С вершины высоты в схватку бросилась морская пехота. Фашисты не выдержали такого натиска и в беспорядке отступили.

К сожалению, в бою смертью храбрых пал командир 1-го батальона 1133-го стрелкового полка Артем Иванович Геновский. В этот день московское радио принесло весть, что на Украине нашими войсками освобождена Шпола — родной город комбата. Но Артем Геновский уже не услышал об этом.

В период подготовки к прорыву внешнего обвода Севастопольского района обороны 17-й армии вермахта было улучшено положение и на самом левом фланге корпусного боевого порядка. 27 апреля та же 255-я морская стрелковая бригада во взаимодействии с 694-м полком 383-й стрелковой решительным штурмом овладела фортом юго-западнее Балаклавы. Первым в форт ворвался, обойдя его по балке с тыла, старший лейтенант Шалдуги со своими бойцами. Люди действовали, как никогда, дерзко и стремительно. Скажем, младший сержант Усанов в рукопашной схватке уничтожил трех фашистов, а восьмерых пленил.

Смелый маневр этого подразделения был использован моряками, которые ударили с фронта и, преодолев стены укрепления, обрушились на гарнизон. Большая часть солдат и офицеров врага была уничтожена. Бежать удалось немногим. В крепости осталось 10 орудий и несколько тысяч снарядов. Пушки тотчас были повернуты в сторону противника.

Они хорошо помогли, эти орудия, когда фашисты предприняли контратаку на потерянный ими форт. Да не одну, а три. Но каждый раз немцы откатывались, оставляя на поле боя десятки трупов. Тогда они решили овладеть укреплением ночью, на рассвете. Но и тут просчитались. Рядовой Кранин, тянувший в крепость «нитку» телефонного провода, неожиданно заметил цепи немцев, наступавших на форт. Рядом оказался брошенный немецкий миномет с минами. Кранин не растерялся и открыл из трофейного оружия по фашистам беглый огонь. Сначала мины рвались с недолетом, но потом, когда наш связист, видно, приспособился стрелять, они накрыли боевой порядок гитлеровцев. Заговорили и орудия форта, застучали станковые пулеметы. Атака врага была сорвана.

В ночь на 5 мая в корпусе была произведена предусмотренная планом наступления перегруппировка войск. 383-я стрелковая из первого эшелона была выведена во вторую. Ее участок заняла 83-я морская стрелковая бригада (командир полковник Л. К. Смирнов). 339-я стрелковая ушла в армейский резерв. Артиллерия заняла свои исходные позиции. 83-я и 255-я морские стрелковые бригады заняли исходное положение для атаки на 6 мая. Прорыв начался в минных полях в ночь на 7 мая. Была проведена разведка боем.

Артиллерийская и авиационная подготовка началась в 9 часов утра 7 мая на всем фронте наступления наших войск. В середине ее мы провели демонстрацию атаки. Это позволило уточнить расположение целей в обороне противника.

В 10 часов 30 минут части первого эшелона корпуса пошли на штурм вражеской обороны. Атаку морских пехотинцев поддерживали с воздуха эскадрильи наших штурмовиков Ил-2, а с моря — артиллерия кораблей Черноморского флота. Преодолевая сильное сопротивление противника, моряки ворвались в первую траншею. Жесточайшей была рукопашная схватка. Но враг повержен, и наши цепи уже продвигаются ко второй траншее.

Для развития успеха в 11 часов 30 минут я ввел в бой 383-ю стрелковую дивизию. Наибольший успех выпал на долю 696-го полка, и в частности на его 2-й батальон, которым командовал старший лейтенант Константин Васильевич Ложкин, в будущем Герой Советского Союза. На пути этого подразделения оказалась небольшая высота. Батальон атаковал противника, закрепившегося на ней, но взять высоту не сумел. Тогда комбат, демонстрируя подготовку новой фронтальной атаки, послал для охвата высоты справа и слева две группы. Одну повел старший лейтенант Гринченко, другую — старший лейтенант Чукасов. Когда немцы увидели, что их атакуют с обоих флангов, они спешно начали маневр своими пулеметными расчетами. И вот тут-то комбат поднял людей в атаку с фронта.

Первым на высоту ворвался командир 5-й стрелковой роты старший лейтенант Соловьев, который водрузил на ней красный флаг. И в этот момент храбрый офицер был ранен. Во главе штурмовавших находился и старший лейтенант К. В. Ложкин, и его заместитель по политчасти капитан Степан Карпович Магидов. Замполиту батальона не удалось дойти до вершины. Его сразила фашистская пуля...

Я присутствовал при докладе майора М. Я. Неизвестного, заместителя начальника политотдела 383-й стрелковой дивизии, полковнику П. А. Штахановскому о том, кто отличился при овладении этой высотой. Михаил Яковлевич, который с самого начала ввода дивизии в бой все время находился в 696-м полку подполковника Г. Д. Кельбаса, первым назвал капитана Магидова, погибшего смертью героя. Мы представили Степана Карповича к на-

граждению орденом Отечественной войны I степени посмертно.

И вот много лет спустя после войны — радость! Оказывается, тяжелораненый замполит батальона остался жив. После госпиталя он еще воевал, дошел до фашистской Германии. Демобилизовавшись, много учился. Окончил институт, Высшую партийную школу, был секретарем районного, городского, областного комитетов партии на Смоленщине. Сейчас очень много делает для военно-патриотического воспитания молодежи.

К 15 часам 40 минутам части корпуса полностью очистили от врага юго-западные скаты безымянных высот западнее Балаклавы и высот восточнее горы Каябаш. Противник продолжал упорно сопротивляться и часто контратаковал. В течение второй половины дня 7 мая он предпринял до 10 контратак при поддержке танков и самоходных орудий. Наши бойцы стойко выдерживали бешеный натиск гитлеровцев.

На ведение боевых действий 8 мая 16-му стрелковому корпусу боевая задача была уточнена. Он должен был продолжать наступление и выйти на рубеж стык дорог (1 километр северо-западнее Карани), гора Мраморная и к исходу дня овладеть рубежом высот 119,1, 137,5, Джаншиев. Выполняя поставленную задачу, соединения после короткого огневого налета возобновили наступление, однако вскоре, встреченные массированным огнем из всех видов оружия, вынуждены были остановиться.

В 13 часов 15 минут после сильного артиллерийского и авиационного удара по врагу была введена в бой 227-я стрелковая дивизия. Отразив контратаки противника со стороны горы Мраморной, части корпуса начали продвигаться значительно быстрее.

После массированного артналета по фашистским укреплениям на горе Каябаш 691-й полк 383-й дивизии (командир подполковник Н. И. Грачев) устремился к вершине. Штурмовой отряд в составе 1-го батальона под командованием майора В. И. Ивченко первым пробился к траншее гитлеровцев. Пошли в ход гранаты, жижи, даже малые пехотные лопатки. Наши бойцы умело применяли в схватке свои ППШ.

Немцы попытались контратаковать 691-й стрелковый. Они сосредоточили около батальона пехоты на обратных

скатах высоты. Но в этот момент по вызову подошла скачущая наша пехота и обрушила на этот батальон весь бомбовый и пушечно-пулеметный боезапас. Путь к вершине горы был открыт. Первым водрузил красный флаг на Каябаше сержант Андрей Тезиков. Его тяжело ранило. Но герой все-таки, собрав последние силы, дополз до вершины и укрепил здесь древко с алым стягом. Смерть не смогла помешать отважному сержанту выполнить комсомольское поручение.

Одновременно с овладением горой Каябаш бойцы 83-й морской стрелковой бригады под командованием полковника Леонида Константиновича Смирнова ворвались в Карань. К 20 часам этот населенный пункт был освобожден от гитлеровцев. К исходу 8 мая части корпуса завершили прорыв главной полосы обороны противника.

В течение ночи на 9 мая наступление продолжалось отдельными отрядами в составе усиленных батальонов от вторых эшелонов. Мы снова не давали врагу возможности собраться с силами и закрепиться на промежуточных рубежах.

Взламывая шаг за шагом оборону противника, наши части к рассвету 10 мая вышли на «аварийный рубеж» немцев восточнее мыса Херсонес. Это была 3-я оборонительная позиция фашистов. На ней они должны были прикрывать отход и погрузку своих подразделений в случае прорыва наших войск к Севастополю. Путь к последнему барьеру, под защитой которого немцы рассчитывали вывести свои войска из севастопольской ловушки, отмечен замечательными примерами доблести и боевого почину бойцов.

Когда наши стрелки были остановлены огнем из вражеских дзотов, бронебойщик Воронин решительно выбрался из травы, мешавшей ему прицеливаться, положил ружье на камень и с колена в упор стал бить по амбразурам немецкого дзота. Пулемет умолк. Так, переходя с позиции на позицию, под огнем врага Воронин подавил 5 немецких пулеметов.

Вражеская пушка прямой наводкой была ~~до~~ вашим подразделениям. Тогда старший сержант Дмитрий Страхов обошел немецких артиллеристов с тыла и внезапно обстрелял их. Точными очередями он уничтожил трех гитлеровцев, а четверо подняли руки.

Ударом части сил 383-й стрелковой дивизии с запада и подразделений 255-й бригады морской пехоты с востока сопротивление противника на горе Мраморная было сломлено. Части корпуса начали стремительно продвигаться вперед, широко применяя обходы и охваты.

Части 51-й армии и соседних корпусов Приморской армии решительным штурмом 7 мая выбили противника с Сапун-горы. Штурм Сапун-горы — это волнующая эпопея, в которой проявили свой героизм воины 63-го стрелкового корпуса генерала П. К. Кошевого и 11-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерала С. Е. Рождественского. Под ураганным огнем бойцы штурмовали Сапун-гору. Коммунистам и комсомольцам были вручены красные штурмовые флажки. Пал флажок из рук раненого бойца, но древко тут же подхватывал его товарищ, и снова алое полотнище реяло впереди, звало на подвиг, на выполнение поставленной задачи. В то же время воины 2-й гвардейской армии решительным штурмом громили гитлеровцев на каменистых скатах Бельбекского укрепленного района. 8 мая была прорвана вражеская оборона на рубеже Мекензиевых гор. К утру следующего дня передовые части 2-й гвардейской армии вышли на высоты севернее Севастополя и с боями продвигались к Северной бухте. Сопротивление немецко-фашистских войск было сломлено. Согласованными ударами с севера, востока и юго-востока войска 4-го Украинского фронта во взаимодействии с кораблями Черноморского флота 9 мая разгромили врага и овладели Севастополем. Над городом взвилось Красное знамя.

10 мая по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении Севастополя, а через несколько минут Москва салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта 24 залпами из 324 орудий.

В приказе говорилось:

«Войска 4-го Украинского фронта при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии в результате трехдневных наступательных боев прорвали сильно укрепленную оборону немцев, состоящую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и всего за несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море — городом Севастополь».

Тем самым ликвидирован последний очаг сопротивления немцев в Крыму. Крым полностью очищен от нацистских захватчиков».

В этот день, 10 мая, «Правда» писала: «Здравствуй, родной Севастополь, любимый город советского народа, герой-герой, город-богатырь! Радостно приветствует тебя вся Советская страна».

Остатки немецко-фашистских войск бежали на мыс Херсонес, где сосредоточилось несколько десятков тысяч немецких солдат и офицеров, выбитых из Севастополя. Противник опирался на заранее подготовленные мощные оборонительные сооружения, оказывал отчаянное сопротивление натиску наших частей, пытаясь обеспечить планомерную эвакуацию морем остатков своих разгромленных полчищ. На оборонительном валу немцы создали двухъярусную систему огня — траншеи впереди и на гребне. Перед траншеями были построены сплошные проволочные заграждения, за валом, в районе безымянной высоты, и западнее, на мысу, было расположено 10 артбатарея, минометы и метательные аппараты. Местность перед валом была открытая. Преодолеть эти укрепления с ходу не удалось.

Ночью и днем 11 мая части корпуса готовились к решительному штурму оборонительного вала. К исходу суток в районе бывшего Георгиевского монастыря сосредоточилась 32-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Н. К. Закуренькова, которая вошла в оперативное подчинение командиру 16-го стрелкового корпуса. Я решила для ликвидации херсонесской группировки боевой порядок корпуса построить следующим образом: 1-й эшелон — 383-я стрелковая и 32-я гвардейская стрелковая дивизии, 2-й эшелон — 227-я стрелковая дивизия и 83-я морская стрелковая бригада, в резерве — 255-я морская стрелковая бригада. На правом фланге боевого порядка действовал оперативно подчиненный мне передовой отряд 19-го танкового корпуса.

В ночь на 12 мая нами велась активная разведка. Артиллеристы выдвинули орудия для стрельбы прямой наводкой и начали разрушать вражеские укрепления, проламывать проходы в проволочных заграждениях.

Под покровом темноты штурмовые отряды 383-й и 32-й гвардейской дивизий и передовой отряд 19-го

Корпуса внезапно атаковали гитлеровцев и пробили узкие коридоры в их обороне. За ними на штурм устремились главные силы корпуса. Неотступно преследуя отступающих фашистов, к 7 часам утра 12 мая наши войны достигли перешейка мыса Херсонес. На этот последний клочок крымской земли немцы стянули всю уцелевшую технику. Они глубоко зарылись в землю, создали перед передним краем плотную огневую завесу.

Но ничто уже не могло остановить наших людей. Не было уже такой силы.

Вот увлекает за собой бойцов заместитель командира 3-го батальона 696-го полка 383-й дивизии капитан Бузулуков. Раньше всех политработник врывается в траншею и беспощадно огнем из автомата, прикладом бьет оккупантов. Капитан и сам погибает от фашистской пули, но его боевые друзья уже на валу, уже в траншее, и страшной была их месть за павшего замполита.

Красноармеец Седельников оказался лицом к лицу с гитлеровским офицером, который уже поднял свой пистолет. Но выпад нашего бойца был быстрее, чем пуля обер-лейтенанта. Штык русской трехлинейки вошел в грудь фашиста прямо под Железным крестом.

Подразделения корпуса решительной атакой с ходу прорвались сквозь вражеские укрепления на перешейке. Более 20 000 вражеских солдат и офицеров были прижаты к морю и отрезаны от причалов и плавсредств. Корабли и авиация Черноморского флота не допустили фашистские суда к берегам Херсонеса. Гитлеровцы, видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, сотнями, тысячами стали сдаваться в плен.

Надо сказать, что некоторые фашистские офицеры, и таких было немало, попытались даже прикидываться мертвыми. На что рассчитывали, трудно сказать. Но такое было. Когда наши наступающие подразделения удалялись, эти «убитые», крадучись, пробирались почему-то в сторону Балаклавы. Сходились в группы до 15—16 душ. Если на своем пути видели русского солдата, обходили его стороной. Однако не всегда это им удавалось.

Помню, что именно такая группа «мертвенцев» вышла на писаря строевой части штаба 691-го стрелкового полка сержанта П. А. Стрюкова, который с двумя подводами, нагруженными документами, догонял своих. Немецкие офицеры сначала подняли руки, но тут же кто-то из них

привал гранату. Сержант не растерялся. На его телеге находился трофейный пулемет МГ-34, который Стрюков подобрал у бывшего Георгиевского монастыря. Наш командир метнулся с ним на землю, залег и открыл огонь. Вся группа из 9 гитлеровцев была уничтожена.

К 10 часам Херсонес был полностью занят нашими войсками, остатки разгромленной группировки врага сложили оружие.

Уже смолкли последние выстрелы, когда с моря послышалось гудение моторов и над мысом показался немецкий самолет Ю-52. Полковник Миллер прилетел за командующим 5-м армейским корпусом генерал-лейтенантом Бёмэ и офицерами штаба. Но генерал и офицеры уже были в наших руках. Коротко допросив их, я сказал:

— Господин генерал! Мы знакомы с вами давно. Вы охотились за мной на Миусе и в предгорьях Кавказа, я бил вас на Кубани и в Крыму. Самолет, прилетевший за вами, останется у нас как трофей. Вы улетите на советском самолете, только не в Румынию, а в Москву. Там вам будет предоставлена возможность подумать о том, к чему привел вас и всю Германию фашизм, которому вы так усердно служили...

Да, генерал-лейтенанту Герману Бёмэ было о чем подумать. Солдаты его дивизии в свое время первыми вступили в Париж и под звуки оркестра прошли под Триумфальной аркой. Генерал Бёмэ вместе с Гитлером поставил свою подпись под актом капитуляции Франции. Получив из рук фюрера Золотой крест, он вышел из музейного вагона маршала Фона, стоявшего в Компьерском лесу, победителем, с высоко поднятой головой. А здесь, на Херсонесе, он выбрался из блиндажа, обросший щетиной, с низко опущенной головой.

— Везите его в штаб армии, — сказал я офицеру штаба корпуса. И под дулами советских автоматов Бёмэ пошатал мимо трупов своих солдат к машине...

Так закончилась 12 мая 1944 года битва за Крым. В горных долинах и широких степях Крымского полуострова потерпел крах еще один оперативно-стратегический план Гитлера. Потеря Крыма обвалила важный

фланг фронта врага. Мы вернули советской авиации и нашим кораблям возможность контролировать вражеские коммуникации во всем западном бассейне Черного моря.

В ходе боев за освобождение Крыма было разгромлено 12 дивизий противника. 100 тысяч солдат и офицеров немецко-фашистской армии было взято в плен или уничтожено. В руках советских войск оказалась почти вся боевая техника врага. Кроме того, Черноморский флот во взаимодействии с авиацией потопил большое количество кораблей и транспортов противника с войсками и техникой. Это была выдающаяся победа Советских Вооруженных Сил. Немецко-фашистские полчища в 1941—1942 годах в течение 250 дней пытались овладеть Севастополем и вошли в него лишь тогда, когда защитники города оставили его по приказу Верховного Главнокомандования. В 1944 году советским войскам понадобилось всего 35 дней, чтобы взломать вражескую оборону, вернуть Родине Крым и освободить Севастополь.

Разгром гитлеровцев в Крыму означал ликвидацию последнего крупного плацдарма, с которого немецко-фашистские дивизии угрожали тылу советских войск. Резко изменилась стратегическая обстановка на Черноморском театре военных действий. Военно-Морской Флот получил прекрасную базу и смог занять более выгодные позиции для участия в боевых действиях Красной Армии на Балканах.

Высвободившиеся войска 4-го Украинского фронта были направлены на другие участки борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Полки и дивизии уходили из Крыма с почетными наименованиями Керченских, Сивашских, Феодосийских, Перекопских, Ялтинских, Симферопольских, Евпаторийских и Севастопольских. 126 воинов 4-го Украинского фронта были удостоены звания Героя Советского Союза, и я, скажу по правде, очень горжусь, что в это число вошло более трех десятков бойцов, командиров и политработников 16-го стрелкового корпуса. С ним мне приходилось расставаться. Я получил назначение на 3-й Белорусский фронт, который готовился к освобождению Белоруссии — к стратегической наступательной операции «Багратион».

Перед вылетом в Смоленск я заехал попрощаться с Севастополем. Он лежал в развалинах, по улицам уже разбирали их. И во исхудавших лицах людей, пе-

реживших фашистскую неволю, горели улыбки. Яркие, как севастопольский май.

Они восстановят свой любимый город. И не забудут тех, кто освобождал его. Для потомков они оставят золотом написанные, но святой кровью обогранные заповедные стихотворные строки:

Слава вам, храбрые!
Слава, бесстрашные!
Вечную славу поет вам народ.
Доблестно жившие,
Смерть победившие,
Память о вас никогда не умрет!

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Из шахт — в боевой строй!	3
Боевое крещение	20
Огненные рубежи	45
Ни шагу назад!	70
Через испытания сорок второго	119
В обороне Кавказа	165
На переломе	202
Тамань	246
Дни и ночи керченского плацдарма	270
Нас ждет Севастополь	307

Константин Иванович Провалов

В ОГНЕ ПЕРЕДОВЫХ ЛИНИЙ

Редактор *В. А. Откидач*
Художник *Г. С. Богачев*
Художественный редактор *И. И. Карпиков*
Технический редактор *Ю. Н. Чистякова*
Корректор *С. З. Михайлина*

ИБ № 957

Сдано в набор 27.12.79. Подписано в печать 02.09.80. Г-30712.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2.
Гарн. обычн. нов. Печать высокая.
Печ. л. II Усл. печ. л. 18,48+2 вкл. 1/8 печ. л.
1,85 усл. печ. л., уч. изд. л. 20,555.
Тираж 65 000 экз. Цена 1 р. 60 к.
Изд. № 3/4114 Зак. 330

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103096, Москва, К-6, проезд Сибирцова-Степанова, дом. 3

А. И. Еременко

А. А. Гречко

В. Я. Колпакчи

Группа участников совещания боевого актива 383-й стрелковой дивизии.
Красный Луч, март 1942 г.

П. М. Соломко

Н. К. Закуренов

М. С. Корпяк

П. И. Игнатенко (справа) и И. И. Замкин

Ф. В. Камков

К. Н. Леселидзе

К. С. Мельник

К. Е. Ворошилов, Г. Н. Холостяков и И. Е. Петров перед началом Керченско-Эльтигенской операции

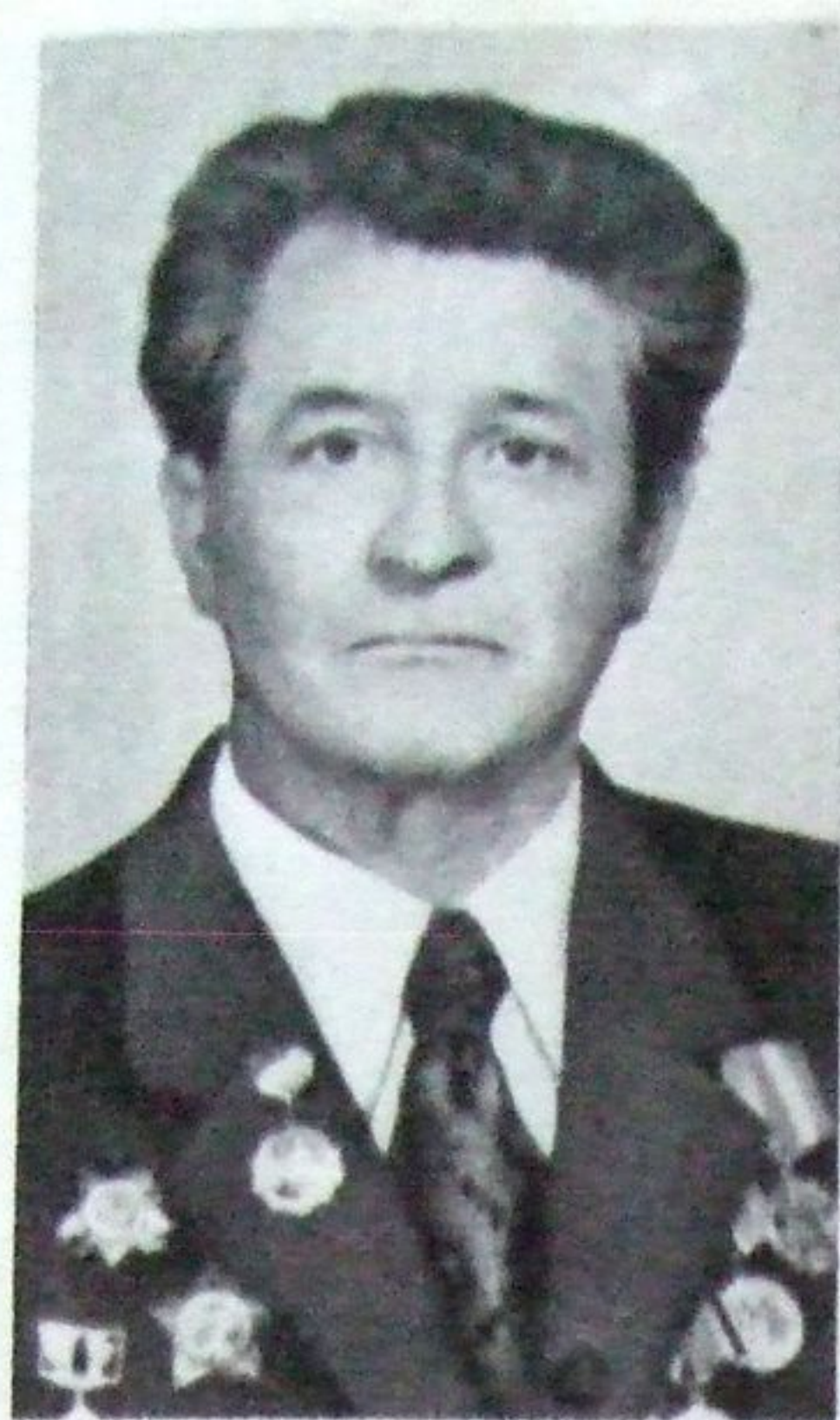

Под Севастополем

Встреча женщин-ветеранов 383-й стрелковой дивизии в Донецке

И. М. Черных

И. М. Русанов

В. В. Ифтаев

Перед освобождением Севастополя. На КП 16-го стрелкового корпуса прибыли начальник штаба 4-го Украинского фронта генерал-лейтенант С. С. Бирюзов (справа) и К. С. Мельник

Перед форсированием Керченского пролива. Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко утверждает решение командарма. На переднем плане — И. Е. Петров

В. М. Твалабейшвили

Ф. Д. Шевченко

С. К. Магидов

Справа налево: И. В. Скакуненко, Н. И. Куликов и Я. Г. Бобрушкин

Голубая линия. Вот что осталось от немецкого шестиствольного миномета

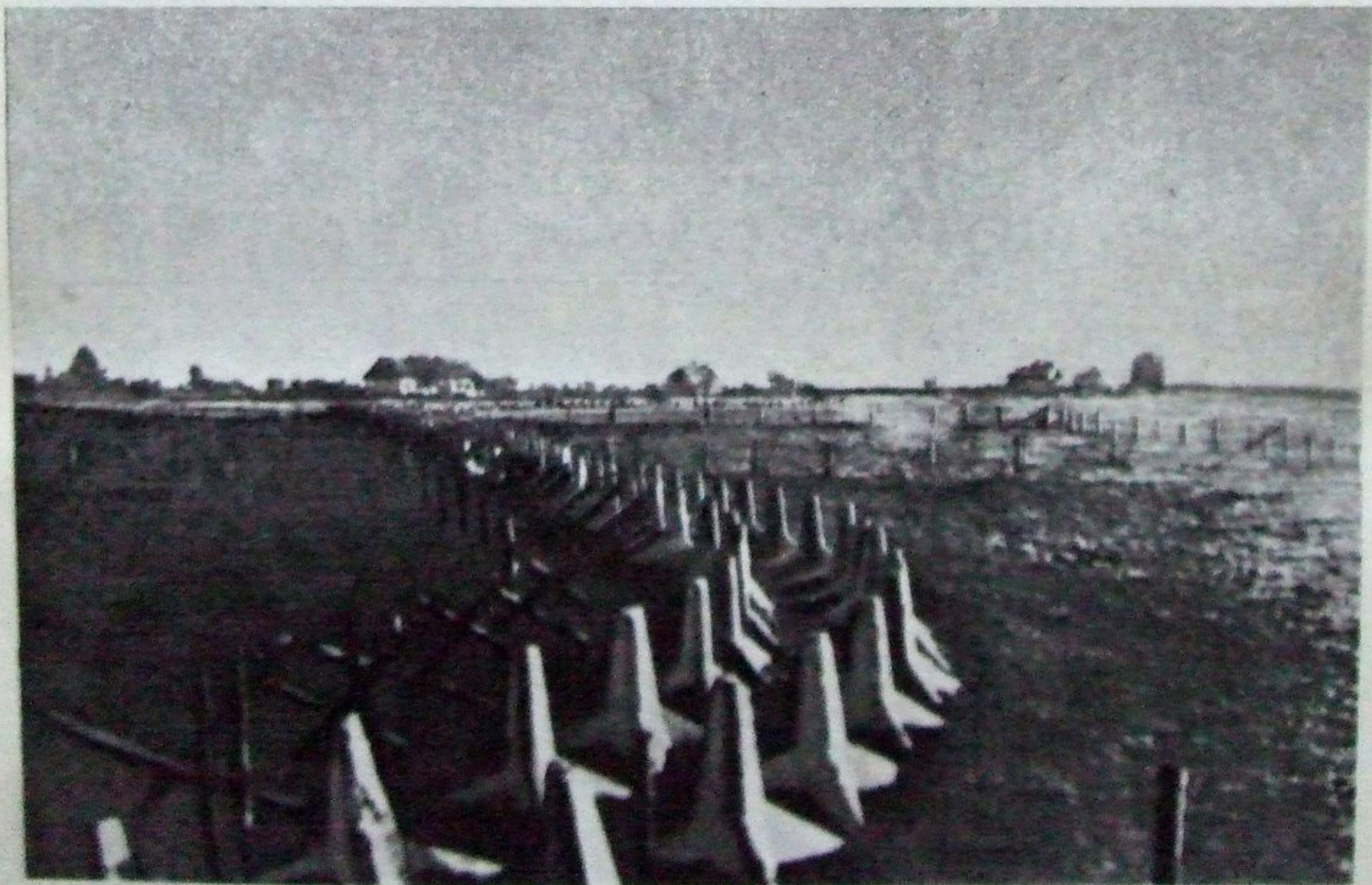
Е. А. Янушкевич
(Владимирова)

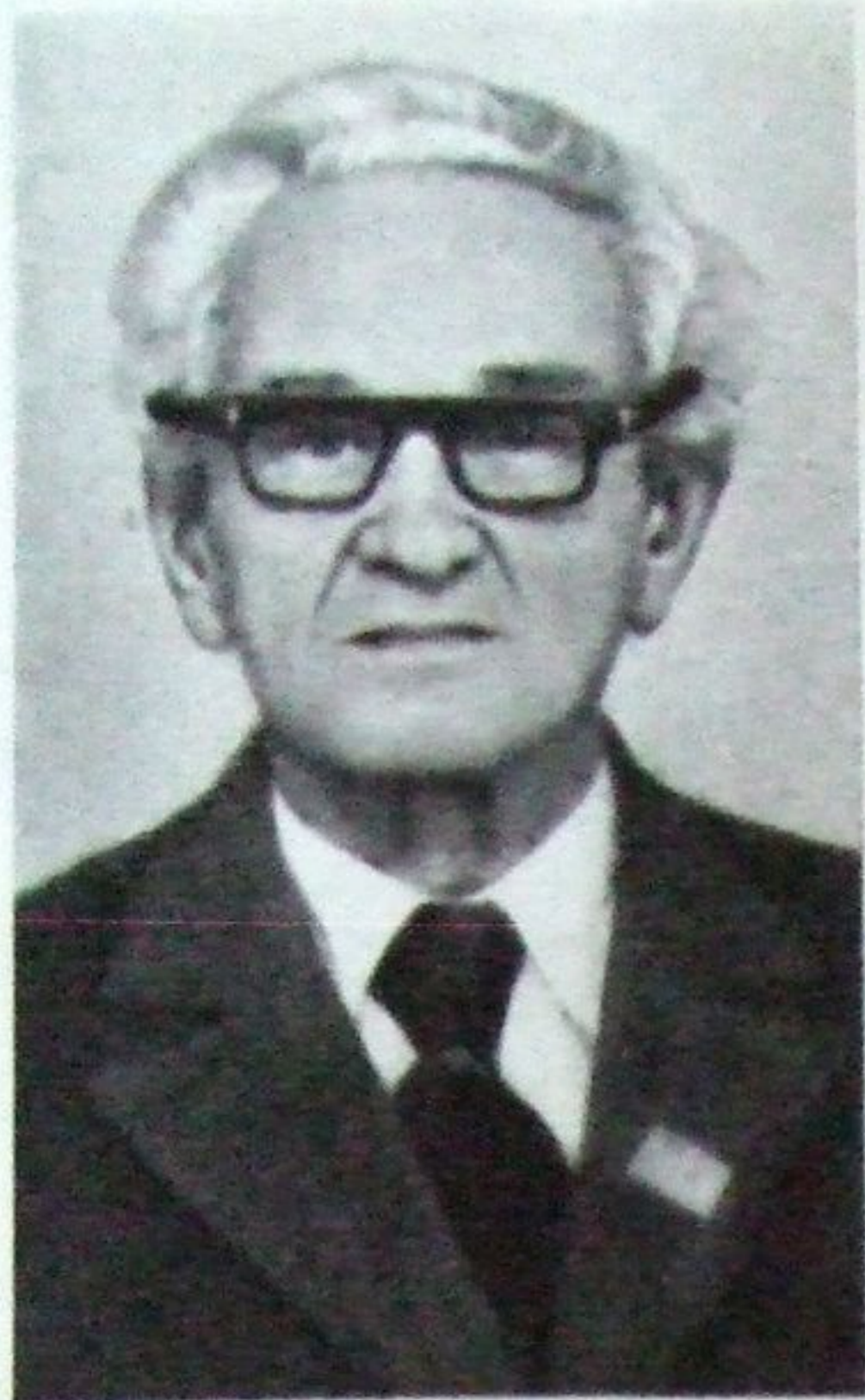
Д. К. Бондаренко

Н. С. Теплов

Вот такие немецкие укрепления пришлось преодолевать под Крымской

В. И. Мальцев

Николай Лежнев

В. П. Исаченко

Совещание командиров полков и офицеров управления дивизии перед последним штурмом станицы Крымской

Начальник политотдела 18-й армии Л. И. Брежнев (сидит крайний справа) и начальник политотдела 16-го стрелкового корпуса П. А. Штахановский (сидит в центре) среди политработников 107-й отдельной стрелковой бригады

Слева направо: В. Т. Устинов, Д. А. Фалин и Н. Ф. Михайлов

Северо-восточнее Туапсе. Раненых вывозили вот так — на конных волокушах

В. К. Рыжов

Г. Ф. Малидовский

М. В. Подавильников

Политотдельцы сдают зачет по минометному вооружению

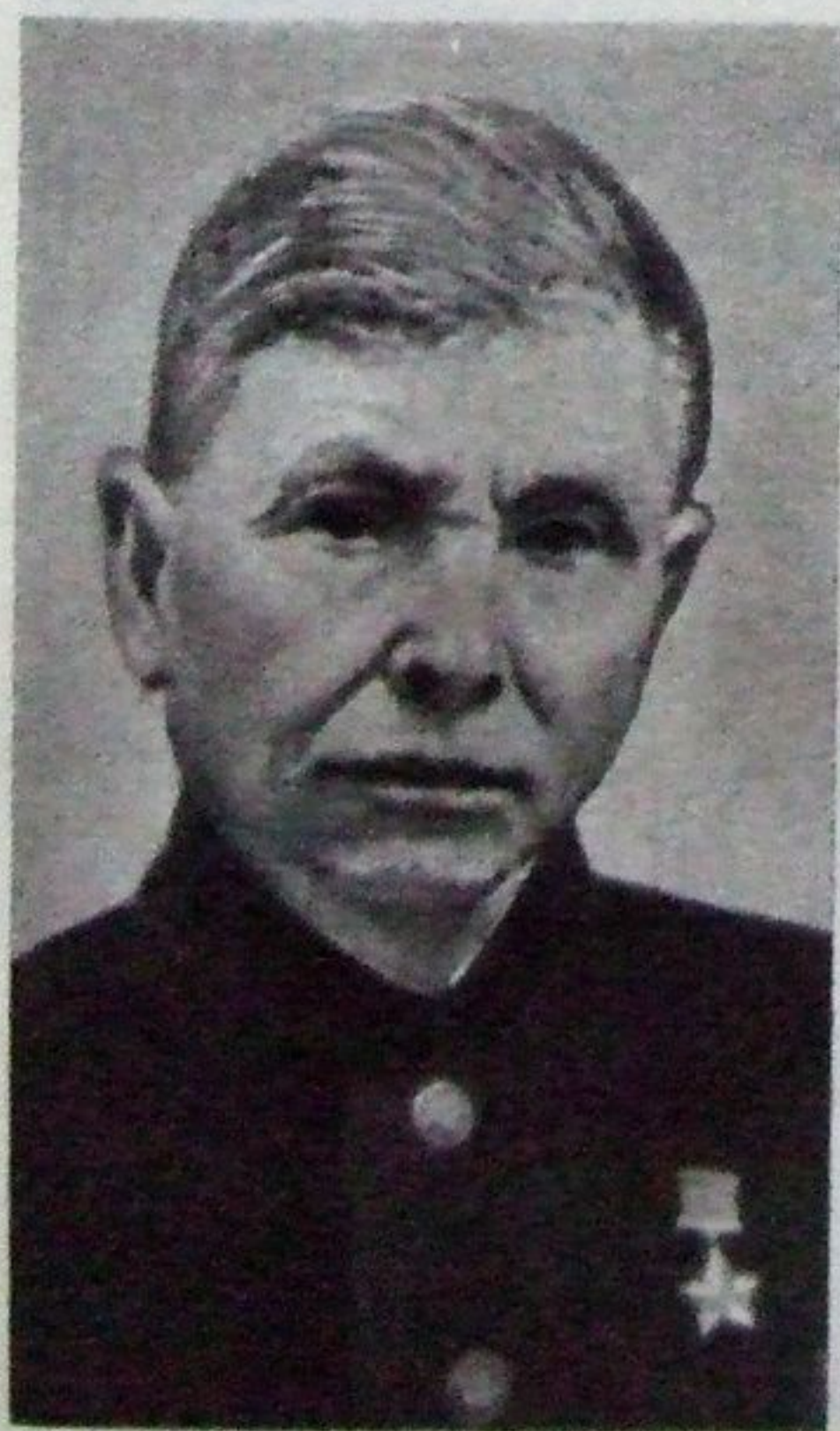
Д. А. Челядинов

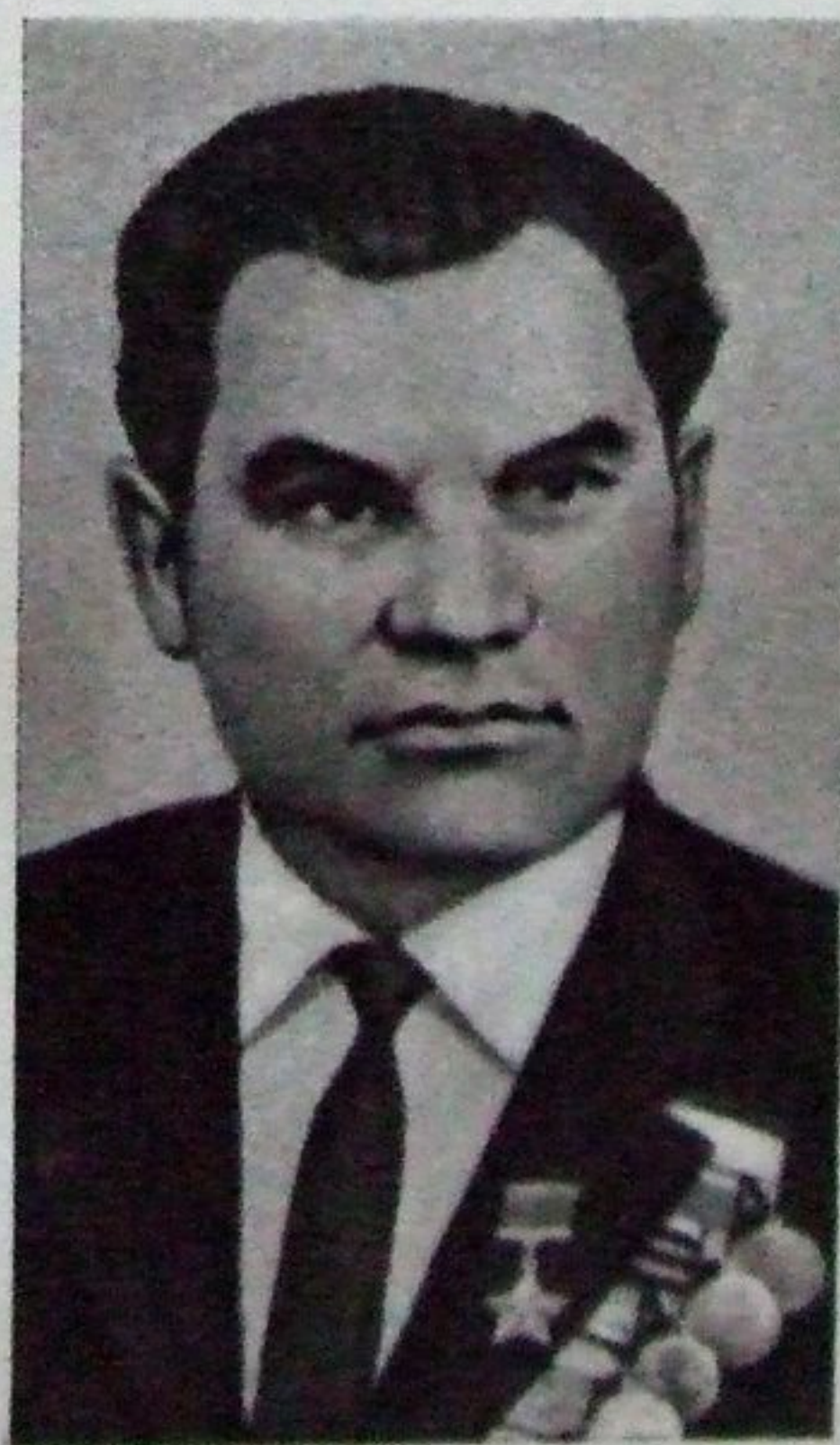
И. Я. Яковенко

Н. В. Васильев

И. П. Губанов

К. Я. Лаптев

К. В. Ложкин

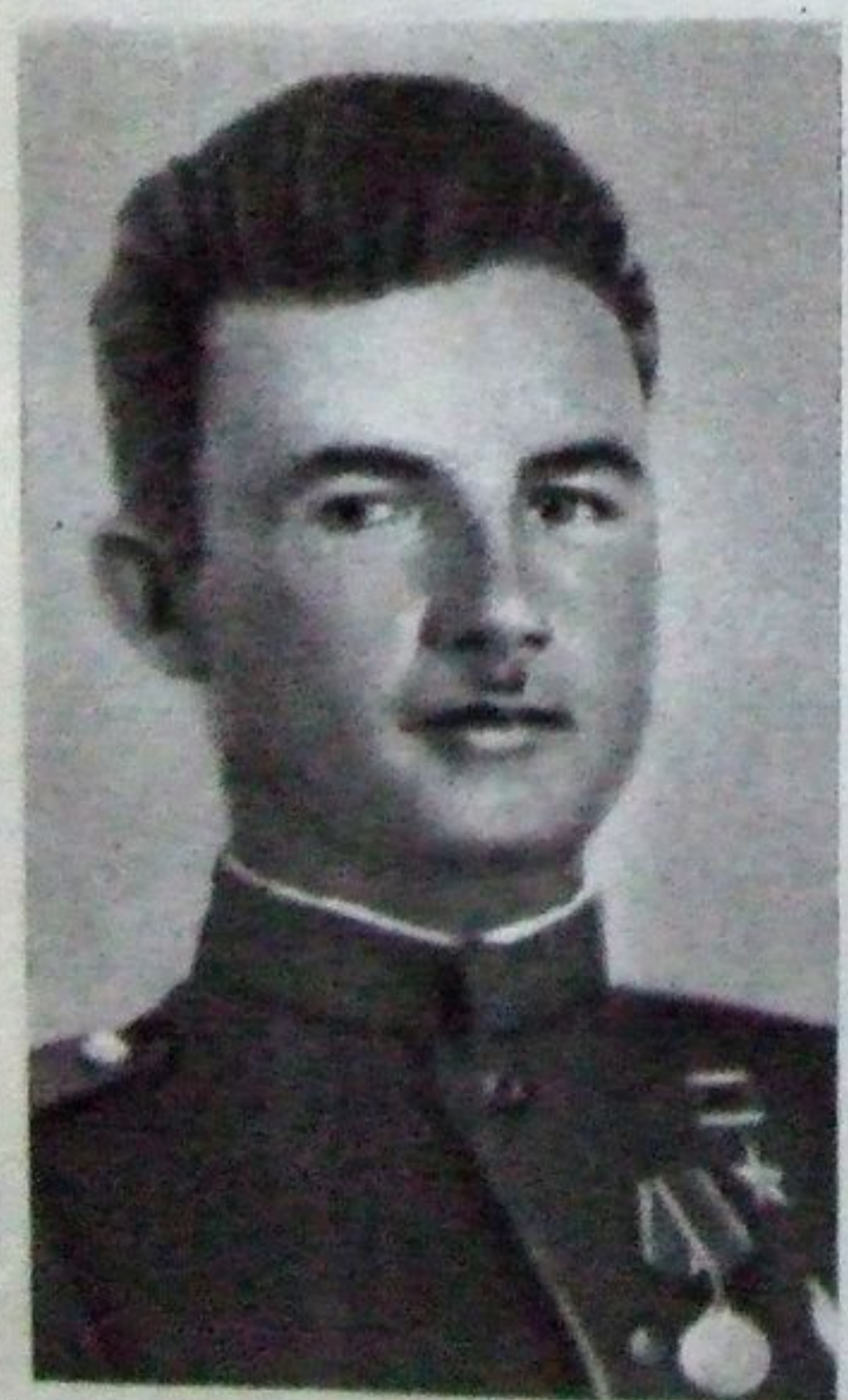
Н. Т. Гнилицкая

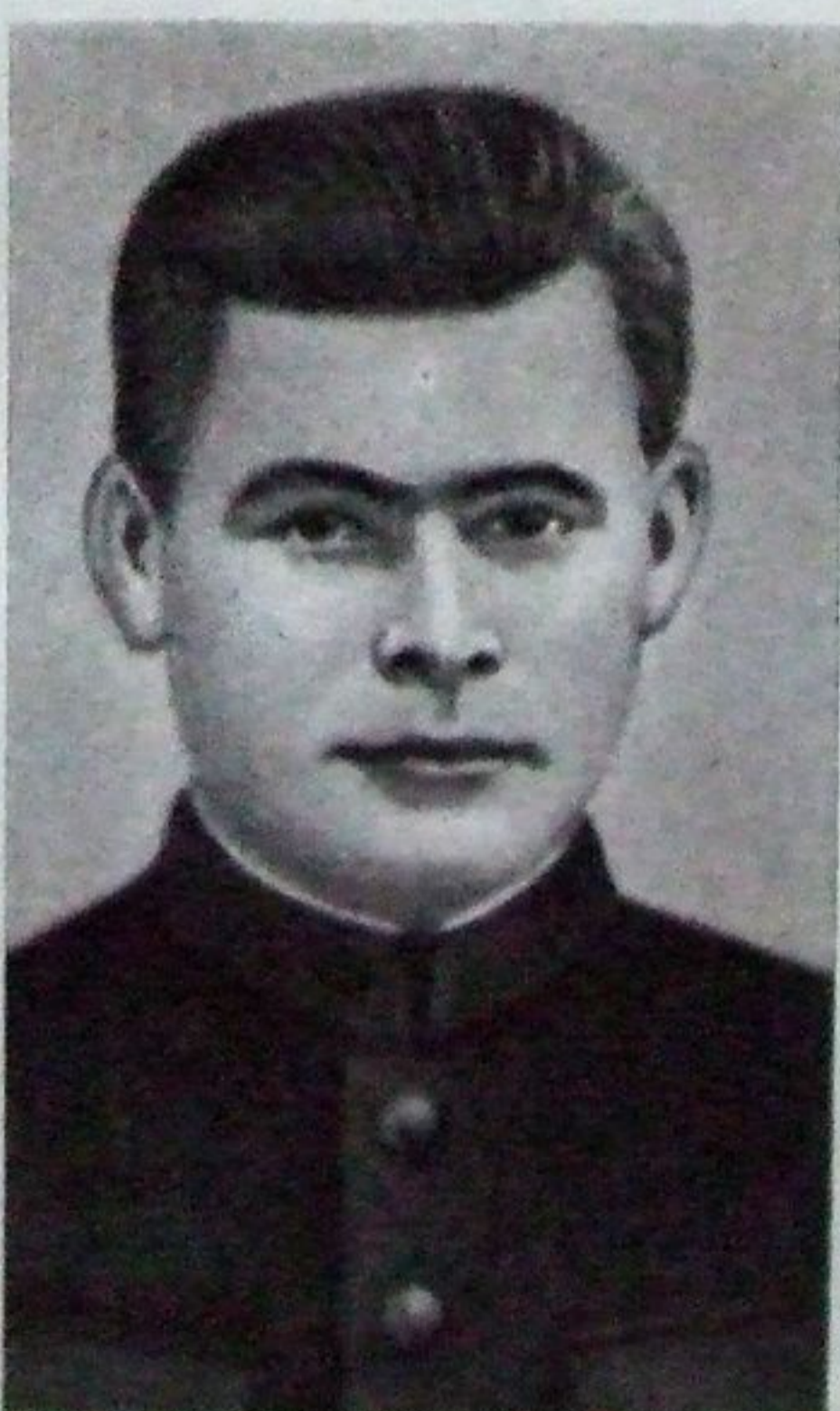
С. В. Суворов

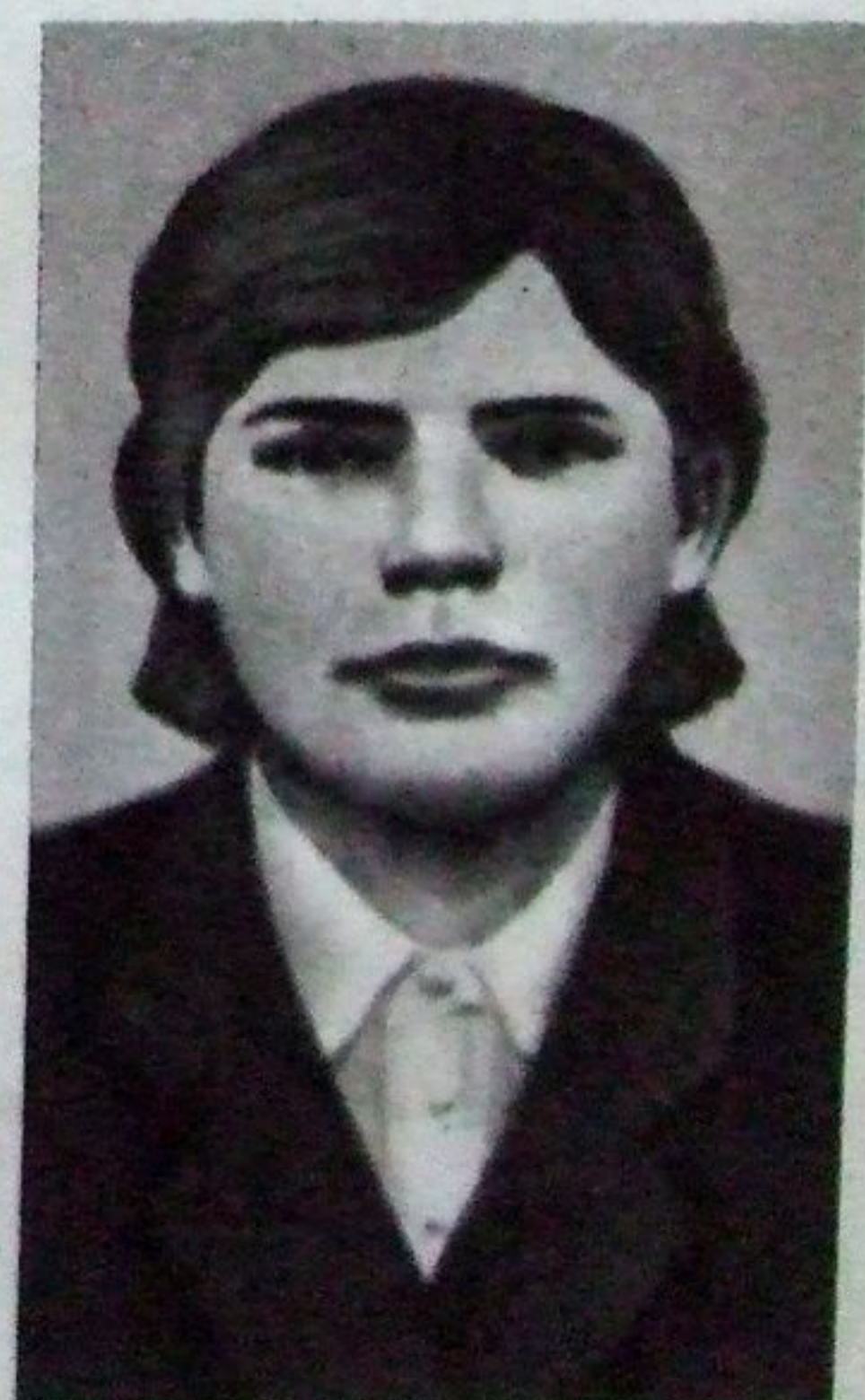
В. П. Бондаренко

Ю. М. Быков

В. М. Егоров

Т. И. Костырина

М. И. Романов

И. А. Крючков

С. А. Железный

Работницы медсанбата 383-й стрелковой дивизии (слева направо):
С. Швецова, И. Наймарк и Е. Шунтовая

С. И. Морозов

В. Б. Борсоев

И. А. Шевченко

Вручение награды Д. И. Мельникову

И. И. Сцепуро

А. К. Руцинский

К. С. Тараканов

Группа работников политотдела 383-й стрелковой дивизии. В центре — М. И. Куликов

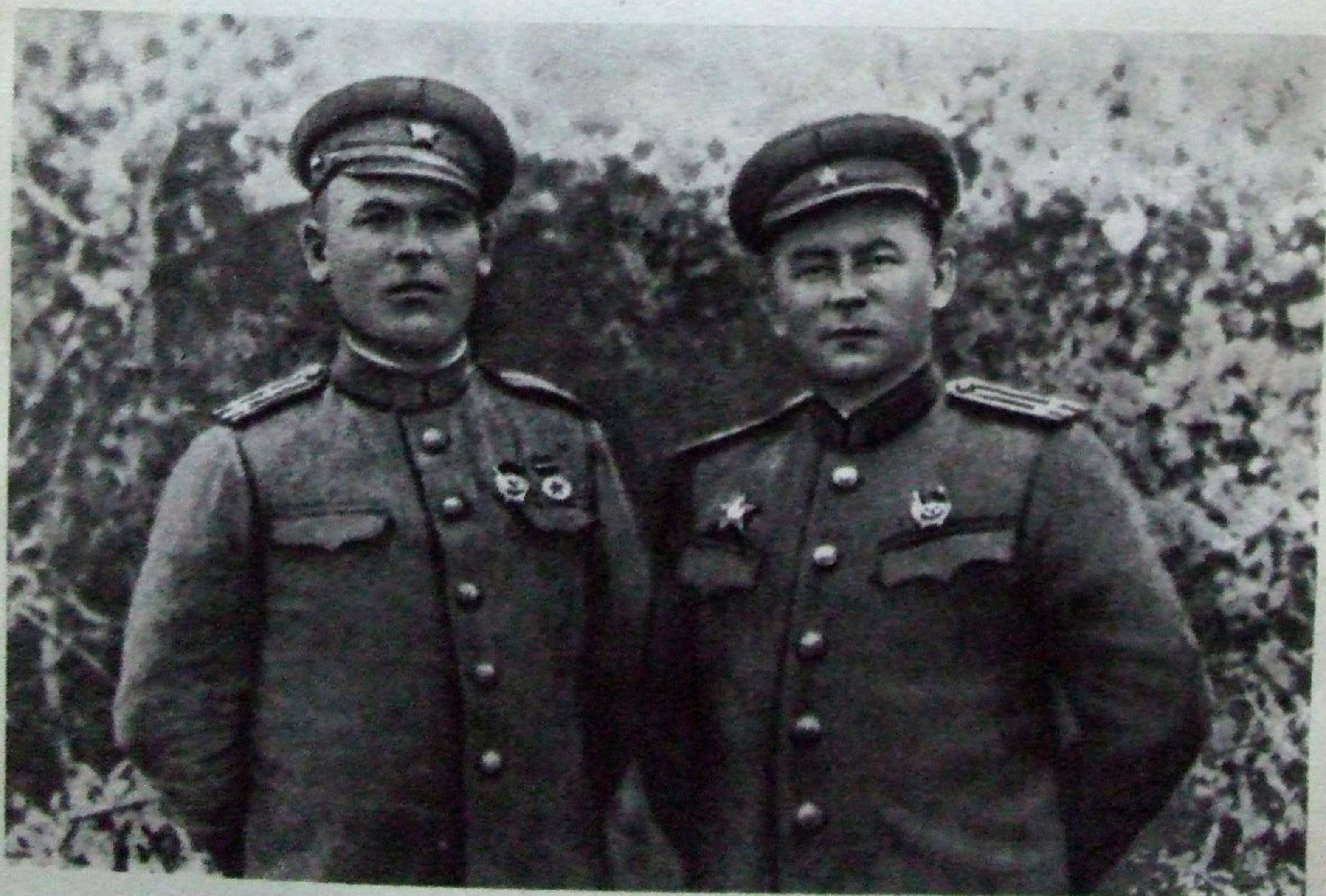
Ш. И. Кипиани

И. Н. Полевик

Г. Д. Кельбас

Т. С. Кулаков (слева) и Н. А. Бойко

